

АНДРЕЙ БОЛОТОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОБЛИНА 3:
ПЛОДЫ МЕСТИ

Грядущее туманно как никогда. Над миром сгущаются тучи, а древние пророчества указывают на скорый конец света. Предание гласит, что полностью собранный божественный посох способен остановить неизбежное. Гарб торопится освободить богиню из заточения, пока не стало слишком поздно.

Вот только, все ли друзья остались друзьями, а враги врагами? Да и в самой миссии, кажется, есть какой-то подвох.

Часть 1: Бухта семи ветров. Глава 1

Если вы пожелаете пересечь Лунное море на корабле, но пожалеете денег на охрану, приготовьтесь к неминуемому abordажу. Во время нападения не сопротивляйтесь и просто отдайте все ценности.

Гномий путеводитель

Кадзи приходит в начале лета и дует без остановки почти неделю. Он ерошит волосы, раздувает паруса, струнами натягивает нервы и крепежные канаты. Кожа от него нестерпимо чешется. Если матросы в такие дни затевают тайком от боцмана и старпома игру в карты, то она почти непременно заканчивается мордобоем, а то и поножовщиной. Название его восходит к народу, известному только из легенд. Местные жители знают, что с Кадзи шутки плохи. Он не только может сжечь своим горячим дыханием посевы на корню, но и приносит с собой лихорадку, от которой не каждый может оправиться.

Другой ветер называется Шимун. Он несет с собой обездвиживающую духоту и пыль цвета охры, застилающую небо до самого горизонта. Это нагретый воздух вместе с песком пустыни, находящейся в глубине материка на южном побережье Лунного моря. Рот и глотка пересыхают мгновенно, и утолить возникающую жажду практически невозможно. Такой ветер отравлен, и нет от него спасения. Душегубка может длиться часами или даже днями. Дня через три он выпадает кровавым дождем, и жара прекращается, как по мановению волшебной палочки.

Сила третьего ветра — Окуто — столь велика, что он опрокидывает хорошие устойчивые корабли, если у капитана недостает ума, а у экипажа сноровки вовремя развернуть свое судно правильным галсом. Прилетает Окуто редко, но легко ломает стены, сложенные из крепкого гномьего кирпича, и швыряет на землю одиноко бредущих по улицам прохожих. Был случай, когда он сорвал крышу с одной из башен дворца и играючи отшвырнул ее в сторону на целых шестьсот тридцать два фута и три дюйма, как уверяли королевские землемеры. Благо в тот раз никто не пострадал. Начинается он в окрестных горах. Местные знают, что как только вокруг вершин образовалась «борода» из облаков — жди беды. Вот и наблюдают всю осень за горными пиками. Телеги и возы при виде такой бороды сразу заполняют камнями, чтобы их не унесло ветром.

Теплый весенний ветер Сатцу — самый добрый и ласковый. Он дует не слишком сильно и приносит с собой лишь немного влаги. Ровно столько, чтобы сады вокруг расцвели и зазеленели. Все любят Сатцу.

Аттакай — пятый ветер приходит в середине зимы. Он настолько теплый, что буквально слизывает сугробы. За день Аттакая уходит до фута снежного покрова, и это приводит к большой грязи. Дороги раскисают, а в воздухе начинает пахнуть весной. Аттакай обманчив. Стоит ему уйти, как холода возвращаются, и жителям острова снова приходится кутаться в теплые одеяла перед очагами, чтобы согреться по ночам.

Мисуто дует в конце зимы. Приходит он с северо-запада, со свистом унося прочь снежные тучи. Небо становится удивительного голубого цвета, и в такие моменты можно увидеть противоположный берег пролива, находящийся в ста милях. Еще этот ветер зовут пожирателем грязи. Он такой сухой, что высушивает сточные канавы и очищает воздух от печной гари и копоти. Он даже почитается жителями бухты как полезный для здоровья.

Еще летом приходят разрушительные ураганы, называемые столпами. Эти змеящиеся по воде колонны зарождаются на море и возносятся до самого неба. Такой столбик сметает все на своем пути, и только глупец не пытается бежать от него прочь.

Обитатели побережья в бухте семи ветров на острове Мирас могли бы даже похвастаться местом жительства, если бы не постоянные порывы стихии. Климат тут относительно мягкий, а природные богатства значительны. Впрочем, непостоянство природы закалило минотавров и гномов-мультиблов, живущих здесь бок о бок, и наложило отпечаток на культуру и даже лица. В бухте редко улыбаются и разговаривают короткими отрывистыми фразами, считая, что рот нужно раскрывать только по делу, чтобы ветром не занесло в него какую-нибудь гадость. Зато если уж улыбаются, то делают это совершенно искренне.

Кроме ветра, постоянной здесь считается угроза вторжения со стороны соседей с материка и других островов, разбросанных по морю тут и там. Такого рода постоянство сделало из аборигенов закаленных воинов. Здесь все от мала до велика умеют обращаться с оружием, парусами и веслами. Все местные давно заслужили репутацию безжалостных убийц, отвечая на вторжения опустошительными набегами и заставляя считаться с островным королевством даже самые сильные заморские страны.

Для местных гномов и, в особенности, минотавров дороже всего на свете честь, воинское братство и презрение к смерти. И лишь исключительное высокомерие аборигенов не позволяет им завести друзей среди других народов со схожим видением мира.

Матрос указывал коротким мясистым пальцем на одинокую фигурку человека, неподвижно сидящую на песке.

— Слева по борту еще один на острове! — заорал он так, чтобы его точно услышали в рубке.

Цепь островков здесь всегда была необитаемой, так что драки не предвиделось. Удачное начало рейда. Вторая жертва, как и первая, сама охотно взойдет на борт. Подумает, что пришло спасение, так что скрутить будет несложно. Трюм сутками ранее уже пополнился чересчур странным и высоким гоблином. Тот все бредил про каких-то друзей, пока ему пасть не заткнули. Уж не гоблинский ли это приятель на бережке? Вряд ли. У этого подлого народца друзей и среди своих-то не бывает. Предают мерзавцы при первой возможности. На берегу типчик явно человеческих кровей и, кажись, монах. Такой точно с гоблином водиться не станет.

— Паруса долой! Спустить якорь! Шлюпку на воду! — тут же принялся отдавать команды шкипер.

Крепко сбитый седой мультибл весь в наколках отличался от остальной команды роскошными красными широкими шароварами и распахнутой на волосатой груди белой рубахой. В таких щегольских штанах лазать по вантам и работать с такелажом неудобно, так по статусу и не нужно. Зато положено обязательно отличаться от простой матросни.

Периодически шкипер от волнения потирал ладонью широкий мясистый нос, дергал себя за бакенбарды или поправлял треугольную шляпу с нашитыми на тулью золотыми галунами. Эти головные уборы недавно вошли в моду и неплохо защищали от солнца. Стоили только невыносимо дорого.

За людей обычно платят золотишком. Они хоть и не такие выносливые, как орки, зато куда покорнее, если хорошенько всыпать плетей. Так что с этим хотя бы понятно, что можно

сделать. Гоблина вряд ли кто купит — слишком большой. И риск, и сам уродец. Разве только показывать его на ярмарках на потеху честному народу. Впрочем, фрахтователь заперся с ним в трюме и со вчерашнего дня не выходит. Влюбился, наверное. Поди пойми этих эльфов: манерные, жеманные... Можно было бы заподозрить в странных пристрастиях, если бы они все такими не были. Есть шанс, что заберет себе. В этом случае Рыдло, как звали шкипера, собирался уступить пленника только за хорошую цену.

— Верно, на челне плыли, — авторитетно заявил старший помощник, подслеповато всматриваясь в береговую линию. — Ежели бы на шхуне, уйма обломков бы плавала на глади вод.

— Надо тут по соседним островкам пошустрить. Может, еще кто выплыл после шторма, — хрипло добавил шкипер, внимательно посмотрел на старпома, навязанного нанимателем, — тоже эльфа и плюнул на пол от досады.

Даже разговаривать нормально на цвергском не могут, но строят из себя важняков важнецких. Одно слово — ушастики. Шляпы эти их дурацкие с прорезями сразу снимают всю маскировку. Минотавр бы никогда не взял на борт эльфа. Разве только пленником. Поэтому велено обоим сидеть и не соваться на палубу даже в открытом море. Старпом выбрал рубку. Какой я, говорит, помощник, если не буду участвовать в управлении судном. Тьфу.

Вот не нравился старику Рыдло этот рейс и все тут. Он считал себя тертым калачом и в свою чуйку приучился верить. Всю жизнь ходил в море с рогатыми, но последнее время они от его услуг отказывались, а тут привалило счастье в виде парочки ушастиков. Пойдем, говорят, под флагом Мираса, чтоб минотавры думали, что это свои, соберем с десятков пленников и назад в порт. Товар частью продадим, кого-то себе заберем, с вами расплатимся, мусье, честь по чести. Задаток дали хороший. Мусье! Тьфу ты, гадость какая. Аж во рту кисло стало.

Между тем, гребцы уже табанили, сбрасывая скорость. Человек ловко запрыгнул в шлюпку и преспокойно уселся на низкую банку, как будто всю жизнь только и делал, что ходил в море с гномами. Рыдло недоверчиво осмотрел ловкача.

Обычный человек, вроде. На полторы головы выше среднего гнома, как и все люди. Мускулов под широким выцветшим балахоном не разглядеть, но кулаки мозолистые. Подбородок волевой, нос орлиный, а взгляд серых глаз растерянный, будто он что-то потерял и не может вспомнить, где именно. С виду еще молодой, но волосы уже с проседью на висках. Похоже, жизнь потрепала парня.

«И еще потреплет», — подумал шкипер со вздохом.

Он не любил свое нынешнее занятие. Вот море Рыдло любил, соленый воздух, шум ветра в парусах и скрип весел в уключинах тоже любил, маневры при abordage, а торговлю живым товаром не жаловал. Но что поделаешь, если другой заработок не идет в руки? Мирас так замучил купцов каперством, что те в море вообще перестали соваться без охраны из тех же рогатых. С тех пор, как торговцы создали Конфедерацию, будь она неладна, заработка для бедного Рыдло совсем не стало. Абордаж сразу отпал: паре минотавров-охранников можно противопоставить только пару минотавров-пиратов. А их-то и нет сейчас. Рыбу ловить на боевом корабле стыдно, а так хоть какая-то денежка. Начать купеческие грузы возить, что ли?

Между тем человек уже поднимался на борт. Встреча готова, но лучше самому командовать, чтобы беды не было. Ребята могут ведь и попортить товар сгоряча.

— Здравствуй есть, незнакомый, — с улыбкой поприветствовал человека Рыдло на всеобщем. — Как звать тебя есть? Откуда ты тут взялся есть?

Парень бросил пару быстрых взглядов на крепких гномов с арбалетами в руках и как-то сразу подобрался.

— Зовут меня Михель ди Лёве, но как попал сюда, не помню, — ответил он. — Потеря памяти. А вы, я вижу по флагу с минотавром, работаете на королевство Брестон? Может, доводилось встречаться с Каввелем Исс-Брестоном? Это, вроде, его личный флаг.

Рыдло побледнел. Надо было слушаться свою чуйку и не брать денег у остроухих. Это ж надо так глупо попасться на горячем. Уверенность в себе, правда, быстро вернулась. Даже если этот человечиска имел какие-то дела с легендарным капитаном, то это в прошлом. Каввеля уже больше года никто не видел после того злополучного абордажа, а человек никому ничего не расскажет. Старый Рыдло это сейчас гарантирует.

— Всем стоять!

Расстояние между шкипером и человеком вдруг куда-то испарилось. Гном почувствовал собственный нож у горла. Боевой монах — теперь в этом не было сомнений — крепко зажал шкипера и выпускать не собирался. Сам он прислонился к фальшборту спиной, чтобы обезопасить тыл.

Матросы остановились чуть поодаль слева и справа в нерешительности. Рыдло хоть и бывал иногда суров, но он самый заслуженный член экипажа и капитан, хоть и временный. Его жалко. Вот если бы нового старпома взяли в заложники, то того совершенно случайно бы порешили вместе с человеком.

— Ты что сам позволять?! — возмутился старик. — Мой гостеприимство обижать?

— Меня учили, что долг гостеприимства священен, — сурово возразил человек, — но если хозяин пытается тебя убить, то мне советовали сразу отправлять такого на суд Вседержителю. Почему ты так испугался имени Каввеля?

— Он страшный гроза моря быть, — смутился коротышка, косясь на нож. — Раньше быть. Сейчас рыба в море кормить.

— Отнюдь, — криво усмехнулся Михель. — Если я здесь, то он и остальные тоже должны быть где-то неподалеку. Так чего же ты испугался, если думал, что он умер?

— Мы на самый дело знать, что он не совсем умирать быть, но он здесь давно не видеть. Мы немножко незаконный под его флаг есть, — честно ответил шкипер, опарашенный известием. — Он еще живой есть? Но как так после тот глупый суд есть?

Монах прищурился, прислушиваясь к ощущениям. Ложь, фальшь и враждебность он научился чувствовать еще в монастыре. Кажется. Он почему-то помнил далеко не все, связанное со своим послушничеством, но эти навыки никуда не делись. Гном перестал желать ему смерти, и команда тоже, хотя почему-то не вся. Кто-то один все еще хотел убивать. Надо быть начеку.

— Я сейчас тебя отпущу, — шепотом сообщил Михель, — а потом все расскажу, если вы в драку не полезете. Но предупреждаю, что вам может это дорого обойтись.

С этими словами, он выпустил почтенного моряка и вручил ему нож. Тот оценил жест, засунув оружие обратно в ножны на поясе и взмахом руки приказав опустить арбалеты.

— Ты славный малый есть! Про наш капитан рассказать быстрый!

— Вашего капитана? Так это вы тогда взбунтовались против Каввеля? — удивился человек. — Вот так совпадение. Что ж, я наслышан об этой истории. На нем проклятие, наложенное богами.

— Это мы лучше знать, чем кто другой знает, — скривился коротышка. — Как он есть? Если он не в тело бык, значит, проклятия больше не быть?

Михель вспомнил, как впервые встретился в своем родном городе с Гарбом, Каввелем и Бурбалкой. Минотавр тогда находился под действием неправильно приготовленного оборотного зелья и больше походил на человека-недомерка, чем на могучего воина, но уже тогда в быка он перестал обращаться.

— Нет, проклятие, вроде как, все еще было на нем, когда мы последний раз виделись, — сообщил монах. — Только это было в девятом круге Эльжахима, который здесь на Лумее известен как ад.

Раздалось несколько вскриков. Суеверные матросы начали перешептываться, обеспокоенно глядя друг на друга.

— Думаю, что я и мои друзья выбрались оттуда в добром здравии, — успокоил их Михель. — Каввель был в своем теле и при секире.

— Значит, капитан живой есть! — радостно заорал Рыдло. — Ура капитан! Срочный якорь снимать, мы идти капитан искать! А ты мой гость есть! Друг капитан — мой друг есть. Мы так наш капитан назад хотеть! Подождать минуточка... Капитан никогда человек не доверять и не дружить. Ты не лгать?

— За что! — донесся откуда-то снизу полный муки крик, перешедший в еле слышный стон.

Михель поменялся в лице. Его глаза сузились в щелочки, а желваки на скулах заходили ходуном.

— Этот голос! — сквозь зубы процедил он, игнорируя вопрос гнома. — Я узнаю его из миллиона. Что вы сделали с Гарбом, поганые коротышки? Да я вам ноги повыдергиваю, а Каввель остальное отрежет!

Матросы без всякой команды вновь вскинули арбалеты, целясь в монаха, которого на этот раз ничто не защищало.

Рыдло, успевший отодвинуться ближе к своим, пытался лихорадочно сообразить, что нужно сделать. С одной стороны, капитан действительно мог оказаться живым. Если предположить, что этот странный монах его друг, то не сносить им всей командой головы, случись с ним что-то. С другой, он действительно мог солгать, и он опасен.

— Там просто пленник есть, — осторожно сказал шкипер. — Если гадкий эльф этот большой гоблин портить, я не мочь он продать. Надо идти смотреть.

— Гоблин? — взревел Михель, получив подтверждение своих подозрений.

Не дослушав последнюю часть, человек бросился к спуску в трюм, который виднелся за спинами гномов. Несколько арбалетных болтов свистнуло в опасной близости, но монах ловко поймал две штуки прямо на лету, а от остальных просто увернулся. Коротышки мячиками отскочили от бешеного в стороны.

Один сокрушающий удар распахнул окованную серебристым мифрилом дубовую дверь не в ту сторону, в которую она должна открываться, заодно наполовину выломав из креплений дверной короб. Рыдло рывкнул на чересчур ретивых подчиненных и бросился вниз по лестнице за человеком. Еще не поздно все ему объяснить ошибкой. Монах, похоже, не врал насчет ада. С такими способностями ему сам морской черт не страшен.

Внизу после яркого полуденного солнца царил слепящий сумрак, задержавший Михеля только на пару секунд. Глаза быстро привыкли, и он устремился дальше, пробираясь между бочек с водой и солониной, какими-то сетями и коробками. Человек пронесся мимо

нескольких дверей и переборок, прислушиваясь к доносящимся из глубины трюма стомам.

Еще одна дверь распахнулась где-то дальше. Из нее брызнул свет фонаря и выглянул недовольный эльф. Типичный представитель своей расы: худой, невысокий, изящный. Разве что типично прекрасные черты лица искажала гримаса ненависти и безумия, а руки, запачканные чем-то черным по локти, производили однозначно отталкивающее впечатление. Даже мясники за работой выглядят опрятнее. В его заляпанном бурыми и черными пятнами одеянии можно было с некоторым трудом узнать облачение мага.

Увидев Михеля, эльф взвизгнул и попытался закрыть дверь.

— Я еще не закончил эксперимент!

Не успел.

— Убью! — зарычал монах.

Человек бросился к двери и обрушил на колдуна град мощных ударов руками и ногами. Тот попытался защититься при помощи своего искусства, но безуспешно: кровь на руках плохо сочетается со стихийной магией.

Эльфов отличает субтильное телосложение. При таком раскладе даже у простого необученного человеческого крестьянина в рукопашной есть преимущество перед обычным остроухим. Чаще всего оных выручает природная ловкость, склонность использовать дальнобойное оружие и магию, да способность быстро бегать. У закаленного суровыми монастырскими тренировками Михеля не было ни единого шанса проиграть, даже если бы чародей успел применить любое несложное заклинание из своего арсенала.

— Гарб, ты как?

Ответом послужил еще один протяжный стон.

Изверг быстро отправился отдыхать на подгнивающих досках трюма, а боевой монах переступил через него и молнией ворвался в помещение, служившее на корабле для содержания пленников. Открывшаяся ему картина едва не лишила выдавшего всякое человека дара речи.

— Лекаря! — заорал он не своим голосом. — Надо его снять отсюда!

— Херр ди Лёве, это страшный ошибка есть...

Появившийся сзади Рыдло ойкнул, тоже оторопев от увиденного, и опрометью бросился вверх по лестнице, громко требуя корабельного костоправа, запасные ключи от кандалов и рому.

— Помоги мне и ему, Владыка Света! — взмолился монах и опустился на колени рядом с изувеченным гоблином.

Лапы Гарба приковали цепями к потолку. Кляп, свисающий изо рта, палач, скорее всего, вытащил недавно, иначе крика было бы не слышно. Голова шамана безвольно висела, нижние конечности, достающие до пола, эльфийский палач сумел вывернуть, сломав в нескольких местах. Довольно мускулистый для шамана торс испещряли настолько многочисленные глубокие порезы, что короткую коричневую шерстку просто не было видно. Часть уже успела зарубцеваться, а часть еще сочилась черной кровью. Михель машинально отметил, что он уже видел кровь Гарба раньше, и она тогда была нормального цвета.

Под раздетым донага телом образовалась глубокая лужа вязкой черной жидкости. Рядом на столике стояло шесть стеклянных флаконов, наполненных ей же. Еще с десятков склянок содержали разноцветные субстанции явно алхимического назначения. На это же намекали перегонный куб и пара медных реторт.

Наложение рук помогло, но не полностью. Раны быстро затянулись, оставив

неприятную сеточку белесых шрамов по всему телу. Однако крови гоблин явно потерял слишком много и в себя не приходил. Он лишь время от времени издавал слабый стон, дающий понять, что страдания еще не убили несчастного.

Пока Михель исцелял, явился Рыдло с ключами и костоправом. Вместе они аккуратно отомкнули кандалы и потащили Гарба наверх «в лазарет».

Монах молча кивнул шкиперу и задержался возле начавшего приходить в себя мага.

— Говори, — отрывисто скомандовал он.

Тот попытался приподнять голову, но нога человека наступила ему на шею. Михель убедился, что колдовать эльф не сможет, и приказал говорить еще раз.

— Вы все умрете! — прохрипел истязатель. — Уже грядет!

— Что грядет? — переспросил служитель Вседержителя.

— Кровь! Его кровь — ключ. Надо успеть отк...рыть. Теперь он умрет, а кровь есть только у меня. Только я знаю, где искать. Пока они не пришли!

— Безумец, — нахмурился Михель. — Тварь. Червяк. Насекомое.

За кратковременным приступом хладнокровия вдруг последовала вспышка гнева. Да как это существо посмело посягнуть на жизнь и здоровье его друга! С неожиданным наслаждением монах стал медленно вдавливать ногу в шею чародея. Скорчившийся на полу эльф захрипел и попытался руками отсрочить неизбежное. Человек чуть ослабил давление. Что-то глубоко внутри силилось не дать ему убить врага. Безоружного и беспомощного врага. Это казалось чудовищно неправильным.

Переборов секундную слабость, Михель снова надавил. Блаженство нахлынуло с новой силой. Да! Ди Леве запрокинул голову и захохотал, как будто вместе с этим наконец пришло долгожданное прозрение. Вдруг все орденское воспитание стало неважным и ненужным, как шелуха. Оказывается, это не только приятно, но и легко — давить врагов, если считать их насекомыми.

— И почему я раньше так не делал? — спросил сам у себя монах, и кривая усмешка перекосила его лицо.

Он перенес весь свой вес на нужную ногу, и послышался легкий хруст, знаменующий конец для одного и начало для другого.

Воспоминание пришло на ум вспышкой: он уже так поступал в той другой жизни до монастыря, но почему-то об этом забыл.

*Только глупец ищет брод посреди моря.
Мудрость тауросу*

Минотавр недоуменно осмотрелся. Это что, последствия похмелья от психоводки, которую пришлось пить для попадания в эфирный мир? Не может быть. Пират воткнул секиру в песок и крепко задумался. Головная боль мешала процессу, но все же понемногу картина вырисовывалась. Место казалось мучительно знакомым, но друзья куда-то подевались, хотя вошли в проход между мирами все вместе.

— Путь приведет вас не туда, куда бы вам хотелось, а туда, где вы нужнее, — вспомнились слова стража эфирной границы. — Это я тут, что ли, нужнее?

Недоумение нахлынуло с новой силой. Вокруг были совсем привычные с детства пальмы, песок и море. Очень похоже на один из множества необитаемых островков в южной части Лунного моря. Вон даже очертания рифов на мелководье виднеются.

Полоска пляжа сменялась негустыми зарослями кокосовых пальм. Несколько крупных раков, прозванных пальмовыми ворами, спешно разбежались при появлении чужака, побросав уже вскрытые орехи, из которых на песок полилось подбродившее содержимое. Дальше пляж заканчивался и начиналась глухая стена джунглей. Минотавр хмыкнул, увидев в ней просеку. Кто-то недавно рубил здесь лианы, чтобы освободить проход к берегу. Там же то ли начиналась, то ли заканчивалась узкая тропа. Нижний ярус растительности тонул во мраке из-за густой листвы сверху.

— Значит, не такой уж ты и необитаемый.

На берегу пока все равно делать было нечего. Каввель поправил снаряжение. Видавший виды кожаный панцирь со стеганным поддоспешником, кожаные же поножи, наплечники, наручи привычно сидели на нем, обеспечивая сносную защиту в бою. Жарко, но зато надежно. Юбка из неизвестного тканого материала доставала почти до середины шерстистого бедра и только с виду была простым предметом одежды, основное предназначение которого скрывать наготу. В действительности ей можно даже ловить арбалетные болты — проткнуть ее чем-то или порезать еще ни разу никому не удалось.

Минотавр взял на изготовку лабрис и, осторожно выверяя каждый шаг, направился по тропинке вглубь леса, освещая себе путь яркими голубыми искорками, бегающими по лезвиям секиры. Здоровое ухо тут же чуть не оглохло от миллионов звуков, обрушившихся на него со всех сторон. Всевозможная живность орала, бегала, прыгала, ползала, летала и всячески мешала сосредоточиться на возможной опасности. Странно, что со стороны пляжа этого всего не было слышно. Там доминировали шум ветра и плеск набегающих на берег волн.

В ноздри пахло гнилью и сыростью: густой влажный воздух полностью пропитался этими запахами. Каждый шаг давался с трудом. Просека явно делалась под существо более низкого роста. Приходилось либо сильно пригибаться, либо махать топором, расчищая себе путь от лиан, свисающих длинными нитями с семидесятифутовой высоты и принимающих причудливые формы своими сплетениями. Сквозь сплошной давящий свод кроны изредка проглядывали клочки голубого неба, все же давая нижнему ярусу леса немного света. В таких местах на земле непременно валялись изъеденные термитами толстые стволы

деревьев. Некоторые из них висели в пучках лиан, заставляя минотавра обходить их стороной. Мало ли!

Одно из таких деревьев вдруг с громopodobным шумом рухнуло вниз, заставив Каввеля отскочить в сторону. Он всем телом врезался в прочную серебристую сеть паучьего холста, на котором умелый мастер пытался вы ткать какой-то затейливый узор, да не успел закончить.

— Дьявольщина! — выругался пират, так и не отучившись даже среди демонов не к месту поминать враждебных смертным существ.

— Не согласен, — раздалось за спиной хрипловатый мужской голос. — Ничего такого тут не водится.

Каввель резким движением смахнул с лица паутину и развернулся, готовясь принять удар. Нападения не последовало, хотя у горла он обнаружил острое меча и сглотнул. Как глупо попался! Минотавр перевел глаза с оружия на крепкого седовласого человека в сером холщовом одеянии свободного кроя.

Коротко стриженный мужчина, прищури в бледно-зеленые глаза, смотрел на Каввеля снизу вверх. Лицо жителя острова от левого уха к подбородку наискосок пересекал настолько уродливый шрам, что минотавр залюбовался. Вот он пример настоящей суровой воинской красоты. Такие прекрасные следы оставляют, например, топоры, хотя могли и мечом или даже магией...

— Перестань так пялиться. Я чувствую себя грязным, и мне хочется помыться, — заявил обладатель шрама на чистейшем кутарском — языке минотавров.

— Я не специально, — улыбнулся пират в ответ. — Прикончишь сразу или поговорим? Разве так гостей встречают?

— Какой же ты гость, раз вторгся на мой остров без разрешения? Брось топор, и я сохраню твою жизнь, тауросу, — грозно сообщил собеседник.

— Не могу, — виновато потупил глаза Каввель. — Ты наверняка знаешь, как наш народ относится к оружию.

— Знаю и даю последний шанс.

Человек так и не понял, как минотавр умудрился повернуть дальнейшее. Мгновение отделяло рогатого от гибели, и в этот же миг меч ни с того ни с сего оказался пикирующим куда-то в чашу справа. Ухмыляющийся тауросу сделал несколько быстрых взмахов лабрисом и отсалютовал противнику, находясь уже в пяти шагах от него. Все случилось настолько быстро, что оставалось только удивляться.

— Отказываться от поединка невежливо, раз уж ты предложил. Только я бы и без секиры справился, — фыркнул Каввель. — Всего-то один меч. Я ее чуть не потерял недавно и бросать не собираюсь. Извини.

Мужчина на секунду недоуменно нахмурился, но быстро вернул на лицо маску невозмутимости.

— Ни капли почтения к моему уединению, — притворно горестно вздохнул человек, нарочито обессиленно опуская руки. — Ладно. Что еще от меня нужно? Почему не прислали Тесуо? У нас же был уговор.

— Не знаю, о чем ты, старик, — Каввель опустил оружие, показывая свои мирные намерения. — Я тут оказался случайно, э-э-э... кораблекрушение потерпел. А ты, я так понимаю, живешь на этом островочке, да? Как тебя зовут?

Мужчина казался изумленным.

— У меня много имен. Эльфы зовут Мизерикордом, гномы Гудшнодом, дворфы Трокэром. В некоторых местах меня знали под именем Джованни, в других знают как Айвана или Жуана, хотя при рождении нарекли Хуаном де Деса. И я еще не настолько стар, чтобы заслужить подобное слово. Хотелось пожить немного в тишине и покое, да вот ты явился. Между прочим, у меня дарственная владыки Мираса на этот клочок суши, так что даже не думай меня отсюда выгнать. Ты сам-то оттуда или из других краев? По речи слышно, что ты воспитывался в благородной семье, юный сенчо[1]. Как же твое имя?

— Юный, — снова фыркнул Каввель. — Если по возрасту, то так и есть. Только еще с год назад ты бы у меня только за намек на это уже висел бы на рее. Хотя я и разговаривать с тобой тогда не стал бы. Насколько мне известно, тауросу, кроме Мираса, живут еще на Такариме, Юменосиме и Сатайрандо. По-твоему, откуда я могу быть?

Человек задумался. Густые седые брови тяжело нависли над глазами, а кожа над носом собралась гармошкой.

— Те острова далеко и там изъясняются иначе, чем ты. Остается Мирас, но я недавно видел портреты всех капитанов и помощников в тронном зале, и тебя среди них не было. Кто же ты? — Хуан недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Каввель Исс-Брестон, — представился минотавр.

— Чур меня! — человек со шрамом на долю секунды поменялся в лице, но быстро взял себя в руки и даже смог с легким сарказмом в голосе произнести. — Значит, меня почтил сам гроза морей. Какая честь. Слухи про проклятие, стало быть, оказались лживыми.

— Да чтоб у меня печень, как у трески стала, если слухи врут! — заявил наследник Брестона. — Еще как проклят. Кажется. Который сейчас месяц?

— Банме, Кадзи в этом году уже дул.

В этот раз вздрогнул Каввель.

— Больше года прошло, — помрачнел он. — Но почему тогда я все еще в своем теле?

— Не знаю, — пожал плечами де Деса, — Обязательно с этим разберемся, но позже. Сейчас предлагаю уйти туда, где мошка не так вгрызается в тело. У меня тут домик неподалеку и мне надо кое-что рассказать, раз уж ты здесь.

Каввель вдруг обнаружил, что назойливые насекомые в этом месте и правда нороят съесть кого-нибудь заживо. Хуан подобрал свой клинок и молча пошел по тропинке, даже не думая прикрывать спину и всем своим видом демонстрируя доверие.

Тропа забирала вверх под небольшим углом, и вскоре мрак джунглей отступил, чтобы явить взору небольшое поле с хорошо подросшей зеленью и хижинкой, стоящей на вершине холма.

— Мое скромное жилище, — человек отвел в сторону широкие пальмовые листья, служившие дверью, и жестом пригласил гостя внутрь.

Пожалуй, даже такой эпитет выглядел комплиментом хижине из тростника, в которой жил этот странный мечник. Каввель вошел внутрь, для чего пришлось сильно пригнуться. Незатейливая обстановка только подчеркивала умеренность хозяина. Утоптанной земляной пол, пара тростниковых циновок в углу, деревянный письменный стол, деревянные табурет и стул и окованный железом большой сундук составляли все убранство. Минотавр почесал жесткие черные волосы между рогов и уселся на табурет. Мебель жалобно скрипнула, но выдержала вес гиганта.

— Уже можно делиться своей историей, — искоса глядя на человека, изрек Каввель.

Тот остался стоять.

— Ты очень необычный тауросу, тем более для своего статуса, — осторожно сказал хозяин жилища. — Разговариваешь со мной как с равным, и прежде, чем что-то поведать, я хочу знать почему. Проклятие повлияло?

Минотавр улыбнулся, довольно прищурившись.

— Знаешь, человек, до недавних пор я презирал все остальные расы и в особенности людей с эльфами. Однако многое с тех пор произошло. Я даже готов признаться в дружбе с некоторыми твоими братьями. Не думай, что я тебе доверяю, но, если ты не потеряешь право на мое уважение, я и дальше готов не менять своего отношения.

— Что ж, такой ответ меня устраивает, — задумчиво произнес де Деса, усаживаясь на циновку и подбирая полы своего одеяния. Ноги от скрестил, а меч положил возле себя. — Тогда у меня есть второй вопрос. Ты давно бывал в родных краях?

— Больше года не был, — честно признался пират.

В хижину влетел крупный белый попугай с хохолком на голове и, шумно хлопая крыльями, уселся на плечо человека. Хуан ласково почесал птицу под клювом. Попугай еще немного посидел, оценивающе глядя на минотавра, а затем вылетел вон, чирикнув напоследок на всеобщем: «Еретик!». На недоуменный взгляд тауросу инквизитор только усмехнулся.

— Приручил здесь. Очень умная пичужка оказалась, — улыбнулся человек и продолжил рассказ. — За время твоего отсутствия, Палач, случилось несколько неприятных событий в нашем море и на его берегах. Когда ты исчез, появился самый настоящий культ твоих почитателей. Свидетели Аспикса — так они себя называли.

Каввель присвистнул.

— Да-да, — продолжил де Деса. — Сперва никто не придавал этому значения. Мало ли ересей ходит по свету. Но когда культ разросся, а среди его членов появились не только минотавры и гномы, но и люди в больших количествах и даже эльфы, всем стало не по себе. Они называли тебя Аспиксом, обожествовали, начали приносить тебе кровавые жертвы и ждали твоего пришествия. Потом еретики накопили сил и захватили несколько островов, объявив себя независимым государством.

— Как я понимаю, папаша не стал все это терпеть, — хмыкнул тауросу.

— Именно, — улыбнулся человек. — Вот только стереть их в порошок сразу не получилось. На их стороне оказалось слишком много твоих братьев, да и люди сообща с гномами смогли добиться удивительных результатов. Они собрали целый флот, который вполне мог тягаться с флотом Мираса. Когда их все-таки разгромили, остатки культа разбрелись по всему побережью. Стало еще хуже. Еретические общины начали разрастаться в разных местах совершенно самостоятельно. Турон устраивал на них гонения, брал штурмом их укрепления, объявлял награду за головы жрецов, но все без толку. И тогда они пригласили меня.

— Тебя? — смерил его взглядом Каввель.

Человек выглядел крепким воякой, но не более того.

— Должность великого инквизитора достается не просто так, — пояснил Хуан. — Что ты знаешь о рыцарях храма?

Минотавр почесал затылок, припоминая.

— Ну, вы постоянно путаетесь под копытами.

Инквизиция работает с рыцарями Храма Творения. Можно назвать их семьей, где брат

сильный, а сестра жестокая. Проклятые фанатики вечно путали все планы своей назойливой привычкой влезать туда, куда их не просят. А уж если попросили... Хорошая броня, неплохое оружие, превосходная выучка, огромное самомнение. Почти как у минотавров. Пока Каввель со своей ватагой просто грабил прибрежные города, они не вмешивались. Стоило посягнуть на какую-то там святыню, как храмовники тут же организовали отпор. Один раз даже пришлось спасаться бегством. Турона посетила блестящая мысль натравить одних фанатиков на других.

— Негусто, — резюмировал де Деса. — Знаешь ли ты, что наше призвание защищать порядок, установленный богами? Защищать, исцелять, возвращать — вот девиз ордена.

— И как, получается? — с иронией спросил минотавр.

— Как видишь, порядок все еще не нарушен, — улыбнулся инквизитор. — Если не считать твоего культа.

Каввель вздохнул. Эта беседа начинала его утомлять, но прерывать ее пока не стоило.

— Я его не начинал, — нахмурился минотавр. — И как же вы справились?

— Ты видел, как гниют яблоки, если их все сложить в кучу? — ответил де Деса.

Каввель напряженно кивнул. Ему стало даже как-то обидно, что у него образовалась целая толпа поклонников, а их, наверное, всех взяли и убили.

— Стоит попасть в кучу хороших плодов одному гнилому, как скоро все начинают портиться. С людьми точно так же. Если завелась среди честных и хороших обывателей погань, ей не составит труда столкнуть с пути праведного каждого, ведь человек слаб. Посему надлежит с корнем вырвать источник порчи немедленно после обнаружения. Затем надлежит проверить каждого, кто прикасался к заблудшей душе. Никого нельзя пропустить. Так и только так можно выкорчевать ересь. По крайней мере, так считается в моем ордене.

— Так то люди, — заметил пират.

— Это касается всех, — парировал храмовник. — Мы потеряли нескольких братьев для достижения цели, но справились. Турон держал их на море, а мы добивали на суше. Остались одиночки, и дело могли довершить даже местные.

— А оно того стоило? — уточнил минотавр.

Хуан помрачнел.

— Мы пожертвовали тысячами, чтобы спасти сотни тысяч. Стоило ли оно того? Безусловно. Вот только я считал, что действовать можно было иначе, чтобы жертв было меньше. И я все еще думаю, что был прав. Чем больше братья бились с врагами, тем крепче становились заблуждения и тем больше павших становилось с обеих сторон. Поэтому теперь я здесь и замаливаю грехи вдали от всех. У меня вышел... спор с великим магистром о целях и средствах, и я не хочу возвращаться.

— Так ты что же, сам добровольно ушел в изгнание мошкарку кормить? — поинтересовался Каввель из чистого любопытства.

Такое поведение не слишком вписывалось в его понятие о воинской чести.

— Я вдруг понял, почему твоего портрета я не видел. — вместо ответа выдал храмовник. — Турон, наверное, приказал уничтожить все изображения с тобой, ведь ты источник заразы, и твой отец понял это раньше меня.

Каввель на всякий случай покрепче перехватил секиру.

— Попридержи быков, рыцарь храма! Меня тут вообще не было, — недовольно сказал он. — К тому же мой портрет там никогда и не висел. Я ушел в море без отцовского благословения.

— Твое поведение подтолкнуло многих к ереси, — не сдался де Деса. — Впрочем, теперь уже ничего не изменишь. Зерна взошли. Каввель, Морской Палач дерзнул бросить вызов не только традициям и кодексам, но и самим богам. И ведь кто-то же додумался, что если начать поклоняться тебе, то ты вознесешься и примешь всех в свое царство новой справедливости! Знаешь, сколько недовольных нынешними официальными культами нашлось? Тысячи! Я хотел действовать убеждением, но большинство наших считало, что лучше просто всех истребить.

— Но ты тоже участвовал в этой бойне? — нахмурился минотавр.

— По должности я не обязан сражаться, — спокойно ответил великий инквизитор. — Моя работа тоньше и тяжелее: я дознаватель. Уговоры и пытки — мое ремесло.

Каввель поморщился, что не ускользнуло от человека.

— Ты думаешь, что это отвратительно, и правильно думаешь, — горько усмехнулся рыцарь. — Но кто-то должен заниматься таким непотребством ради высшего блага, и я взвалил на себя эту ношу, чтобы руки не пришлось мараить другим. Большинство братьев имели слишком чистые помыслы и незамутненные мысли. Я бы не смог заставить никого из них заниматься столь грязными делами. Одно дело — убивать на поле боя, и совсем другое — подвергать безоружного и беспомощного пыткам. Тут не всякий выдержит. Страшнее всего то, что ни один из еретиков даже на моих допросах так и не раскрыл всей правды о культе. Мы можем только догадываться, какие ужасы у них там творились. Они все умирали с улыбками, но продолжали молчать.

— Зачем ты все это рассказал мне? — спросил пират, стараясь избежать взгляда храмовника.

Минотавру вдруг стало не по себе. Человек слабо улыбнулся.

— Ты должен искупить свою вину, — сказал он. — Тогда твое проклятие спадет. Такова воля богов. Тогда и я, может быть, обрету покой.

Каввель совершенно искренне рассмеялся.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, человек, — сдерживая смешки, заявил пират. — Ты не был со мной в царстве Му-Кирина, когда он выносил приговор. И ты вряд ли видел, как мне являлся Торгарон, чтобы дать надежду — один год снова в своем теле. У меня есть спаситель, и я должен помочь выполнить его предназначение, чтобы окончательно избавиться от проклятия. Я уже прошел с ним через два адских мира и готов следовать дальше!

Рыцарь исподлобья посмотрел на веселящегося гиганта.

— Думаешь, ты знаешь волю богов? — с недовольством в голосе прошипел храмовник. — Все, что происходит, случается ради исполнения их планов.

— Не буду спорить, — примирительно поднял вверх ладонь Каввель. — Только частично воля богов уже свершилась так, как я описал. Так что тут нечего и сомневаться. Хотя я не отказываюсь от твоего предложения. Мне еще надо вернуть уважение родни.

— Да будет так, — подытожил бывший инквизитор. — Значит, все же придется вернуться на большую землю.

[1] Капитан (кутар.)

Раньше остров Мирас звался Миносом, но тауросу переименовали его на свой манер. Так сложением двух слов родилось общепринятое название этого воинственного народа — минотаур, позже ставшее минотавром.

Энциклопедия разумных видов

Стражник, с ног до головы закованный в добротные стальные латы, сквозь прищуренные веки наблюдал со стены спор двух чужаков, никак не решавшихся подойти к городу. Оба остановились футах в ста от поднятого моста и ожесточенно препирались о способах и необходимости проникновения внутрь. В шлеме слушать было неудобно, но снимать его не полагалось по инструкции. Впрочем, и обрывков доносящихся фраз хватало с лихвой. Разговор шел на повышенных тонах на всеобщем.

В стольный град им, как же! Такому отребью входа в Брестон нет и не будет. Вот приплыли бы с охранной грамотой по морю, как все нормальные торговцы, там бы уже портовые службы смотрели, пущать или не пущать. Но не по суше же! Это же явные шпионы, а то и вредители. Кто еще мог высадиться вне порта? Разведка уже оповещена и прочесывает побережье на предмет десанта других сомнительных личностей. Так что, гном пока не спешил звать подкрепление и продолжал наблюдать, время от времени фыркая себе в бакенбарды. Уж больно чудная парочка решила его развлечь сегодня.

Невысокий и стройный красавчик-эльф с соломенными волосами в потертом коричневом камзоле и легкой кожаной куртке поверх него то поправлял спадающий с плеча ремешок лютни, то теребил края холщовой котомки, то клал руку на рукоять меча на поясе, успевая при этом еще и жестикулировать. Он все время размахивал руками, указывал в сторону города и картинно хватался за сердце. С виду этот типчик походил на бродячего барда, но какая нелегкая судьба могла свести его с таким спутником?

Второй — совершенно зеленомордый верзила на полторы головы выше ушастика — орк с квадратной клыкастой нижней челюстью. Этот чужак яростно зыркал глазами цвета столь любимого местными гномами темного эля в сторону стражи и всем своим свирепым видом показывал, что в город идти не намерен. Тоже при оружии: пара мечей покоилась в богатых ножнах, украшенных драгоценными камнями и рунами явно волшебного происхождения. Ограбил кого-то, похоже. В самой середине кожаного нагрудника здоровяка зияла внушительная дыра, сквозь которую можно было рассмотреть кольчугу.

— Интересно, чем это можно такую дырищу пробить и еще выжить после этого? — спросил страж у коллеги.

— Я почему знаю? — недовольно пробурчал тот, присасываясь к глиняной бутылки с водой. — Ходят тут всякие по жаре. Им хорошо, они-то не в железе. Может, он ее сам пробил, а потом снял с того, на ком пробил.

Первый стражник не нашелся, что на это ответить.

Орк и эльф, добровольно идущие вместе в одном направлении. Без драки. Прямым странствующий цирк какой-то.

Тем временем одному «шпиону», похоже, удалось в чем-то убедить второго, и они вместе с поднятыми руками пошли к воротам. Стражник сразу нахмурился и крепче взялся за копье. Они-то, конечно, там внизу и в руках оружия не держат, а он на стене, но

мало ли. А ну как колдуны?

— С миром или войной бу-пришли? — буркнул страж на всеобщем традиционное местное приветствие, сдобренное крепким словечком на кутарском,

В данном случае это следовало трактовать как «за каким лешим приперлись, недоделки ручной работы?».

— Пускай пиво не пересыхает в ваших кубках! Мы хотели поинтересоваться, проживал ли в этом городе когда-нибудь славный капитан по имени Каввель Исс-Брестон.

Добило стражника не упоминание пропавшего чуть больше года назад наследника и даже не личность задавшего вопрос. У гнома отвисла челюсть, потому что орк разговаривал на чистейшем литературном цвергском, также именуемым среди невежд подгорным, — языке гномов. Да, некоторые звуки звучали чересчур мягко, иные слова не соответствовали местному диалекту, который изобиловал заимствованиями из кутарского, но это все равно был самый настоящий цвергский. Который дикарю-орку знать не положено!

От изумления латник даже не сразу подобрал слова для ответа. Стоящая внизу странная парочка терпеливо ждала, но мрачная шрамированная рожа зеленокожего с приподнятым в полуулыбке уголком верхней губы предвещала неприятности.

Орку с виду все было ни по чем. Он деловито разглядывал каменную кладку стены и что-то насвистывал, грозя нашествием дворфов, если бы эти ярые противники свиста водились на острове. Эльф же напротив очень напряженно ждал ответа, задрал голову вверх, хотя этот-то наверняка гномьего наречия разуместь не должен.

— Д-да, — смог выдавить из себя страж. — Был такой.

— Чудесно, — чуть прищурил глаза орк. — А здравствуют ли нынче родители принца?

— В добром здравии, — сообщил стражник.

— Отлично, — просветлел лицом верзила. — Тогда у меня к вам просьба передать им, что их сын тоже жив и здоров. И, если они захотят услышать подробности его недавних приключений, то мы пока никуда не уходим.

Нежданных гостей очень скоро проводили во дворец по нешироким извилистым улочкам Брестона. Агрх и Адинук ожидали, что папаша Каввеля лично примчится их встречать, памятуя об импульсивности рогатого компаньона. Только они не знали о многочисленных местных кодексах, расписывающих поведение всего населения от монарших особ до простолудинов с рождения и до смерти. И воинский кодекс, о котором друзья что-то слышали от Каввеля, был лишь одним из многих.

Владыке острова не пристало бегать галопом для встречи каких-то неизвестных голодранцев. Даже если те принесли важные сведения о пропавшем любимом ребенке, который не перестал быть любимым даже после жестокого убийства брата и проклятия богов. Церемониальный кодекс велел в таких случаях дожидаться вестей, сидя на опостылевшем троне.

Сам предмет мебели гномы некогда переделали из медной части тарана первого флагмана Турона и установили на постаменте. Трон изготовили в форме бычьей головы так, чтобы рога служили подлокотниками, а приоткрытая пасть сидением. Возвышение обеспечивало занимавшему его королю, которого здесь чаще именовали Сыном неба или Дланью богов, отличный вид на тронный зал.

— Бу, — выругался Турон, топая копытом по пробковому полу, положенному тут специально для приглушения таких звуков.

Темпераментом Каввель в отличие от покойного брата пошел в отца, который терпением никогда не отличался. В усталых глазах монарха светилась надежда. Наследник жив! Где же носит этих проклятых вестников?

Супруга венценосца — необъятных размеров дама — топталась возле своего места по левую руку от трона и время от времени шумно вздыхала. Присесть ей не позволяла тревога, а броситься навстречу нежданым гостям дворцовый кодекс. Полный грусти взгляд вкупе с бычьей мордой, делали ее похожей на буренку, отбившуюся от стада и решившую встать на задние копыта, чтобы осмотреться. Однако внушительная грудь, плохо скрываемая складками традиционного женского халата тауросу нежного персикового цвета с вышитыми синими цветами, высоко вздымалась и не давала шансов спутать ее с домашним животным. Жемчужная диадема в пышных смоляных волосах только подчеркивала различие.

Наконец после соблюдения всех положенных процедур безопасности гномы-привратники распахнули двери, и глашатай объявил прибытие «досточтимых лейтенантов его королевского высочества принца Каввеля, путешествовавших с ним на протяжении долгих месяцев мучительных испытаний и невзгод». Турон едва не привстал с места, вызвав шепотки среди придворных. Так ведь можно и лицо уронить! Впрочем, когда головы остальных повернулись от трона в сторону дверей, многим из присутствующих стало не до кодексов.

— Не понял! — нахмурил косматые седые брови король, и его серые глаза стали наливаться кровью.

Ничего не поняли и придворные. Они ожидали увидеть минотавра с гномом или в крайнем случае пару гномов. Как-то в общей суматохе посыльные не удосужились подробно описать внешность прибывших чужаков. Да и сама новость затмила подробности, которые теперь вошли в тронный зал во всей своей неприглядности.

— Я ж говорил, он на маму больше похож! — толкнул Адинук локтем в бок Аггрха. — Два шелбана после аудиенции.

Орк в ответ шикнул на эльфа. Церемониймейстер старательно объяснил гостям правила поведения, но его слова бард, похоже, в своей обычной манере попросту пропустил мимо остроконечных ушей как несущественные.

Сейчас Адинук несмотря на запреты всю рассматривал Сына неба, пока они с орком шли по мраморному полу через коридор из придворных. Минотавр как минотавр, только в короне. Голова бычья с широко расставленными рогами и рыжей бородой, торс человеческий, в плечах фута три будет, ноги рыжие, мохнатые, огромные, как колоды, и с копытами. Убери бороду с короной и одень в доспехи — вылитый Каввель будет. Только этот в отличие от сына то ли халат какой-то на себя напялил, то ли вовсе ковер, судя по пестрой расцветке. Тоже мне король. Вот слегка изогнутый клинок с приделанным к нему длинным древком в крепких мускулистых руках, тот внушает уважение. Наверное, символ власти такой.

Быстро дав оценку монарху и его жене, эльф переключился на остальных. Кроме их величеств, в зале присутствовало множество разодетых в шелка, бархат, кружева и парчу гномов и гномих. Местные гномы ростом и комплекцией превосходили сородичей, которых компаньонам уже доводилось видеть на материке в эльфийском Льонесе. На головах придворных торчали нелепые белые парики почему-то с косичками сзади, а шеи украшали такие же несуразные воротники из белых кружев.

Тут же за спинами гномов высоченными башнями нависали десять тауросу в халатах, как у короля, только однотоннее цветом и скромнее материалом. Из ножен на поясе каждого

выглядывали рукояти мечей. И не боится же монарх пускать к себе кого-то с оружием! У гостей клинки тоже не отобрали. То ли в знак доверия, то ли из презрения к их способности хоть как-то навредить хозяевам.

Адинук перевел взгляд дальше. Позади трона находилось большое окно с разноцветными стеклышками, сложенными в рисунок. Витраж изображал ревущего минотавра в золотой короне — такой же, как и у сидящего на троне человекобыка. Яркий солнечный свет, проходящий сквозь картину, больно резал глаза. На стенах под высоким потолком висели громадные портреты минотавров всех мастей. Их свирепые морды скалились со всех сторон, а фоном к каждой голове непременно служило изображение какого-нибудь морского судна.

Не дойдя до трона с десятков шагов, Агрх остановился и наклонил голову в знак почтения, а затем легким тычком локтя в бок напомнил эльфу о хороших манерах. Тот ойкнул и последовал примеру напарника.

— С миром или войной? — процедил сквозь зубы монарх на всеобщем.

Суровый правитель сдерживал кипевшую в нем ярость изо всех сил. Либо его сын якшается со всяким отребьем, либо это отребье имеет наглость приносить ему лживые сплетни.

— С миром и покорностью, Ваше Величество, — отчеканил орк, чем моментально заслужил одобрение Турона. — У нас вести о Каввеле Исс-Брестоне.

— Поведай же мне, чужак, о моем сыне, — глаза минотавра все еще не покинула красная пелена, что не ускользнуло от внимания Агрха.

Орк начал свой рассказ, очень осторожно подбирая слова.

— Как вы знаете, — сказал зеленокожий, — вашего сына постигла кара богов за некоторые прегрешения.

Турон засопел, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Сейчас он уже прошел половину пути искупления своей вины и, как мы считаем, находится где-то в нескольких днях пути отсюда.

— Как он вас не... — оставил вопрос невысказанным Турон. — Я хочу знать все.

Агрх поведал подробности предыдущих приключений их маленького отряда, где-то опуская ненужные детали, а где-то приукрашивая деяния славного отпрыска древнего рода правителей Мираса. Придворные молча внимали рассказу, не смея отвлечь правителя даже тишайшим шепотком.

— Значит, ему потребовалось пройти через десятки унижений по воле богов? — вдруг улыбнулся король, хлопнув себя свободной рукой по бедру. — Вот так чудо. Как же он все это вытерпел? И насмешку в виде тела быка, и, как вы говорите, дружбу с гоблином...

— И даже с двумя людьми, орком и эльфом, — поддакнул Адинук. Барду уже надоело рассматривать портреты и захотелось почесать языком. — Он как ураган, запертый в бутылке: гудит, но не греет.

Непонимание на морде Турона сменилось плохо скрываемым раздражением.

— Я был почти готов поверить вашим рассказам, — глухо пророкотал минотавр, — Признаться, я и сам заключал сделки с людьми. Но дружба с презренными остроухими за гранью моего понимания. У них ни чести, ни совести, а мой сын никогда не был эльфолобом вроде проклятых фаруконцев.

Придворные загалдели, спеша согласиться с королем, мол, это уж совсем никуда не годится.

— Стоит ли тогда рассказывать, что я урожденный троу, — ничуть не смутился Адинук. — Это, наверное, будет шоком для всех? Великий воин путешествует в компании ничтожного предателя. Ведь все троу — предатели, да? Темная кожа, темные мысли...

— Он немного сумасшедший, как и все барды, — поспешил прокомментировать слова эльфа Агрх, — но говорит чистую правду. Он действительно темный. Точнее был еще с месяц назад. Просто у нашего спутника гоблина есть чар, который своим касанием может творить самые настоящие чудеса. Вот стоит одно из них.

У венценосного тауросу отказали голосовые связки. Он хватал ртом воздух, но никак не мог озвучить то, что хотел сказать. Неловкую ситуацию разрядила супруга короля.

— Мой сын не с вами. Что с ним сейчас? — от слов дородной матроны повеяло такой искренней нежностью, материнской заботой и печалью, что Адинук невольно прослезился.

— Мы расстались буквально вчера, когда вместе выбирались из Бездны через врата в Эфире. Там еще страж был такой смешной, как... — не успел закончить бард.

— Всех прошу удалиться! — неожиданно громко сказал Турон, заставив Агрху вздрогнуть и опустить правую руку на рукоять меча.

Придворные, стараясь не терять достоинства и не выказывая удивления, сразу поспешили к выходу.

Его Величество дождался, пока двери тронного зала захлопнутся за гномами, а места у выхода займет парочка тауросу. Затем он почти ласково обратился к орку, игнорируя эльфа.

— А сейчас вы расскажете мне всю правду, или клянусь копытами Торгарона...

— Подожди, дорогой, — ладонь матроны мягко легла поверх его дрожащей мускулистой руки, вцепившейся в набалдашник на подлокотнике. — Оставь свою нетерпеливость для битв и спальни. Мы же не нарушим законы гостеприимства без веской причины? Гости сами все охотно расскажут. В конце концов, они здесь именно за этим.

С этими словами она подмигнула спутникам своего сына. Эльф сразу расслабился, а орку все это показалось слишком подозрительным. Впрочем, он сам согласился сунуть голову в пасть минотавру и ждал чего-то такого.

Гоблин на всеобщем. Гобелин на эльфийском. Гобелинус на старозельфийском. Коблин на дворфийском. На правсеобщем — кобалус. Самоназвание — гобхаты или гобхуты, в зависимости от диалекта.

Энциклопедия разумных видов

Нужно спрятаться. Единственная мысль заменяла собой все остальное. Убегай, если враг сильнее. Нельзя убежать — прячься. Эти простые истины впитаны с молоком матери. Мамочка, где же ты? Нет больше мамы. Она осталась где-то там среди других обгоревших тел. Можно, наверное, посмотреть в щелочку, но страх заставляет вжимать голову в плечи и не дает пошевелиться. Да и что получится там увидеть? Снующие в отблесках костров огромные тени? Их противные голоса орут пьяные песни на незнакомом языке и мерзко гогочут. Сейчас они там пируют прямо среди зарезанных гоблинов. Возле его мертвой семьи, возле соседских мальчишек, тоже мертвых. Ненависть вскипела в крови и погасла. Сейчас не время думать о таком. Безрассудство — лучший путь к бессмысленной смерти. Лучше думать о выживании.

Рядом в подвале притаился братишка. Сидит, еле дышит. Тоже боится так, что аж штанишки обмочил. Как бы нас по запаху не нашли. Нет, вряд ли. Эти слишком заняты грабежом и празднованием легкой победы. Кого победили? С десятков безоружных самок, двух стариков с кольями, десятерых детишек от трех до восьми зим, которые кидались камнями? За что? Тут и грабить-то особо нечего. Пара тощих коров, коза, с десятков кур, сотня бутылок бузы, заготовленная на продажу. Неужели только ради этого нужно было убить всех? Мужчины на большом тракте, вернутся только через полторы луны. Вряд ли они обрадуются, увидев вместо домов пепелище, и уйдут в последний поход — мстить. Тогда вообще никого не останется.

— Гарб, — еле слышно прошептал Звоносл. — Я боюсь.

— Молчи, моорх! — почти беззвучно ответил ему чумазый мальчуган.

В нашей семье все мозги, похоже, достались мне, раз уж удалось не только самому выжить, но еще и старшего брата от беды уберечь.

Сидит, надутый от обиды, как индюк. Ему жизнь спасли, а он на правду дуется. Точно дурак.

Делать нечего, пока эти не ушли. Можно немного помечтать. Вырасту большим и сильным, научусь метко стрелять из лука и... и что? Любой эльф стреляет куда лучше и глаза у них лучше видят. Тогда... тогда я буду самым лучшим фехтовальщиком. Вот! Никто не сможет меня победить. Ага, кроме любого, кто в два-три-пять раз крупнее или стреляет издалека. Что же остается? Надо стать волшебником и кидать во врагов огненные шары. Бум! Бабах! Все сгорели!

Из мечтательно-дремотного состояния вывел летящий в сторону хижины факел, перекликаясь с образом, только что услаждавшим воображение.

— Бежать надо! — дернулся Звоносл.

— А там тебя копьем проткнут! Они только и ждут, чтобы ты побежал.

Брат застыл, не зная, что предпринять.

— Здесь будем сидеть, пока совсем не начнем задыхаться. Может, и не начнем. Домик у

нас хлипкий, сторит быстро, а мы потом выберемся.

Надежды не оправдались. Едкий тяжелый дым сначала понемногу, а затем густыми вонючими клубами, начал просачиваться сквозь все щели. Много их оказалось этих щелей, а стены были не такие уж сухие. Что взрослые в них такого напихали, что от них дым идет желтый? В голове зашумело, а в глазах потемнело. Грудь налилась свинцовой тяжестью от нехватки воздуха. Показалось, или снаружи действительно стало тихо? Можно бежать, но уже некуда. Выход из погреба один, а там наверху бушует огонь.

— Прости, братишка! — прошептал мальчик, теряя сознание.

Вдруг крепкие сильные руки потащили его куда-то вверх. Угасающее сознание успело заметить деревянную шаманскую маску с пестрыми перьями среди клубов дыма...

Легкий хлопок по щеке. Сейчас не больно, но неприятно. Все равно ненавижу, убьёшь быстро.

— Гарб! Очнись! — голос показался знакомым.

Ненавижу знакомые голоса.

— Может он слишком слабый есть? — малознакомые еще больше терпеть не могу.

— Тащите сюда второго, — распорядился все тот же баритон. — И где посох? Он бы добровольно его из лап не выпустил.

Посох! Где? Как?

Если что-то и заставило бы разлепить глаза, так это упоминание Гобмобома. Вспомнил. Они забрали его! Ненавижу! Умрите все! Долго, мучительно!

Кровать, деревянные стены и потолок. Качает так, что живот просится наружу. Тело не слушается: сил не хватает даже поднять лапу, и пальцем шевельнуть тяжело.

Сверху навис кто-то слегка небритый с встревоженным лицом. Человек. Нена... Михель? Его нельзя ненавидеть, хоть и хочется: он из чужого племени и раздражает.

— Очнулся! — обрадовался монах и тут же скис.

Гоблин изучил его своими желтыми глазами с вертикальными зрачками, но ничего не сказал.

— Ты как?

Пугающая тишина в ответ. Человек стиснул зубы и замычал. Наверное, переживает. Его не буду убивать.

Где-то сбоку распахнулась дверь. В нее скорее влетел, чем вбежал, теперь уже бывший старший помощник. Шкиперу, стоящему в дверном проеме позади, эльфы разонравились сразу, как только он увидел изувеченного пленника. Можно сколько угодно продавать живой товар, но на этом корабле никому не позволено применять такие пытки! Поэтому старпом был уволен немедленно и сразу перешел в статус обитателя трюма. Естественно, шпагу и кинжалы у него отобрали. Сейчас фронт стоял перед сжимавшим кулаки монахом и трясся от страха, поглядывая то на него, то на лежащего в кровати огромного гоблина, накрытого серым покрывалом.

— Вы не имеете права! Я вас засужу за незаконный захват!

Эльф осекся, перехватив взгляд человека, не суливший ему ничего хорошего.

— Я вообще не понимаю, что происходит. Жиль обещал мне долю! Это все, что я знаю. Мы должны были захватить несколько пленников и только. Он что, не заплатил? Где он сам? С него бы и спрашивали. А, к дьяволам! Я из своего кармана заплачу, только оставьте меня в покое! У меня есть немного...

Остроухое недоразумение могло бы еще долго заливаться соловьем, лоя на себе многообещающие взгляды, если бы Рыдло не передал Михелю посох. С виду обычная деревяшка, слегка изогнутая, с гравировкой по всей длине. Местами украшена разноцветными драгоценными камешками.

Монах не стал вертеть посох в руках — в неярком свете из иллюминатора все равно рассмотреть что-то было бы сложно — а сразу положил чар Гарбу на ладонь. Вдруг это чем-то поможет улучшить состояние гоблина.

Зрачки шамана расширились, занимая теперь всю радужку. Гоблин сел, ошеломленно рассматривая все вокруг. Одежды на нем все еще не было, хотя тело уже отмыли от следов пыток так, что только уродливые белесые шрамы напоминали о произошедшем.

— Легче? — осведомился Михель.

— Умри! — выкрикнул гоблин, выкидывая вперед лапу.

С нее сорвалось обжигающее пламя.

Эльф истерично взвизгнул в ответ и, проявив ловкость, свойственную его народу, отскочил в сторону. Спасло лусида не столько это, сколько малый размер конуса огня. На какой-то фут разминулись.

— Якорь тебе в бухту. Какой красивый чистый чувство есть! — прошептал Рыдло, блокируя проход и не давая эльфу шанса выскочить наружу. — Только так не можно, так можно корабль жечь.

Гоблин уже почти обессиленно упал, как вдруг снова сел и ощерился в жутковатой ухмылке. Он подмигнул гному, от чего тому стало не по себе, стукнул посохом по дощатому полу, что-то прошептал и на этот раз окончательно откинулся на подушку. Посох он так не выпустил, отчаянно вцепившись в деревяшку побелевшими пальцами.

Одновременно с ним рухнул на пол и остроухий, издав душераздирающий крик. Задняя часть панталон эльфа подозрительно оттопырилась.

— Шкипер! — вырвал капитана из бездействия взволнованный голос одного из матросов, раздавшийся сзади.

— Что еще? — недовольно рявкнул Рыдло.

Он пытался осмыслить случившееся за последний день, а оно упорно не желало укладываться в привычные рамки.

— Там это, — замялся моряк, — я кошку чистил, а она прямо в руках таять начала. Я ее хватать, а она исчезла.

Шкипер побледнел. В другой ситуации он бы решил, что моряк просто уронил ценное корабельное имущество за борт и пытается оправдаться. Вот только остроухий на полу истошными воплями свидетельствовал в пользу рассказчика. Пришлось окончательно уверовать, что только такие попутчики и могли быть у проклятого капитана. Михель издал довольный смешок: смешная месть ему понравилась. Осталось еще объясниться с гномом по поводу безвременной кончины того изверга в трюме, но это мелочь, пока не стоящая внимания.

День спустя Михель как самая заботливая сиделка кормил друга с ложечки, а тот старательно глотал полужидкую ароматную похлебку и пытался набраться сил. Он уже спокойно садился, хотя голова все еще немного кружилась. От приступа безумия и ненависти ничего не осталось. Почти. О нем напоминал посох, который гоблин трепетно сжимал одной лапой и постоянно полировал другой, если та не была занята чем-то другим.

— Как же тебя так угораздило? — ласково спросил монах, закончив кормежку. — Это хорошо я рядом оказался вовремя, а так бы пришлось тебя искать в царстве духов.

— Эти моряки казались такими дружелюбными, что я даже не заподозрил подвоха, — жалобно признался гоблин. — Помнишь, когда мы выбирались, какие все возвышенные и вдохновленные были там в...

Шаман захлопнул рот, вовремя спохватившись. Михель не мог помнить ничего из случившегося в Бездне. Гарб сам применил к нему заклинание забвения, так что не стоило и упоминать ничего из тех событий.

— ... ну, мне какие-то ангельские голоса чудились, — соврал он. — Поэтому я вдруг стал излишне доверчивым. Утратил бдительность, короче.

— Понятно, — вздохнул Михель, почувствовав фальшь в словах гоблина, и вытер полотенцем остатки трапезы.

Ему самому вдруг стало невероятно тоскливо. Словно он потерял кого-то дорогого, как вчера чуть не потерял Гарба. Только этот кто-то был еще дороже.

— Слушай, — сказал монах. — Ты случайно никогда не видел этого демона?

Гарб взял протянутый золотой медальон и послушно нажал на кнопку. Крышка с тихим щелчком распахнулась, и взгляду открылся портрет рыжеволосой красотки с маленькими рожками на лбу. Гоблин похолодел. Только этого еще не хватало! Кусочек памяти, который заклинание не могло уничтожить. Ну конечно, Хиенна не могла оставить любимого без подарка! Теперь эта вещица постоянно будет напоминать человеку о погибшей суккубе, которую он полюбил всем сердцем. Их любовь и так была обречена, а теперь друг еще и страдать будет. А ведь Гарб честно хотел его от этих мучений избавить.

— Что последнее ты помнишь? — осторожно спросил гоблин.

— Песок, волны. Корабль этот.

— Да нет, я про то, что до этого было.

— А, — почесал затылок монах. — Плохо помню. Может, я головой ударился? Была какая-то карта, потом ворота. Я дотронулся до карты — и все как в тумане, потом я прошел ворота. Дальше уже только песок и чайки.

— Так, — напрягся Гарб. — А до карты все помнишь?

— Конечно, отчетливо! — улыбнулся Михель. — До этого над нами потешался дьявол-жахани по кличке Большой Лю. Агрх еще пари с ним заключил. А до того я навалил другому краснокожему с рогами, как у лося... Кстати, вот не помню, зачем я это сделал. Вроде, причин особых не было. Жахани, конечно, нам в целом враги, но я смутно припоминаю, что хотел ему отомстить за что-то конкретное. Только за что?

— Ага, — составил для себя общую картину гоблин и тут же начал сочинять на ходу, пытаясь как-то улучшить ситуацию. — Диагноз понятен. Частичная потеря памяти. Эта девица нас чуть не погубила. И по голове ты из-за нее получил.

— Если честно, то совсем такого не вспоминается, — потешно сморщил орлиный нос парень, одновременно хмуря густые темные брови. — А ты помнишь, что я чувствую ложь?

— Д-да, а почему ты спрашиваешь? — внутренне содрогнулся Гарб.

Не хватало еще испортить отношения с Михелем по глупости. Так, что из сказанного могло считаться неправдой? Про память все верно. Чуть не погубила — в общем-то правда. Если бы не рыжая суккуба, всей компании вообще не пришлось бы путешествовать по Бездне и бороться с перводраконом Минору. По голове — так это некоторое преувеличение, но посох головы монаха действительно касался.

Михель позволил улыбке тронуть губы.

— Шкипер этот сразу принялся врать, но я его быстро раскусил. Как так получилось, что мы разделились? Где остальные? Если бы мы все были вместе, ты бы никогда не попал в лапы этого поганого эльфа.

Гарб расслабленно выдохнул при первых словах компаньона, но упоминание мучителя едва не вернуло его во вчерашнее состояние.

— Тише, тише! Я рядом! — быстро прижал его к кровати монах. — Все хорошо!

Гоблин еще некоторое время трепыхался, пытаясь то вскинуть посох, то сплести заклинание, а потом изнеможенно затих.

— Кажется, мне нужна помощь, — прошептал один.

— Обоим, — печально ответил второй.

Тем временем судовой врач поймал Рыдло в другой части корабля и пытался поделиться новостями. Шкипер в другой раз и хотел бы узнать о состоянии необычного пациента корабельного лазарета, но сейчас его занимали совсем другие заботы. Врач — тоже немолодой гном, одетый в строгий черный сюртук и малиновую шелковую шапочку, — настаивал на разговоре. Пришлось уступить.

— Плох, но жить будет, — сразу радостно сообщил он, усмехаясь в пышные усы.

— И?

— Кошку достали, хоть и с трудом, — обрисовал ситуацию последователь Асклепия и издал смешок. — Чувство юмора, надо сказать, у колдуна своеобразное. Только придется раздобыть другой якорь. Этим теперь и ореховую скорлупку не удержишь. Во!

Он извлек из кармана четырехлапый якорь, который легко уместился у врача на ладони. Рыдло с легкой брезгливостью посмотрел на литую конструкцию, прекрасно понимая, откуда ее извлекли.

— Ты его хоть нормально помыл? — поморщился шкипер. — Выброси эту гадость немедленно.

— Э, не, — возразил врач. — Такая штука в любой портовой таверне обеспечит мне бесплатную выпивку, а рассказ про ее происхождение еще и бесплатный обед в придачу.

— Делай что хочешь, — махнул рукой Рыдло.

Голову гнома занимало несколько мыслей одновременно. Отчаянно хотелось с кем-нибудь посоветоваться, но достойных такой чести в экипаже не водилось, что вызывало у пожилого пирата зубовой скрежет.

«Звезда» отправилась в вояж по всем окрестным островам. За сутки обошли с десяток, но следов капитана найти так и не удалось. Выводы, конечно, делать рано, но червячок сомнения уже начал точить ранее обретенную уверенность. Первая радость схлынула, и теперь все выглядело подозрительно. Почему вообще нужно верить ловкому пройдохе, который водится с гигантским гоблином-колдуном?

— Ладно, — решил сам для себя шкипер. — Не найдем Каввеля за три дня, отвезу их на Мирас. Пускай ими Турон занимается. Может, за них хотя бы какая награда перепадет.

*За клан, вождя и святые недра!
Дворфийский боевой клич*

Штиль стоял мертвый. Духота никак не желала спадать, и Каввель уже начал подумывать, не снять ли нагрудник. Упасть с лодки от перегрева вовсе не входило в его планы, поэтому наследный принц зачерпнул горсть воды за бортом и смочил себе лоб и голову. Теплая соленая жидкость почти не освежала. Организм отвык за год от родных краев и вовсе не стремился привыкать обратно, так что придется его заставить.

Храмовник сидел на веслах и делал ловкие уверенные гребки. Работает не хуже голема. Посмотришь на него, так сразу от механического болвана и не отличишь. Сидит с каменной рожей, двигается в одном темпе. Не свистит, не напевает, не кряхтит даже. Разговорить его попробовать, что ли?

— А скажи мне, де Деса, за что тебя все-таки выгнали? — Каввель решил пойти прямым путем.

— Хуан, просто Хуан, — спокойно поправил минотавра человек, продолжая делать размеренные движения. — Прежде чем твое великолепное воспитание вынудит тебя задать следующий вопрос такого рода, можешь мне пообещать кое-что?

— Зависит от обещания, конечно, но сделаю все в разумных пределах, — уклончиво ответил тауросу. — Так что обещать нужно?

— Мы отлично поладим, если ограничить твое любопытство. Прямота не всегда достойна воина. Поэтому я бы попросил больше не задавать столь личных вопросов.

— Ладно, даю слово тауросу, — поклялся пират.

Де Деса одобрительно кивнул.

— Мне тяжело говорить об этом, но ты мне нравишься, — сообщил бывший инквизитор, продолжая гнать лодку вперед по безмятежной морской глади. — Мы с тобой похожи тяжестью проступков перед собратьями. Ты пошел против кодекса, а я против устава. Вот и все.

— Товарищ по несчастью? — изобразил на морде полуулыбку Каввель.

— Вроде того, — не стал возражать человек и замолчал.

С тех пор как стих ветер, он греб уже часа три, из которых говорил от силы четыре минуты.

— И часто ты так по морю ходишь, Хуан? — снова сделал попытку пообщаться минотавр.

— Первый раз, — не стал вдаваться в подробности де Деса, но потом все же решил развернуть ответ. — Сюда меня доставили на большом судне и оставили шлюпку на всякий случай.

— Ясно, — бросил минотавр, хотя ясно было немного.

Человек оставался загадкой и не спешил раскрывать свои тайны. Для общительного Каввеля не существовало худшей пытки, чем путешествие на утлой лодчонке с постоянно молчащим собеседником. Другого способа убраться с острова все равно не нашлось, поэтому минотавр решил потерпеть временное неудобство. В конце концов после мира демонов это даже на мелкую неприятность не тянет.

Больше поведения человека со шрамом его беспокоило отсутствие компаньонов. Куда их могли закинуть врата? Что если вообще в другую часть Лумеи? Впрочем, даже это обстоятельство пока не мешало наслаждаться каждой секундой, запахом моря и ярким солнцем. Родина все-таки.

— Земля, — торжественно объявил де Деса, сидевший лицом в сторону движения.

— Я в курсе, — в тон ему ответил Каввель.

Плавающие в воде ветки — верный признак, что суша неподалеку, а их минотавр заметил еще полчаса назад.

— Сейчас причалим и я немного передохну, — из последних сил выдохнул инквизитор.

Нос лодки уткнулся в пляж с крупной галькой. Тауросу быстро спрыгнул в воду и легким движением вытащил транспорт на сушу вместе с попутчиком.

— Все, спасибо, — махнул рукой минотавр. — Дальше я сам. Ты это, отдохни хорошенько перед обратной дорогой.

— Но как же... — совершенно растерялся храмовник, даже забыв удивиться высказанной вслух благодарности от минотавра, и возмущенно добавил. — Ты не можешь меня бросить!

— А что мне помешает? — подмигнул Каввель, закинул секиру на плечо и пошел в сторону мощеного тракта, который начинался в ста шагах от пляжа.

Пират смекнул, что раз тут есть такая дорога, значит, человек привез его на материк. Отсюда при некотором везении, можно добраться до Мираса. Даже без денег любой вооруженный минотавр вполне может оплатить свой проезд просто нанявшись охранником на торговое судно.

С этими мыслями он и отправился в путь по удобной дороге, уходящей прочь от моря, не обращая внимания на крики за спиной. Настроение тауросу резко улучшилось. Что ни говори, а жизнь налаживается. Вот уже полчаса, как он не в компании мрачного храмовника, солнышко светит, птички поют, хорошо замаскированная яма...

Каввель посмотрел вверх и стиснул зубы. Кто бы ни расставил эту ловушку, сделал он это умело. Во-первых, минотавру выбраться из такой глубокой ямы без посторонней помощи затруднительно. Во-вторых, кто-то наверняка знал, что тауросу в силу излишней самоуверенности редко обращают внимание на то, что у них под копытами.

— Эй, есть там кто? — крикнул пират.

Сверху раздались хриплые грубые голоса. Дворфы! Минотавр нахмурился. Этот плечистый и коренастый народец понимает только грубую силу в качестве весомого аргумента. Такого добра у Каввеля навалом, но проблема в том, что единственное прибрежное поселение подгорного народа не входит в число союзников Мираса. И, казалось бы, куда уж хуже, периодически пытается состоять в союзных отношениях с обитателями острова Такарим из королевства Фарукон.

В последнее время дела у Фарукона шли неважно. Не в последнюю очередь из-за активной морской охоты самого Каввеля и его маленького флота. Такаримцам оставалось только глотать слезы обиды, когда Палач уводил у них из-под носа самые лакомые куски добычи. Вряд ли они упустят шанс поквитаться со своим главным обидчиком.

Если дворфы узнают, кто сидит в яме, то, скорее всего, выдадут кровным врагам — за золото они и мать родную продадут, был бы покупатель. Предложить им больше сейчас не было возможности, а значит, дело дрянь. Что с ним могут сделать родственники прекрасной Могары, корабль которой он однажды взял на абордаж, можно только догадываться. Деву

тогда спасло только божественное вмешательство ее так называемого отца Му-Кирина.

Сверху что-то зашуршало, и в яму с опаской заглянуло нечто отдаленно напоминающее голову разумного существа. Железный полусферический шлем темно-зеленого цвета плотно облегал ее сверху. Под ним виднелся кольчужный капюшон, прикрывающий уши. Всю остальную часть лица за исключением маленьких поросячьих глазок занимали темно-русые с заплетенными в них зелеными вставками из ткани волосы.

— Ордан из Шумеретшных топоров, — по-дворфийски шепеляво представились сверху. — Ты кто такой?

— Помощник капитана с «Цветка лотоса».

— Имя! — потребовала голова.

— Э-э-э, Тесуо.

— Што тут в нашей яме забыл? Кладоищитель, што ли?

— Не ищитель, а искатель, — машинально поправил его Каввель. — Я ищу помощи. Мое судно затонуло недалеко от берега.

— А говоришь не ищитель, — дворф удовлетворенно крикнул и исчез.

Спустя пару минут над краем ямы торчало уже две почти одинаковых головы. Вторая отличалась от первой аккуратно подстриженной бородой и более светлым оттенком русого в волосах.

— Шеанорд из Шумеретшных топоров, — сообщил дворф и хрипло поинтересовался. — Эй, как там тебя? Тесуо? Золото ешт?

— Откуда? — криво усмехнулся Каввель. — Я ж говорю, корабль со всем грузом потонул.

— Тогда вылезай, дело ешт! — не стал терять времени Шеанорд и сбросил сверху прочный пеньковый канат.

Похоже, главным тут был он.

Каввель, которому уже приходилось вылезать из таких ловушек схожим образом, приторочил к поясу секиру, поплевал на ладони и ловко вскарабкался по канату, отталкиваясь копытами от осыпающегося склона.

Наверху он сразу огляделся в поисках возможной опасности. Если эти дворфы не желали ему зла, это еще не значило, что рядом не найдутся их сородичи с другими намерениями.

— Шлушай шуда, парень, — заговорил более аккуратный дворф, когда тауросу наконец добрался до верха и крепко встал на ноги в трех футах от края воронки.

Каввель смерил его и Ордана изучающим взглядом. Высокий дворф может достигать почти среднего человеческого роста, но в силу своих габаритов даже не самые рослые представители этой расы кажутся раза в три крупнее людей. Кость широкая.

Коротышками их уже не назовешь, как гномов, хотя по сравнению с любым минотавром они смотрятся недомерками. Зато телосложением среднему тауросу дворфы почти не уступают и физической силой легко заменяют недостаток ловкости в случае необходимости. К тому же только полный невежда мог бы посмеяться над кажущейся неуклюжестью этих порождений Хьялти Златобородого и его менее известных братьев — Хурина и Курина. Более искусных кузнецов не сыскать на всей Лумее, так что каждый порядочный дворф обязательно щеголяет в доспехе собственного изготовления, зачастую из вороненого адаманта для пущего шика.

Эти двое исключениями не являлись. Разве что оба весьма легкомысленно отнеслись к

традиции ношения полных лат и ограничили «одеждой диверсантов»: расписанными темно-зеленой краской мифрильными кольчугами, легкими шлемами и пятнистыми маскировочными одеялами из овечьей шерсти на бедрах. Одеяла помимо прочего неплохо маскировали внушительные животы крепышей, которые часто образуются от неумеренного потребления эля.

— Под ноги надо шмотреть! — продолжил Шеанорд, и Каввель уловил ноздрями крепкий запах ячменного пива, исходящий от дворфа. — Ешли бы ты не швалилша в нашу яму, то шел бы шпокойно швоей дорогой. А так надо бы отработать за шпашение и поршу имуштештва. Мы тут зашаду уштроили, а ты наш демашкировал. Новую машкировку делать уже некогда. Придетша поменять план. Ш тебя помощь в бою, а ш наш щашть добыши.

Услышав, что от него требуется всего лишь немного размяться да еще и за вознаграждение, тауросу вернул дворфу взгляд полный благодарности.

— А ничего, что я с Мираса? — на всякий случай уточнил Каввель. — На кого охотимся?

Оба «сумеречных топора» переглянулись и злорадно хмыкнули.

— Это даже хорошо, — прищурился Шеанорд. — Зашада на большую шишку из Фарукона. Вы же ш ними не ладите, верно?

— И вы собирались всего лишь вдвоем напасть на пару тауросу? — расхохотался Каввель, зная, что по одиночке в такие экспедиции никто не ходит. — Разрази меня гром, если это не смешная шутка.

— Шмотри, как заговорил, — подмигнул Шеанорд напарнику. — Пока в яме шидел, вежливый такой был. Вот и они бы так в яме шидели, а мы им шверху гоштинтшев бы накидали. Теперь ты будешь ударной шилой, раз уж нам план шорвал.

Каввель еще раз осмотрел местность. Действительно, для засады идеальное место. Растительность здесь разительно отличалась от острова, на котором он встретил инквизитора, и скорее соответствовала более умеренным широтам. Видимо, сказывалась близость гор. Повсюду вокруг дороги частоколом рос густой, почти непролазный кустарник, чуть поодаль высились тесно соседствующие клены и тсуги, а все это великолепие сверху накрывали своими густыми лапами огромные реликтовые ели, создавая в глубине леса непроглядный с дороги сумрак. Дорога забирала чуть вверх и поворачивала направо под таким углом, что любой, кто появится с той стороны, никак не сможет увидеть нападающих с флангов.

— План? — коротко поинтересовался минотавр.

— Ты штоишь на дороге перед ямой, а мы шидим в куштах ш арбалетами, — пояснил Шеанорд. — Прикрываем тебя ш боков, ешли што пойдет не так. Прямо на тебя выйдет шишка, а ты ему промеж рогов, только штоб живой ошталша...

— Погоди, их же двое будет, и это если без свиты.

Дворф слегка смутился.

— Ну, так я и говорю: ш боков прикроем.

— Ладно, — согласился Каввель, беря в руки лабрис.

Ему было уже не так интересно, как год назад, сводить счеты с Фаруконом, но любопытство все портило. Он не собирался убивать, но выудить из поверженного врага сведения никогда не повредит.

Шеанорд скептически осмотрел ржавый лабрис и хмыкнул.

— Шломаетша, — прошепелявил он.

— Не сломается, — уверенно возразил Каввель.

— Идут, — шепнул Ордан, и оба дворфа бросились прятаться в кусты по обе стороны от дороги.

Воин остался ждать, надеясь на преимущество внезапности и свою секиру. Тауросу редко ходят по одному. Одиночка уязвим, а пару минотавров, защищающих друг друга в бою, кроме заведомо превосходящих сил, способна остановить разве что другая пара таких же рогатых гигантов. Частые встречи четверок тауросу на поле боя неизбежно приводили к жертвам, из-за этого в пределах Лунного моря даже возникло суеверие о несчастливой природе цифры четыре. Если рождается ребенок с четырьмя рогами — это к беде. В отряде осталось четыре бойца — от одного стоит избавиться, а то гибель настигнет всех.

Пират усмехнулся, вспомнив про эту глупость. Его напарником был родной брат Аин. Взаимное предательство — и двоих минотавров оказалось вполне достаточно для смерти одного из них. Дальнейшее даже вспоминать не хотелось. Сейчас Каввель собирался доказать, что суевериям верить не стоит и он в одиночку способен победить целую пару.

Первым из-за поворота показался невысокий тауросу в полном боевом облачении. Броня из стали и адаманта покрывала его от рогов до копыт. Сокол на панцире недвусмысленно давал понять, в чьем подданстве находится владелец доспеха, а шлем на голове сообщал скорее о трусоватости воина. Такой доспех защищает от стрел и болтов, но сильно сковывает движения.

Каввель, не теряя времени, шепнул нужные слова, и секира преобразилась. Пират не уставал удивляться этому чудесному зрелищу: совершенно невзрачное оружие с насквозь проеденным в нескольких местах ржавчиной лезвием и источенной жуками рукоятью вдруг становится произведением искусства. Вот и сейчас лезвие стало адамантовым, а по его поверхности побежали первые предвестники поражения труса в латах: темно-синие искры, изредка меняющие цвет на голубой и иногда зеленый. Рукоять обрела прочность и удобно легла в ладони. Оружие стало легче перышка и понеслось к славе.

Противник в первое мгновение опешил, но, как и любой представитель своего вида, среагировал быстро. Недостаточно быстро. Его длинный меч мгновенно вылетел из ножен, но оказался отбит в сторону. В следующую долю секунды секира легко коснулась доспехов одним из лезвий — и несчастный скорчился на земле от жестоко скрутившей его тело судороги. Искры еще ни разу не подводили.

За поворотом послышался шум и навстречу неведомой угрозе выбежал второй тауросу с косматой рыжей гривой. Этот габаритами не уступал Каввелю, а кожаный доспех и секира с одним лезвием и крюком на обухе выдавали куда более опытного и умелого противника. Увидев бегающие по лезвию лабриса огоньки, напарника, ползающего под копытами и презрительную ухмылку на морде Каввеля, он страшно заревел.

— Так-так! — почти одновременно с двух сторон в панцирь фаруконца с глухим звуком вонзилось по арбалетному болту. С такого расстояния не пробить легкий доспех сложно, но дворфам это почти удалось. Снаряды неглубоко вошли в тело минотавра, что только добавило ему ярости. Глаза рыжеволосого мгновенно налились кровью, а ноздри начали раздуваться.

Враги издали грозные боевые кличи и со звоном скрестили секиры. Соперники щедро наносили рубящие удары, стараясь найти брешь в обороне, и ловко гарцевали вокруг поверженного тауросу в доспехах. Тот мелко дрожал от страха, но не мог даже отползти в сторону из-за все еще сводящей все мышцы мучительной судороги.

— Сдавайся, — великодушно предложил Каввель, который уже натанцевался вдоволь.

Услышав в ответ лишь нечленораздельное мычание, он в пять движений — три обманных и два прицельных — легко перебил ремни, крепящие нагрудник. Кожаный доспех развалился на части, и враг остался в плотном поддоспешнике. Бока успели напитаться кровью и выглядели неважно.

Ярость у фаруконца уже выветрилась. В пылу сражения кровопотерю можно даже не заметить, но после боя сразу накатила валящая с ног слабость.

— Ты сам морской дьявол, — выдохнул он и повалился в пыль рядом с обездвиженным напарником.

Каввель хотел уже приступить к допросу, как упавший гаркнул из последних сил слабеющим голосом:

— Бегите!

Из-за поворота послышался приглушенный вскрик и раздался торопливый топот копыт.

— Отчаливаем до прилива? — ухмыльнулся пират. — Это вряд ли!

И припустил вдогонку, удивляясь необычному количеству противников.

Выскочив за поворот, он увидел футах в сорока спину немного неуклюже убегающего тауросу. Слишком медленно — трусишка явно не привык к большим скоростям и непонятно, на что рассчитывал. Телосложение щупленькое для воина, одет в пышную оранжевую юбку и халат с широкими рукавами, почему-то желтый и с синими цветочками, еще и пестрыми лентами украшен. «Женский же!» — запоздало сообразил пират.

— А ну, стой! — заорал во всю глотку Каввель. — Хуже будет, когда догоню.

Женская — без сомнений — с приятными на вид округлостями фигурка затормозила и встала, покорно ожидая своей участи. Все так же спиной.

Терзаемый смутной догадкой, Каввель осторожно подошел ближе. Не дойдя трех шагов, он остановился.

— Повернись, — мягко скомандовал он, а руки затряслись в странном предвкушении.

Эти волнующие изгибы рогов, шелковистая светло-коричневая шерстка, нежные мускулистые предплечья, крутые так и манящие бедра, чарующие отполированные копыта с инкрустацией из драгоценностей. В королевстве Фарукон, конечно, могли быть и другие, но...

Женщина повернула корпус в его сторону, изящно нагнула голову и робко посмотрела широко распахнутыми ореховыми глазищами с поволокой во взгляде на изверга, который посмел незаслуженно напугать такое нежное и невинное существо. Пока она поворачивалась, выражение на морде начало сменяться с игривого на откровенно испуганное, глаза распахнулись явно куда больше запланированного, а зрачки расширились.

Каввель громко застонал, заставив девушку отпрянуть в суеверном ужасе.

— Могара!

Теперь понятно, откуда здесь уши торчат.

Эльфийское выражение

Напряжение в зале ощутимо нарастало. Турон молчаливо требовал ответа, стража застыла в готовности в один миг изрубить в капусту всех, на кого укажет король. Лишь супруга повелителя острова пока сдерживала его гнев, не позволяя совершить необдуманый поступок. Она попросила гостей звать ее просто Усино и своей доброжелательностью и мягкостью манер окончательно расположила к себе Адинука.

Агррха напротив такое отношение только насторожило. Он, конечно, не слишком хорошо знал повадки тауросу, но его скудный в этом отношении опыт подсказывал держать ухо востро. По-своему добрый гном-церемониймейстер до допуска их в тронный зал несколько раз повторил, что рот лучше держать на замке, а руки подальше от оружия.

— У них обнажишь клинок на волос — это уже приглашение на дуэль, от которого они ни за что не откажутся. Кстати, если сами предложат, то не соглашайся. Они почти не умеют драться понарошку и любят нашинковать противника тонкими полосками.

С Каввелем всегда было проще. Он хоть и задирает иногда нос, но подобной ерундой не занимался. К орку пират вообще относился с уважением как к равному по мастерству воину. Людям и эльфу он первое время не доверял — это верно, но потом привык к ним и стал считать частью команды. В каком виде это донести до короля, чтобы он не обиделся еще больше?

— Дорогие мои, — между тем проворковала Усино низким грудным голосом, — простите наше сомнение в ваших словах, но мы не можем просто так доверять первым встречным. Можно ли как-то доказать, что вы действительно путешествовали с нашим сыном?

— Каких-то прямых доказательств мы предоставить не сможем, — ничуть не расслабившись, ответил орк. — Нас в компании было шестеро. Ваш сын, два человека, гоблин, эльф-троу потом превращенный в светлого и я. Выбраться из Бездны оказалось непросто, и наш гоблин придумал, что если отправиться в Эфир, то оттуда можно попасть прямо на Лумею.

Сидящий на троне самодержец непроизвольно подался вперед. Видимо, Агррх дошел до значимой части рассказа, ради которой из помещения выдворили всех гномов. Похоже, им не полагалось знать обо всем связанном с Эфиром.

— Так вот, — продолжил орк, — мы прибыли к странным вратам. Через них попали к вашему городу.

— Опиши эти врата, — глухо потребовал король.

Агррх зажмурился, в деталях вспоминая, как выглядели врата судьбы.

— Самые обычные деревянные, только с резьбой в цветочек, — медленно ответил орк, открывая глаза. — Туман там был и страж, который светился в тумане, а как он выглядел, никто и не знает.

— Вы не могли такого прочесть в книгах, — утвердительно стукнул своим оружием об пол Турон. — Значит, хотя бы часть правды в ваших словах есть.

Адинук открыл рот и выпалил, прежде чем Агррх смог его остановить.

— А сами-то вы что и откуда знаете про ворота? Мне просто интересно. Наверняка с этим связана какая-то история, достойная баллады.

— Твоя ушастая зверушка слишком много болтает, — сурово сказал Сын неба, ясно давая понять, что терпит существование эльфа не по своей воле, а исключительно из уважения к второму гостю, который хотя бы похож на воина.

— Заткнись, Гарбом тебя прошу! — не поворачиваясь к компаньону, шепнул Агрх так, чтобы не расслышали другие.

Остроухий все понял, скорчил подчеркнуто недовольную гримасу и демонстративно отвернулся поглазеть на портреты.

— Привратник сказал, что врата приведут каждого туда, где он нужнее всего, — закончил рассказ орк. — Наверное, мы с Адинуком нужнее здесь, а ваш сын где-то еще, но вряд ли он далеко.

— Не врата, Путь, — тихо поправила его Усино и повернулась к мужу. — Ты не верил! Никогда не верил, но это все равно случится.

— Да что случится-то? При чем тут эти ворота? — не выдержал Адинук. — Такое чувство, что вы любите намеки, как дворфы темный эль. И это меня называют безумцем!

Агрх с негромким хлопком опустил ладонь на глаза, всем своим видом показывая, как ему стыдно за беспардонность друга.

Стража вопросительно посмотрела на короля, а тот исподлобья на жену, мол, ты захотела притащить дикарей во дворец, тебе и решать, что с ними делать. Усино звонко расхохоталась.

— Вы дерзите великому Турону, — хихикнула она. — Значит, вы либо слишком глупы, либо достаточно отважны, чтобы осмелиться на такое. Наш сын не стал бы водиться с глупцами, но все-таки. Есть ли у вас что-то, кроме дерзких слов, чтобы подтвердить ваш необычный рассказ? Моего венценосного мужа одолевают сомнения.

Агрх опустил правую руку на рукоять зачарованного меча. Может, им нужно продемонстрировать еще и боевые навыки? Эльф хмыкнул, пробормотал «сами напросились» и жестом попросил его повременить.

— У меня есть одна вещичка, — сообщил он, снял с плеча холщовую котомку, развязал тесемки, заглянул внутрь и принялся в нее что-то нашептывать.

Агрх мужественно наблюдал. Он хоть и не был в восторге от того, что должно было оттуда вылезти, но за время совместного путешествия почти привык.

Король заинтересовался поведением эльфа. Когда же в ответ на шепот из мешка высунулась огромная волосатая паучья лапа и передала в руки остроухому какой-то сверток, нервы сдали у охраны. Два минотавра сорвались с места и, выхватив мечи, с громким топотом бросились защищать короля от неведомой угрозы. На морде Турона при этом не дрогнул ни один мускул, хотя свою глефу он крепко сжал. Королева громко икнула и начала заваливаться на сидящего на троне мужа.

Агрху ничего не оставалось, как выхватить свои мечи и угрожающе выставить их в сторону бегущих телохранителей. Те останавливаться не пожелали и через пару мгновений скрестили оружие с орком.

Позднее, вспоминая эти опасные мгновения, Агрх божился, что они того стоили. Оба противника были на голову выше орка. Ощущение опасности подскочило до предела, кровь забурлила от предвкушения драки, но боя не получилось. Зачарованные клинки, не встретив серьезного сопротивления, с оглушительным звоном легко перерубили несомненно

отменную, но все же совершенно обычную гномью сталь. Воин мог спокойно нанести смертельные удары обоим противникам, но просто приставил каждому к горлу по лезвию. Морды бывалых бойцов перекошились, потому что так их еще никто не унижал.

Позади раздались негромкие хлопки. Турон успел за время короткой схватки сгрести в охапку жену, усадить ее к себе на колени, прислонить глефу к трону и еще похлопать в ладоши.

— Ты могучий боец, и оружие у тебя что надо, — похвалил орка отец Каввеля, потрянув густой рыжей бородой, перехваченной в косичку желтой лентой. — Дуэль окончена. Теперь эти двое будут тебе должны.

Королева нашла в себе силы встать и расправить полы халата, слегка помятые Туроном. Аггрх опустил мечи и вернул их в ножны.

— Что за чудовище ты носишь с собой? — дрожащим голосом обратилась Усино к Адинуку, нервно поправляя выбившуюся из-под диадемы за время конфуза черную прядь.

Эльф за время боя стоял на месте и деловито разматывал сверток, врученный ему ручной паучихой. Лапа давно спряталась обратно в котомку, которая уже тоже вернулась на привычное место за спину.

— Это моя девочка, — туманно пояснил бард, поднимая перед собой обеими руками нечто воздушное. — Она очень старалась для вас.

Аггрх старался не упустить пристыженных телохранителей из виду, хоть они и отошли на пару шагов, поэтому не смог толком рассмотреть предмет. На беглый взгляд это была какая-то ткань с серебристым отливом и размером с большое полотенце или даже флаг.

Со стороны королевской четы донесся сдавленный звук: будто оба одновременно задохнулись.

— Вы позволите вручить вам этот дар? — с улыбкой поинтересовался эльф, когда чета минотавров вспомнила о необходимости дышать. — В этом зале, кажется, не нашлось места, но всегда же можно повесить его где-нибудь еще.

— Были причины, — пробормотал Турон, после чего неожиданно встал и, оставив глефу у трона, нетвердой походкой спустился с постамента к Адинуку.

Аггрх успел лишь в момент передачи увидеть, что на второй стороне выткан довольно реалистичный портрет Каввеля в полный рост с его знаменитой волшебной секирой в руках.

— Ай да мастерица! — мысленно восхитился орк.

Если подарок растопит сердце хозяина острова, то можно расслабиться: роскошный прием им обеспечен несмотря на все остальные оплошности.

Король бережно передал изображение сына жене, а затем вдруг сгреб эльфа в охапку и приподнял над полом. По щекам сурового минотавра потекли слезы. Усино нежно прижала картину к своему пышному бюсту, как будто это был сам Каввель, и тоже заплакала. Телохранители стыдливо отвернулись, делая вид, что их такое зрелище вообще не касается, а сами они случайно забрели в эту часть дворца.

— Он что, лишился уха? — пораженно ахнула Усино, рассмотрев портрет чуть лучше, но ей никто не ответил.

Наконец брыкающегося и обалдевшего от такого знака внимания Адинука выпустили из мертвой хватки владыки Мираса и поставили обратно на пол. Турон вернулся к трону и нажал на скрытую от посторонних глаз полость в подлокотнике. Где-то далеко раздался мелодичный перезвон колокольчика. Сразу же с тихим скрипом распахнулась боковая дверь слева от витража, и оттуда немедленно вышел почтенного вида гном в парике и с

письменными принадлежностями.

— Отправьте вести капитанам, чтобы бросили все силы на поиски моего сына! — Турон уже вернулся в свое обычное состояние и даже посуровел чуть больше, чем был изначально. — Усино, радость моя, позаботься, пожалуйста, чтобы друзья нашего недостойного отпрыска ни в чем не нуждались. Его ждет праведный суд, а их винить не в чем.

С этими словами он махнул рукой, завершая аудиенцию.

Весьма услужливые гномы по распоряжению королевы проводили компаньонов в отведенные им покои, пожелали приятного отдыха и удалились. На столиках в обеих комнатах уже стояли серебряные блюда, накрытые крышками. Ароматы, доносящиеся из-под них, приятно щекотали ноздри, но напарники все равно решили сначала осмотреться.

Оба к по-королевски роскошному убранству отнеслись с одинаковым равнодушием: походная жизнь приучила к неприхотливости. Хотя Аггрх с почти детским восторгом воспринял огромную мраморную ванную, которая больше напоминала бассейн, а барду приглянулся шикарный письменный стол с большим набором гусиных перьев, чернильниц с содержимым разных цветов и оттенков и, самое главное, огромное количество чистых пергаментных свитков. Его собственные запасы иссякли еще в Бездне, и Адинук потирал руки в сладостном предвкушении.

— Нормально устроился? — спросил зашедший его проведать орк, рассматривая gobелены и такую же прочную дубовую мебель, как и в своей комнате.

Нагрудник зеленокожий с облегчением снял, но остался в серебристой кольчуге, которая из-за замечательных свойств материала совсем не натирала кожу. При этом в ней никогда не было жарко, а в ее непробиваемости воин успел убедиться.

— Неплохо. Заметь, папаня нашего рогача даже не подумал извиниться за то, что назвал меня зверушкой, — приветливо помахал визитеру Адинук.

Покои оказались смежными, так что в гости можно было зайти в любой момент. Похоже, эти апартаменты изначально предназначались для размещения супружеских пар, но компаньонам даже не пришло в голову, что на это можно пожаловаться.

— А что ты хотел от минотавра? — резонно заметил Аггрх. — Он тебя потискал, а это считай, что попросил прощения, усыновил и наградил одновременно.

— Ну, не зна-а-а-ю, — протянул бард, начав перебирать струны лютни, взятую для подбора музыки под уже написанные слова баллады. — Одного мы приручили. Второй уже вот даже со всякими «зверушками» начал общаться. Может, и с ним получится?

Вроде бы, ничего особенного не произошло, но уши Аггрха словно обожгло звуками музыкального инструмента.

— Можно ты при мне пока играть не будешь? — тихо попросил он, страдальчески скривившись.

— Что, все так же голова болит? — тут же убрал руки от струн бард.

Орк кивнул, зажмурил карие глаза и потер мясистыми пальцами шрам на шее, навсегда оставленный рабским ошейником.

— Голова, шея, душа... А ты откуда знаешь? — спохватился он. — Я никому не говорил!

— Хочу напомнить, что я сумасшедший, а не идиот, — улыбнулся во все тридцать зубов эльф. — Сложить два и два несложно. Ты постоянно хватаешься за голову, все время угрюмый, как помидор среди апельсинов, а сейчас вот просишь не играть при тебе.

Агрх позволил себе кривоватую улыбку половиной рта, отчего торчащий наружу клык обнажился сильнее, делая и без того страшную шрамированную рожу жуткой. Эльфийская логика, конечно, попахивала не просто легкой тронутостью рассудка, а тяжелым безумием, но вывод-то оказался совершенно правильным.

— К боли я привык, так что это все мелочи, — произнес воин. — Я боюсь, что это как-то связано с тем злосчастным спором с Большим Лю.

— Значит, ты все-таки совершенно серьезно поспорил на души друзей с одним из верховных дьяволов? — искренне возмутился Адинук. — Ой, не то существо Михель обозвал отморозком, ой, не то.

Орк скривился и кивнул.

— И самое печальное в этом то, что спор мы, похоже, проиграли. Когда наш доблестный мракоборец с дуру отправил Антонио в небытие, моя бедная голова чуть не разорвалась. Я услышал голос Лю, и он был до омерзения радостным.

— Ну, ты не забывай, что Антонио превратился чуть ли не в воплощение тьмы, так что Михеля винить сложно, — в нехарактерной для себя вдумчивой манере произнес Адинук.

Агрх покачал головой.

— Он даже в этом состоянии оставался нам другом, а Михель... — орк махнул рукой.

— Думаешь, мы можем потерять и монаха? — ужаснулся эльф.

— Если уже не потеряли. Мне кажется, Лю через этот спор получил доступ к моей глупой башке — отсюда и боли, а из-за дурачества Михеля и к его. Боюсь даже представить, чем это грозит.

Бард забарабанил тонкими изящными пальцами по отполированной столешнице.

— Попросим Гарба, он что-нибудь придумает, — предложил он. — Или соберем все части посоха и освободим эту его богиню. Глядишь, от нее нам всем в благодарность чего-нибудь перепадет. И от Лю она сможет защитить. Помнишь, что Минору про нее сказал?

— Угу, что сильнее нее только два существа во всей вселенной, в число которых входит и хозяин Лю, — мрачно заметил Агрх. — Так ведь ей сначала силы нужно вернуть. Я теперь, вроде как, тоже отношусь к ее защитникам, только вот ума не приложу, что и как делать нужно. Вдруг что-то не по ней будет, и она не захочет меня принять? Вот ты же поклоняешься этому дворфобородому? Как он к тебе относится?

Адинук нахмурился.

— Не обижай мне Хьялти, он хороший и добрый, — вступился эльф за божество дворфов. — Если б не он, я бы уже окончательно спятил. Думаю, богиня гоблинов такая же, как Гарб, иначе он бы не стал ее жрецом. Он же к тебе хорошо относится, вот и она тоже будет.

— Ладно, убедил, — не стал спорить орк. — У нас есть еще одна проблемка. Каввелю мало проклятия, так его еще родной отец судить хочет. Надо что-то с этим делать.

— Что-нибудь придумаем, — легкомысленно отмахнулся эльф. — Его сначала найти нужно.

Адинук каким-то непостижимым образом всегда находил нужные слова.

— Хорошо, — Агрх согласился и с этим. — Поедим?

— Налетай, пока не остыло! — согласился с напарником остроухий, бросил в зеленокожего спелой виноградиной и попал прямо в лоб.

Тот не остался в долгу, и вскоре оба азартно, с лихорадочным блеском в глазах некоторое время швырялись друг в друга фруктами, пока не почувствовали поистине

зверский голод и уже больше не могли отвлекаться от еды. Напряжение дня улетучилось, оставив лишь валящую с ног усталость.

Если наелся навоза, протухшего молока уже не бойся.

Гоблинская пословица

Местные традиции пиратства складывались веками. Минули те лихие деньки, когда считалось достойным уважения перебить как можно больше народу и награть побольше золота. Сейчас в почете были честь, удаля и отвага. Само мореходство давно перешло от принципа «не получилось ограбить, так хоть поторгуем» к «торговать выгоднее и безопаснее». Изменилась и ценность жизни.

Куда прибыльнее разжиться невольниками и продать их тем, кто не чурается использовать рабский труд, чем беспричинно кого-то калечить и убивать. В некоторых городах и даже странах рабовладение запрещено, но далеко не все народы находят в нем что-то зазорное. Орки прекрасно покупают гоблинов, а некоторые эльфийские королевства людей и гномов. Люди как наиболее лишённые предрассудков прекрасно покупают и продают представителей всех рас и народов.

Вся эта торговля проходит в почти дружеской атмосфере, если так вообще можно сказать про лишение свободы: рабов покупают, заставляют отработать некоторое время, а потом отпускают целыми и невредимыми на все четыре стороны. Все знают правила этой «игры»: попался — изволь исполнять прихоти покупателя несколько лет или откупись. Правда, не все их соблюдают, но с такими приличные существа дел стараются не иметь. Только дворфы портят общую картину, категорически выступая против какой бы то ни было формы рабовладения. Что возьмешь с тупоголовых громил, которым лишь бы нахлебаться эля да разбить пару голов?

Правда, когда Каввель сколотил себе флот, концепция несколько изменилась. Пару лет его ватага совершала опустошительные набеги на прибрежные поселения, особенно человеческие. Вывозили все мало-мальски ценное, что удавалось погрузить на суда, а затем весело спускали все нажитое в прибрежных тавернах. За это Палача и боялись: он напоминал яростных пиратов прошлого, которым ничего не стоило лишить кого-нибудь жизни особенно жестоким способом. И, хотя репутация Каввеля возникла после его самого первого набега, больше связанного с личной мстью, слухи сделали из него чудовище без принципов и чести.

Масла в огонь подлило известие о проклятии богов за нарушение сразу нескольких кодексов. На самом же деле даже Каввель и его мульфиблы никогда не позволяли себе лишнего и всегда блюли кодексы в том числе и негласные, не позволяющие калечить пленников. Исключением стал один печально известный случай.

Всего четыре дня минуло, а шаман уже начал вставать и бодро ковылял по палубе, опираясь на посох и любуясь лазурью волн. Михель зарекся даже упоминать при Гарбе о существовании эльфийского народа и гномов предупредил, чтобы не рисковали. Приступов больше не было, и гоблин, казалось, шел на поправку порталными переходами. Правда, в его желтых глазах застыла жутковатая смесь ужаса, боли и тлеющей ярости. Сгорбленный ловец духов часами неподвижно простаивал на носу корабля и не моргая вглядывался в безбрежные просторы. Еще Гарб иногда ловил ртом соленые брызги, которыми море с ним

щедро делилось. И все время полировал посох ладонью.

Михель не мешал, но внимательно наблюдал, готовый в любую секунду прийти на помощь. Не шаману, так тем, кого тот мог захотеть покалечить. Сомнений в способности гоблина это сделать не было, поэтому стоило быть начеку. Впрочем, на гномов гoblin реагировал на редкость спокойно, и Михель вскоре перестал опасаться за судьбу коротышек. Установилось эдакое перемирие: команда признала пассажиров спутниками капитана, а те в ответ отказались от мести за некоторые неприятные события в прошлом и перенесли свой гнев исключительно на эльфов.

Мультиблы тоже не сильно стремились поболтать с существом в полтора раза крупнее себя, поэтому все больше переговаривались на своем грубоватом наречии поодаль и старались не замечать пассажира, недавно бывшего пленником. Матросам было не только стыдно за произошедшее, но еще и боязно.

Гоблинов не любят и презирают все народы без исключения. В основном за дело, потому что это подлое племя обожает трусливо грабить одиноких путников, совершать набеги на мирные поселения и уводить с собой весь скот. После налета стаи гоблинов всегда остаются только горы трупов и дымящиеся руины. Нет, когда люди, орки или те же эльфы решают повоевать, то картина почти не отличается. Вот только они никогда не опускаются до той же звериной жестокости, что и кобалусы.

Одного только перечисления увечий, которые остаются у тел замученных ими жертв, хватает, чтобы даже опытные сыщики других разумных рас предпочитали собирать улики на голодный желудок. Толку от этой работы все равно мало: если сразу после набега войска обиженного длиннопалыми народа не садятся банде на хвост, то найти потом конкретных виновников становится невозможным. Ответное же нападение на невиновные, с точки зрения гоблинов, поселения сплачивает все окрестные племена уродцев до той степени, что они могут устроить уже не набег, а самое настоящее нашествие.

Плодится подлый народец на редкость активно, явно наслаждаясь процессом, поэтому недостатка в хилых, трусливых и не слишком умелых, зато хитрых, коварных и жестоких воинах гоблины обычно не испытывают. Если бы не повальная детская смертность и малый срок жизни, отведенный богами, то им бы не составило труда заполнить вообще весь мир. Но пока гоблины таких попыток не предпринимали, у остальных народов не возникает большого желания связываться с дикарями. Отбиваться от нашествий дорого и долго, а добить остатки врага после вторжения почти невозможно. Те спрячутся в своих глубоких темных пещерах на время, затаив злобу, а потом лет через пятнадцать все повторится, но с более тяжелыми последствиями. Так что от гоблинов всегда предпочитали откупаться малой кровью. Подумаешь, сожгли хутор-другой, зато города целы, и торговля почти не пострадала.

Гарб моряков откровенно пугал. Шутка ли, когда перед тобой по палубе расхаживает гoblin шести футов ростом, которого недавно пытали в трюме. А в лапах у него огромная волшебная палка. Последняя крыса на корабле уже знала, что он сотворил с бывшим старпомом. Страх только подогревался известием, что это друг самого Палача, который не только жив, но и где-то недалеко. Простит ли капитан и без того виноватый перед ним экипаж? Вопрос сложный.

Михель наблюдал за стоящим шаманом и улыбался. Каким бы он ни был, а остальные длиннопалые в подметки ему не годились. Гарб никогда не опускался до бессмысленной жестокости. Да, у него случались вспышки гнева, но их всегда провоцировало что-то серьезное, будь то угроза его друзьям, сородичам или посоху. В остальном он совершенно

безобиден и за друзей всегда готов рискнуть собственной жизнью.

Рослый гоблин продолжал стоять сгорбившись, и тяжело опирался на посох длинными до колен лапами. Потрепанный серый кафтан ему вернули, и полы, как и отросшие коричневые космы, сейчас развевал ветер.

— Тяжело? — спросил человек, подбираясь ближе. — Нельзя так все время стоять.

— Все время и не буду, — надтреснутым голосом ответил гоблин. — Часа через два окажемся в Брестоне.

— Ты откуда знаешь? — удивился Михель.

— Я понимаю языки всех разумных рас Лумеи, — скрипуче сказал Гарб. — Матросы говорили об этом. Они все еще думают, что я не догадываюсь. Каввеля отыскать не смогли и теперь хотят сдать нас с рук на руки его отцу. Еще они нас боятся, особенно меня.

— Не удивительно, — кивнул монах. — Они же не знают, что ты из цивилизованного племени.

Оба компаньона стояли и смотрели на волны.

— Ты же раньше уже убивал? — вдруг спросил гоблин.

— Доводилось, — человек припомнил самый недавний случай и поморщился.

Голос совести постоянно ему нашептывал, что это было неправильно, но монах почти смог убедить себя, что ничего постыдного не совершил.

— И каково это? — пристально глядя на собеседника, уточнил Гарб.

— А ты разве не знаешь? — недоверчиво наклонил голову Михель и посмотрел в ответ исподлобья.

Гарб раздраженно топнул, пытаясь выразить разрывающие его душу чувства.

— С жертвенной скотиной совсем по-другому, потому что духи кур и овец не мстят. Я имею в виду разумных существ. Таких я еще не убивал и хочу понимать смогу ли. После одного случая в детстве я решил, что ничего не хочу делать без плана и просчета последствий. Много раз уже действовал на эмоциях и каждый раз все выходило настолько из лап вон плохо, что до сих пор жалею. Так что хочу это запланировать, если вдруг придется.

— Ты серьезно? — правая бровь с родинкой сама взметнулась, подчеркивая изумление. Михель пытался припомнить хоть один случай, когда Гарб... и не смог.

Монах стоял, широко расставив ноги, чтобы при очередном крене борта не покатиться по палубе, и думал, что ответить. Ветер неласково трепал его темные с проседью волосы. Седина на висках так билась в воздушных струях, будто прическа человека собиралась взлететь и унести его с собой от неуместных вопросов куда подальше.

— Это сложно, — нужные слова наконец сумели найти выход. — Раньше, как я помню, меня учили, что убивать плохо. И я щадил врагов пока не понял, что тогда они могут вернуться за мной. Сразу стало легче.

— Так что ты чувствуешь при этом? — настаивал на прямом ответе гоблин.

— Удовольствие, — признался Михель. — Раньше было только сожаление, но в последний раз мне однозначно понравилось. Не знаю, откуда это во мне вдруг взялось. Может, путешествие в адские миры сказывается?

Гарб понимающе хмыкнул в ответ.

— Так я и думал, — сказал он. — Вошел во вкус, значит. Хотя это действительно странно. Ты, вроде, раньше рассказывал, что так поступать плохо и можно только обороняться. И мне вот почему-то противно. Начинает мутить от одной мысли о преднамеренном убийстве и чуть не выворачивает наизнанку, если попытаться. Я не смог с

тем эльфом, хотя очень хотел. Все пытаюсь понять, за что они со мной так. Неужели просто потому, что я гобхат?

— Им зачем-то нужна была твоя кровь, — вспомнил Михель. — Только твой мучитель уже ничего не расскажет. Он умом сильно повредился, и пытал тебя, наверное, из-за этого. Второй, кажется, ничего и не знает толком.

— Если верить эфирному стражу, то мы сюда попали неслучайно, — впал в задумчивость шаман. — Наши пути разошлись сразу, но сошлись позже. Ты появился в нужный момент, чтобы спасти меня. Значит, я должен был чему-то научиться, пока мне никто не прикрывал спину.

— Или разучиться, — поддержал рассуждения Михель. — Я-то что. Меня изначально настоятель послал за тобой присматривать, так что свою задачу я выполнил. Ничего, думаю, скоро узнаем, почему так произошло.

Гарб не ответил, продолжая смотреть на море немигающим взглядом, как будто вместо соленых волн видел что-то совсем другое.

На горизонте показались очертания какого-то крупного портового города.

— Брестон прямо по курсу! — заорал матрос-«ворон» с наблюдательного поста в виде открытой бочки на ближней к носу корабля мачте, именуемой гномами крэненест или вороньим гнездом на всеобщем.

— Раньше графика уложились, — заметил монах.

— Хвала Бирканитре, — кивнул ловец духов и заковылял по направлению к каюте.

Человек оперся о фальшборт спиной и проводил компаньона странным изучающим взглядом. Гоблин, казалось, постарел за последние несколько дней лет на двадцать и достиг предельного старческого возраста для его расы. Это, конечно, лишь видимость. Гарб все еще оставался молодым и крепким, но пытки его сломали внутри. Будто перерезали какую-то нить, на которой все держалось, и теперь место доброжелательного молодого парня занял старый и немного злобный ворчун. Меньше всего на свете Михелю хотелось, чтобы этот огромный несуразный увалень, потерял ту юношескую пылкость, любознательность и страсть к экспериментам, которой щедро наделила его богиня-создательница и за которые его и любили.

— Эх, придушить бы того ушастого еще разок, — подумал он.

— Это можно устроить, падший жрец, — раздался в голове вкрадчивый и до боли знакомый голос.

— Что? — Михель дернулся, напугав внезапностью двух спешащих мимо матросов, от чего они заторопились еще быстрее.

Голос в голове хихикнул.

— С большой долей вероятности душа этого субчика должна попасть в четвертый круг, но я могу договориться о переводе в девятый, — серьезно ответил невидимый собеседник. — Сможешь помучить его, сколько пожелаешь, если будешь себя хорошо вести. Души обычно не для этого используются, но для тебя я могу создать особые условия.

— Большой Лю? — ужаснулся монах и уже куда суровее добавил. — Как ты посмел забраться в мою голову? Как это вообще возможно?

— О, это было непросто, — охотно отозвался дьявол. — Довольно хитроумная комбинация, надо признать. Ваш недотепа-орк кровью подписал обязующий контракт, по которому души всех предателей в вашем отряде отходят в мою безраздельную собственность. Пришлось напрячь фантазию и сначала оформить все в виде безобидного устного спора, а

потом написать текст договора на алтаре, который требовалось окропить кровушкой смертного для открытия портала. Он добровольно туда крови и налил. Короче, ты предатель, а значит, твоя душа теперь моя. После смерти, разумеется, но уже сейчас мы вполне можем пообщаться на эту тему, потому что живой ты мне куда полезнее.

Михель в панике осенил свой лоб серповидным знаменем.

— Не пытайся, не выйдет, — басовито расхохотался Лю.

— Я с тобой никаких договоров не подписывал и никого не предавал, — возмутился монах.

— Не подписывал, верно, — легко согласился жажани, — но предавал. И нужен мне именно ты. Раз уж договор сработал, то грешно отказываться от такой соблазнительной возможности. Строго говоря, мне от тебя не так уж много и нужно, но твоя добровольная помощь будет совершенно неоценимой.

— Не буду я твоим пророком. С чего я вообще должен помогать тебе? — оскорбился человек.

— Пророком, ха. Это была смешная шутка, но мне нужно не это. Проповедников и без тебя хватает. Ты, конечно, не обязан работать на меня, потому что подпись не твоя, — Михель почти физически ощутил, как Лю согласно кивает, — поэтому я дам тебе выбор. Можешь отказаться, и тогда я займусь твоим зеленокожим другом. Формально, он вас всех предал первым, когда подписал договор. Он, конечно, с твоей работой не справится, но я хоть наиграюсь вволю.

— Я слугитель Вседержителя! Я просто не могу!

Голос долго смеялся, от чего голова начала сильно болеть.

— Ты? После всего, что натворил? Побойся... э, кого ты там, кстати, боишься?

— Я вылечил Гарба наложением рук, — возразил монах. — Это доказывает, что Владыка меня не оставил. И чего я такого натворил?

— Это доказывает, что дарованные однажды силы не так-то просто забрать обратно, потому что себе дороже. Поэтому боги и не разбрасываются своими дарами, — хмыкнул Лю. — Ты же слышал истории про отступников, которые всю пользовались божественными силами. За такое, правда, и наказание суровее предусмотрено, но что-то я отвлекся. Чего натворил, говоришь? Сейчас посмотрим.

Несмотря на возражения монаха дьявол принялся рыться в человеческой памяти. Процедура оказалась не слишком приятной. По ощущениям походило на дергание обнаженных нервов раскаленными щипцами. Образы один за другим сменялись в голове, заставив желудок подступить к горлу. В какой-то момент стало нестерпимо больно.

— Странно, — раздался голос, и боль сразу отступила, — кроме жестокого убийства заведомо неспособного к сопротивлению врага, и предьявить-то пока особо нечего. Самое печальное, что даже за это к нам ты можешь попасть только если от тебя наотрез откажется одна сладкая парочка из вашего пантеона.

Монах расслабленно выдохнул, но, как оказалось, напрасно.

— Это только то, что ты сам помнишь, — отрезал жажани. — В твоей памяти кто-то уже до меня ковырялся и кое-что весьма неаккуратно почистил. Прикрой-ка веки и взгляни на одно маленькое происшествие глазами своего клыкастого приятеля.

Михель машинально подчинился, и на него тут же хлынул поток образов, выданных из чужой памяти. Человек увидел себя со стороны с большого расстояния. Он-Михель стоял на скальном уступе высоко над землей, а рядом с ним зависло самое настоящее порождение

тмы. Откуда-то из самых дальних глубин разума осторожно вышло робкое воспоминание. И тут же больно кольнуло до дрожи в коленях. Это же Антонио! Бурбалка, как он называл свое бестелесное существование. Только слишком уж страшным оно сейчас было! От облака мрака исходил такой ужас, что кровь стыла в жилах.

— Что я мог делать рядом с этим чудовищем? — спросил монах.

— Дальше смотри, — подсказал невидимый собеседник.

Михель закрыл глаза, чтобы увидеть продолжение. Тот человек на скале что-то говорил, а затем с разворота ударил ногой в самую середину облака, которое тут же испарилось. Солнце сразу начало светить ярче.

Монах открыл глаза.

— И что я неправильно сделал, даже если это действительно произошло?

— А то, что он в отличие от тебя не обрекал друга на участь хуже смерти, — довольно хихикнул Лю. — Куда ты его отправил, как думаешь?

— В Умбру, наверное. В мире теней ему самое место, — хмыкнул Михель. — В Ордене учили, как бороться с ее порождениями.

Голос в голове бросил в него образом поднятого вверх большого пальца, за которым последовал образ вручаемого ордена.

— Ты ведь и нам услугу оказал, потому что у нас существуют некоторые трения с миром теней, — голос можно было намазывать на хлеб, будь он материален. — Замыслы Умбры страшат даже нас, потому что могут поломать основы мироздания. Но вот ведь незадача, этот огромный жуткий комок мрака не только хотел тебе помочь, но и никак при этом тебе и твоим друзьям не угрожал. А если и этого мало, то знай, что его душа осталась чистой и незапятнанной мраком. Умбра же его попросту сожрет после того, как он ее послушался.

— Не верю.

— Вернемся немного назад.

Поток образов изменился. Теперь черноволосый парень с седыми висками сидел, прислонившись спиной к скале, а у него на коленях поверх монашеского балахона покоилась голова той самой девицы с портрета. Монах шептал молитвы и пытался исцелять, но выздоровление все никак не наступало. Жизнь неотвратимо покидала тело девушки. Человек страшно крикнул и отрекся от Вседержителя, проклиная его.

— Я не верю тебе, — ответил Михель, гневно сверкая глазами. — Ты лжешь!

— Не стоило прогуливать занятия в монастыре, — в голове возник образ красного когтистого пальца, назидательно машущего из стороны в сторону. — Там можно было узнать, что жахани никогда не говорят неправды, потому что есть множество других способов добиться нужной цели, а глупая ложь только лишает возможности проявить изворотливость и часто приводит к результатам, далеким от желаемых. К этому разговору мы еще вернемся. Подумай пока, но не очень долго. У меня-то в запасе вечность, а у тебя ее нет.

Михель зажмурился, а когда открыл глаза, никакие голоса его уже не тревожили.

«Все любят грешить. Расплачиваться за грехи — никто».

— Хуан де Деса, великий инквизитор

Огромный страшный пират угрюмо нависал над ней, а единственная наследница повелителя острова Такарим растерялась, напрочь забыв все, чему ее учили. Забыла она и про кинжал, спрятанный в рукаве, и про своего настоящего отца. Потому что то, что она видела, не могло быть правдой. Небесный отец наказал этого негодяя, превратив в обычного быка. Почему же он все еще топчет землю своими погаными копытами?

Могара бросила беглый взгляд, чтобы убедиться, что ей не показалось. Нет, это определенно тот самый Каввель Исс-Брестон, заклятый враг королевства Фарукон, гроза морей, наглец и грубиян, каких поискать. И насильник.

Еще один взгляд искоса показал, что пират все-таки симпатичный, хоть и жуткий. Только бы не подумал, что с ним заигрывают. Он и так в прошлый раз покусился...

— К-хм, — покашлял Каввель. — Ну, рассказывай, красавица, зачем тут ходишь совсем одна.

Он сам не знал, как строить разговор и с чего начать, поэтому выбрал нейтральную тему. Многие месяцы в теле быка отбили у пирата всякую охоту приближаться к дочери бога, но ее присутствие будоражило кровь. Почти пьянило. «Не смей к ней даже прикасаться!» — отвесил он себе мысленную оплеуху. — «Если она опять воззовет к отцу, Бездна тебе покажется раем».

— Отец мой небесный! Взываю к тебе! — прорезался вдруг голос с истеричными нотками у Могары. — Не допусти надругательства над чадом твоим!

Каввель хлопнул себя по бычьей морде свободной ладонью и обреченно зажмурил бледно-сапфировые глаза. Ничего не изменилось. То ли в этот раз Му-Кириин посчитал, что дочери ничего не угрожает, то ли действующее проклятие исчерпало силы божества, но ничем новым в этот раз он дочурку порадовать не захотел. Пират просиял.

— Вернемся к моему вопросу? — как можно вежливей предложил он.

— Д-да, г-господин, — стуча зубами, выдавила из себя потрясенная безразличием божественного папаши девушка.

Безопасная, казалось бы, поездка в качестве посла к союзным дворфам. Со всеми врагами заключены мирные договоры, все войны закончились, бандитов истребили. Что могло пойти не так?

Сзади раздалось пыхтение и торопливые шаги.

— Шишку не профунькал, голова одноухая? — подозрительно осведомился Ордан, выглядывая из-за широкой спины минотавра и тут же восхитился. — Надо же, кого к нам занесло!

Затем дворф крикнул что-то на своем наречии, и со всех сторон повалили крепкие ребята в алмазных доспехах, вооруженные кто топорами, а кто арбалетами и недлинными мечами. Всего вылезло больше дюжины. Каввель напрягся. Такого поворота событий он ждал, но все планы портила Могара. В одиночку было бы легко отбиться от толпы дворфов и удалиться в нужном направлении. Точнее, парочке досталось бы лабрисом, а от остальных можно и копыта сделать, но с балластом в виде высокородной дамы много не побегаешь.

— Ты молодец, здоровяк! Ловко шпавилша! — похвалил пирата подоспевший Шеанорд и опустился на колени, чтобы вытереть окровавленный меч о траву. — Мы не ращтитывали, что ты выживешь, но раз уж так шлутшилошь... Ты же не против, что парни к нам пришеединилиш?

— Не против, — сухо ответил Каввель, не сводя глаз с оружия дворфа. — Мне была обещана доля, кажется.

— А как же! — закивал головой предводитель банды дворфов, поднимаясь. — У одошпешенного золотишка было немножко. Оно вшо твое. Нам нужна только шишка.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — нахмурил черные косматые брови тауросу.

— А вот это, уважаемый, не твое дело, — сплюнул на траву возле дороги Шеанорд. — Забирай швое золото и катишь отшуда, пока мы не передумали. Хотшешь, мы тебе еще камушков крашивых нашипем ш шобой по доброте душевной? Ешть рубинальды и пара яшнотшветов.

Дворф, готовый добровольно поделиться награбленным — редкое явление, а готовый доплатить сверху просто-напросто топчется грязными ножищами по самой своей природе. Значит, Могара им куда дороже золота и драгоценностей. С одной стороны, она не только из вражеского стана, но еще и причина мытарств наследника Брестона. А награды еще и на проезд до дома с лихвой хватит. С другой, бросать деву в беде не велит сразу несколько кодексов, будь она хоть сто раз распоследней вражиной. Да и глаз от нее оторвать нельзя. Как тут бросишь? С тем, что Могара окажется в беде, если крепыши уведут ее с собой, тауросу ни секунды не сомневался.

Каввель пожевал губами в раздумьях. Дворфы внимательно следили за процессом, но нападать не спешили. На такой дистанции минотавр всех, конечно, не перебьет, но может серьезно проредить ряды. Если есть шанс договориться полюбовно, то его стоит использовать. Даже арбалеты вскидывать парни в доспехах не спешили. Тауросу не любят угроз, а нацеленное на них оружие — объявление войны с мгновенным наказанием.

Время на раздумья заканчивалось, на что недвусмысленно намекал Шеанорд, нетерпеливо притопывая латным ботинком по камню дороги.

— Тешуо, нитшего литшного, поэтому я тебе шоветую не упрямитша, — почти потечески обратился к нему главарь. — Тебе девок што ли мало? Ш этой вшо равно бы не полушилошь никогда.

— Никогда не говори никогда, — буркнул Каввель себе под нос и добавил уже громче. — Мало!

Банда сразу пришла в движение. Однако именно в этот момент за поворотом дороги раздался пронзительно-громкий свист, как будто специально подгадывали. Все арбалеты тут же разрядились в сторону звука. Кто-то определенно знал, как моментально вывести из себя шепелявых, чем очень помог минотавру.

Пират сразу начал действовать. Первым в страну бесконечных самоцветов отправился Ордан, стоявший ближе всех. Чвяк! Дворф даже не успел охнуть, когда секира с глухим звуком срезала бороду и вошла в незащищенное капюшоном кольчуги горло. Остальные впали в секундный ступор. Этого хватило, чтобы следующий рассекающий удар лабриса успел лишить жизни еще двоих остолопов, которым не достало сообразительности отскочить в сторону.

Шеанорд махнул рукой в сторону поворота, выставив два пальца. Двое подчиненных, гремя доспехами, сорвались с места и побежали в указанном направлении. Остальные

рассредоточились, не давая Каввелю возможности легко попасть по всем сразу. Лабрис заметался в поисках добычи. Для воинов в доспехах хватало и касания, чтобы они упали и забились в конвульсиях, но не до всех удалось быстро дотянуться. Пока рубаки с топорами отвлекали грозного пирата, четверка дворфов спокойно перезарядила арбалеты и теперь выжидала удобного случая, чтобы всадить болт в почти незащищенное тело. Каввель двигался со стремительностью молнии, но и он не мог достаточно быстро справиться со всеми.

В суматохе дворфы как-то позабыли о Могаре. Принцесса изображала из себя тихую послушную девочку только перед Каввелем и только до поры. Стоило всем упустить ее из виду, как тауросу совершила два прыжка — и у арбалетчиков вдруг отчаянно заболели головы. В каждый шлем с коротким, но звучным «Бам!», врезалось тяжелое подкованное копыто. Они только и успели увидеть мелькнувшие складки розового халатика.

Дальше на одного минотавра надели сразу шестеро противников. Пятеро с топорами и Шеанорд со своей не слишком уместной в таком бою «зубочисткой». Он пришел к месту сбора без арбалета, а его короткий клинок годился разве что для добивания павших. Впрочем, каким бы умелым и быстрым воином ни был тауросу, но сразу шестеро противников, каждый из которых почти не уступал ему в силе, заставили вспомнить пирата все, что он умел. Дворфы мастерски, пользуясь численным преимуществом, начали теснить Каввеля, не давая ему пространства для маневра. Они ловко прикрывали друг друга, так что удары минотавра не достигали цели.

— Ну держитесь! — воскликнул тауросу, и его глаза начали наливаться кровью.

Если до этого пират двигался просто быстро, то сейчас взмахи лабриса начали напоминать искрящуюся мельницу, лопасти которой крутит ураган. Каввель словно вышел из тела и, как будто, наблюдал бой со стороны. Сейчас он ощущал себя чистой энергией, не связанной с телесной оболочкой. И без того легкая для его могучих мускулов секира превратилась в нечто невесомое.

Ошеломленные мельтешением губительных лезвий, дворфы отпрянули, но их это не спасло. Все закончилось в десять секунд, и противники один за другим скрюченными червячками пали к ногам победителя. Шеанорд держался до последнего, но и он, получив плашмя секирой по шлему, натужно захрипел и свалился, корчась в судорогах, на мощеную дорогу. Дворф пытался что-то сказать, но из-за сведенных мышц не получалось.

— Не трудись, — подмигнул ему Каввель, моментально выходя из боевого транса. — И за нами не ходи, а то я обижусь.

Могара стояла, скрестив руки на груди, чуть поодаль возле кучки оглушенных арбалетчиков. Каввель перевел взгляд на нее и улыбнулся, получив в ответ смущенную и немного вымученную улыбку. Принцесса еще никогда не видела таких мастерства и скорости. Стало понятно, почему флот ее королевства терял один корабль за другим вместе с капитанами. Против этого свирепого воина и его чудо-лабриса нужно выставлять как минимум боевую шестерку, а не пару. Тауросу негодовала сама на себя, потому что представление ей понравилось. Как и сам воин. Но ведь нельзя же так восхищаться врагом! Или можно?

— Пошли, что ли? — предложил тем временем Каввель, прерывая ход мыслей Могары. — Провожу. Приставать не буду, слово тауросу.

— Там моя охрана, — не двигаясь с места и не поднимая глаз, сказала девушка. — С ними и пойду.

— Вряд ли они ходить смогут в ближайшее время, — минотавр хохотнул и вытер секиру о плед-юбку Ордана.

До Могары начало доходить, что победить сразу обоих сопровождающих мог только этот страшный боец. Она пока слабо соображала, потрясенная произошедшим, но картина начинала складываться. Оставалось понять, зачем Каввель ее спас, если сам заодно с дворфами.

— Не согласен, — раздалось позади, и пират подскочил на месте, разворачиваясь в сторону новой угрозы, — они вообще ходить не смогут.

Перед собой он увидел пыхтящего от напряжения инквизитора все в той же серой робе, который тащил за собой слабо упирающегося дворфа, громыхающего латами. Шрам на лице человека налился кровью от напряжения. Пленник выглядел совсем жалко, потому что де Деса крепко держал его за бороду, а руки стянул веревкой за спиной. Шлема на несчастном не было, а под правым глазом наливался фиолетовым внушительный фингал. Каввель расслабленно опустил лабрис.

— Второй уже не поднимется, — устало доложил храмовник, поправляя свободной рукой ножны на поясе. — Оба тауросу тоже. Эти изверги им головы отрезали.

Минотавр тихо выругался. По верованиям дворфов, душа любого смертного заключена в голове, поэтому для окончательного упокоения необходимо отделять ее от тела. Истоки этого дикого, с точки зрения остальных народов, обряда теряются во временах первого орочьего нашествия. Именно тогда дворфам впервые пришлось столкнуться с некромантией. Тогда же в чью-то бородатую башку пришла идея, что если телу павшего отрезать лишнее, то его уже нельзя будет поднять с помощью темных искусств. Так и повелось: дворфы оказывают честь и своим мертвым, и иногда врагам, если лишают их голов.

Кто бы там во что ни верил, но Каввель считал, что добивать беспомощных бесчестно, а уж таким способом и подавно. Подгорный народ сильно упал в его глазах. Могара вскрикнула и спрятала мордочку в ладонях.

— Этого предлагаю допросить, — сказал человек, швыряя дворфа, как мешок с зерном, рядом с лежащим предводителем.

Пленник упал на брюхо, но быстро перевернулся на спину.

— Не возражаю, — кивнул пират.

Дворф угрюмо посмотрел здоровым глазом сначала на Каввеля, потом на поверженного Шеанорда, перевел взгляд на инквизитора, вздрогнул и вжал голову в плечи. Видимо, де Деса начал предварительные инквизиторские ласки еще за поворотом.

— Мы нитшего плохого не шделали! Это гнушный наклеп! — не пытаясь встать, запричитал дворф.

— Поклеп, — поправил его Каввель. — Так чего именно вы не сделали, мальки кальмарьи? И зачем вы хотели захватить посла Фарукона?

— Я нитшего не знаю, — упрямо повторил латник, осторожно пытаясь приложить ушибленное место к холодному металлическому плечу своего доспеха. — Мы прошто немного пограбить хотели. Нужно больше золота. И вообще, валили бы вы пошкорее, а то шкоро тут наших много будет.

Каввель переглянулся с инквизитором.

— С хорошим оборудованием по-другому бы запел, — сказал де Деса. — Надо уходить. Он, похоже, не врет насчет подкрепления.

Минотавр кивнул и коснулся одним из лезвий секиры нагрудника дворфа. Того

скрутило мощной судорогой, и тауросу сразу потянул Могару за рукав халата, увлекая за собой.

— Пошли, — поторопил он.

На этот раз девушка подчинилась, хоть и неохотно. У нее все еще стояли слезы в глазах.

— Спасибо, да? — насмешливо бросил им в спины храмовник.

Каввель обернулся.

— Ладно, ты заслужил нашу благодарность, — сказал он. — Можешь обчистить этих бородатых и плыви обратно на свой остров.

— Щедрое предложение, — как будто посмаковал эти слова человек. — Откажусь, наверное. Все-таки я бы не советовал уходить без меня. У нас осталось незаконченное дело.

Тауросу остановился. Не многовато ли этот старик о себе возомнил?

— У нас говорят, непрощенный совет хуже человека, — сердито произнес пират. — Ты ведь понимаешь, что мы не будем рады твоей компании?

— Будем, — подала голос Могара. — Он пойдет с нами, если таково его желание.

Инквизитор позволил себе быстро ухмыльнуться, увидев перед собой закипающего Каввеля, но тут же снова стал серьезным. Минотавр сначала опешил, а потом его ноздри стали раздуваться все больше, а глаза налились кровью. Женщина не может командовать им!

Тем не менее через полминуты он сумел успокоиться, медленно досчитав до двадцати: уроки Михеля не прошли даром.

— Зачем? — пристально посмотрел Каввель на Могару сверху вниз, но в очередной раз смутился от ее красоты и отвел взгляд.

Та посмотрела в ответ такими доверчивыми молящими глазами и так похлопала ресницами, что сердце пирата дрогнуло.

— Благородный муж спас нам жизнь, долг крови, — добила аргументом принцесса. — Это ведь он свистел.

— Молчала бы насчет спасения, — поморщился Каввель, но уже не нашел в себе сил возражать. — Ладно, тогда отчаливаем. Если к этим сейчас не подойдет подкрепление, то у нас есть минут тридцать форы. В доспехах им за нами не угнаться, так что уйдем легко.

Минотавр постарался создать хотя бы видимость, что решение осталось за ним. Тауросу как будто подыграла, но это не мешало ей улыбаться краешком губ каждый раз, когда воин бросал на нее косые взгляды.

Троица отправилась в путь подальше от изрыгающих проклятия дворфов, пока те не перестали биться в конвульсиях. В одиночку Каввель бы двигался куда быстрее, но Могара в своем халатике не могла передвигаться с приемлемой для него скоростью. Приходилось терпеть. Де Деса брел позади, стараясь не мозолить глаза, но не отставал, хотя пират очень на это надеялся.

Дорога огибала горы, которые клан Сумеречного топора считал своей вотчиной. Пока беглецы не удалятся от их подножий хотя бы на расстояние полета арбалетного болта, никто не мог чувствовать себе в безопасности.

Каввель опасался засады и шел, стараясь следить за окрестностями. Дорога петляла каждые двести футов, заставляя каждый раз аккуратно высовываться из-за поворота в поисках опасности. Их все равно выдавало цоканье подков по камням, но лишняя осторожность не повредит.

Наконец дорога привела к развилке. Поворот основного тракта направо круто забирал в гору, а влево уходила хорошо утоптанная, но грунтовая тропа, теряющаяся в густом лесу.

— Вы с какой стороны пришли? — обратился Каввель к Могаре.

Та молча указала рукой в сторону леса.

— Долго будешь дуться? — нахмурился минотавр.

Девушка бросила на него неприязненный взгляд.

— Господин теперь приказывает мне говорить? — спросила она насмешливо.

Тут Каввель вспыхнул.

— Да ты хоть знаешь, через что мне пришлось пройти из-за тебя? — заорал он, теряя самообладание. — Я в аду побывал, спас вот тебя от этих волосатых, а ты... ты...

— Я польщена, — смиренно склонила рогатую голову Могара, но в ее прищуренных глазах полыхнуло пламя.

— Ладно, как хочешь, — через минуту тишины сказал успокоившийся Каввель. — Дойдем до порта, сдам тебя твоему экипажу и расстанемся. Надеюсь, не держа зла друг на друга.

Таураса кивнула и ускорила шаг. Де Деса задумчиво посмотрел на спины задорно ссорящейся парочки и улыбнулся. Какая жизнь все-таки интересная штука. У этих двоих больше общего, чем они думают. Со стороны хорошо заметно, но упрямые тауросу предпочитают не замечать очевидного. Что ж, поглядим, чем это закончится и поможет ли в предстоящем нелегком деле.

Изгонять дьявола демоном.

Гномья поговорка

Флаг с минотавром предусмотрительно спустили: под ним не полагалось ходить без владельца на борту. В отсутствие капитана и хозяина, их роль брал на себя шкипер — как правило гном-мультибл, которому собственное знамя не полагалось в силу низкого происхождения.

Корабль тихо скользил по мерно плещущимся волнам, входя в закрытую от сильных ветров гавань, а матросы слаженно работали с такелажом. Изредка звучали отрывистые команды боцмана, только подчеркивающие общую торжественную атмосферу. В порту уже стояла дюжина торговых судов помельче. Обычно здесь сновали туда-сюда грузчики, перетаскивая свертки, тюки и ящики, работали краны, переноса более крупные грузы. Сейчас все было иначе.

Окироши или большие охотники, если на всеобщем, как правило захаживают в порт Брестона для выгрузки добычи. Случается это не то чтобы редко, но все же не каждый день. В любом случае такую торжественную встречу Рыдло объяснить мог бы только одним: все предвкушают возвращение наследника, которого так и не удалось отыскать.

— Нас ждут? — спросил у него Михель, поймав на мостике.

— Капитан ждать, — поморщился шкипер. — Только мы его не находить. Последний время мы не желанный гость в этой гавань есть. Ох, я неприятность чуют.

В порту было шумно и многолюдно, а точнее многогномно. Людские головы тоже мелькали время от времени, но они просто терялись в огромной массе более низкорослых цвергов в силу собственной малочисленности. Над толпой неподвижными утесами возвышалась пятерка крупных тауросу. Минотавры, закутанные в однотонные черные или белые матерчатые халаты и подпоясанные широкими кушаками контрастного с одеянием цвета, выполняли роль то ли стражи, то ли смотрящих за порядком.

Встречающие — никаких сомнений в их намерениях не возникало — в руках держали флажки разного цвета и даже плакаты. Никто не работал, никто не разговаривал. Все молча напряженно ждали, пока корабль пришвартуется и спустят трап, готовясь разразиться приветственными криками.

Когда на палубе показался гоблин в сопровождении человека, гномы на берегу зашушукались. Слухи из дворца разошлись быстро, поэтому к появлению столь странных спутников наследника население оказалось готово. К трапу выдвинулись минотавры, уверенно рассекая грудью гномье море. Глядя на это, Гарб сделал безошибочный вывод:

— За нами, — и заковылял вниз под шепотки и переглядывания снизу.

Шаман так грузно опирался на посох, что сразу становилось понятно, как ему тяжело идти.

Деревянная пристань манила своей устойчивостью и казалась раем после бесконечной пятидневной качки. Сразу за ней начиналось гномье многоголовие, а чуть поодаль возвышалась городская стена с открытыми воротами.

— Вы прибыли на корабле наследника. Флага нет. Он не с вами, так? — сурово поинтересовался один из минотавров, чей строгий халат выглядел особенно нарядно.

— Если вы о Каввеле Исс-Брестоне, то не с нами, — спокойно ответил Михель, глядя снизу вверх.

— Жаль, — огорчился рогатый. — Что ж, мне приказано проводить вас во дворец. Я командир стражи Оку, бу-следуйте за мной, незванцы.

— Не стоит недооценивать другие расы и демонстрировать плохое отношение так открыто, тауросу. Каввель достаточно быстро научился уважать своих компаньонов, — Гарб скрипуче обратился к спине Оку, и тот замер как вкопанный, услышав родную речь от гоблина.

Рогатый просигналил рукой, и остальные минотавры принялись расчищать путь, разгоняя гномов грозными взглядами, а иногда и аккуратно тесня их. Те довольно дисциплинированно отходили в стороны, а зазевавшихся отдергивали за рукава курток их же соседи по толпе.

— Откуда ты бу-знаешь наш язык, чужак? — спросил минотавр, медленно поворачиваясь к шаману.

Михель непонимающе уставился на Гарба.

— Я знаю много языков, — выпятив нижнюю губу, ответил гобхат, — и советую свое презрение обратить на кого-нибудь еще. Я сегодня не в настроении.

— А то что, сладенький, вызов мне бросишь? — хмыкнул Оку, оценивающе глядя на возможного противника.

Увиденное его позабавило: долговязый и худощавый гоблин, весь в шрамах, в мешком болтающемся на нем потрепанном одеянии, еле переставляет ноги. В дуэли не продержится и десяти секунд.

— Знаешь, в чем разница между тауросу и... — вкрадчиво сказал Гарб, порыскал глазами и наткнулся взглядом на ящики с сырой рыбой, — скажем, селедкой?

— И в чем же? — сузил глаза Оку.

— В одном простеньком заклинании из школы трансмутации, — с ледяным спокойствием произнес гоблин, сам себе удивляясь.

Не так давно ему на такое не хватило бы духу, но сейчас шаман не считал нужным сносить оскорбления от какого-то рогатого хама. Тем более, что реальные возможности дать отпор имелись.

Интонации не несли в себе угрозы, но до Оку вдруг дошло, что Каввель вряд ли бы взял в спутники кого-то, кто совсем уж бесполезен в бою. Скорее наоборот: этот гоблин — могущественный волшебник, судя по посоху и одежде. И он, похоже, не шутил. Оку же назвал его сладеньким, что в языке минотавров несло в себе достаточно прозрачный намек на слабость и женоподобность. Тауросу с трудом проглотил настырно просившийся наружу ответ и молча вернулся к расчистке пути, внезапно утратив желание проверять боевые качества чужака. Через минуту толпа расступилась достаточно широко, и путь оказался свободен. В этот момент со стороны ворот, отделявших порт от жилой застройки, показались две фигуры. Орк и эльф.

Гарб вперил в них взгляд, и его глаза моментально сузились. Гоблин замер на месте и занес посох над землей.

— Нет! — закричал Михель, быстро осознав, во что это может вылиться.

— Умри! — взвизгнул шаман.

Оку оценил обстановку первым, сразу сообразив, что вопль адресован не ему. Тауросу среагировал мгновенно и попытался сбить колдуна с ног, но его отшвырнуло в сторону

мощным порывом ветра. Капитан стражи упал плашмя на бочки с рыбой и недовольно помотал рогатой головой. Тем временем монах выскочил вперед, пытаясь перекрыть своим телом возможную траекторию полета столь любимого Гарбом огненного шара. Гоблин развел длинные лапы в стороны и забормотал какое-то более мощное заклинание.

На шамана с трех сторон бросились минотавры, но и их расшвыряла в стороны магия, а гоблин даже не прервался. Гномы, стоящие поодаль стали пытаться бочком отходить в сторону, но из-за скученности у них это получалось плохо. Давка грозила начаться в любую секунду. Где-то заплакал ребенок, истошно завопила женщина, за ней другая. Аггрх и Адинук по инерции еще бежали встречать друзей, но радость на их лицах уже успела смениться недоумением. Еще немного, и могло случиться непоправимое.

— Гарб, нельзя! — монах говорил тихо, но уверенно. — Ты же сам говорил, что тебе духу не хватит. Может, не надо?

— Надо. Убить! — гоблин стоял, тяжело дыша и в упор смотрел на загоревшего ему путь друга, словно в нем шла какая-то внутренняя борьба.

Затем что-то щелкнуло, и ловец духов рухнул там, где стоял. С борта окироша выглянул Рыдло.

— Попал? — тихо спросил он, пряча за спину миниатюрный одноручный самострел.

Михель перевел взгляд на лежащего гоблина. Из шеи шамана торчал малюсенький оперенный дротик.

— Ага, — подтвердил монах, аккуратно вытаскивая снаряд из Гарба за оперение, безразлично отшвырнул в сторону и благодарно кивнул шкиперу. — Хорошо, что он щит не выставил.

— Кажется, мы все попали, — констатировал подоспевший Аггрх и спросил встревоженно. — Что случилось-то? Чего он так взъелся?

— Эльфы, — бесстрастно ответил Михель. — Шрамы видишь?

Аггрх осмотрел тело гоблина, и волосы зашевелились у него на голове. Если представить, что каждый из этих уродливых рубцов оставил пыточный инструмент, то такая реакция не удивительна. И это только то, что на морде. Под одеждой, наверное, все еще страшнее.

— Р-р-р, — зарычал зеленокожий, стискивая кулаки.

— Это все за пять дней? — изумился Адинук, выглядывая из-за плеча орка. — На секунду вас оставить одних нельзя.

— Не усугубляй, — нахмурился человек. — Это он на тебя среагировал. Ты не обижайся, но пока для всех будет безопаснее, если он тебя какое-то время не будет видеть даже издали. Гарбу досталось от остроухих, сам понимаешь. Я потратил уйму времени, чтобы хоть как-то привести его в порядок, а тут он снова сорвался.

Адинук почесал затылок, сник и молча отошел в сторонку. Ему случалось быть объектом ненависти, но это уже чересчур.

— Снова? — подозрительно переспросил возникший рядом Оку.

Тауросу успел отряхнуть халат от рыбы, но сильный запах выдавал место, в котором он недавно побывал. — Я смотрю, гроза морей умеет подбирать себе компанию.

В интонациях на этот раз легко угадывалось уважение. Похоже, несмотря на все свои грехи Каввель пользовался в королевстве авторитетом, который теперь частично перенесся и на его спутников.

— Да, — не смутился Михель. — После пыток в трюме он теперь так реагирует на

длинные уши, а силушки волшебной в нем немеряно, как видите. Так что остается надеяться, что это пройдет.

— Или выпускать его в бой против древорожденных кроликов, — гыгыкнул Оку, а потом посерьезнел и добавил. — Вас проводят, а я пока кое о чем потолкую со шкипером. Колдуна сами понесете.

На корабле кто-то громко выругался, а затем оттуда донесся горестный вопль на цвергском:

— Ну я же знал, что добром это не кончится! Ведь чуял же!

— Мятеж, пытки, незаконный оборот живого товара, сделки с эльфами, — перечислил минотавр, с каждым словом делая шаг по трапу. — Я ничего не забыл? Чуял он.

Гномов никто о помощи не просил, но аборигены сами откуда-то приволокли большие носилки, взвалили на них бессознательного гоблина и потащили в сторону дворца.

Агрх и Михель последовали за невеселой процессией, а Адинук задумчиво остался стоять на пристани. Правда, когда к нему начали приставать с расспросами местные жители, он сделал вид, что не понимает всеобщего и тоже улизнул.

Толпа еще немного потопталась на месте, но других кораблей в прямой видимости не наблюдалось, поэтому мультфиблы разочарованно разошлись.

Нежно-багряные лучики закатного солнца пощекотали широкий и почти плоский нос. Гоблин чихнул и скорчил гримасу, от тупой боли, отозвавшейся в голове, шее и каждой конечности. Веки пришлось приподнимать осторожно: вдруг и глазам будет больно от света. К счастью, все оказалось не так уж и плохо.

Приподнявшись на локте, Гарб обнаружил, что посох мирно покоится рядом с ним, и облегченно вздохнул.

— Ну и где мы? — поинтересовался он сам у себя и осмотрелся.

Большая деревянная кровать, пуховая перина, белоснежное белье, балдахин на четырех столбах, плотная ткань занавеси, сквозь щелочку в которой и пробивался золотистый лучик света. Хм, неплохо. Значит, точно не темница.

Отдернув тяжелую парчовую завесу с серебряными звездами и золотыми кистями, шаман осмотрелся. Просторную комнату сквозь широкое окно щедро заливало светом солнце. Посреди нее небольшой круглый столик, пара уютных с виду кресел рядом, на полу ковер, на стенах тканые картины с минотаврами и морем. В углу на массивной подставке стоит ростовое зеркало в резной раме.

Гарб свесил ноги с кровати и обнаружил, что полностью раздет.

— Непорядок, — охнул он и засуетился в поисках одежды.

Все аккуратно висело на вешалках рядом с кроватью. Шаман спешно схватил привычный серый кафтан и натянул через голову, а затем, поколебавшись, снял с вешалки мантию. Ткань насыщенного синего цвета с пестрящими по всей поверхности закорючками, вышитыми на ней золотыми нитями, знакомо напитаала его магической силой, стоило только ее коснуться. Интересно, как она сюда попала из бездонной торбы? Кто уже полазил без спроса?

Отбросив сомнения, гоблин накинул и мантию прямо поверх кафтана. Все еще великовата, а жаль. Когда Хиенна дарила ему этот предмет гардероба, Гарб был раза в полтора выше. Не попытайся Минору вытащить из него божественную искру, накидка и сейчас пришлась бы впору. Шаман тогда уверовал в собственную неуязвимость, за что и

понес наказание, которое, похоже, все еще дает о себе знать.

Может, ее стоит как-нибудь ушить? Одно неосторожное движение иглой может испортить древний чар. Кто знает, какое значение для его силы имеют вышитые символы. Со вздохом сожаления, шаман снял древнюю реликвию, бережно свернул ее и положил в торбу. Как и всегда, волшебная сумка легко приняла дар и спрятала его в своих недрах до поры до времени.

Заметно побитые ноской, но все еще крепкие кожаные сапоги, больше напоминающие кожаный чулок с относительно твердой подошвой, мягко натянулись на ступни. Ремешки с медными пряжками надежно зафиксировали обувь на икрах. Эти сапоги никогда не натирали мозолей, чем вызывали искреннее уважение к мастерству сапожника.

— Эх, не свидимся уже с тобой, Мурзай! — вспомнил добродушного говорливого соседа Гарб.

Единственного, с кем у него в деревне были действительно хорошие отношения. Старик умер года два назад, но его дух так и не появился в Шеоле, хотя гоблины обычно именно там и обитают после смерти. Сапогам сносу нет, а соседа действительно жалко. Даже нормального посмертия не получил.

Вздыхнув, ловец духов поднялся, опираясь на посох. Сон в мягкой постели прибавил сил и, как будто, убрал часть боли. Тело уже не так сильно ломило, хотя боль душевная осталась. Гарб добрался до зеркала и встал напротив так, чтобы видеть себя целиком.

На него смотрел высоченный шестифутовый гоблин с большими умными глазами желтого цвета. На высокий чуть выпуклый лоб свисала давно не стриженная и неприятно сальная челка коричневых волос. Широкие растопыренные уши, покрытые короткой шерсткой того же цвета, что и волосы, нервно подрагивали, пытаясь уловить малейший шорох: последнее время подвоха он ждал все время. Длинные лапы с крючковатыми пальцами сжимали посох и совершенно не желали его отпускать, а одна ладонь все время норовила скользнуть по гладкой поверхности древесины сверху вниз и вернуться обратно. Сеточка неприятных белесых шрамов изрезала почти всю кожу на морде. Нетронутыми остались только нос и уши, что сильно удивляло. Похоже, ушастый мерзавец просто не успел до них добраться. Гнев опять начал закипать, но усилием воли удалось успокоиться.

— Надо бы помыться и постричься, — подумал шаман, отводя взгляд от напоминания о пережитом.

Обостренное от пыток восприятие неожиданно забило тревогу: он в комнате не один. Едва заметное движение в дальнем темном углу, еле слышный шорох. В своем обычном состоянии гоблин едва ли обратил бы на такое внимание, списав все на насекомых. Однако сейчас Гарб с деланным равнодушием повернулся и отправил заклинание паралича прямо в источник шума.

Из угла раздалось негромкое проклятие и медленно вывалилось тело, закутанное с ног до головы в темные одежды. Как только шпион распластался на полу, одеяния поменяли расцветку в цвет окружения. Если не знать, что в этом месте кто-то лежит, то ни за что не догадаешься.

— Ух ты! — восхитился ловец духов маскировке.

Двустворчатая дверь позади с шумом распахнулась, и в комнату вихрем ворвался почуявший неладное Агрх с мечом в правой руке.

— Живой? — он скорее потребовал ответа, чем поинтересовался, выискивая в помещении врагов. — Все в порядке?

— Я тоже рад тебя видеть, — тепло поприветствовал компаньона гоблин. — На меня что-то нашло опять там на пристани, так я толком не смог поздороваться.

— Шутишь? — остановился орк, принохиваясь. — Ты такой приветственный салют выдал, что мы с Адинуком чуть молиться не начали.

— Извини, — поджал губы Гарб.

Ему было стыдно. Зеленокожий усмехнулся и еще раз втянул носом воздух.

— Проехали, — сказал он. — Мы знаем причину и вовсе не в обиде. Здесь должно пахнуть духами?

— Какими духами? — не понял шаман.

Агрх принохался еще раз и уверенно двинулся к источнику запаха.

— Женскими, — вкрадчивым шепотом сообщил он. — Пахнет страстью, риском, шпионажем и, возможно, покушением на убийство. Такие ароматы действуют исключительно на твоих сородичей. Самое любопытное, что вы их не чувствуете, но они всегда вызывают нужный эффект. У тебя не возникало за последние пару минут никаких внезапных и необъяснимых плотских желаний, в придачу к которым начинает слегка кружиться голова и ухудшаться слух?

Гоблин отрицательно помотал головой, не став уточнять, откуда компаньон знает такие интересные подробности.

— Странно, — удивился орк. — Ладно, сейчас посмотрим, кто тут у нас.

С этими словами он аккуратно носком сапога поддел лежащее на полу тело и перевернул его. Голова была замотана хорошо и тут же слилась с фоном, но испуганные янтарные глаза с пушистыми ресницами никакая маскировка спрятать уже не могла.

— Я так и думал, — хмыкнул Агрх. — Шпионка. Ты паралич наложил?

— Дверь закрой, — вместо ответа скомандовал Гарб, выуживая откуда-то из складок кафтана обоюдоострый ритуальный нож из черного вулканического стекла, служивший ему верой и правдой уже пять лет для разделывания жертв.

— Зачем? — не понял воин.

— Чтобы никто случайно не испугался, когда мы этот чудесный подарочек распаковывать будем, — сладко мурлыкнул гоблин, но орка от этих слов пробрал мороз по коже.

По всей видимости, не его одного. Перепуганные глаза стали квадратными от ужаса.

«Большинство не задумается ни на секунду перед тем, как солгать, если они видят в этом сиюминутную выгоду. О последствиях мало кто думает».

— *Хуан де Деса, великий инквизитор*

Мелкий портовый городишко, если не сказать пристань на два с половиной баркаса с довеском в виде небольшого человеческого поселения домов на сорок. Даже частоколом не обнесен. Каввель негодуяюще фыркнул. В былые времена он бы побрезговал копыто поставить в грязь, которая тут безраздельно властвовала, захватив все доступное пространство. Запахи свежей и гниющей рыбы, нечистот и стоячей воды смешались в одно зловонное амбре и вовсе не добавляли этому захолустью очарования. Единственная настоящая ценность деревеньки — уютная маленькая бухта, надежно скрывающая приставший здесь корабль от обнаружения со стороны моря.

— Вы нарочно тут причалили, чтобы никто искать не додумался? — спросил он у Могары, начиная спуск с холма.

Таураса неохотно оторвалась от созерцания небольшого, но добротного буригу — юркой двухмачтовой посуды, на которой принцесса сюда и прибыла. Над судном развевался флаг с соколом.

— Разумеется, господин, миссия была секретной.

— Ладно, — скорчил гримасу воин. — Пошли, отдам тебя твоим гномам, на чем и распрощаемся.

Могара не стала возражать, и через две минуты осторожного перемещения по относительно чистым участкам единственной улицы, вся троица оказалась на полпути к пристани. Отсюда тауросу заметили матросы и почему-то призывно замахали руками.

— Сейчас, наверное, прилив, — заметил де Деса. — Вон как спешат отчалить.

Действительно, мультфиблы уже чуть ли не снимались с якоря, всем своим видом показывая, как они торопятся.

— По-моему, они просто испугались гостей позади, — хмыкнул Каввель и ускорил шаг.

Могара обернулась и с ужасом увидела на пригорке, с которого они недавно спустились, добрую сотню бородатых воителей. Поняв, что их заметили, вся эта рать разом гаркнула нечто нечленораздельное, но очень воинственное. Де Деса тоже на мгновение обернулся и успел рассмотреть среди латников давешнего знакомца Шеанорда. Лицо дворфа пылало праведным гневом. Он что-то орал, брызгая слюной и указывая на город внизу. Местное население, которое еще при появлении минотавров попряталось по своим лачугам, сейчас и вовсе начало делать вид, что город давно заброшен.

— Вот кильки копченые, подкрепление вызвали и пленных, кажется, брать не собираются! — шутливо заметил пират. — Что делать будем?

— Надо бежать, — подбирая полы своего балахона воскликнул инквизитор и действительно перешел на бег, уже не обращая внимания на грязь.

— Далеко? — по-прежнему несерьезно поинтересовался минотавр, предлагая Могаре руку, чтобы девушка смогла перепрыгнуть широкую и особенно глубокую с виду лужу.

Таураса поколебалась долю секунды, но руку приняла.

— На корабль же! — слегка задыхаясь ответил храмовник.

— Тогда желаю удачи, — иронично сказал тауросу. — Там наших союзников нет.

— Я клятвенно обещаю вам безопасность, — ответила вместо человека Могара, так изящно перепрыгивая небольшую навозную кучу, что Каввель невольно залюбовался. — Отплывем подальше, и вас высадят там, где за нами никто не гонится.

Пират было хотел что-то возразить, но футах в двадцати позади в грязь с чавкающим звуком начали падать арбалетные болты.

— Поцелуй мою секиру! — издевательски крикнул он раздосадованным стрелкам и повернулся к Могаре. — Ладно, верю тебе.

Дворфы начали спуск, и вся троица припустила к сходням, которые гномы уже приготовились убирать. Через минуту буригу тронулась с места, а преследователи не успели преодолеть и половины расстояния до причала. Они просто завязли в непролазной грязище в своих тяжелых доспехах. Коротышки еще потом долго сыпали отборными дворфийскими проклятьями с пристани в сторону гордо расправившего паруса корабля. Поделаться они все равно уже ничего не могли.

Каввель попытался потянуться, потому что тело почему-то затекло. Неприятно звякнул металл, резануло запястья, и минотавр открыл глаза.

— Дьявольщина!

Кандалы на запястьях и ногах чуть повыше копыта, тяжелое кольцо на шее, руки и ноги разведены в стороны. Знали черти морские, как надежно сковать боевого минотавра. Ладони нашарили хорошо пропитанный смолой и рыбьим жиром шпангоут. Крепление, похоже, прямо к корпусу буриги, так что вырваться не получится, даже копытом не ударить — и это предусмотрели. Секиру, разумеется, рядом не положили. Темно еще, как у дворфа в шахте.

Последнее, что он помнил, это поднесенный с вежливым поклоном кубок с водой, чтобы горло промочить, а потом веки резко стали тяжелыми — и сразу темнота. Гостеприимные ребята, нечего сказать: напоили, обобрали и спать уложили.

— Мо-га-ра-а-а! — заорал тауросу во всю глотку, особо не рассчитывая на ответ.

— Не шуми, — раздался откуда-то сбоку раздраженный женский голос.

— Могара? — глупо спросил Каввель и желчно добавил. — Я, кажется, вспомнил, за что ваш род предателей не любят.

В ответ раздался тяжелый вздох.

— И не тупи. Я своей клятвы не нарушала.

— Тогда почему на мне эти железки и что ты тут делаешь?

— Тебя караюлю, дурень пустоголовый, — горечь в голосе вполне могла бы заменить черный перец для пары любимых блюд мультфиблов. — Нас вместе заперли. Какого дьявола ты сразу бросился воду лакать?

— Твой собственный экипаж? — не поверил минотавр.

Объяснять, что пить тогда хотелось безумно, он тоже не стал. Тяжесть следующего вздоха Могары, как показалось на мгновение, едва не проломила дно буриги, но обошлось.

— Не мой, — как маленькому принялась объяснять тауросу. — Я ушла с их капитаном и его помощником, а вернулась с тобой болваном и этим упертым храмовником. О чем им было думать? Об измене, конечно! Меня даже слушать не стали, а сразу навалились толпой. И плевать им, чья я дочь.

До минотавра с запозданием дошло, что Могара сейчас для высокородной тауросу выражается несколько грубовато. Куда только делись все эти «господин» и «как пожелаете».

Он и сам не жаловал этикет со всеми его глупыми условностями и требованиями непременно выражаться так, что у простого народа скулы сводит. Они потому с братом и сбежали из дворца в море при первой возможности, чтобы быть подальше от всей бессмысленной чопорности. Старик Турон тогда, конечно, сильно расстроился, хоть и ненадолго. Известия об их успехах грели королю душу, и он уже наверняка предвкушал момент, когда старший сын пресытится вольницей и вернется, чтобы занять трон. Не сложилось.

Логика в словах девицы, конечно, есть. Экипаж больше предан своему капитану, а не королевству в целом, поэтому такую реакцию вполне можно было предсказать. Только кто ж в здравом уме подумает, что у гномов в самый неподходящий момент проявится собственная воля? Что они вообще дерзнут не подчиниться прямому приказу принцессы? Кому-кому, а Каввелю Исс-Брестону после бунта собственного экипажа стоило бы о таких вещах задумываться. Нет, надо было по старой привычке лезть напролом и напроочь забыть о мультфиблах. Теперь придется расплачиваться.

— И куда нас везут? — спросил он, обдумав услышанное.

— Неужели сам не догадаешься? — презрительно фыркнула невидимая собеседница.

Ну да, можно было бы и не спрашивать. На Такарим, конечно. Каввель поежился от нахлынувших видений того, что с ним могут сделать фаруконцы, когда он окажется в их власти. Девчонке-то ничего не сделается. Ее там как пить дать посчитают жертвой, тем более что искусство невинно хлопать ресницами она освоила в совершенстве.

— Догадался, — угрюмо сказал минотавр и замолчал.

На пару минут ушла в свои мысли и Могара. Принцессе поспать не довелось, и в безмолвии темного и дурно пахнущего трюма она провела слишком много времени, чтобы истосковаться по общению. Пускай даже с неотесанным чурбаном вроде Каввеля.

Она вдруг подумала, что старается в разговоре подстроиться под пирата. «Он, конечно, хоть и принц, но негодяй редкостный», — вспомнила девушка историю их первой встречи. — «Правда, что-то в нем есть такое интересное, бунтарское. Еще он спас меня от дворфов и даже ничего не потребовал взамен. Может, не такой он и плохой? Только он же сначала напал на мою охрану! Но не убил, а потом возмутился, когда их добились бородачи. Значит, у него есть честь, и он хороший воин. И так галантно помогал перебираться через лужи. Но он же пират и насильник! Мамочки, как все сложно-то. Одно понятно: он точно отличается от всех остальных мужчин».

— Спасибо тебе, — сказала она наконец, пытаясь снова завязать разговор.

— Э? — Каввель не сразу осознал невозможное, сорвавшееся с уст таурасы.

Сам он, общаясь с друзьями, привык к вполне обыденной форме вежливости, но всегда помнил, как неохотно его сородичи расстаются с этим словом. Вдвойне странно такое услышать от принцессы вражеского королевства. Хотя и сама ситуация довольно необычна.

— Пожалуйста, — откликнулся минотавр, пытаясь найти подвох.

Его мучили вопросы и, раз уж делать все равно было нечего, он решился их задать.

— Могара, — добавив голосу раскатистости, от которой всегда млели придворные дамы у него на родине, сказал он, — ты же точно дочь бога?

— Тебе ли не знать? — прыснула таураса.

— Мне ли... — добавил трагизма Каввель. — А как так получилось? Боги же не могут появляться в нашем мире. Ты приемная?

Могара засопела. В крошечной темноте трюма этого не было видно, но он почти

физически ощутил, как девушка поморщилась.

— Это болезненная тема для моей семьи, — отрезала принцесса, и тут уже обиженно засопел Каввель.

— Ладно, — смягчилась она. — Боги появляться на Лумее не могут. Зато могут присылать своих аватаров. Знаешь, кто это?

Пират вспомнил все, чему учился, пока бестелесным духом скитался по Шеолу, и свои приключения в адских мирах.

— Ну, воплощения божеств в теле смертного, наделенные частью божественных сил, вроде. Иногда боги являют смертным себя в таком виде, чтобы те не забывали о почтении. Смешно же.

— Обхохочешься, — почти обиделась Могара. — Один из таких соблазнил мою мать, в некотором роде. Отец... мой смертный отец, был в ярости, но что он мог противопоставить богу. Потом появилась я, и он меня удочерил. Жрецы сказали, что это великая честь для королевства.

— Да уж, великая, — скривился Каввель, представив реакцию Турона, если бы тому сообщили об измене любимой жены, и неважно с кем. — У бога должна быть веская причина, чтобы так поступить. Ведь аватар очень сильно ослабляет его.

— Наверное, но не ты первый об этом подумал, — хмыкнула из своего угла девушка и добавила противным голосом, явно кого-то передразнивая. — Неисповедимы пути отца нашего небесного. Всему есть причина и всему есть мера. И да падет его кара на всех неверующих.

Минотавр улыбнулся и замолчал.

— О чем задумался, сенчо? — лукаво поинтересовалась Могара. — Кары испугался, что ли?

Задумался капитан о том, что предмет его страсти и источник несчастий находится хоть и близко, но слишком далеко. И что дочь бога может быть очень милой, если захочет. А он ведь даже не извинился перед ней, хотя девушка попала в такое унижительное положение в том числе из-за него. Можно ведь было отправить ее на корабль и пасть в неравном бою, как подобает легендарному воину. Вот у Адинука был бы материал для баллады!

— А, что? — спохватился тауросу. — Я и так проклят, чего мне бояться? Не хочу хвастаться, но пришлось пережить подселение в мое тело целого перводракона, почти бога. Так что мне самому довелось побывать аватаром.

— Расскажешь? — заинтересовалась собеседница.

— Непременно, — сказал Каввель. — Дорога длинная, спешить нам некуда. Но прежде я хочу кое-что сказать.

Заинтересованное молчание в ответ заставило минотавра поторопиться, пока он не утратил странное, но теплое чувство раскаяния, заставляющее говорить несвойственные ему вещи.

— Прошу меня извинить за все, — через силу вытолкнул он из себя. Дальше пошло легче. — И я постараюсь защитить тебя от любой угрозы, если это будет в моих силах, чтобы искупить вину перед тобой.

Гробовая тишина в ответ резанула по ушам. Ну, и чего не отвечаешь, глупая девка! Я, гроза морей и разоритель городов, тут чуть ли не на коленях прошу прощения, а ты даже ответом меня не удостоишь? Давай уже прощай меня скорее! Молчишь? Ну и ладно. Зато теперь душа спокойна, а совесть очищена.

— Вот умница! — раздался откуда-то из темноты голос де Десы и звук аплодисментов.

— Не понял! — Каввель не впал в ярость исключительно от неожиданности.

Все это время наглый человечиска, оказывается, был рядом и беспардонно подслушивал!

Чиркнуло огниво, и зажегся свет. Глазам сперва стало больно, но вскоре удалось рассмотреть наглого инквизитора, поигрывающего связкой ключей. Человек удобно устроился на табурете чуть поодаль. На деревянном столике рядом с ним стояла лампа с прикрученным фитильком, дававшая достаточно света, чтобы увидеть еще и Могару. Тауроса явно наслаждалась последствиями разыгранного спектакля, хотя и бросала время от времени извиняющиеся взгляды в сторону узника. Она-то как раз пленницей не была и все это время просто играла роль.

— Вы сговорились, да? — негодуя зарычал пират, когда не увидел кандалов на Могаре и инквизиторе.

— Я говорил, что он изменился? — обратился Хуан к принцессе.

— Признаю, была приятно удивлена, — подтвердила его слова девушка. — С меня должок. Отпусти уже этого оболтуса, пока он кольцо из стены не выдрал вместе с куском шпангоута. Потопит же нас.

— С удовольствием, — сказал де Деса и пошел в сторону минотавра. — Дай мне слово, Каввель Исс-Брестон, что не причинишь нам с Могарой или экипажу этого судна вреда ни действием, ни бездействием, и ты свободен.

— Даю слово, — пообещал пират. — И чтоб вас черти морские побрали за это.

Могара не выдержала и заливисто расхохоталась. Каввель не подал виду, но ему это даже понравилось, но только самую чуточку.

Elf, Zwoelf...

Детская считалочка у гномов

Острая черная кромка скользнула к ткани и легонько поддела ее, вспарывая дюйм за дюймом. Сначала голова.

— Хм, любопытно, — с профессиональным равнодушием опытного гаруспика-вивисектора произнес Гарб.

В ответ глаза подопытной беспокойно забегали. Если бы не паралич, реакция была бы куда серьезнее, потому что жутковатое черное лезвие обсидианового ножа, скользящее в такой опасной близости от тела, никого не может оставить равнодушным. Особенно если этот кто-то находится в абсолютно беспомощном состоянии.

Пара точных надрезов, и из ткани показалась милая курносая мордашка с высокими скулами, усыпанными конопушками, сильно контрастирующими с почти прозрачной алебастровой кожей, напрочь лишенной загара. Если это личико так редко видит солнце, то откуда тогда на нем веснушки? Синяя жилка на тонкой шее учащенно билась, выдавая сильное волнение. Собранные на затылке в две тугие короткие косы каштановые волосы несколько растрепались, и одна непокорная выющаяся прядь торчала в сторону. Точно девчонка, только пока непонятно, какого рода-племени и возраста. В зависимости от расы можно на вид дать от пятнадцати до пары сотен лет.

«Только бы не эльфийка!» — мысленно взмолился орк, стоящий позади шамана и внимательно наблюдающий за процессом.

Он успел переговорить с Михелем, узнал все подробности злоключений гоблина и несколько страшился нового срыва.

«Хотя... не похожа», — продолжил он ход мыслей. — «У тех черты лица более острые, а у этой щечки пухленькие такие, прямо ням-ням».

Слегка заостренные, чуть оттопыренные треугольные ушки, покрытые с внешней стороны полупрозрачной каштановой шерсткой, освободились из ткани и дерзко выставились наружу. Агрх облегченно выдохнул: не эльфийка. Впрочем, этот вариант ненамного лучше.

— Я такие уже где-то видел, — прокомментировал зеленокожий, скаля и без того торчащие клыки, что иногда случалось с ним во время предчувствия неприятностей.

— И не один раз уже, — откликнулся Гарб, не переставая орудовать ножом. — Особенно много их было во время осады Льонаса. Только их обладатели мне казались куда уродливей.

Он уже нацелился резать вниз от шеи, когда девица запунцовела и открыла рот.

— Если так хочется меня раздеть, можно ведь просто аккуратно все снять! — громко возмутилась она. — Одежду-то зачем портить?! Такое очень тяжело сшить и зачаровать!

Шпионка молчала ровно до тех пор, пока чужие наглые лапы не начали подбираться к местам, в которых им были вовсе не рады. Первый испуг прошел и сменился праведным девичьим гневом. Гоблин от неожиданности вздрогнул и резко отпрянул, едва не задев лезвием щеку девушки. Он-то думал, что усиленная версия заклятия должна была лишить цель в том числе и речи хотя бы на полчаса.

— Полегче с острыми предметами, нарушенный!

— Извини, — оторопел от такого отпора шаман.

Аггрх не знал, то ли ему смеяться, то ли звать на помощь. Гоблин сжимал нож в лапе и вопросительно смотрел то на орка, то на симпатичную хапугу. Девушка лежала и бросала снизу вверх весьма неласковые взгляды на обоих.

Сомнения разрешил топот множества ног за дверью. Раздался настойчивый стук.

— Открой, а то выломают еще, — посоветовал Гарб.

Орк с ворчанием пошел отпирать. Что-то в происходящем попахивало нереальностью, а его собственная пассивная роль как-то даже обижала.

Ключ повернулся в замке, и внутрь хлынули оцетинившиеся копьями гномы. Офицер стражи, отличавшийся от остальных только знаками различия на доспехах, вошел первым и окинул цепким взглядом комнату.

— Охранная система дворца сработала, — сообщил он. — Это причина есть?

Гарб кивнул.

— Покушение? — уточнил офицер.

Шаман пожал плечами.

— Удалось задержать до начала агрессивных действий, — доложил на цвергском орк.

— Благодарю за содействие, — сказал гном, жестами отдавая команды подчиненным. — Мы ее забираем. Вас позовут на королевский суд как потерпевших и свидетелей.

Гномы проворно схватили задержанную, которая все еще не могла двигаться, и потащили к выходу.

— До скорого, — попрощалась девушка, и Аггрху в ее словах послышалась скрытая угроза.

Орк и гоблин проводили процессию взглядами и заперли дверь.

— Что скажешь? — спросил зеленокожий, пряча меч в ножны.

— Каввель с вами? — уточнил гоблин и, увидев в ответ энергично мотающуюся из стороны в сторону клыкастую голову, расстроился. — Надо найти. Я много анализировал его рассказы о проклятии, сопоставлял факты... В общем, он обязательно понадобится для сбора посоха, и только участие в этом мероприятии поможет ему избавиться от вероятности превращения обратно в неразумное животное.

Орк отошел на шаг назад и критически осмотрел ловца духов.

— Выздоровливаешь, — одобрительно крикнул он, снова подходя ближе и хлопая друга по плечу.

— С чего ты взял? — погрустнел гоблин и сильно наморщил лоб.

Сам он не ощущал особых изменений, а тоска где-то внутри только усилилась.

К чему вся эта суета? Ради богини? Бирканитра, конечно, рассчитывает на своего жреца, но могла бы как-то лучше помогать. Так, чтобы ее единственная надежда на свободу и самое выживание не попадала регулярно в череду невыносимых неприятностей, от которых можно запросто погибнуть или тронуться умом и стать кем-то вроде Адину... От одной мысли об эльфе шаман едва не впал в бешеную ярость, но сдержался. Этот полубезумный бард ни в чем не виноват. К нему судьба тоже наверняка была не слишком милосердна, учитывая его состояние, но он хотя бы продолжает радоваться жизни. Попытка понять чужие чувства помогла, и Гарб задышал ровнее. Все-таки Михель молодец, что начал учить всю их компанию монашеским практикам с первых же дней знакомства.

Агрх сосредоточенно смотрел на ушедшего в самокопания гоблина и не торопился отвечать. Когда грусть шамана стала куда менее очевидной, а мордочка прояснилась, зеленокожий ухмыльнулся.

— По-моему, ты уже сам что-то понял. Я-то делаю выводы по словам. Раньше ты всегда выражался вот так вот витиевато и немного заумно, а там на пристани в основном короткими словами сыпал. Раз ты снова говоришь, как прежде, значит, тебе уже полегчало. Нам всем нужно держаться вместе. После гибели Бурбалки особенно, так что постарайся больше не нападать на остроухого. Ладно?

— Я постараюсь, — довольно легко пообещал Гарб.

Путь предстоит трудный, но он справится. Орк вовремя напомнил о дружбе, и гоблин твердо решил сделать все, чтобы хотя бы друзьям ничего больше не угрожало. А для этого нужно собрать этот проклятый посох и освободить эту глупую богиню, которая своей опрометчивостью заварила такую кашу.

Наступали сумерки, и Гарб отправил орка спать. Тот, позевывая, нехотя согласился оставить пост возле дверей друга. Пришлось уверить, что сам шаман будет начеку. Однако в одиночестве гоблина побыть не дали. Стоило зеленокожему удалиться, как его место тут же занял Михель. Монах бесшумно выскользнул из сумрака плохо освещенного коридора и легонько постучал костяшками пальцев в дверь.

— Я войду?

— Тебе я всегда рад, — улыбнулся шаман, обнажая свои чуть заостренные передние зубы.

Человек вошел, осмотрел комнату и прикрыл веки, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

— Я слышал, хапуги успели устроить на тебя покушение, — сказал он.

— Скорее, за мной следили, — ответил Гарб, не видя смысла приукрашивать. — Если бы хотели убить, убили бы, пока я валялся без сознания. Тут была девчонка моих лет примерно.

— А сколько тебе, кстати? — осведомился монах.

— Почти семнадцать, — смутился гоблин, вжимая голову в плечи.

Он старался поменьше распространяться о своем возрасте, но не ответить на прямой вопрос не мог. Похоже, пришла пора всем в отряде узнать о том, что они доверили лидерство желторотому юнцу.

— Что ж, это открывает тебя с неожиданной стороны, друг мой, — мягко ответил Михель, почесывая двумя тонкими пальцами небритый подбородок. — Я пришел не только охранять тебя, но и по важному делу. Хочу знать, что случилось с Бурбалкой и где это произошло.

Наступила гнетущая тишина. Секунды стремительно бежали, а правильный ответ все не находился.

— Я вижу, что ты не хочешь меня огорчать, но мне очень нужно это узнать, — поторопил с ответом монах. — Это вопрос жизни и смерти.

— Меня не было рядом, когда это произошло, — сказал Гарб и поджал губы.

— Он правда стал порождением тьмы? — с надеждой произнес Михель.

На его лбу выступили капельки пота.

— Да, — сказал гоблин, — но откуда ты знаешь? Ты не должен этого помнить!

Бровь Михеля взмыла вверх. Шаман спохватился, но неосторожные слова уже слетели с языка.

— Пробелы в моей памяти мы уже обсуждали, — сухо заметил монах. — Скажи, зачем ты это сделал? Я вряд ли сам попросил стереть мне память.

— Я хотел как лучше, — пролепетал Гарб, съеживаясь так, что казалось, будто теперь невысокий человек смотрит на гоблина-переростка сверху вниз, а не наоборот. — Ты был убит горем.

Человек закрыл глаза и стал раскачиваться с носка на пятку и обратно, шевеля при этом губами. Черты лица исказились и никак не напоминали маску безмятежности, которую монах обычно носил. Он пытался успокоиться, но получалось с трудом. Гарб это увидел и испугался. Таким всегда спокойного и уравновешенного Михеля ему видеть еще не доводилось.

— Это моя память! — рявкнул он так, что жрец Бирканитры машинально вцепился в посох и рефлекторно выставил щит мага.

Не то чтобы это могло как-то помочь против разъяренного мракоборца.

— Это, должно быть, больно. Извини, пожалуйста, — жалобно пробормотал Гарб.

— Извини? — еще больше взъелся монах. — Что ты хотел сказать этим словом? Вот если я тебя сейчас ткну пальцем в глаз, а потом извинюсь, тебе же сразу станет от этого легче? Да, клянусь Все... м святым, это больно.

Гарб растерянно стоял, не зная, что ответить, но монах неожиданно смягчился. Он по старой привычке едва не помянул Вседержителя, от которого отрекся. Это остудило гнев.

— Можешь вернуть то, что забрал?

Гоблин неуверенно покачал головой.

— Боюсь, слишком много времени прошло. Можно попробовать вернуть во времени заклинание с помощью посоха, но ты же знаешь, как он непредсказуемо функционирует в таких случаях. Может вообще стереть память начисто.

Михель тяжело вздохнул.

— Тогда хотя бы расскажи, но предупреждаю, если ты утаишь хоть что-то, я тебе больше не друг.

Гарб поколебался секунд десять, но под тяжелым взглядом человека сдался и его прорвало. И он рассказал про Бездну, и кто такая Хиенна, и как Михель влюбился в нее без памяти, про превращение Каввеля и про борьбу с древним титаном Минору, который оказался совсем не титаном. Он все говорил и говорил, а человек внимательно слушал, усевшись на мягкий ковер со скрещенными ногами и подперев ладонью подбородок. В подробностях описав гибель Бурбалки, шаман всхлипнул и шмыгнул носом.

— Вот так мы и выбрались оттуда, — закончил он. — Будешь со мной дружить? Если не будешь, я пойму, только не бросай нас.

— Значит, я ее любил, а она умерла, — отрешенно пробормотал Михель. — Это кое-что объясняет, но не все. Не брошу я вас, даже не надейтесь.

Ловец духов едва не разрыдался, но глубоко вздохнул и задержал дыхание. Затем медленно выдохнул. Помогло.

— Остались белые пятна в моих воспоминаниях, которые твой рассказ мне не раскрыл, — человек напряженно морщил лоб, видимо, силясь вспомнить что-то еще. Что-то важное.

— Чего ты не помнишь? — осторожно спросил Гарб.

— Я не помню, за каким бесом я подался в послушничество, — стукнул по ковру кулаком Михель.

— Ты говорил, что пошел искать к монахам помощи из-за незакрытого портала в склепе твоего деда, — напомнил гоблин.

— Да, я такое вам говорил, — согласился монах. — но это была не единственная причина. Я же еще с женошкой тогда поругался, но решительно не помню, из-за чего. И я не все помню из своего обучения. Какие-то навыки всплывают сами по себе, но в памяти нет ничего о том, как я этому учился. Есть какие-то предположения, с чем это связано?

Гарб глубоко вздохнул, окунулся в собственный разум и вдруг стал как бы гномьей счетной машиной, только живой. Эта способность впервые проявилась еще в детстве в подвале горящего дома. Затем напомнила о себе в трюме во время пыток и помогла выдержать то, от чего рассудок иначе бы непременно повредился. В таком состоянии гоблину раньше иногда удавалось доходить до сути вещей своим умом, если хорошенько перебрать все доступные сведения. Гарб, однако, старался не злоупотреблять этим умением: слишком уж много сил оно отнимало.

Мордочка гоблина в этот момент могла бы напугать даже не слишком впечатлительного Агрха, но монах остался нечувствителен к такой метаморфозе.

— Перебираем факты и ищем причину, — принялся загибать когтистые пальцы шаман, обхватив посох подмышкой, чтобы не мешал. — Я стирал тебе память точно — это раз. Точками приложения энергии Дэ было все, что тебя могло расстроить, то есть Хиенна и смерть Бурбалки — это два. Надежно стерлось, похоже, все, что с ними связано, включая все события в Бездне, — это три. Значит, то, что ты не помнишь, связано с гибелью нашего друга или с суккубой. Не должен помнить, но кое-что помнишь. Значит, кто-то успел вернуть тебе часть воспоминаний. Смерть Бурбалки с очень низкой долей вероятности могла повлиять на память из далекого прошлого, остается Хиенна. Если учитывать тот факт, что ты ругался с женой непосредственно перед уходом в монастырь, можно с восьмидесятисемипроцентной вероятностью предположить, что суккуба к тебе являлась раньше. То есть вы были в некотором роде знакомы еще до нашего попадания в адские миры. Если принять это за доказанное событие, то почти гарантированно ты ушел в послушники именно из-за визита к тебе суккубы. На этом анализ завершаю, потому что больше фактов нет.

Зрачки ловца духов вернулись в свою вертикальную норму, и он настороженно посмотрел на монаха. Тот молча встал и в порыве чувств обнял Гарба.

— Ты настоящий друг, извини, что я так, — сказал он, отстраняясь. — Теперь мне надо подумать.

— Не за что, — рассеянно отозвался Гарб, еще не до конца отойдя от усиленной работы мозга.

Человек порывисто отпрянул и вышел из комнаты так же бесшумно, как и вошел.

— Эй, а кто тебе память-то вернул? — запоздало спохватился гоблин, но вопрос не нашел ответа.

Оставшись в одиночестве, шаман еще некоторое время в задумчивости постоял в центре комнаты, потом запер дверь и обессиленно уселся в одно из кресел возле стола. Он чувствовал себя выжатым, как лимон. На еле уловимый ухом шорох сбоку гоблин среагировал уже почти привычным движением, выпуская заготовленное заклинание. Раздался звук падающего тела.

— За добавкой пришла, дуреха? Неужели понравилось? — не разлепляя век, спросил

Гарб с улыбкой и получил в ответ с дюжину отборных гоблинских проклятий, приглушенных ковром. Видимо, хапуга упала лицом прямо в ворс. Пусть полежит, ей полезно.

Надо сказать гномам, чтобы вязали крепче, а не просто в клетку сажали. И дверь надо бы открыть, а то точно кто-нибудь выломает.

Проклятие это тебе не сглаз: просто так не наложишь, а после легко не снимешь.

Общеизвестный факт

Будь Каввель женского пола, на камбузе не досчитались бы посуды. Всей сразу и с одного удара копытом. Это ж надо! Обвели вокруг пальца, заставили раскрыть чувства, да еще в такой извращенной форме! И кто? Простая телуха и, стыдно сказать, человек! Ладно, не совсем простая. Полубогиня все-таки. Да и человечек, вроде, тот еще морской чертяка.

Минотавр не считал себя склонным к истерикам и поддаваться бессмысленному гневу вовсе не собирался, поэтому направил чувства в другое русло без лишней порчи ценного имущества. Он начал тренироваться, для чего пришлось немного распугать экипаж. Гномы, как оказалось, даже не думали перечить воле принцессы и с сонным зельем просто подстраховались, а уже Могара этим воспользовалась, как сумела.

Секиру пирату вернули сразу после освобождения, потому как ни один тауросу не простит долгого отсутствия оружия в своих ручищах, о чем Могаре было известно слишком хорошо. И все же она рискнула. Тренировка с оружием на борту грозила случайными жертвами, поэтому Каввель решил просто размяться, бережно уложив свой лабрис на палубе в пределах досягаемости.

Он оккупировал шкафут — центр верхней палубы буриги — так, что матросам приходилось опасливо пробираться вдоль самого борта, если служба вынуждала их идти мимо. Убедившись, что никто мешать не собирается, минотавр принялся отрабатывать удары рогами и копытами. Выпад, отскок, поворот, удар, еще удар с разворота и снова отскок. Голая грудь — по сегодняшней иссушающей жаре он был решительно настроен тренироваться без доспехов — вскоре покрылась потом. Воин так увлекся, что не заметил подкравшуюся Могару.

Девушка наблюдала за творящимся неистовством минут десять, а затем негромко похлопала в ладоши. Каввель замер. Ну, конечно, если уж мучить кого-то, то до победного конца.

— Чего надо? — не слишком вежливо буркнул он, поворачиваясь к красотке.

Могара успела сменить побуревший от грязи халат на зеленые шаровары и белоснежную рубаху, выгодно обтягивающую ее тело в нужных местах. Наряд больше подходил матерому морскому быку, чем высокородной даме, но язык не поворачивался сказать, что девушке он не шел.

— А чего бы тебе хотелось? — обворожительно улыбнулась принцесса, подходя ближе с махровым полотенцем в руках.

Девушка коснулась желтой тканью его широкой груди и нежными круговыми движениями обтерла соленую влагу. Минотавр задохнулся. Она что же, теперь заигрывает с ним? В трюме воин не стал высказывать недовольство, а теперь уже как-то язык не поворачивался.

— Я... это... водички бы, только нормальной, без зелий, — промямлил грозный пират, заставив Могару сдавленно хихикнуть.

— М-м-м, что же ты так оробел, богатырь? — подмигнула она и убрала руки от могучей груди пирата. — В прошлом году был такой смелый и настойчивый, а сейчас двух слов

связать не можешь? Ах, так трудно в наши дни найти достойного мужчину. У меня дома таких и в помине нет. Меня там вообще почему-то все боятся. Я думала, хотя бы ты будешь смелее.

— Не издевайся, — к Каввелю вернулся дар речи, но он пока плохо соображал, что нужно говорить, потому что в такой ситуации еще никогда не был.

Могара явно его поддразнивала и провоцировала, но на что?

— И в мыслях не было, — в притворном испуге девушка поднесла руки к мордочке, как будто забыв, что все еще держит напитавшееся потом полотенце. — Ого, как пахнет силой и решимостью!

Минотавр застонал, отгоняя будоражащие кровь желания, и смежил веки. Уроки Михелягодились и тут. Мысленно прочитав четыре раза литанию успокоения, он согнал остатки наваждения и открыл глаза. Могара с мягкой полуулыбкой рассматривала его, как диковинного зверя. Ее глаза были полуприкрыты, и она вызывающе смотрела из-под не до конца опущенных ресниц. Мол, решишься ты на что-нибудь или нет?

— Да, — сказал Каввель, сглотнув. — То есть, нет. Я хотел спросить, куда мы все-таки плывем, если не на Такарим.

Таураса вздохнула и широко распахнула лазурные омуты глаз, в надежде все-таки расшевелить такого безучастного самца.

— К Храму Творения. За мной должок перед человеком, а он попросил доставить вас туда.

Пират присвистнул и нахмурился.

— Тогда мне с вами не по пути. У меня, знаешь ли, боевые товарищи пропали, и, если я их быстро не найду, будет беда.

— Тебе так ненавистна моя компания? Я хотела с вами пойти, — похлопала ресницами принцесса.

— Ничуть, — сказал правду Каввель. — Только Храм этот далеко, а друзья должны быть где-то рядом. Я это чувствую. Чувствую... только не это.

С этими словами, гордый минотавр резко опустился на четвереньки, напугав Могару. Она отскочила, собираясь отругать шутника, но на ее глазах произошло нечто страшное. Тело Каввеля стало расти в толщину, руки, наоборот, чуть уменьшились, а вместо пальцев появились копыта. Надетые специально по случаю тренировки штаны лопнули и осыпались тряпочками на палубу. Пират последний раз посмотрел на нее укоризненным взглядом и окончательно обратился в быка.

— Каввель? — позвала его девушка.

— Му? — послышалось в ответ вопросительное мычание.

Крупный бычок с лоснящейся черной шерсткой с белым треугольным пятном на лбу, в меру поджарый и без одного уха на рогатой голове стоял на палубе и протяжно мычал. Ему было очень страшно от качки и плеска волн. Он вообще не понимал, как здесь оказался, и испугался. Помотав головой, телок увидел перед собой Могару. Вид рогов на голове принцессы немного успокоил беднягу. Он потянулся к девушке и доверчиво ткнулся девушке носом в ладонь. Принцесса вздрогнула, но руку не убрала.

— Тише, маленький, все будет хорошо, мы тебя вылечим, — ласково сказала она и потрепала бычару по макушке, а у самой от досады едва не потекли слезы.

Будь неладно это проклятие! Неужели ты, отец, знал, что так будет? Неисповедимы пути твои? Кого ты хотел наказать больше, его или меня?

Вокруг уже толпились матросы, кто-то мял в руках веревку, кто-то притащил сеть, другие прятали за спинами дротики со слабым ядом, но Могара остановила всех властным жестом.

— Позовите человека! — решительно приказала она, смахнув предательски выступившую на глазах влагу. — С этим добряком я сама разберусь.

Потом подумала и прошептала бычку в целое ухо:

— Не захочешь жениться на мне, когда я тебя верну — придушу своими руками.

Мультиблы быстро соорудили на нижней палубе подобие стойла, куда бычка и определили. Самым сложным оказалось убедить его туда спуститься, но Могара при помощи листа капусты и ласки справилась.

Прибежавший из своей каюты де Деса все понял и схватился за голову. Для его планов Каввель нужен был говорящим.

Когда мычащего пассажира устроили на новом месте, принцесса и инквизитор заперлись в капитанской каюте.

— Что стряслось? — вопросительно посмотрел на тауросу Хуан.

— Проклятие снова подействовало, — изрекла девушка.

Она сидела на койке, но ее глаза находилась на уровне подбородка стоящего человека. Храмовнику, однако, казалось, что вовсе не он смотрит сверху вниз.

— Наложил его ваш отец, Ваше Высочество, — многозначительно сказал де Деса.

— Это не значит, что я знаю, как его снять.

— Может быть, стоит попросить Му-Кирина о милости?

Могара тяжело вздохнула и провела тыльной стороной ладони по своему лицу.

— Я взывала и даже умоляла, — сказала она. — Только отец не удостоил меня ответом. Насколько я помню, Каввель так и должен был сгинуть в теле быка, но он нашел какой-то способ измениться.

Инквизитор припомнил разговор в своем жилище.

— Он говорил, что шанс ему дал Торгарон, и что у него уже есть какой-то спаситель, которому нужно помочь с предначертанием.

— Значит, надо найти этого спасителя! — воскликнула Могара.

— Полагаю, нам стоит для начала доставить нашего грешника в безопасное место. Экипаж вряд ли станет держать язык за зубами, поэтому на Такарим плыть нельзя.

— Его там сразу зажарят, и не посмотрят, что священное животное, — подтвердила принцесса. — Даже мое заступничество не поможет, ведь Фарукон слишком пострадал от него.

Де Деса провел рукой по ежику седых волос и потер воспаленный шрам на лице. Тот пульсировал болью, но пока не досаждал настолько, чтобы прерывать разговор.

— Ехать в Храм с быком вместо минотавра тоже нельзя, — поморщился он. — Не верю, что братья отнесутся серьезно к нашей истории без веских доказательств. Хорошо, если нас просто прогонят, а не обвинят в ереси. Остается Мирас.

Могара невесело усмехнулась.

— Мне стать добровольной пленницей Турона? Он не упустит возможность пленить меня, как только корабль войдет в порт, а это прямое нарушение мирного договора. После одновременного вступления Брестона и Фарукона в Торговую Конфедерацию равновесие очень шаткое. Люди и гномы настаивают, что торговать выгоднее, чем воевать. Тауросу,

вроде бы с этим согласились, но старые раны еще долго будут рубцеваться. Большая политика — сложная штука. Пока не вернулся Каввель, все было проще, а сейчас стало очень сложно. Да еще это подлое нападение на наше посольство!

Глаза таурасы на последней фразе недобро сверкнули.

— Да, с дворфами какая-то странная история случилось. Их кто-то подтолкнул к нападению, только нам пока не до них. С Каввелем бы сейчас разобраться. Понятно, что Мирас — плохой вариант, но куда еще?

Принцесса задумалась, молчал и храмовник.

— Я бы предложил свой островок, но это то же самое, что отдать его Фарукону. Матросы по возвращении на Такарим сразу обо всем донесут, и ваш десант высадится максимум через неделю. Я даже не успею добраться до Мираса.

— Не к эльфам же плыть?! — в отчаянии вскричала Могара.

Людские герцогства, больше всех пострадавшие от нападений Каввелля, она даже не рассматривала в качестве надежного пристанища.

— Поберегите нервы, Ваше Высочество, — мрачно улыбнулся инквизитор. — Я знаю одно место, где шерстинка не упадет с его головы. Только переговоры придется вести вам. Мне там не будут рады, и я лучше посижу в каюте.

Таураса вопросительно посмотрела на человека.

— У еретиков он будет в полной безопасности. Придется только потом постараться, чтобы они вернули нам своего «бога». Хотя, если он обратится обратно в минотавра, то их согласие и не потребуется.

— Если нет другого выбора, то я согласна, — с сомнением произнесла Могара. — Куда плывем?

— Неподалеку от центральной дороги на эльфийскую столицу, милях в тридцати к северу, есть маленькая уютная бухточка. Не так давно светлоликий Миримон не позволил нам добить еретиков на своих землях, взяв их под покровительство. Вот они там и обосновались.

— Что ж. Значит, к эльфам.

Право дуэли священо, а отказ от вызова позорен. Выбор оружия всегда за вызываемой стороной. Оружие только холодное и только ближнего боя. Примирение допустимо в любой момент.

Дуэльный кодекс

С первой улыбкой утра компаньонов позвали на королевский суд. Адинук предупредил Михеля, что людей здесь недолгобливают, как и эльфов, так что Гарбу пришлось идти в сопровождении одного Аггрха.

Церемониймейстер сообщил обоим, что король немного не в духе, но в целом настроен к гостям благожелательно и надеется на скорое возвращение сына. Его Величество просил передать, что вместе с супругой верит их истории. Успокоенные таким образом, гоблин и орк вошли в тронный зал.

Аггрх отметил, что на этот раз народу там было не слишком много. Придворных мультфиблов по такому случаю отправили наблюдать за зрелищем с галереи над портретами, чтобы не путались под ногами. Оттуда доносился невнятный гомон, который совершенно не мешал королю вершить правосудие. Капитаны с портретов со своей высоты взирали на всех одинаково сурово, как и прежде.

В самом зале, кроме Турона, величественно восседающего на троне, и охраны — теперь новой и с лабрисами в руках вместо мечей на поясе — присутствовали гном-писец и железная клетка на небольших металлических колесиках, обернутых в какой-то мягкий материал, чтобы не портили пол. Внутри стояла одна надоедливая особа.

Шпионку приковали за запястья, щиколотки и шею стоймя к сколоченной из толстых дубовых досок стенке, намертво прикрученной к основанию клетки, и поставили посреди зала так, чтобы ее хорошо было видно со стороны трона. Хапуга вела себя вызывающе и даже дважды успела показала Гарбу язык, пока Турон не смотрел в ее сторону. Писец что-то зачитывал со свитка, и король молча внимал.

Чтобы скоротать время, гоблин решил рассмотреть девчонку получше. При ярком свете утреннего солнца она снова показалась довольно милой. Все те же каштановые косички, курносый нос и веснушки, никуда не делся и дерзкий, с бесенятами взгляд янтарных глаз. Ряд чуть заостренных зубов-жемчужин приоткрывался, когда шпионка шептала в сторону Гарба очередное проклятие.

Маскировочную одежду кто-то в казематах позаботился с нее сорвать. Обрядили арестантку в черно-белую полосатую хлопковую рубаху и такие же штаны. Немного отталкивала нехарактерная для гоблинов беломраморная кожа, но это скорее вопрос привычки.

Гарб изучал хапугу с минуту, не обращая внимания на гримасы, которые девчонка корчила в ответ на внимание. Интересно, у хапугов все самки настолько симпатичнее самцов или это редкое исключение? Впрочем, привлекательность девицы не мешала шаману оценивать ее исключительно с эстетической точки зрения.

Выданная одежда теперь уже не так сильно скрывала стройность фигурки и крепость мышц. В сочетании с навыками скрытности — идеальная убийца. Только обостренное восприятие шамана позволило ему заметить опасность и вовремя обезвредить ее.

Ловцу духов на ум пришло, что хапуги уже несколько сотен, если не тысяч лет не являются чистокровными гоблинами. Это племя поклонялось злобному богу Быр-Хапугу, который надоумил своих почитателей, что для продолжения рода можно и нужно воровать эльфиек. Хапуги к совету прислушались, в результате чего возникла новая раса, взявшая самые уродливые черты внешности от длиннопалого народа, а колдовские способности от остроухих. Получившиеся гибриды отличаются редкой злобностью и проявляют враждебность к большинству остальных народов, а их внешностью можно только детишек пугать.

Впрочем, девчонке, похоже, досталось больше крови праотцов. Она внешне куда больше походила на гоблинов, чем большинство из ее соплеменников, виденных Гарбом. Разве только носик у нее был совсем уж эльфийский, а рост в пять с половиной футов можно назвать нормальным скорее для человека или эльфа, но никак не гоблина. С другой стороны, шаман сейчас собственной макушкой немногим не дотягивал до шестифутового орка.

— Тишина, — негромкий раскатистый голос в сочетании с властными интонациями заставил все головы немедленно повернуться в сторону трона.

Монарх умел привлекать внимание. Когда Турон убедился, что больше никто не отвлекается, то одними рыжими бровями приказал писцу зачитать обвинение. Гном прочистил горло и, растягивая слова, принялся читать на цвергском.

— Дело номер одна сотня двадцать седьмое сего года от осьмнадцатого банме. Непоименованная особа женского полу неизвестной народности тайно и без приглашения проникла на территорию дворцового комплекса с неизвестной целью. Карается утоплением, изгнанием, рабским трудом на срок до пяти лет или штрафом в два с половиною фунта золотом. Сия особа также проникла в покои одного из гостей Их Величеств с неизвестной целью, где схоронилась в маскировочном платье до обнаружения. Карается повешением за шею или пятьюдесятью ударами кожаной плетью с семью хвостами по спине. При себе имела кинжал обоюдоострый и несколько предметов неизвестного назначения. Будучи пойманной, сия особа не сопротивлялась аресту, что является смягчающей okolичностью, но изрыгала хулу на гостей Их Величеств, стражу и весь остров Мирас, в результате чего один из стражников заполучил нервное расстройство. Карается на усмотрение Его Величества. Совершила побег из дворцовых казематов, неведомым образом умыкнув ключи у одного из стражников, и вновь совершила проникновение в те же покои. Упомянутые деяния караются клеймением лба, отсечением головы или иным наказанием на усмотрение суда. После совершения оных проступков особа была повторно задержана. Во время повторного задержания не оказывала сопротивления, но изрыгала хулу, как и ранее, но в более крепких выражениях и на пяти наречиях: цвергском, гоблинском, человеческом, кутарском и всеобщем. Сей крепостию духа и отвагой заслужила уважение стражников Его Величества, поэтому скована по рукам и ногам и взята под неусыпное наблюдение. Теперь доставлена на высочайший суд. Решение суда основывается на законе, кодексах и воле богов, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Девушка ничуть не упала духом во время заслушивания длинного списка своих прегрешений. Цвергский она, вроде бы, понимала неплохо, но и бровью не повела при упоминании грозящих ей наказаний.

— Назови свое имя, народность, возраст и род занятий, плутовка, — потребовал Турон на всеобщем, когда писец закончил чтение.

— Рати, народ первородных, девятнадцать зим, королевская дочь, — ответила девушка

и обнажила острые зубы в легкой усмешке.

— Ты не похожа на эльфийку. У тебя смешанная кровь, девка? — откинулся на троне минотавр, поигрывая глефой.

— Немного эльфийской крови во мне течет, но это не моя вина, — улыбнулась Рати, пропустив «девку» мимо ушей, и безуспешно попыталась сдуть каштановую прядь, спадающую на глаза. — Только Ваше Величество кто-то ввел в заблуждение насчет первородности остроухого племени. Гоблины-хапуги увидели этот свет первыми и...

Турон насупился и поджал губы.

— Ты нагло лжешь или бредишь! — нетерпеливо перебил ее король. — Всем известно, что эльфы...

— Эй, мне обидно, между прочим! — прервала гневную тираду Турона пленница. — Вон у этого переростка с посохом хотя бы спросите. Он наверняка в курсе и подтвердит.

Девушка так посмотрела на Гарба, что тот поежился. Глаза венценосца начали потихоньку багроветь, и он перевел вопросительный взгляд на гоблина.

— Мы еще не знакомы, колдун, но я уже слышал о твоих подвигах на нашей земле. Приступ боевой ярости — мне такое знакомо, поэтому я тебя не осуждаю и дарую прощение. Так скажи мне, спутник моего сына, можно ли верить подсудимой?

Гоблин выступил вперед, как всегда слегка горбясь и опираясь на посох. Лапа непроизвольно заскользила по гладкой поверхности, поглаживая реликвию. Шаман бросил косой взгляд на хапугу, а затем открыто посмотрел на короля.

— Год назад я бы рассмеялся от ее слов, но во время путешествий по таким мирам, куда смертным лучше не попадать, мне и моим друзьям открылась правда. Действительно, первыми из смертных были сотворены гобхаты или гоблины, как все остальные народы зовут наш род. Наша праматерь Бирканитра подала остальным богам пример, вылепив наших предков из глины, после чего уже боги эльфов вдохнули жизнь в деревянные куклы и нарекли их своими детьми. Хапуги искренне верят, что первым смертных сотворил их кумир Быр-Хапуг, но это не так.

Гарб говорил своим скрипучим голосом, а Турон не знал, можно ли верить ушам.

Аггрх усердно кивал, если король переводил взгляд на него, чтобы найти подтверждение словам гоблина.

— Глупый моорх. — прилетело шаману в спину от прикованной девчонки. — Ты не знаешь всей правды, хоть и носишь Его посох.

Гарб демонстративно не стал поворачиваться, чтобы удостоить ответом.

— Что ж, мы в любом случае собрались здесь не для религиозного спора, — улыбнулся пожилой тауросу на троне. — Эта девчонка пыталась убить тебя — моего гостя? Отвечай вдумчиво. От этого будет зависеть ее судьба.

— Я мог бы сказать неправду, чтобы избавиться от нее, — устало положил когтистую лапу на лоб гоблин. — Но я не знаю точно. У нее не было такого шанса, потому что я сразу бросал заклинания, чтобы обездвижить.

— Хорошо, — чему-то обрадовался король. — А ты, дочь короля, с какой целью залезла в чужой дом?

Рати мило поморщила носик.

«Бестия будет врать», — нутром почуял Аггрх, но вслух ничего не сказал. Это даже любопытно, как она собирается выкручиваться.

— Да просто приплыла сюда по торговым делам с одним судном пару дней назад, —

вкрадчиво сообщила девица. — Думала, что из гоблинов на всем острове только я одна и есть, а тут смотрю, а в порту народу толпа целая и над всеми возвышается гоблинский парень. Красивый такой, статный, сильный — просто глаз не отвести. И идет так, прихрамывая, аж жалко стало. У меня даже слезы навернулись. Потом он начал бузить немножечко, а его отравленным дротиком в шею, как какие-нибудь троу исподтишка. Он прямо там грохнулся и головой ударился сильно, наверное. Ну, я решила проведать, так сказать, убедиться, что с ним все в порядке, и заодно рассмотреть поближе, а он в меня кидаться сразу. Разве так можно с девушками?

— Нельзя, — притворно-сочувственно согласился Турон. — Так ты хочешь сказать, светлое невинное дитя, что залезла во дворец исключительно из любопытства?

— Разумеется, — ничуть не смутилась Рати. — В замок меня не пускали, так я решила, что никого не потревожу в своей маскировке. Я же ничего плохого не делала.

— А зачем из тюрьмы сбежала и во второй раз явилась в комнату к этому красивому и статному парню? — не сдался король.

— В первый раз рассмотреть толком не успела, — широко улыбнулась Рати, невинно похлопав ресницами.

Ее слова и мимика были настолько искренними, что даже вечно подозрительный Агрх на долю мгновения засомневался, а вдруг все-таки не врет. Правда, знание, что племя хапугов охотится за посохом Гарба, сводило все сомнения на нет.

Король окинул всех присутствующих взглядом и прищурил глаза.

— Мне довелось слышать об осаде Льонаса, — сказал Турон. — Подробностей до меня дошло мало, но их хватает, чтобы не доверять хапугам. Мирас враждует с эльфами, но это не значит, что мы станем дружить с теми, кто использует темные искусства, даже если это враги наших врагов. Посему, дочь короля, если ты уже насмотрелась на статного парня и других дел у тебя нет, повелеваю тебе в течение двух часов покинуть мой остров. Благодарю небеса, что пока ты была здесь, не случилось ничего серьезного.

— Хвала небесам, — серьезно согласилась с ним девушка. — Только у этого сладкого мальчика остался должок передо мной.

Гарб недоуменно воззрился на хапугу.

— Он оскорбил меня своими необоснованными нападениями, — громко сказала та и добавила, обращаясь к гоблину. — Согласно положениям дуэльного кодекса, я вызываю тебя на дуэль. Выбор оружия за тобой.

Агрх клацнул зубами с досады и посмотрел на Турона. Тот страдальчески поморщился, показывая, что ничего не может поделать, и кивнул в ответ.

— Быть посему, — вздохнул монарх. — Это священное право на Мирасе. Какое холодное оружие предпочитает гоблин?

Хапуга бросила исподлобья многообещающий взгляд на Гарба, мол, я тебя все равно достану, и мне за это даже ничего не будет.

— Я бы лучше воспользовался магией, но раз такое дело, пусть будет рапира, — не моргнув глазом шаман.

Ему довелось обучаться в Шеоле у лучших мастеров фехтования, пускай и давно мертвых. Наглая девчонка сильно удивится, когда на своей шкуре почувствует их школу.

Турон поднял вверх руку, показывая, что собирается говорить.

— Дуэльный кодекс очень почитается в моем королевстве, потому что дарован богами, — с хитрой усмешкой сообщил монарх, обхватив ладонью свою рыжую с проседью

бороду. — Значит, будем следовать его букве и духу до конца. Если кто-то из вас попытается сбежать, я расценю это как нарушение. Убийство соперника до дуэли — тоже нарушение. За это, как вы можете догадаться, полагается казнь, и я не намерен проявлять милосердие к нарушителям. Также сторонам до утра завтрашнего дня дается шанс на примирение. Советую им воспользоваться.

— Меня освободят? — простодушно спросила девица.

— Когда коровы полетят, — рявкнул минотавр и мстительно добавил. — Из клетки тебя, конечно, достанут, но только чтобы хорошо подготовить для примирения.

Что-то в интонациях короля заставило глаза хапуги беспокойно забегать. Она открыла рот, но кулак, стукнувший по подлокотнику трона, пресек попытку возмущения. Рати прикусила губу и решила не искушать судьбу еще одной дерзостью. И без того стало страшно.

— Бу-увести! — распорядился Турон, подмигнув орку и гоблину. — Будет знать, как врать королю.

В предстоящей дуэли симпатии минотавра хапуге явно не принадлежали.

— Уверен, что справишься с ней? — обеспокоенно спросил Аггрх по дороге к гостевому крылу замка. — Ты еле ходишь!

Их путь лежал через длинный крытый переход, перекинутый через ров, на высоте около сотни футов от земли. По правую руку открывался чудесный вид на гавань и порт с почти игрушечными кораблями, покачивающимися на волнах, а по левую — на город с аккуратными разноцветными домиками и большой рыночной площадью круглой формы. Гарб действительно ковылял всю дорогу, тяжело опираясь на посох: Жиль слишком усердно поработал с его ногами, и даже целение Михеля не слишком помогло. Множество сломанных костей хоть и срослись, но не во всех местах правильно, и ходьба доставляла массу неприятных ощущений. Каждый шаг давался с трудом, как будто приходилось ступать на затупленные лезвия нескольких ножей одновременно: больно, но даже не до крови.

— Ерунда, — уверенно ответил шаман. — У меня остались кое-какие зелья. Напьюсь и ничего не буду чувствовать. — Меня беспокоит другое. Эта Рати, если она действительно дочь Сконма, наверняка послала весточку своему папаше про посох. Да и какая разница, дочь или не дочь... Она хапуга, и этим все сказано. Как скоро можно ожидать здесь появления орд нежити?

— Сюда еще доплыть надо, — попытался развеять его беспокойство орк.

— Очень скоро, — категорично опроверг его голос Адинука откуда-то сверху.

Головы синхронно задрались, но увидеть удалось только серую колышущуюся массу под потолком галереи.

— Я решил, что если Гарб не сможет увидеть мою неотразимую красоту, то и огненными шарами кидаться не станет, как рассерженный енот, — жизнерадостно сообщил эльф. — Миленочка очень помогла с маскировкой, и мне даже удалось немного поподслушивать.

Орк вздрогнул и рефлекторно прижался к стене галереи, пытаясь нашарить глазами ручную паучиху эльфа.

— Она сейчас в сумке, — успокоил его Адинук. — Подземье глубже, чем вы думаете. Оно ниже морского дна, а выходы из него разбросаны по всей Лумее. Думаю, где-то здесь на острове тоже есть один. Так что, времени у нас может быть мало.

— Тогда надо сначала разобраться с дуэлью, а потом сразу отправляться на поиски Каввеля, — принял решение Гарб, втайне подивившись точности предположения эльфа. — В море нам нежить точно не грозит.

— Ах да, вам от Михеля привет, — с легкой печалью в голосе сообщил бард. — Сказал что-то про срочное дело и отплыл на материк. Даже не попрощался толком. Только бубнил все время что-то бессвязное про рыжие волосы. Это он Хиенну все-таки вспомнил, да?

Агрх обхватил голову руками и застонал. Головная боль снова вернулась.

У Гарба же и без того поганое настроение резко ухудшилось.

«Дуэль, значит?» — со злостью подумал он, елозя лапами по посоху. — «Острых ощущений захотелось? Ну, я тебе устрою острые ощущения где-нибудь в боку. Сама напросилась, глупая самка».

«Лапы убрал!»

— Рати, дочь Сконма

Гоблину не дали дойти до своих покоев. Вежливые, но очень настойчивые слуги пригласили его позавтракать, а затем прогуляться по парку или посидеть в библиотеке, пока «идет уборка».

— Вас ждет сюрприз, херр волшебник, — с масляной улыбкой подмигнул один мультфибл.

Судя по более дорогой, чем у остальных, отделке форменной одежды, дворцовый распорядитель. Ему явно не терпелось показать сам сюрприз, но тот еще не был готов, к невероятному огорчению гнома.

Шаман пожал плечами. Все вещи он носил с собой, поэтому за их сохранность не опасался. Какие еще сюрпризы могут его поджидать?

Адинук так и не рискнул показаться гоблину на глаза без маскировки, поэтому потребовал завтрак в свою комнату. Агрх же после приступа головной боли сослался на слабость и пошел лежать в ванной. Теплая вода с пеной хорошо ему помогала.

Гарб с комфортом устроился в мягком кресле в недрах королевской библиотеки, чтобы скоротать время за чтением. Среди пыльных стеллажей он чувствовал себя почти как дома. Гном-библиотекарь неодобрительно отнесся к выбору «Путеводителя по Лунному морю», но виду не подал и удалился, оставив шамана в гордом одиночестве.

Почитать так и не вышло. Глаза только скользили по строчкам, выведенным на пожелтевших страницах буквами с причудливыми завитушками, но не улавливали смысла написанного. Со вздохом Гарб отложил книгу и сел, обхватив длинными лапами ноющие колени.

Слишком много на него навалилось за последнее время. И, если адские миры и гибель одного из друзей шаман еще как-то смог пережить, то несколько часов пыток едва не свели его с ума. От такого можно озлобиться на всех и вся, но юный разум гоблина все еще отказывался верить, что вселенная настолько плоха и не заслуживает ни капли сочувствия, если вдруг ей неожиданно настанет конец.

Голова погрузилась в планирование предстоящего боя. Хапуга хорошо натренирована — это неоспоримо. Значит, придется нелегко, и ловец духов погрузился в воспоминания, стараясь освежить в голове фехтовальные движения. Плавно мысли переключились на мир духов.

«Как же давно я не был в Шеоле», — подумал Гарб. — «Где-то там вся моя деревня должна быть. Надо бы повидаться, узнать новости. Может, кто-то даже знает, где искать Каввеля».

От тягостных раздумий его отвлек распорядитель, пригласив на ужин.

— Я что, обед пропустил? — с удивлением осознал гоблин.

— Да, вы очень глубоко ушли в свои мысли, херр волшебник, — кивнул гном, приглаживая пушистые бакенбарды, — и мы не решились вас тревожить. Но так даже лучше. Теперь сюрприз готов, и после ужина вы можете им насладиться.

Спустя полчаса все тот же царедворец проводил Гарба к его покоям, продолжая

рассыпаться в любезностях и намекая на предстоящий приятный вечер.

— Прошу вас, — сально улыбнулся мультфибл, причмокнул губами и услужливо поклонился, распахивая дверные створки.

Сделав это, он тут же испарился, тихо хихикая.

Что они уже там могли приготовить? Гарб недоверчиво повернулся мордой к коридору и проводил надоедливого гнома взглядом. Убедившись, что тот ушел, гоблин сделал шаг назад, вошел в комнату спиной и прикрыл створки. Задвинув засов, он повернулся и резко шагнул вперед, о чем сразу же пожалел. Пространство освещалось из углов комнаты всего двумя лампами, тусклый свет которых позволял различать лишь смутные очертания предметов.

— Уллу ке паттхе[1]! — непроизвольно выругался Гарб, споткнувшись о крупную складку на ковре, не заметив ее в царящем здесь полумраке.

Глупые гномы!

Чтобы не упасть мордой вперед, пришлось по инерции сделать еще несколько шагов. Будь его ноги в порядке, такого бы никогда не произошло. Гарб попытался нащупать посохом опору и случайно выронил его, продолжая почти падать вперед. Палка неслышно упала на ковер.

Перед глазами пронеслась вся обстановка. Окно плотно задрапировано, поэтому здесь так темно. Впереди маячил балдахин кровати, а на его фоне что-то знакомое, но времени на узнавание уже не оставалось. Машинально вытянув лапы вперед, гоблин крепко ухватился ими за что-то мягкое и смог, наконец, выровняться. Прямо над ухом раздался возмущенный женский голос.

— Как. Это. Трогательно! — сквозь зубы прошипела Рати.

Похоже, ей было очень больно, но кричать она считала ниже своего достоинства.

Гарб спешно разжал ладони, отпуская довольно крупные упругие полушария, которые помогли уберечься от падения. Так сильно смущаться ему еще не доводилось.

— Извини, — шаман сильно зажмурился и широко распахнул глаза.

Силуэты предметов обрели больше четкости и налились красками. Вот кто додумался сделать именно такое освещение? Будь света меньше, сумеречное зрение включилось бы сразу, а так до сих пор видно плохо.

Впрочем, сюрприз от короля удался на славу. Рати обрядили в пеньюар из розового шелка, который больше показывал, чем скрывал. Интересно, каких усилий это стоило гномам и чего они о себе наслушались в процессе переодевания? У Гарба при виде подобного бесстыдства вспыхнули кончики оттопыренных ушей, потому что самок в таком неподобающем виде и так близко он не видел еще ни разу. Откуда только нужный размер выискали!

— Лапать меня пришел, гадхе? Ну давай, начинай! Все вы мужики одинаковые, — презрительно бросила она, закрыла глаза и отвернулась, закусив губу.

Кроме этого, она могла разве что плюнуть в лицо обидчику, потому что разведенные в стороны руки и ноги девушки надежно фиксировали металлические браслеты, от которых к кольцам в стенах уходили крепкие алмазные цепи. Голову закрепили кожаным ошейником, привязанным тонкой стальной цепочкой к кольцу в колонне позади. Таким образом девица была надежно зафиксирована.

Гарб, кряхтя, подобрал посох с ковра и задумался. Турон, кажется, весьма вольно обошелся с трактовкой кодекса в части примирения. Либо именно так он себе примирение и

представлял. В любом случае ситуация гоблина не обрадовала. Совершенно беззащитная самка в его логове. Можно, конечно, представить себя эдаким драконом, которому принесли жертву. Гарб где-то читал, что в древние времена так делали, пока гигантских ящеров не истребили всех до единого. Вот только еще несколько дней назад он сам висел в трюме корабля почти в такой же позе, и воспоминания о пережитом кошмаре до сих пор заставляли волосы на голове подниматься от ужаса.

Помотав головой, шаман отогнал недостойные мысли. Гоблину его ремесла не пристало интересоваться самками, а в роли жреца Бирканитры еще и категорически противопоказано. Конечно, он не знал наверняка, но какой-то внутренний голос подсказывал именно это. Богиня при всей своей доброте наверняка рассматривает служителей собственного культа как собственность и хранит их для себя.

— Ты меня решил ожиданием замучить? — подала голос Рати. — Я тут уже битый час торчу и хочу в туалет.

— Извини, — опять сказал Гарб, выходя из ступора. — Это, наверное, какая-то ошибка.

— Какого бира ты постоянно извиняешься? — взъелась девица, уставившись на гоблина немигающими янтарными глазами. — Если так тянет просить прощения, просто освободи меня.

В мерцающем бледно-желтом свете колодцы глаз казались бездонными.

«Вертикальный зрачок, совсем как у меня, а в темноте расширяется», — машинально отметил гоблин и поискал ключ от кандалов.

Блестящий кусочек металла нашелся на столике неподалеку. Кто-то издевательски положил его так, чтобы пленница хорошо видела, но не могла дотянуться.

— Сейчас, — дрожащей лапой шаман схватил кольцо с ключом, подошел к пленнице и отомкнул оковы.

Сначала ноги, потом руки.

Выждав секунд сорок, пока восстанавливался ток крови, Рати бросилась к двери, одним движением открыла ее и припустила по коридору, сверкая голыми пятками.

— Поверить не могу, что это сработало! — донесся удаляющийся голос.

Гоблин тяжело вздохнул и откинул тяжелую портьеру с окна. Сразу стало светлее, хотя лучи закатного солнца и окрасили комнату багрянцем, рождая нехорошие ассоциации. Оказывается, гномы тут даже лепестков роз накидали, а он и не заметил. И масло в лампах какое-то чересчур ароматное. Почти без боли Гарб сумел доковылять до кровати и устало опустился на нее. И ради этого его продержали полдня в библиотеке? Да лучше бы он чем-то полезным занялся! Прогулялся в Шеол, например.

Массивная створка бесшумно отворилась, впуская в комнату Рати. Девушка притворила ее за собой и задвинула засов.

— Зря не убежала, — проскрипел Гарб, не глядя в ее сторону. — Я же тебя отпустил.

Хапуга иронично хмыкнула. Точно, далеко ли она в таком виде убежит? Но и назад ее тоже никто силой не тащил.

— Зачем пришла?

— Поговорить.

— А зачем уходила?

— Так в туалет же, дурья башка! Он там по коридору направо. Тут еще один есть, что ли?

— А-а-а, — протянул гоблин, вспоминая собственные поиски уборной с утра, — тогда

садись где-нибудь, поболтаем. Только не делай резких движений, а то я нервный последнее время.

Хапуга прищурилась и, выбрав одно из кресел у столика, откинулась в нем, подобрав к груди стройные ножки и обхватив руками острые колени. На пеньюаре в местах касания когтистых пальцев шамана зияли прорехи, сквозь которые виднелись неглубокие кровоточащие порезы. Гоблин заметил их только сейчас и сразу же полез в сумку за лечебным снадобьем.

— Держи, помажь ранки! — кинул он флакон девице.

Та ловко его поймала, откупорила, приняухалась и скривилась.

— Пахнет болотными слизнями.

— Из них и сделано, — подтвердил шаман.

Хапуга зачерпнула пальцем густое содержимое флакона и осторожно помазала один из порезов. Решив, что хуже не будет, она быстро втерла остальное, броском вернула мазь владельцу и вернулась к прежней позе.

— Рассказывай, к чему весь этот цирк, — почти равнодушно предложил Гарб, следя за гостьей из-под полуприкрытых век.

— Ты что, правда не собирался меня... ну... того? — жалобным тоном поинтересовалась девчонка. — Я что, некрасивая? Или ты женщин не любишь?

Гоблин рассмеялся хриплым каркающим смехом. Ему вдруг показалось, что гладкая кожа без единой шерстинки на щеках Рати покраснела, пряча веснушки. Или это просто закатное солнце шалит?

— Красивая, — серьезно кивнул шаман, — но не собирался.

— Обомлеть! — изумилась самка и прижала ладони к лицу, потому что такое поведение взрослого самца для нее было в новинку. — Ой-ё, мы воюем с детьми!

— Не делай поспешных выводов, — с полуулыбкой откликнулся Гарб. — Тебе просто очень повезло не попасть в лапы к Аггрху. Так легко бы не отделалась. Этот орк хороший парень и верный друг, но уж очень охоч до женского пола. Не уверен, что он бы не воспользовался ситуацией. И вообще, можно подумать, ты ведешь себя сильно по-взрослому. Посмотри, до чего тебя довели игры в шпионов.

Рати скорчила забавную рожицу и обиженно засопела. Видать, попал по больному.

— Так ты, значит, дочь Сконма? — спросил шаман, решив сменить тему.

— И дочь, и внучка, и еще немного сестра, — оскалилась хапуга.

— Это как? — заинтересовался гоблин.

— А вот так! — выпалила Рати с гримасой отвращения. — Он очень древний и как-то давно научился переносить свой дух в тела потомков. Его нынешнему телу всего десять зим, и это тело было моим братиком.

— Ого, — только и смог вымолвить Гарб.

— Угу, — буркнула девушка. — Ненавижу его за это, хотя в остальном он достаточно хорош. Пока изображал отца, я его даже любила. А потом, как только разрешили, улизнула подальше, чтобы не видеть подольше.

Неловкая пауза тянулась несколько минут. Солнце почти скрылось за горизонтом, оставляя колеблющуюся красную дорожку на волнах. На Лумею медленно спускалась ночь. Она змеей заползала в каждую щелочку, окутывая все вокруг непроглядным мраком, и недовольно шуршала сквозняком там, где свет не позволял ее темному покрывалу развернуться во всю ширь. Теперь только лампы в углах освещали странную парочку,

ведущую неспешную беседу.

— Так за что ты хочешь меня убить? — спросил шаман. — Посох?

— Он самый, — кивнула Рати. — Папаша обещал большую награду, да и без награды он очень ценный. Я как увидела тебя в порту, так и загорелась добыть. Теперь понимаю, что поторопилась. Да и что-то не хочется больше убивать. Давно он у тебя?

— В собранном виде полгода где-то по местным меркам, — задумался ловец духов. — Там, где я с ним побывал, время течет иначе, так что, может, еще дольше.

— Тогда понятно, почему ты такой долговязый, — разочарованно протянула девушка. — Посох не предназначен для смертных. Он плохо на них влияет.

— Я неделю назад был почти в два раза выше, — криво улыбнулся Гарб, вспомнив про поединок с Минору и его последствия. — Он живой, вообще-то, и с ним можно договориться. Что ты-то можешь о нем знать?

Рати надолго задумалась, положив подбородок на колени.

— Ты не похож на бессмертного, хотя и на обычного гоблина тоже не похож. Про посох лучше спрашивать у Сконма, — наконец сказала она. — Он единственный из смертных, кроме тебя, кто держал его в руках. Правда, тогда, как он рассказывал, у посоха еще было навершие. Это четвертый Быр, которого тут нет.

— Бир, — тихо возразил шаман, но Рати его не услышала.

— Я знаю только легенды, которыми мне все уши прожужжали. Во времена Исхода, когда аватары богов вели смертных на Лумею, переход прикрывали Быр-Хапуг и Бирканитра, как самые сильные из младших богов.

Гарб, которому эту историю рассказала сама богиня, решил не перебивать и послушать альтернативную версию. С ее слов он знал, что Бирканитра не слишком хорошо обращалась со своим злобным братом, за что тот ударил ее аватар в спину и отнял посох, в котором заключалась большая часть ее силы. Затем братец заточил ослабевшую богиню где-то на Лумее, а посох сломал и разбросал его части в разных частях света. Бирканитра повелела Гарбу собрать чар и освободить ее, чем он с друзьями и занимался, пока они всей компанией случайно не угодили в адские миры. Рати продолжила рассказ.

— После вмешательства Део, когда Вседержитель остановил наступление демонов и проклял их, наши боги переправили своих детей на Лумею, но сами так и не появились, как боги других народов. Гоблины — некогда могучие воины, умелые колдуны и искусные ремесленники — без богов, под натиском эльфов и других варварских народов захирели, измельчали и впали в дикость. Другие племена отвернулись от праотца, и только хапуги продолжали верить, что Быр-Хапуг не оставил своих детей. И он действительно явился через семьсот лет и поведал, что предатели-эльфы напали на него, уничтожили аватар и разбили посох, а дух заперли в мире Эфира. Ему чудом удалось оттуда вырваться. Он рассказал, что только вновь собранный посох может помочь ему восстановить силы. Вот с тех пор мы и ищем эти части.

— Понятно, — протянул Гарб, улыбнувшись складности сказочки, придуманной злым богом для своих последователей. — А все эти убийства зачем? И некромантия, и воровство эльфиек?

— Я результат воровства эльфиек! Не нравлюсь? — хищно оскалила острые зубки Рати. — Хотя, я еще не самый худший экземпляр. Если бы не эльфийская кровь, хапуги давно превратились бы в чудовищ. Даже сейчас внешность наших мужчин вызывает стойкое отвращение, а уж что было до первой эльфийки... Это верховному богу бледных эльфов

нужно передавать благодарности.

— Триединому? — уточнил шаман.

— Ему самому, — с жаром подтвердила хапуга. — Это он нас в наказание проклял за веру в его заклятого врага. Ты же знаешь, что если в бога никто не верит, то он может раствориться в небытии?

Гарб кивнул. О таком ему рассказывали в Бездне.

— Мы были последним племенем, которое не отказалось от Быр-Хапуга. Триединый требовал отречься от нашей веры, но мы не сдавались. Бледное ушастое ничтожество быстро устало уговаривать и наложило на нас проклятие. А мы все равно продолжаем верить, хотя вера эта нас уродует с каждым поколением все больше и больше. Одна надежда на посох. Так что ты как хочешь, а нам он нужен.

— А некромантия? — не сдался гоблин.

Рати фыркнула в ответ.

— Ты еще нас осуждать начни! — разочарованно протянула она. — Я думала, ты понимаешь важность любых знаний. Когда живешь в Подземье, волей-неволей приходится научиться выживать. Троу вовсю пользуются темными искусствами. Чем мы хуже? Мы даже лучше них научились использовать темные энергии, так что сделай лицо попроще, жрец предательницы.

Гарб вскочил и поморщился от боли в ногах.

— Не смей ее так называть! Это твой Быр-Хапуг предал сестру! — гоблина трясло от негодования.

— А вот и не подеремся, а вот и не сейчас, — неожиданно добродушно откликнулась девушка. — Кто тебе сказал, что твоя правда правдивее?

— Она сама и сказала, — с вызовом ответил жрец.

Гарб чуть-чуть успокоился, но отступать от своих убеждений не собирался. Хотя зерно сомнения уже было посеяно. Где-то глубоко внутри ему начало казаться, что Рати говорит чистую правду. И все же только одна из версий может быть истинной. В силе Бирканитры он уже убедился, так что спорить со своей богиней даже заочно не хотелось. Однако что-то в рассказе хапуги заставило его по-новому взглянуть на всю эту историю. Что-то не сходилось.

— Надо тебя с отцом познакомить, — усмехнулась хапуга. — Два жреца должны найти общий язык. Поделитесь знаниями друг с другом. Уверена, вам есть что рассказать.

Гарб зарылся лбом в ладонь, помотал головой и уселся обратно на кровать. Встречаться со Сконмом мордой к морде ему отчаянно не хотелось. Внутренний голос подсказывал, что такая встреча может плохо закончиться для одного из жрецов.

— Не надо, — отрезал он, сладко зевнул, едва не вывихнув челюсть, и спросил. — Спать на кровати будешь?

По внутренним ощущениям уже около двух часов ночи. Масло в лампах почти выгорело, и свет начал тускнеть. Зевнула и хапуга, трогая кожу на груди. Чудодейственное средство за время беседы заживило порезы, и они лишь немного саднили.

— А можно? — каким-то странным голосом спросила она и оценивающе посмотрела на шамана, а затем вдруг сообщила. — Знаешь, а ты симпатичный: такие мужественные шрамы, рост высокий... Я люблю высоких парней, так что из нас могла бы получиться отличная пара. Тебя только помыть и приодеть бы.

— Разве что пара врагов, — усмехнулся Гарб.

К нему окончательно вернулось самообладание, но оно никак не подсказало, что же

делать со шпионкой.

— Ложись там. Я только защитный контур поставлю на всякий случай. Извини, но доверие теперь не мой конек.

— Иди ты в Бездну! — почти ласково сказала девчонка, обходя все еще сидящего на кровати Гарба.

— Только что оттуда, — заметил шаман, поднимаясь и начиная плести заклинание.

— Всякое бывает, — пожала плечами Рати, уже забравшись под одеяло и блаженно потягиваясь. — Спокойной ночи, симпатяга.

Гарб не ответил, сосредоточенно выписывая пассы лапами. Краем глаза он увидел обеспокоенное лицо Адинука, промелькнувшее за незанавешенным окном, но отнесся к подсматривающему эльфу на редкость спокойно. Даже сам удивился.

[1] Сын совы! (гоб.)

Мала шерстинка на шкуре, а выдирать больно.

Гоблинская поговорка

В двери настойчиво постучали.

— Херр колдун! — раздался голос распорядителя. — Откройте, битте! Я бы не стал вас беспокоить, но у вас вот-вот должна начаться дуэль.

Гарб с трудом разлепил веки и обнаружил, что спал, растянувшись на мягком ковре. Рядом с ним лежал кто-то мягкий и теплый, мирно посапывая. Он посмотрел на пустую кровать с нетронутым контуром, потом перевел взгляд на хапугу, решившую использовать его уже порядком затекшее плечо вместо подушки, и вздрогнул. Девушка тут же открыла глаза и вскочила, растерянно озираясь.

Озадаченное выражение на ее личике сменилось испуганным, а затем разъяренным, когда она увидела себя в зеркале во весь рост. Рати прошипела что-то нечленораздельное, но Гарбу удалось уловить слово «мать» и еще что-то нехорошее про родственников всех гномов этого острова до седьмого колена.

Толстые каштановые косы растрепались, полупрозрачный пеньюар, мало что скрывавший в сумерках, теперь при ярком солнечном свете и вовсе оставлял девушку почти в чем мать родила. Она стройной мускулистой стрелой метнулась к кровати, осторожно просунула руку в контур и легко оттяпала крупный кусок парчи от завесы балдахина, аккуратно полоснув по ней острыми коготками. Гарб сразу проникся уважением: не всякая сталь способна так резать.

— Вообще-то, мог бы уже убрать ловушку, — укоризненно заметила Рати, заворачиваясь в расшитый золотом и серебром бордовый шелк. — Да не лежи ты, как бездушный чурбан! Иди открывай, а то они решат, что я тебя уколошила, и начнут ломать.

Шаман, нащупал посох, нехотя поднялся и заковылял к двери. За ней толпилась целая орава любопытствующих мультфиблов обоих полов. Все старательно вытягивали шеи и вставали на цыпочки, желая лично увидеть, что кровожадный гоблин натворил за ночь. Хапуга, недолго думая, показала им язык, вызвав этим крайне удивленные возгласы, и уселась в кресло спиной к двери.

— У вас там... дуэль... — не веря своим глазам, пробормотал распорядитель, глядя на место, где должна была находиться истерзанная пленница.

Цепи сиротливо жались к стенам, ясно давая понять, что ими уже давно не пользуются. Оставленный ключ от оков, конечно, намекал на такую возможность, но всерьез в нее никто не верил.

— Там? — не слишком любезно переспросил Гарб, нервно постучав несколько раз посохом по полу. — Мы еще тут не закончили. Примирение у нас, вот.

С каждым ударом материал пола вокруг места соприкосновения со снопом зеленоватых искр последовательно менялся на шершавую сосновую доску, ярко-желтый песок, весело плещущий водичкой родник и, наконец, вернулся в исходное уныло-мраморное состояние, обдав напоследок грязными водяными брызгами модные кружевные панталоны сановника.

Это окончательно выбило гнома из колеи. Он с перекошенным лицом молча развернулся и, расчистив себе локтями путь в толпе, бросился бежать, смешно подкидывая

косолапые ноги. Гарб сурово посмотрел на остальных, и все придворные тут же последовали примеру коллеги.

— Одежду принесите! — сурово крикнул им гоблин вдогонку на цвергском своим высоким скрипучим голосом.

Он уже собирался снова закрыть дверь, когда ее придержала волосатая зеленая лапища.

Орк протиснулся мимо шамана и подозрительно осмотрел помещение глубоко посаженными карими глазами. Увидев все интересующие его детали, бывший гладиатор расплылся в широкой похабной ухмылке.

— Как спалось? — громко поинтересовался он, уважительно потрепал Гарба по плечу и шепотом добавил. — Мужик! Как объездил кобылку-то?

Сердиться на друга так же, как на гномов, у гоблина не получалось, поэтому Аггрха за вторжение и хамство пришлось простить.

— С удовольствием, — лаконично ответил Гарб сразу на оба вопроса, а Рати при этом вспыхнула как маковый цвет, поджала губы и нервно дернула плечом.

— Это хорошо, — расслабленно сказал зеленокожий, пытаясь разгадать причину такой острой реакции девушки, которую, вроде бы, ночью не сильно обижали. — Я-то уже на всякий случай приготовился за тебя мстить. Научи меня на тот же случай с посохом обращаться, а то мало ли.

— Не мечтай! — почти одновременно откликнулись гоблин с хапугой, и оба вздрогнули от неожиданности.

Девушка опасливо выглянула из-за спинки кресла и быстро посмотрела на орка, пристрастия которого ей недавно в красках расписали. Тот с деланным недовольством запыхтел, поддразнивая обоих гоблинов.

— Уже даже спелись! — ухмыльнулся он. — Что ж. Я, конечно, доверяю твоему чутью, Гарб, но очень надеюсь, что ты не терял голову из-за смазливой мордашки.

— На свою страшную харю посмотри! — донеслось от кресла.

— Я к своей претензий не имею, — тут же парировал орк, проведя пальцем по шраму через всю щеку, и повернулся к Гарбу. — Там Турон уже наверняка рвет и мечет. Пока ты вчера в библиотеке прохлаждался, я немного пообтерся среди минотавров. Они ставки делали, сколько минут ты продержишься против профессиональной убийцы. Ради меня даже на всеобщем говорили, представляешь? Уважают, наверное. Так вот, король поставил на тебя, и я, кстати, тоже вместе с Оку. Думаю, Турон был уверен, что если хапужка и переживет эту ночь, то нормально сражаться точно не сможет. Короче, он наверняка расстроится, когда ему доложат, как тут на самом деле. И не он один, потому что все уже настроились на зрелище. Разочарование — штука сильная, а в случае с этими копытными, еще и опасная, сам понимаешь.

— Как бы чего не вышло, — согласился Гарб.

— А вы его женушке все расскажите, — снова подала голос Рати. — Я эту парочку вдоль и поперек изучила. Усино — добрая корова, но за такую проделку она муженьку рога обломает из простой женской солидарности. Турон подкаблучник и не посмеет перечить.

Гарб удивленно повернулся к хапуге, а орк сделал пару шагов вперед и заглянул девице в лицо.

— И давно ты шпионишь на острове? — спросил он, сузив глаза.

— Три года уже, — гордо тряхнув каштановыми волосами, ответила Рати. — Начала еще, когда наследники здесь были, и попалась только сейчас. О, придумала! Чтобы она

сразу поверила, просто позовите ее сюда, пока Турон раньше не объявился.

Орку поплохело от осознания, что его могли спокойно прирезать, например, в ванной, а он бы и не заметил.

— Кому-то придется делать хорошую мину при плохой игре, — криво улыбнулся Гарб. — Агрх, сбегаете?

— Д-да, — рассеянно сказал воин и бросился вон из комнаты.

Турон все-таки успел первым. Король явился, громко цокая копытами в сопровождении бесшумно ступающих телохранителей, тенью следующих за своим повелителем. Дверь все еще была приоткрыта, поэтому он просто бесцеремонно вторгся в комнату Гарба. Король резко захлопнул створку за собой перед носом сопровождающих, избавляясь от лишних свидетелей. Увидев порезанную занавесь балдахина, минотавр поперхнулся и закашлялся. Парча — материал не из дешевых.

— Бу-будьте здоровы, Ваше Величество! — звонко, но с явной неприязнью в голосе поприветствовала его хапуга, вставая, чтобы королевскому взору отчетливо стало видно, куда делась недостающая часть занавеси.

— Могли бы для вида хотя бы подражаться, — поморщился Турон. — Вот что теперь с вами делать? Сюрприз хотя бы понравился?

Гарб раскрыл было рот, чтобы ответить, но Рати сделала это первой.

— За то, что вы приказали со мной сделать, я должна сейчас вызвать на дуэль вас, но мой отец этого не одобрит, поэтому не буду, — ее голосом можно было бы заморозить воду в море. — Кодекс не нарушен, примирение состоялось. Чего еще вам от нас нужно?

— У тебя был шанс уйти безнаказанно, но ты, дерзкая девчонка, им не воспользовалась, за что и поплатилась, — король пока сдерживался, но глефа в его правой руке нетерпеливо подрагивала. — Выметайтесь оба из моего королевства, и остальную шайку с собой захватите. Мне плевать, кто вы и что вы. От вас одни неприятности и никакой благодарности. Может, хотя бы сына найдете. Отправитесь на его корабле. Его шкиперу все равно долг перед родиной отрабатывать еще лет двести.

Турон развернулся на месте, намереваясь выйти, но за дверью раздались громкие звуки спора. Все остальные голоса легко перекрывал очень низкий и очень возмущенный женский контральто. Король примерз к полу. Охране было велено никого не пускать, но взбешенной королеве такие приказы не помеха. Мощный удар сотряс створки, и Турон поспешил их распахнуть.

Оба телохранителя мягкими тюфячками сползали по стенкам коридора. Усино стояла по его центру, уперев руки в бока. Ее большая грудь высоко вздымалась, а мускулистые руки со сжатыми кулаками были плотно прижаты к крутым бедрам. В сочетании с низко наклоненной рогатой головой и трепещущими ноздрями провинившемуся муженьку не светило ничего хорошего.

— Это правда? — грозно воскликнула она, и широкие уши короля непроизвольно прижались к голове.

По всей видимости, ему уже доводилось видеть супругу в таком состоянии, и ничем хорошим это не кончилось. У королевы не было при себе никакого оружия, но сейчас все присутствующие, включая опасливо выглядывающего из дальнего конца коридора Агрха, с помощью какого-то внутреннего чутья поняли, что глефа в руках Турона ему вообще ничем и никак не поможет. Почивающие вдоль стен тела красноречиво об этом свидетельствовали.

— Дорогая, — расплылся в заискивающей улыбочке король, — я как раз пришел поздравить эту парочку дуэлянтов с примирением. Пришлось постараться, чтобы они пришли к согласию. Видишь, как все хорошо получилось?

— Ты правда приказал раздеть бедную девочку и оставить ее привязанную с голодным самцом на всю ночь? — тон, которым Рати ранее обратилась к королю, по сравнению с этой тирадой был теплее по меньшей мере раза в три.

Турон беспомощно обернулся к Гарбу в поисках поддержки. Гоблин жалобно посмотрел на хапугу, та в свою очередь — на минотавра со злорадством. Гарбу не хотелось портить отношения ни с кем, но и поведение короля ему не слишком нравилось.

— Мы правда помирились, — сказал шаман, приняв решение действовать по ситуации и тайком подмигнув Рати с предложением подыграть.

Отец Каввеля обычно хоть и не высказывает благодарности вслух, но, скорее всего, полностью не лишен этого чувства. Если все получится, у них появится могущественный и очень признательный союзник. А если не получится... думать о возможной катастрофе не хотелось.

— Ага, — поддакнула Рати, сходу включившись в игру. — Никаких претензий с нашей стороны нет. Нам все понравилось.

Она и сама планировала проверить нечто подобное, так что сообразительность Гарба только сыграла ей на руку. Гоблин словно прочитал мысли девушки. «И уже не в первый раз», — мысленно отметила Рати с приятным удивлением.

— Да? — Усино все еще тяжело дышала, но ее гнев уже потихоньку улетучился.

Слова гостей не опровергали услышанного ей десять минут назад, но, по крайней мере, никто не воспринял затею Турона как смертельное оскорбление. Усино немного смутилась. А вдруг у гоблинов так принято? И, если так, вряд ли стоило настолько яростно вставать на защиту чести пленницы.

Все в комнате синхронно кивнули.

— Охрану поменяй! Эти никуда не годятся! — свирепо бросила королева на прощание и горделиво вскинув голову, удалилась.

Король опасливо проводил жену взглядом. Дождавшись, пока супруга скроется из глаз, он повернулся к гоблинам.

— Не рисковал так своей шкурой лет пятнадцать, — сообщил он с усмешкой. — Вы понимаете, от чего только что спасли весь остров?

— Не совсем, — честно признался Гарб.

— От женского бунта, как лет пять назад, когда все женщины острова отказались ночевать с мужчинами под одной крышей? — уточнила Рати, плотнее закутываясь в обрывок занавеси. Ее начинало потряхивать от нервного напряжения.

Турон кивнул.

— Я смотрю, ты хорошо успела изучить историю нашего королевства, прибыв «пару дней назад» всего лишь по «торговым делам», — скривился он. — Тебя, гоблин, прогонять не стану, но все же советую вместе с приятелями покинуть остров, пока слухи не поползли. Позже сможете вернуться, когда все поутихнет. Тебе, девка, дарую прощение, но на острове не задерживайся, чтобы снова не прогневить меня.

С этими словами он вышел, так и не подумав извиниться. Ему и так еще объявлять об отмене поединка. Солдатня будет роптать, и ее придется чем-то задобрить.

«Да уж, король-подкаблучник», — улыбнулся своим мыслям гоблин, глядя на

удаляющуюся спину Турона. — «С такой женой попробуй поспорить. Интересно, Турон всерьез рассчитывал, что Усино ничего не узнает?»

— Наверное, сейчас мы видели их настоящих, — произнес Гарб вслух. — Они наконец выглянули из-за ширмы кодексов, за которой обычно прячут свои истинные чувства. Весьма любопытно, я считаю, и опасно.

Он обернулся к Рати, чтобы поделиться и другими своими мыслями, но слова застряли у него в горле. Девушка ощутимо дрожала.

— Эй, ты чего? — взволнованно спросил шаман, подходя ближе.

— Я чуть не бросила ему прямой вызов, — обхватив себя руками, сказала хапуга, не поднимая головы. — Он бы меня просто втоптал в пол прямо здесь.

— Я бы не дал... — начал было гоблин, но умолк.

Дрожь не прекращалась, и Гарб почему-то разволновался не на шутку. Он не знал, как в таких случаях принято поступать. Будь это друг, его можно было бы похлопать по плечу или попробовать пошутить на отвлеченную тему. А тут самка, к тому же не слишком-то дружелюбная. Рати подняла на него заплаканные глаза, и он, повинувшись какому-то безотчетному желанию, положил ладонь ей на плечо.

— Отвали, дубина, — беззлобно сказала она, и Гарб тут же убрал лапу. — И даже на тень мою не смей наступать!

Гоблин наморщил лоб, пытаясь понять смысл сказанного. Свет падал так, что тень девушки лежала в стороне от него, и он никак не мог на нее наступить... А! Это образное выражение, наверное.

— Сейчас принесут одежду, и можешь быть свободна, — сказал он, сглотнув.

Во рту отчего-то пересохло.

— Размечтался, — Рати уже вытерла слезы и успокоилась. — Я плыву с вами.

— Почему? — удивился Гарб. — Посох я тебе все равно не отдам.

— Потому что я тебя выбрала, моорх!

С этими словами девица порывисто обняла шамана за шею и впиалась губами в его губы. Поцелуй, казалось, длился вечность, за которую ноги гоблина предательски подкосились, и он чуть не упал.

Обалдело смотрящий из дверного проема на творящееся безобразие Аггрх расплылся в глупой улыбке.

Гобелинское племя хапугов берет свое название от злобного божества по имени Быр-Хапуг. Название говорящее, потому что хапают они все, до чего дотягиваются их мерзкие лапы.

Из записей Жюля Дыреца, искателя приключений

Не билась со звоном посуда, не сверкали яркие молнии и даже не сотрясались прочные каменные стены. Просто шла самая обычная дуэль взглядов, а также мыслей и периодически озвучиваемых красочных эпитетов, коими награждали друг друга оппоненты. Вечерело.

В одном углу комнаты у окна стоял набычившийся светлый эльф. В противоположном у двери заняла позицию хапуга, принявшая нарочито расслабленную позу. Между ними посреди помещения, примирительно расставив руки в стороны, в качестве буфера разместился здоровенный орк в наспех залатанном нагруднике.

Зеленокожий не пожелал расстаться со старой броней и сам сделал латку, кое-как ее прикрепив. Защитные свойства такого нагрудника вызывали сомнения, но, когда ему об этом говорили, Аггрх реагировал на такие заявления в чересчур грубой даже для себя манере. Потом смягчался и сначала демонстрировал непробиваемую кольчужную рубашку из мифрила на теле, а потом пускался в пространные философские рассуждения о сентиментальном значении некоторых вещей. До конца никто и ни разу не рискнул дослушать, чего орк, впрочем, и добивался.

Воин в прямом смысле слова был на голову, а в случае Адинука — на полторы, выше конфликтующих сторон, но чувствовал себя под перекрестным обстрелом на редкость неуютно. Пока его присутствие удерживало обе стороны от драки, но битва могла разгореться в любой момент.

— Ты с нами не поедешь, — упрямо повторил Адинук, поигрывая мечом и искоса поглядывая на порт, в котором уже стоял готовый к немедленному отплытию красавец окирош.

— Поеду! — топнула ногой Рати и положила руку на эфес шпаги.

Хапуга успела принарядиться: Усино позаботилась, чтобы ей подобрали и выдали походное снаряжение. Так что теперь девушка могла похвастаться добротными новенькими сапогами, хорошей рубахой из белого шелка, темным кожаным жилетом с большим количеством карманов и штанами из прочной свиной кожи. Украшала прелестную головку широкополая фетровая шляпа с пером.

Девушке вернули нож и зачем-то даровали эльфийскую шпагу с непременно рунной вязью на клинке. Скорее всего, трофейную. Рати презрительно покрутила ее в руках, но отказываться не стала и прицепила ножны на перевязь. Изорванная маскировочная одежда отправилась в походную сумку вместе с некоторыми припасами.

— Девочки, девочки, не надо ссориться! В этом доме будут только рады, если вы друг другу глотки перегрызете! И ставки сделают! — попытался вмешаться Аггрх, не забывая при этом подтрунивать над оппонентами в попытках разрядить обстановку.

С обеих сторон его тут же одарили одинаковыми гневными взглядами.

— Не поедешь, а поплывешь, как чайка по болоту, — нахмурился эльф. — Аггрх, ты на чьей вообще стороне? Это же хапуга! Льюнас забыл, что ли?

— Я с Гарбом. Он вбил себе в голову, что ее надо взять, так что я уже смирился, — тяжело вздохнул орк, — но, если меня случайно прирежут во сне, я ему, конечно, не прощу.

— Зачем сразу прирежут? — обиделась Рати. — Есть же много других способов. Например, можно взять подушку и...

— И заткнуть ей свой рот! — чтобы перебить девушку, Адинук едва не перешел на визг. — Мы и так знаем, что все хапуги — коварные и жестокие убийцы. Поэтому и не хотим иметь с тобой ничего общего.

Рати картинно покатила со смеху.

— Чья бы паучиха шуршала! — фыркнула она. — Народ троу слишком многому нас научил. Мы не виноваты, что вы такие хорошие учителя.

— Гнусь и погань! Я давным-давно отрекся от темных обитателей Подземья и уже доказал свою преданность, — гордо парировал эльф. — И вообще, я сам теперь светлый.

— Гарбу об этом только не напоминай, бледный! — прибила аргументом девушка.

Бард погрузился, осознавая ее правоту.

— У нас с ним даже мысли начали сходиться. Я его люблю и буду теперь сопровождать везде! — продолжила наступление обладательница каштановых кос. — Ты сам-то когда-нибудь любил?

— Да я и сейчас... — проронил Адинук, смущенно улыбнулся, вдруг ушел в глубокую задумчивость и перестал реагировать на окружение.

Агрх выдохнул и опустил руки. В таком состоянии эльф мог пребывать часами, так что опасность с виду миновала. Или быстро отомрет и пойдет писать очередную балладу, или через часок такого ступора уйдет к себе в комнату и выпустит паучиху из сумки, чтобы, вероятно, найти утешение в ее объятиях. Орк представил, как огромные черные паучьи лапы ласково скользят по полуобнаженному телу Адинука, и весь передернулся от омерзения.

— Так что там Гарб, собирается? — спросила Рати, увидев, что воевать больше не с кем. — Я стучала, но он не открывает.

— Он собирался по Шеолу погулять, — зевнул воин, — так что его лучше не беспокоить. К утру выйдет, я думаю, а там как раз с приливом и отчалим. Вздремни пока.

Гарб попросту спрятался в своих апартаментах, испытывая крайнюю степень смущения. Признаний такого рода ему еще не делали. По крайней мере, глаза в глаза. Все его приключения начались из-за внимания со стороны самки, но тогда о чувствах малышки Тыри он узнал только от своего старого учителя, а сам с ней никогда даже не разговаривал.

Здесь же... Рати он выпроводил, как только та смогла облачиться в принесенный гномами наряд, и остался думать в тишине. Все равно Усино взяла девицу под опеку, так что за нее можно пока не беспокоиться. На всякий случай пришлось предупредить, чтобы не безобразничала, не лезла в запрещенные части замка и никого не пыталась убить. Янтарноглазое чудо согласно кивнуло и, посмеиваясь, удалилось в сопровождении королевы. Агрха он тоже снабдил подробными инструкциями насчет новой спутницы, чтобы орк и в обиду ее не давал, и бдительности не терял.

Шаман сел на мягкий густой ворс ковра, скрестил ноющие ноги и попытался успокоиться. Дыхательная гимнастика Михеля опять пришлась кстати. Под нее и думалось легче, чем обычно. Что принято делать с влюбленной в тебя прекрасной убийцей из племени жестоких порождений зла и колдунов, практикующих самые отвратительные во вселенной ритуалы? Здравый смысл подсказывал держаться от нее как можно дальше, потому что это

сегодня она любит, а что будет завтра, никто не знает. Тело же почему-то реагировало совсем иначе.

— Не смей! — влепил себе мысленную пощечину гоблин, как только мысли свернули на узкую и извилистую стезю порока. — Нельзя тебе!

Организм обиженно не соглашался, испытывая какое-то сладостное томление и рисуя в голове всякие совершеннейшие непристойности. Как же утомительно бороться с собственными желаниями! Девушка ему нравилась. Признаться в этом самому себе оказалось легко, а вот придумать, как с этим жить дальше, пока не получалось. Тоненький внутренний голосок еще ехидно так поинтересовался, почему это шаманам запрещено то, что разрешается другим.

— Потому что я избранный богини, — сам себе ответил гоблин.

— И что? — не сдавался внутренний голос. — От нее не убудет, если ты устроишь свою личную жизнь. Богиня вечная, а ты нет. Надо иногда и о себе думать. Детишек заведешь даже, может быть, и будет у тебя ворох даровитых помощников. Другие ловцы духов, между прочим, почему-то не сильно брезгуют обществом самок.

— Я не другие, — возразил сам себе Гарб. — И я теперь не только шаман, но и жрец.

Под эти тягостные мысли он неожиданно погрузился в транс. Сразу пришло ощущение невесомости, и дух шамана вознесся над сидящим телом. Гоблин словно взмывал все выше и выше, пока не очутился в мире духов.

Шеол как всегда недружелюбно встретил еще живого посетителя, обдав его проекцию ледящим ветром небытия. Границы комнаты как будто раздвинулись, создавая ощущение огромности пространства вокруг.

Интересно, есть ли кто-то из духов поблизости? Без жертвы их трудно привлечь, поэтому придется импровизировать. Духов манит энергия Дэ, которую они обычно пьют из жертвенника. Для заклинаний тоже используется сплетение стихийных элементов и Дэ. Значит, можно попробовать высвободить Дэ, не трогая стихии. Правда, в глазах любого мага — это дикость. С тем же успехом можно выковать меч из чистого золота: выглядеть будет здорово, но воевать им дорого и непрактично.

— Не попробуешь, не узнаешь, — сказал себе Гарб и принялся творить магию.

Если бы все оказалось так просто, наверное, так бы все и делали. Зачем резать кур, если можно просто что-нибудь поджечь? Ожидаемо, небольшой шарик огня на ладони не дал никаких результатов. Дэ в сочетании с огнем духов не только не привлек, но и, похоже, отпугнул, поэтому пришлось его погасить. Затем шаман попробовал удар чистой магией. В мире живых от него вздыбился ворс на ковре, а в Шеоле только поднялся ветер.

Как оказалось, волшебство даже в чистом виде не полностью состоит из Дэ. По крайней мере, на это ни один из духов тоже не среагировал. Помнится, Минору творил волшебство вообще без помощи Дэ, но эта секретная техника оказалась Гарбу не по зубам, как он ни старался ее повторить. Наверное, есть какой-то другой источник силы, но пока к нему все равно нет доступа. Да и не исключено, что он может не понравится духам.

— И чем же вас заинтересовать? — задумчиво почесал подбородок гоблин коготком большого пальца.

Как он знал, посох, проекцию которого Гарб держал в ладони, духи вообще старались облетать стороной. Так что и его применение исключено.

— Интересной беседой, разве что, — послышалось где-то над ухом.

Шаман вздрогнул от неожиданности и попытался найти источник звука. Голоса духов в

Шеоле трудно отличить от шелеста листьев на ветру, поэтому говорить мог кто угодно. Только его не было видно.

— Не трудись, — в двух шагах от гоблина сгустилось до состояния полупрозрачности нечто, отдаленно напоминающее силуэт самого шамана, как будто пытаешься скопировать собеседника.

— Кто ты, о дух! — тут же обратился к нему Гарб, надеясь, что это не один из духов его предков.

Те довольно неприязненно относились к нетрадиционной для гоблинов одежде и отсутствию ритуальной маски. Про угощение и говорить не приходится.

— Всем подавай имена, — прошелестел призрак со звуком зыбучего песка. — Чем ты заслужил такую информацию?

— Виноват, — шаман пошаркал ножкой, которая в невесомости Шеола совсем не болела. — Угощения действительно нет.

Дух рассмеялся тихим многоголосым смехом, пробирающим до мурашек, от которого неподготовленного поднялась бы шерстка на затылке. Гарб привык к проделкам местных обитателей давным-давно и не обратил внимания.

— Мне не нужно угощения, — сказал невидимый собеседник. — Просто удиви меня.

— Чем? — уточнил Гарб, пытаясь внутренним зрением разглядеть, кто же к нему явился.

Простые обитатели Шеола никогда не строят общение таким образом. Без угощения они и словом никого не удостоят, так что этот пришелец сильно заинтересовал ловца духов.

— Только не тупыми вопросами, — рассмеялся дух. — Терпеть не могу неучей. Я слышал, что ты много знаешь и умеешь. Вот и решил познакомиться. Только сперва хочу убедиться в правильности выбора.

— Тебя заинтересовали мои эксперименты, — осенило Гарба.

— И они тоже, — степенно кивнул дух.

— Угощение тебе не нужно, а значит, ты познал способы питания без подношений от смертных, — вошел гоблин в состояние счетной машины, — тебя можно развлечь беседой, ты не любишь неучей, а значит, уважаешь знания. Курак, я полагаю?

Призрак обрушил на голову шамана поток звуков, которые сошли бы за громогласный смех, если бы все в этом месте не было приглушенным. И даже так пришлось зажать уши.

— Ура-урастое! До этого сам никто не догадывался! — обрадовался дух всезнайства, тут же начав обретать подобие плотности.

Гарб с интересом посмотрел на свою точную, только почти прозрачную копию. Перед ним стоял высокий гоблин с лапами до колен. Серый мятый кафтан с множеством карманов скрывал тело, но на морде уродливые белесые червяки щрамов прогрызли извилистые дорожки по широкому приплюснутому носу, впалым щекам и высокому лбу, проредили шерстку на оттопыренных ушах, оставив одно надорванным сверху. Желтые глаза с вертикальными зрачками изучали его в ответ с искренним любопытством. Призрак сделал попытку почесать пятерней с длинными крючковатыми пальцами копну длинных коричневых волос на голове, но лапа провалилась в пустоту, не встретив препятствия. Досадливо махнув конечностью, дух вернулся к изучению Гарба.

— Да уж, удивил, — изрек он наконец. — И как успехи по отделению Дэ от плевел?

— Получилось тебя призвать, — настороженно улыбнулся гоблин, вызвав на морде призрака ответную улыбку.

Курак был легендой, и в прежние времена Гарб мог только мечтать о знакомстве с ним. Сейчас же после всех своих приключений, шаман рассматривал собеседника только как ходячую библиотеку, полную нужных ему знаний. Гоблин напомнил себе, что вряд ли этого духа принято поминать только в ругательствах просто так. Наверняка есть причина. «Вырядился Курак знает во что», — так его с год назад отчитывал учитель. Стоит быть настороже.

— Я сам сотни раз пытался это проделать, но не получилось, — признался всезнайка и дальше затараторил с такой сумасшедшей скоростью, что у шамана уши едва не начали сворачиваться в трубочки. — Дэ — это чистая энергия Создателя. Можно даже сказать, что это энергия жизни, и просто так она никому не дается. Только богам такое под силу, и то не всем. Кстати, ты в курсе, что в тебе есть божественная искра? Это сразу видно по росту и некоторым другим признакам, так что у тебя могло бы получиться. А еще твой посох — совершенно замечательная, но незавершенная штука. Ты хотя бы примерно представляешь, как им управлять? Без остальных частей его работа наверняка непредсказуема, да и работает он не на полную мощность. Зато, когда соберешь... ты ведь будешь его собирать, да? Им тогда можно будет горы свернуть. В буквальном смысле, но не только. Еще он управляет стихиями. Всеми. Да-да, совершенно точно. И божественной тоже. Нет-нет, ты не ослышался. Так вот, если принять во внимание некоторые важные аспекты криволинейной разнонаправленности колебаний энергетических потоков в замкнутом контуре, а также пассивный концентратор, используемый для подавления негативных возмущений, следует отметить бесконечную вариативность возможных последствий, могущих вызвать как категоричный отказ спектра...

Отчаянно болела голова, но Гарб все равно продолжал слушать, жадно впитывая новые знания, которые удавалось вычленивать из потока мыслей Курака. Зато теперь сразу стало понятно, откуда у этого духа такая плохая репутация: выдержать общение с ним простому гоблину не дано. Гарб с детства не считал себя простым, поэтому терпел, пока хватало сил.

— ...таким образом, следует сделать вывод о важности соблюдения радиус-вектора по абсциссе во избежание полного уничтожения всего сущего.

Остановливаясь для вдохов и выдохов духу не требовалось, и монолог продлился минут десять. Казалось, эта пытка будет тянуться вечно, но Курак не столько устал говорить без остановки, сколько захотел получить хоть какую-то реакцию от слушателя. Поэтому он прервался и вопросительно посмотрел на гоблина, странным образом все еще пребывающего в сознании.

— Спасибо, что объяснил, — с кислой физиономией восхитился ловец духов.

— Объяснения доставляют мне несказанное удовольствие, — раскланялся всезнайка.

— Ты знаешь так много, — Гарб с трудом переборол нежелание продолжать разговор. — Может, ты также знаешь, как мне найти...

— Хорошо, что спросил! — перебил его Курак. — Я как раз знаю, чем тебе помочь. Самым элементарным действием для нахождения четвертой части будет, конечно же, прямой вопрос тому, кто ее прятал. К сожалению, способ для тебя сейчас недоступен, потому что вряд ли ты сможешь настолько заинтересовать эльфийских жрецов, чтобы они снизошли до взывания к своим богам ради подобной мелочи, а тебе самому Троединый не ответит. Да и жрецам он уже давно не отвечал.

— Тишина! — отчаянной жестикуляцией и свирепым выражением морды Гарбу удалось прервать излишние призраки, грозящие перерасти в бесконечные.

Вопрос должен был быть про Каввеля, но услышанное затмило своей важностью все остальное. Дух недоуменно и слегка обиженно воззрился на собеседника.

— Информация проверенная, что это Троединый прятал четвертую часть посоха? — уточнил гоблин.

— Не только четвертую, но и третью, и вторую и даже первую! — радостно сообщил Курак. — Он с женой его и сломал, если что. Точнее их аватары.

— Может быть, о всезнающий, ты знаешь и об обстоятельствах, при которых это произошло? — недоверчиво спросил Гарб.

— Конечно, знаю, — чуть не обиделся призрак. — Я там был. Ох, и летали же тогда энергетические всполохи по всем мирам и измерениям. Битва была — залюбуешься. Жалко только, ваши проиграли.

От этих слов гоблин судорожно схватился за голову, пытаясь избавиться от странных образов, из ниоткуда хлынувших стремительным потоком в сознание. Каменный пол едва не ушел из-под ног, и на пронизывающем ураганном ветру Шеола пришлось приложить усилие, чтобы не потерять равновесие. Поток постепенно превратился в воспоминания, как будто чужеродные, но вместе с тем родные и почти собственные.

«Боги не любят рассказов о своих неудачах».

— Гарбибаквастрэимусорчак, жрец Бирканитры

Предательский удар пришелся в спину, и аватар упал ничком на землю, не успев закончить фразу. Как иронично. Бирканитра ведь как раз хотела отругать брата за чрезмерную осторожность. Как будто ее бывает много. Вечно она заладит, что нельзя все время во всем искать подвох, надо быть добрее, надо уметь договариваться, нельзя бежать от боя за правое дело... Между прочим, отступать совсем незазорно, если врагов слишком много, но ей, кажется, это слишком сложно понять.

Как всегда: сестрица на правах старшей его отчитывает, а он с ухмылкой пропускает все мимо ушей, ведь от раза к разу слова не меняются, и богиня успокаивается до следующей заварушки. Интересно, еще жива или уже в своем царстве? На этот аватар она извела уйму сил. И все ради смертных. Если его убили, восстановление займет целую эпоху, прежде чем сестрица снова сможет явить свой пресветлый лик детям. Хорошо хоть они уже все в безопасности в новом мире.

Бирканитра всегда слыла беспечной, а тут еще и расслабилась после победы над демонами. С ним этот номер не пройдет. Вечная бдительность и подозрительность выручили и на сей раз, позволив встретить опасность грудью.

— Ты жалок и труслив Меториэль! — презрительно бросил вечному неприятелю Быр-Хапуг, раскручивая над головой посох с огромной скоростью.

Созданный вращением мощный вихрь рассеял летящие с пронзительным свистом в бога гоблинов огненные стрелы и разметал по камушку жалкое укрытие, за которым спрятался презренный бледнокожий аватар.

Тот ошарашено застыл на месте с любимым золотым луком в руках во всем своем блеске и великолепии. Такой тонкий, изящный, неизменно прекрасный и всегда проигрывающий в сражении один на один. Ну, вот к чему эта блестящая показушность, когда взглянуть из-за сияния больно? Тебя же все равно прекрасно видно, если внутренним зрением смотреть, дурень!

— Слушай, брэнчал бы ты лучше на лютне, а? — надменно обратился к нему Быр-Хапуг, поигрывая символом своей власти. — Мы же уже выяснили, что в музыке я тебе не соперник, а в бою ты для меня даже на закуску не годишься. Чего ж тебе еще надобно?

— Чтобы вы не лезли ни ко мне, ни к моим детям со своими темными делишками! — злобно прошипел эльф.

Две одинаковых хрупких фигуры с луками отделились от основной, и все три бросились бежать в разные стороны. Отличались они только чертами лиц.

Старый фокус, за который бледнокожего и прозвали Троединым. Легконогость и многоликость обычно выручали этого наглеца, но не в битве с богом гоблинов.

— Да кому нужны твои чурбаны деревянные?! — громогласно захохотал Быр-Хапуг, снова создавая посохом непробиваемую для ливня стрел стену. — Мои детки куда удачнее вышли!

— У меня другие сведения! — раздалось сразу с трех сторон.

Опять пытается взять в кольцо? Как бы не так! Руки еще активнее заработали посохом.

Быр-Хапуг легко взмыл в небо и ловко опустился на ноги вдали от места засады и все еще лежащей Бирканитры, оставив триединого болвана с разинутыми от удивления ртами.

— Ты опять поверил Минору, сын длинноухого осла? — откровенно потешаясь над противником, воскликнул гобхат издалека. — Эта змеюка умеет быть убедительной, но, если тебя так легко провести три раза подряд, не желаешь взять у меня пару уроков здорового скепсиса?

В ответ посыпались проклятия, которые посох легко отправил обратно автору, заставив все три ипостаси броситься на землю. Какая все-таки удобная штука! Сестрица не зря доверила свое сокровище именно ему. С каждым новым сражением открывается все больше и больше возможностей Гобмобома. Кажется, это действительно самое мощное оружие во вселенной, а эта глупышка пользуется им только для созидания. И как только ей удалось создать такой мощный чар? Настолько мощный, что он даже иногда пугает.

— Не трогал я твоих детей! — сделал еще одну попытку образумить впавшего в неистовство эльфа Быр-Хапуг. — Мы же на одной стороне сражались против общего врага. Зачем мне это нужно, сам подумай?

— Ты меня ненавидишь! — откликнулся Триединый.

— Так ведь есть за что! — не остался в долгу гобхат. — Ребятишек-то зачем трогать? Это наши с тобой дела.

— Не верю! Ты испортил моих, а я испорчу твоих! — донесся яростный вопль, на этот раз одноголосый.

Соединился, значит. Устал, наверное.

Пора сбить спесь с этого длинноухого, раз увещевания не помогают. Надоел. Быр-Хапуг осторожно двинулся вперед на голос, отбивая редкие теперь стрелы. Ничего, один удар промеж ушей надолго его успокоит.

Какое-то странное чувство заставило обернуться и вскинуть посох в отчаянной попытке защититься. Позади с ехидной улыбочкой стояла Айенельдиэль — триединая жена триединого эльфа. В отличие от дурелобого супруга, она не стала выдавать свое присутствие ослепительным блеском и пряталась в тени большой скалы, выжидая удобного случая ударить из засады. От нее, набирая ход, с ревом летел огненный шар, необычного голубовато-зеленого цвета.

«Вот ведь подлая лопухая крыса!» — подумал бог гоблинов. — «Откуда у нее такое могучее оружие?»

Гобмобом принял на себя основной удар, но обжигающие языки всепожирающего пламени и не подумали остановиться, миновали преграду и вгрызлись в тело аватара излишне самоуверенного бога. Посох треснул в осыпающейся пеплом когтистой руке и рассыпался на части, сразу сжавшиеся в маленькие палочки-жезлы. Все погрузилось во мрак, когда глаза под действием чудовищного жара перестали видеть.

«Вернись и отомщу!» — мелькнула напоследок полная ненависти мысль в быстро догорающей голове.

— Какой кошмар! — Гарба колотило, и он обессиленно опустился коленями на холодный каменный пол, где и в помине не было ковра из мира живых.

Только посох удерживал гоблина от падения.

Голова и лапы горели огнем, отчетливо напоминая об увиденном. Гарб бы не удивился, обнаружив на них ожоги: до того правдоподобным оказалось видение. Курак все еще

заливался соловьем, но шаман уже не мог его слушать. Жреца затошнило от лжи, в которой он жил до сих пор. Все не так, все неправильно! Видения-воспоминания были более чем реальными — в этом не было сомнений. Они, кажется, принадлежали Быр-Хапугу, который в общем-то оказался не таким и плохим парнем. А вот эльфы...

Дикая волна ненависти захлестнула все существо гоблина. Они посмели не только убить его богов, но и надругаться над их памятью, проклясть его народ, устроить на него охоту и постепенно довести все племена до почти полной дикости. Некоторый налет цивилизованности еще сохраняли разве что хапуги да его собственное племя. Одни продолжали упорно поклоняться Быр-Хапугу, а вторые еще сохраняли зачатки веры в Бирканитру. Может, и те, кто сжег деревню Гарба, тоже были эльфами? Воспоминания из детства не давали однозначного ответа, но вывод напрашивался сам собой.

Остроухим, похоже, даже удалось стравить гоблинов между собой, обвинив брата и сестру в нападении друг на друга. Столетиями хапуги охотились на последователей Бирканитры и почти всех истребили, пытаясь отомстить за падение своего создателя, в котором вины Праматери никакой и не было.

Все еще можно исправить, пока не стало поздно. Богиня слаба, Быр-Хапуг где-то блуждает в виде духа и иногда разговаривает со своим верховным жрецом. Видимо, все-таки придется поговорить со Сконмом, чтобы попытаться примирить племена. Нужно собрать посох и освободить Бирканитру. Быр-Хапуга тоже придется вернуть, хоть он теперь и злой.

Знают ли современные эльфы, что натворили их боги и их предки? И это предстоит выяснить.

— ... и вот, значит, сожгла она аватар Быр-Хапуга, потом они прямо там устроили какую-то безумную оргию, представляешь? Такое вытворяли, что будь у меня волосы, они бы точно встали дыбом! — вывел Гарба из ступора голос Курака. — А потом тело Бирканитры вдвоем куда-то потащили. Вот и вся история. Дальше я уже не видел.

— Спасибо, — рассеянно сказал гоблин.

— Э, нет, одним спасибом ты не отделаешься! — возразил дух и тут же потребовал. — Расскажи теперь ты что-нибудь, чего я не знаю.

— И чего же ты не знаешь, великий всезнайка? — губы жреца тронула скупая улыбка.

— Черед твоих вопросов прошел, гоблин, — посуровел призрак. — Рассказывай, а не то я запрю тебя в Шеоле навечно. И уж постарайся. Я хочу услышать хорошую историю.

— Ага! — ловец духов сузил глаза и сразу пришел в себя, почувствовав опасность.

Праведный гнев в отношении эльфов удалось приглушить, и теперь он не рвался наружу, требуя немедленного выхода, а клокотал внутри, подстегивая мыслительный процесс и делая его пугающе ясным и легким. Ярость стала какой-то холодной и расчётливой. Не иначе видение повлияло.

«Так какой же ты? Третий или вовсе новый, четвертый?» — подумал Гарб.

Давненько не доводилось встречать таких угроз в Шеоле. Года два, наверное. Призраки в районе его деревни сразу усвоили, что с этим шаманом связываться себе дороже, а залетные бывали нечасто. Потом он и сам долго не появлялся в мире духов, но навыков не растерял.

Исконных обитателей этого мира сам Гарб условно разделял на три типа. К первому он относил довольно безобидных созданий, которых не жалко подкормить в обмен на разные новости и знания. Второй тип всегда охотится на первый и живых шаманов боится пуще огня. Третий тип — самый опасный. К нему относятся все, кто способен померяться силами

со смертным путешественником. Часто им просто скучно, вот они и пытаются развеселиться.

Таких существ немного, но их опасность недооценивать не стоит. Гарб вспомнил одного беспечного ученика шамана, которым целых три дня управлял вселившийся в него безобразник. Пять ловцов духов общими усилиями едва справились с его изгнанием из тела несчастного, а тот за это время успел тронуться умишком. Так и остался дурачком на остаток жизни.

Призраки этого типа чаще всего пытается усыпить бдительность путешественника разговорами, лживыми обещаниями и заверениями в дружбе, чтобы временно попасть в его тело и порезвиться всласть, пока кто-нибудь не изгонит их обратно в Шеол. Иногда настолько чувствуют свою силу, что просто нападают без предупреждения.

Курак же, похоже, вообще никого не боялся, если осмелился открыто угрожать шаману, да еще с таким посохом в лапах. Наверное решил, что смог заболтать Гарба до невменяемого состояния, поэтому и осмелел. Пожалуй, можно отнести его к новому типу. Древнему, сильному, болтливому и наглому.

— Историю хочешь? — расплылся в сладкой клыкастой улыбке ловец духов, прикидывая, чем бы пронять наглеца. — Что ж, у меня есть чем поделиться.

Если дух действительно хочет просто поболтать и не нападет, то и шаман его трогать не будет. Однако нахал будет бит своим же оружием. Знакомая суккуба в свое время попеняла гоблину на его досадную привычку изъясняться занудно и непонятно для окружающих. Гарб обещал себе исправиться и даже достиг на этом поприще некоторых успехов. Видимо, придется срочно вспоминать былое и на ходу сочинять новое.

— Есть одно условие, — прокашлялся шаман. — Если попросишь меня остановиться, будешь мне служить до моей смерти, делиться знаниями и приносить информацию.

Курак расхохотался шелестящим смехом.

— Ты, я смотрю, не робкого десятка! Меня ни капельки не боишься! — восхитился он. — Я согласен. При любом раскладе мне скучать не придется, да и проживешь ты недолго, как все гоблины. А если ты выдохнешься, сидеть тебе здесь со мной, пока мне не надоест.

Гарб смерил взглядом своего призрачного двойника, порылся в сумке и швырнул в сторону духа щепотку маковых зерен. Те пролетели сквозь призрачный силуэт. Всезнайка с интересом проследил за их полетом и запоздало дернулся, когда сообразил, что оказался в ловушке, но созданный контур уже прочно его удерживал.

— Это чтобы ты не вздумал нарушить уговор и не сбежал, — скрипуче хихикнул гoblin.

— Пока ничья, — прошелестел дух, не теряя спокойствия. — Ты тоже никуда отсюда не сможешь выйти, пока я не разрешу.

— И что же мне помешает? — прищурился шаман, не теряя бдительности.

— Твоя ничем не ограниченная способность игнорировать собственное невежество и неосведомленность, — не остался в долгу дух. — Начинай!

Гарб решил пока не проверять его слова и приступил к рассказу.

План был коварен и одновременно прост: излить Кураку душу, рассказав про все свои злоключения. При этом Гарб намеревался злоупотреблять самыми заумными словами, на которые только был способен, вставляя множество философских сентенций и риторических вопросов, добавляя множество лишних подробностей, без которых при обычных

обстоятельствах можно было бы легко обойтись, и используя уйму стилистических оборотов и конструкций, включая гиперболы и оксюмороны, пересыпая речь красочными эпитетами и приправляя ее сочными сравнениями и образными выражениями, позаимствованными из лексикона Адинука. Если умник все это выдержит... ну, честь ему, хвала и большая благодарность за подставленную жилетку. И, если он все еще будет в состоянии настаивать на своем, — просто отгребет посохом. Хотя применять Гобмобом без острой необходимости не хотелось.

Начал гоблин с событий далекого-предалекого детства и поведал о своих самых первых воспоминаниях. Вот старая, как поросший мхом камень, морщинистая и беззубая самка поет колыбельную, которая и не колыбельная вовсе, а молитва полузабытой богине из древних сказаний. Вот молодая и красивая самка качает кроватку и улыбается невинному младенцу, а ее желтые глаза с вертикальными зрачками грустные-прегрустные. Малыш постарше играет на глиняном полу рядом, но он маму почему-то совсем не радуется, как не радуется зубная боль. И ей хочется, чтобы младший поскорее вырос и стал сильным и отважным, а он старается изо всех сил: много спит, хорошо кушает и растет не по дням, а по часам.

Вот прошел год, полный тягот и лишений повседневной гоблинской жизни. Маленький шалопай играет с грубо обструганным деревянным алтарем. Старший лезет туда же и толкает его под руку, проливает чашу с дымящейся жертвенной кровью и убегает, а на младшего обрушивается град упреков от старой самки. Он не понимает, почему его больно шлепают по мягким местам, и громко рыдает от обиды и несправедливости.

Вот он делает первые неуверенные шаги, радуя молодую самку своей настойчивостью. Вот говорит свое первое слово, а затем и второе, третье и приводит в священный трепет старую самку случайно сотворенным на ее глазах заклинанием. Это всего лишь сноп искр, бьющий широким фонтаном из лапы, но она радуется, словно получила новые зубы в подарок и гору сочного вкусного мяса в придачу, и зовет остальных посмотреть на чудо.

Вот первые игры с братом и первая боль полученных тумачков от жестоких соседских мальчишек. Первая удачная месть: соседи на всю жизнь усвоили, что маленький не всегда беззащитен и тоже умеет огрызаться, но все равно толпой поколотили еще раз. И еще много раз после этого. Потом пришли захватчики и убили всех, кого нашли, и поклялся юный гоблин страшно отомстить... И страшное одиночество после этого, когда брат окончательно отказался с ним общаться как с братом, обвинив в случившемся. Близких не осталось. Он один во всем огромном страшном мире, наполненном чрезмерной жестокостью, отчаянной несправедливостью и смертельными опасностями, полном отвратительного невежества и напроць лишенном сочувствия.

Описание одной только клятвы заняло, по подсчетам Гарба, около двадцати минут. Рассказ длился уже больше трех часов, а повествование степенно доползло лишь до момента обучения у тогда еще молодого, как неспелый виноград, но уже мудрого шамана Нунаха. Курак стоял недвижимо, скрестив призрачные лапы на груди, и внимал с видимой безмятежностью на морде, никак не проявляя чувств. Богатый опыт подсказывал гоблину, что духам свойственны те же эмоции, что и живым существам. Однако, чем дольше дух находится в Шеоле, тем сильнее становятся проявления его внутренних переживаний. В конце концов, это одно из немногих развлечений, доступных местным жителям. Так что со временем любой обитатель мира духов перестает отличаться терпением. Курак — древнейший из известных духов, так что и он дрогнет рано или поздно.

Всезнайка оказался на удивление крепким орешком. Миновал еще час рассказа, прежде

чем он начал проявлять хоть какие-то признаки неудовольствия. Дух нахмурился, беспокойно завращал глазами и затопал ногой в нетерпении. Кажется, Курак начал понимать, что ничего хорошего его не ждет, но условия сделки нарушать пока не решался.

— Скоро начнется самое интересное, — подбодрил благодарного слушателя Гарб, на что тот только застонал, и гоблин удвоил усилия.

Час спустя ловец духов перешел к рассказу о третьем годе своего обучения. Лет в запасе оставалось еще много, а события в те времена не отличались большим разнообразием, так что монотонный скрипучий бубнеж гоблина о ежедневной уборке призраку порядком надоел.

— Явился ко мне Нунах на рассвете и велел вынести ведро, да не на ближнюю мусорную кучу, как обычно, а подальше от хижины, ибо смердит страшно и привлекает разных гадких насекомых. И летающих, и ползающих, и бегающих, и всяко копошащихся, из-за чего, кстати, неудобно выбирать из кучи самые вкусные куски, которыми можно утолить вечно терзающий меня голод, потому что старшие ученики не оставляют мне за обедом ничего, а живот постоянно бурчит. Это учитель так обо мне заботу проявлял. Говорил, что только невзгоды приучат меня к истинному пониманию радости жизни, а потом он дал мне сильную затрещину, после которой я...

— Хватит! — взмолился Курак. — Я сдаюсь!

— Жалко, — притворно вздохнул Гарб, облегченно вытирая тыльной стороной ладони взмокший от напряжения лоб, — а я только хотел рассказать про четвертый год у Нунаха. Ты ведь точно не знаешь, чем именно приходится заниматься, находясь в услужении у даровитого, но очень сердитого шамана со своеобразным подходом к обучению.

— И знать не желаю! — воскликнул дух. — Признаю тебя достойным противником и повелителем зануд. Доволен? Мне все равно этот титул никогда не нравился.

— И служить мне не откажешься до самой моей смерти?

— Придется, раз обещал, — сказал призрак без особой радости в шелесте. — Учти, что я помогу тебе, потому что сам так хочу, а не по принуждению. В моей власти запереть тебя здесь, но мне противно от одной мысли провести вечность с таким занудой.

— Тогда рассказывай, где нам искать наследника Брестона. Уверен, ты и это знаешь.

Часть 2: Кризис веры. Глава 18

«Это не шрамы, это долговая расписка. Они вернут мне все с процентами».

— Гарбибаквастрэшимусорчак, гоблин

Из транса Гарб вышел где-то перед рассветом. Стоило бы расслабиться и немного отдохнуть перед отплытием, но сон не шел, хотя многочасовая «вербовка» нового подручного его сильно вымотала. Полученные знания жгли разум юного гоблина раскаленным железом, заставляя заново прокручивать в голове все последние события.

Эльфы — враги, хотя их до поры дружелюбное отношение к компаньонам в Льонесе заставляло в этом чуть-чуть сомневаться. Каввель снова под действием проклятия, и его везут во вражеское логово по морю. Быр-Хапуг не злой или, по крайней мере, не был совсем уж злым до того, как сгорел. Четвертая часть посоха находится в очень странном месте, охраняемом толпой мертвецов и какой-то непонятной темной силой.

Ощущая чье-то присутствие, он заковылял к двери, отодвинул засов и осторожно открыл скрипнувшую створку. Неподалеку на табуретке дремала Рати. Она послушно не стала беспокоить шамана, но осталась караулить его покой, да так и уснула. Скрип заставил хапугу подскочить и быстро проморгаться после сна.

— Паршиво выглядишь, — заявила она, оценивающе скользнув взглядом по усталой физиономии Гарба.

— Тяжелая ночка выдалась, — ответил гоблин, держась лапой за створку, чтобы не упасть.

Язык заплетался, поэтому говорить было тяжело.

Хапуга нахмурилась и успела в два прыжка добраться до сползающего на пол шамана. Вовремя. С удивительной для такого изящного телосложения силой она подхватила его под лапу, дотащила до кровати и сгрузила на мягкую перину. Гарб судорожно вдохнул, прогоняя обморок, и почувал носом мягкий чарующий аромат хвои, смолы и каких-то пахучих трав.

— Не уходи, — попросил он. — Надо серьезно поговорить.

— Я соскучилась, — шепотом сообщила девушка.

Гоблин ласково посмотрел на нее. Все поменялось, и надо как-то сообщить, что больше нет нужды враждовать. Рати перехватила его взгляд, но истолковала по-своему.

— Сейчас, — шепнула девушка и отправилась запираеть дверь, чтобы никто не смел мешать или подглядывать.

Вернувшись, она попыталась стащить с шамана кафтан через голову. Сообразив, что для этого гоблина придется сначала поднять, хапуга решила просто расправиться с застежками. Ее пальчики подрагивали от нетерпения, поэтому получилось не сразу.

— Что ты делаешь? — спросил юноша, еще не вполне понимая ее намерения, хотя по телу прокатилась какая-то волна, заставившая все мышцы напрячься.

Рати как раз расстегнула первую застежку и хихикнула.

— Тебе нужно расслабиться, а потом немного поспать и набраться сил перед дальней дорогой, — улыбнулась она, борясь с остальными многочисленными крючками, никак не желающими поддаваться. — Я все сделаю сама, ты просто лежи.

— Эй, я тебя поговорить звал! — возмутился гоблин, чувствуя, как краснеет.

До него начало доходить.

— М-м-м? — чуть удивленно склонила девушка прелестную головку набок, отчего

каштановая кудряшка, выбившаяся из косы, упала на плечо. — Хочешь немного поиграть перед этим? Я за.

Гарб отчаянно замотал головой и с усилием поднялся, отталкивая хапугу. Хорошо, что она не додумалась начать со штанов. Девушка обиженно надулась.

— Тебе говорили, что ты гадкий? — с укором тыкая ему в грудь пальцем, спросила она и облизала пересохшие от негодования алые губы.

— Много раз, — пробормотал гоблин. — Нельзя мне такое, понимаешь?

— Не-а, — в недоумении нахмурилась девица и добавила скороговоркой. — Ты из тех, кто не практикует спаривание до свадьбы? Нам тогда придется ехать к отцу, чтобы он благословил, а я не хочу так долго ждать. Может, ты просто стесняешься?

— О твоём отце я тоже хочу поговорить, — не дал ей развить тему Гарб. — Мне было видение.

Язык слушался с трудом, но шаман все же смог пересказать Рати увиденное и услышанное в Шеоле. Хапуга уселась рядом на кровати, намереваясь выбить блажь из стеснительного мальчика решительными действиями, но решила дать ему для начала выговориться. К рассказу она отнеслась скептически, но чем больше Гарб углублялся в детали, тем сильнее ее глаза лезли из орбит. Слишком уж дикой казалась идея, что их боги на самом деле не враждуют.

— ...поэтому все племена должны объединиться, чтобы вместе вернуть нам былое величие.

— Складно чешешь, — восхищенно чмокнула его в щеку Рати. — Только Сандро говорит совсем другое.

— Ах да, — вспомнил события годичной давности Гарб. — С этим типом мы знакомы, и знакомство вышло не слишком приятным. Он меня чуть не угробил, хотя некоторые его идеи, надо признать, выглядели гениальными. Значит, слухи не врут и Сконм доверил свою армию человеку?

— Этот колдун, конечно, напыщенный болван, но люди такими не бывают, — скривилась девушка. — Охотники и правда сперва приняли его за человека и поймали. А он потом в одиночку победил нескольких офицеров и даже стрелял из рук шипами. Такое только наши мужчины умеют. Людям это просто не под силу! К тому же при нем наша армия сильно прибавила в могуществе.

— Когда я видел его последний раз, — возразил Гарб, — он был самым обычным человеком. Настоящим седым стариком. Правда, после одного темного ритуала он обрел некоторые дополнительные способности и помолодел, но это не делает его кем-то еще. К тому же, если я все правильно понимаю, его умения получены от Умбры — мира теней. Другой участник ритуала получил схожие способности, и это ничем хорошим не кончилось.

Рати задумчиво отвернулась от шамана.

— Не веришь? — спросил он и рассказал про судьбу Бурбалки.

Разговор продлился еще долго, и девушка наконец сдалась под тяжестью аргументов.

— Хорошо, я тебе верю и предупрежу отца, — погрозила она ему пальчиком. — Только ты так и не сказал, почему отверг меня и как планируешь извиняться.

— Дело не в тебе, — зевая, ответил Гарб. — Я жрец Бирканитры. Не могу этого объяснить, но чувствую, что нельзя и все тут, иначе случится что-то нехорошее.

— По-моему, тебе просто пора повзрослеть, — не согласилась хапуга и тоже зевнула, удобно устраивая голову на плече избранника. Хотя бы против этого он возражать не стал.

Компаньоны были готовы ждать Гарба, сколько потребуется, но Рыдло настоял, что отплывать нужно немедленно, иначе ветер будет неблагоприятным. Будить шамана отправился орк. Пустующая табуретка красноречиво показывала, что гоблин решил изменить привычкам и ночевал не один. Аггрх робко постучался, немного завидуя бурной ночи.

Через минуту дверь отворилась, и из нее вышла заспанная хапуга, но с таким видом, будто за ночь оправдались все ее самые сокровенные мечты и сбылись самые потаенные фантазии. Небрежно потеснив плечиком могучего орка, она гордо удалилась, на ходу поправляя мягкий шелк рубахи.

— Эльфа придется прятать, — шепнула она, не оборачиваясь.

Орк плотоядно облизнулся на удаляющуюся точеную фигурку: за неделю пребывания в гостях у Турона, из женского пола ему попадались только ничуть не привлекающие его низкорослые гномихи и эта девчонка. Какая жалость, что она уже занята. Женщин друзей трогать не стоит — это он еще в Бездне усвоил в полной мере, когда неудачно попытался соблазнить Хиенну. Тогда удалось все свести к шутке, но Михель еще долго не мог простить зеленокожему такое поведение. Как в схожей ситуации поведет себя колдун, лучше даже не пытаться выяснить. К тому же, в какой-то момент гоблин заменил орку погибшего сына, и Аггрх предпочел бы отрезать себе руку, но не отбивать у парня женщину. Остается завидовать.

Войдя в комнату, он застал шамана за сборами. Видок у него был тоже несвежий.

— Как ночка? — подмигнул зеленокожий.

— Много новостей, — как-то без энтузиазма, которого орк ожидал, произнес шаман. — Михель на пути в свой монастырь, так что про него пока придется забыть. Надеюсь только, что он туда с мирными намерениями едет. Нам же придется плыть к эльфам. Каввель у них, и он снова ходит на четырех ногах.

Орк выругался.

— Думаешь, нам могут припомнить разрушение Льонаса? — спросил он.

— Этого я как раз не боюсь, потому что есть, что предъявить в ответ. Я боюсь не сдержаться, — ответил Гарб с постной мордой. — Нам вряд ли поможет, если я начну там все крушить. А, поскольку причин у меня для этого теперь хоть отбавляй, вероятность моего срыва очень высокая.

— Ты что-то узнал? — забеспокоился Аггрх.

Услышав краткий пересказ ночного визита в Шеол, орк загрустил.

— Все это дурно пахнет, — заявил он, усаживаясь в кресло и подпирая кулаком подбородок.

— Для нас с тобой, в частности, — кивнул Гарб. — Я жрец, а ты защитник веры, но Каввеля-то спасти все равно нужно.

— Ревнитель, чемпион и паладин, — угрюмо усмехнулся зеленокожий, громко клацнув челюстью. — Паладины не испытывают сомнений по поводу своей веры, а я ими переполнен. Но ты прав, Каввеля спасти надо, и на это у меня есть особая причина.

Гарб замер на месте и искоса посмотрел на компаньона.

— Ты про пари с Лю? — спросил он.

— Откуда ты...?

— У меня есть новый, очень осведомленный информатор, который, как оказалось, любит за нами подглядывать и всех подслушивать, — хищно ощерился шаман, вспоминая

Курака. — Он много рассказал, чтобы я его поскорее оставил в покое.

— Да, и оно тоже, — обреченно согласился орк, не собираясь ничего отрицать. — Осуждаешь?

— Я готов тебя выслушать, — великодушно махнул лапой гоблин. — Все совершают ошибки, и я тоже небезгрешен.

Орк тяжело вздохнул, и провел рукой по припорошенному серебром черному ежику волос. В уголках его глаз залегли глубокие морщины. «Стареет», — вдруг осознал Гарб.

— Мне сорок три зимы, — произнес воин. — Ты же знаешь, что мои сородичи редко доживают до пятидесяти?

Шаман кивнул. Гоблинам и столько не отмеряно богами, но у воинственного народа орков причина столь недлинной жизни обычно заключалась в другом. По их верованиям, верховный бог Бурхан не забирает в свое царство умерших от старости. Поэтому после тридцати лет жизни орочьи воины стремятся пасть в бою. Самые отчаянные бойцы получают именно из таких умудренных жизнью и опытом зеленокожих. Если орда воюет, то в первых рядах идут они — батыры-смертники. Они не сдаются в плен и не просят пощады. Они не горюют в случае победы, потому что уверены, что найдут свою стрелу, лезвие топора или острое копье в другом менее удачном бою. И они не знают пощады.

Агрх, пробыв больше половины жизни гладиатором в человеческом городе, не должен быть подвержен таким настроениям. Но тогда что его тревожит?

— Я боюсь за Михеля, но еще больше я боюсь смерти, — признался зеленокожий, привычным жестом потирая след от ошейника — напоминание о жизни среди людей. — Он хотя бы молодой, и у него еще есть время. А я... от Бурхана отрекся, так что его царство мне не светит. Да и как-то не очень хочется. В царство Бирканитры мне не попасть, пока мы ее не спасем. Вдруг мы не сможем или не успеем ее освободить? Меня тогда заберут демоны или жахани? Ты жрец и должен знать такие вещи. Успокой меня, что ли, а заодно расскажи, каким паладином я должен быть? Что делать нужно, чтобы богиня была мной довольна?

Гарб задумался. Правда может оказаться не слишком приятной, но лучше знать, к чему нужно готовиться, чем изнывать от неведения.

— Действительно, как защитник веры, — сказал он наконец, — ты должен попасть в наш рай, но пока богиня в плену, она никого к себе в царство забрать не может. Если мы не преуспеем в ее освобождении, то после смерти все попадем в Шеол как духи. Насколько я знаю, гоблинов демоны не трогают по какой-то причине, но с тобой сложнее. Ты орк.

Агрх понурил голову. К демонам или дьяволам ему не хотелось.

— И что же делать?

— Спасать богиню, разумеется, — улыбнулся гоблин. — К тому же, где-то в Шеоле обитает дух Рэкса. Твой сын орк только наполовину, но он как-то сумел отбиться от охотников из нижних миров. Я думаю, ему по силам защитить и тебя от любой нечисти. Главное, чтобы в момент твоей смерти он оказался рядом. Или я...

— Звучит обнадеживающе, — скривился орк, и в его карих глазах сверкнула решимость. — Значит, вперед за четвертой частью посоха. Даже если для этого нужно подружиться с хапугами, я согласен.

— Похвально, — сказал Гарб. — Что касается паладинства и служения богине, тут тебе придется постараться. Если я все правильно понял, Бирканитра терпеть не может грубых самцов, которые позволяют себе обижать самок. Она добрая, но такое не прощает. Сам решай, что делать с этим знанием.

— И не просите! — Агррх и Рати в буквальном смысле приперли Адинука к стенке, но эльф не спешил сдаваться.

— Надеюсь, ты понимаешь, что Гарб тебя прихлопнет, если увидит в таком виде? — орк для убедительности крепче придавил длинноухого барда к стене каюты.

Лютня печально тренькнула.

Эльф subtilной змеей вывернулся из крепкой дружеской хватки и забился в угол, отчаянно мотая головой, от чего длинные ухоженные соломенные волосы красиво заструились по плечам. Бежать было некуда, на помощь надеяться глупо. Разве только вытащить паучиху из сумки, но Агррх такое потрясение может и не пережить.

— Да он просто боится пить собственные зелья, — фыркнула хапуга, скрещивая руки на груди.

— Не зелья, а эликсиры! — эльфа задело за живое так, что его зеленые глаза даже перестали косить, а из речи пропали сравнения. — Не смейте путать точнейшие, тщательно выверенные научные рецепты с неумелой халтурой зельеваров, которые все ингредиенты насыпают на глазок!

Его собственные алхимические опыты чаще всего заканчивалось грандиозным взрывом, реже — едкими клубами зеленого или фиолетового дыма, но эльф все равно считал себя великим мастером. Все неудачи обычно объяснялись стечением обстоятельств.

— Значит, бояться нечего, — озорно подмигнула ему Рати.

— Я не боюсь! — гордо вскинул голову алхимик и тут же зажмурился и снова замотал головой. — Я не хочу снова становиться темным!

— Думаешь, мертвым быть полезнее для здоровья? — повела бровью хапуга. — Ты же слышал, что Гарб узнал о бледных богах твоих сородичей, которые живут на поверхности. Он их ненавидит, как и я. Только у моего народа с такими, как они, давняя вражда, а чувства нашего предводителя свежие. На темных он хотя бы не бросается.

— Не понимаете вы! — эльф снова отчаянно затряс головой, и Агррх забеспокоился, что тонкие шейные позвонки барда могут не выдержать такой нагрузки. — Она меня снова не узнает! Я в прошлый раз неделю потратил, чтобы она убедилась, что это я, а не самозванец.

Рати посмотрела на Агррха, морда которого озарилась отблеском понимания.

— Кто-кто? — спросила она у орка.

— Прелестная Милена, — ответил тот. — Черное ручное страшилище с восемью волосатыми ногами и двумя клешнями, как у краба-переростка. Ядовитое. Размером чуть меньше крупного буйвола. Ах, да. Забыл упомянуть про россыпь глаз на чешуйчатой голове. Ума, как у одаренного ребенка — даже писать и читать умеет. Он ее в сумке-уменьшалке держит и иногда достает поиграться.

Хапугу передернуло от одного описания. Орк ослабил и добавил:

— А еще она мне жизнь спасла, так что обижать ее никому не дам и сам не стану.

Эльф благодарно на него посмотрел, но тут же разочаровался.

— Пить будешь при ней, чтобы она видела трансформацию, — жестко отрезал Агррх. — Сначала все ей объяснишь. Должна вспомнить твой старый облик. Все-таки не дикий зверь, память и соображалку имеет.

— Она привыкла к моей новой неотразимости, — пробурчал бард, но его сопротивление теперь уже носило скорее номинальный характер.

«Что делает трюу, когда никого не убивает? Конечно же, предает».

— Адинук Хельвиафин, эльф-трюу

Корабль уверенно двигался к намеченной цели: попутный ветер неплохо разогнал окирош, и пройденное расстояние стремительно увеличивалось. Трюмы ломались от провианта, всем матросам выдали денежное довольствие за целый год, как если бы они все время походов с Каввелем состояли во флоте Его Величества. И все же моряки ходили мрачнее туч, виднеющихся на горизонте. Разумеется, не из-за боязни шторма.

Спутники пропавшего капитана — вот что их беспокоило. Гномы неуютно чувствовали себя в компании свирепого орка, темного эльфа, постоянно горланящего песенки, и парочки все время выясняющих отношения гоблинов. Тем более, что одного они уже хорошо знали, а вторую... Ну, женщина на корабле всегда к несчастью, что только подтверждается той историей с принцесской из Фарукона. Все беды начались с нее. Хотя, к жизнерадостному эльфу команда неожиданно для себя не только привыкла, но и прониклась симпатией.

Трансформация Адинука прошла спокойно. Эликсир, как оказалось, алхимик предусмотрительно изготовил заранее. Тот просто ждал своего часа в бездонной сумке где-то между логовом паучихи и залежами свитков с текстами баллад. Светлый бард накапал себе десертную ложку бесцветной жидкости из темной стеклянной склянки, покрытой паутиной, брезгливо понюхал и решительно отправил содержимое в рот.

Паучиха, которой он предварительно почесал голову, доверчиво ткнулась ему в бок и тут же отпрянула. Преображение свершилось: бледная кожа сменилась иссиня-черной, зелень глаз налилась краснотой, соломенные волосы выцвели до серебристости. Неизменными остались лишь заостренные черты лица да косоглазие.

— Радость моя? — осторожно позвал питомицу трюу.

Та бросилась к нему со всех ног и уронила на пол каюты.

— Эй! — хохоча и отбиваясь от ее попыток ластиться, воскликнул бард. — Задавишь! Кто тебя тогда кормить и чесать будет?

Похоже, прежний облик хозяина пришелся ей по вкусу куда больше.

— Узнала, — тихонько выдохнул орк и тихо, чтобы не привлекать лишнего внимания, вышел на палубу, осторожно переступив высокий порог каюты.

Он все еще не испытывал к паукам теплых чувств независимо от их размера и степени дружелюбности.

— Как все прошло? — осведомился Гарб, печально взирающий на набегающие на нос корабля волны.

— Как по маслу — отчитался воин. — Можно показывать?

— Дай подумать, — попросил гоблин и попытался представить себе темного эльфа.

Образ поплыл перед глазами: мозг самостоятельно попытался подменить темного эльфа светлым. На светлого сознание среагировало попыткой привычного приступа ярости. Гарб сделал глубокий вдох, досчитал до ста и повторил эксперимент. На этот раз пошло легче. Еще немного и можно рискнуть.

— Веди, — разрешил он и смежил веки.

Агрх медленно поплелся обратно, искренне надеясь, что трюу за это время успел

наиграться и уже спрятал зверюгу обратно в сумку.

Присутствие Рати шаман научился определять даже с закрытыми глазами. Девушка всегда приближалась беззвучно в своей шпионской манере, но Гарб все равно умудрялся точно знать, где она находится. Вот и сейчас для шамана не стало сюрпризом, когда его нежно погладили по голове изящной ладошкой.

— Ты пахнешь радостью, — сказал гоблин, не открывая глаз. — Что-то случилось?

С некоторых пор он доверял хапуге и мог себе позволить такую беспечность.

— Я просто подумала, что из того места, куда мы плывем, рукой подать до цитадели.

Ну, ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю, — кивнул ловец духов. — Опять хочешь отправить меня вместе с посохом на съедение Сконму.

— Вот опять ты начинаешь! — обиделась Рати. — Ничего с тобой не случится.

Готовую начаться ссору прервало появления орка в сопровождении стройной фигуры с намотанным вокруг головы темным покрывалом. Воин тактично кашлянул, и Гарб открыл глаза.

— Долго еще, — из-под плотной ткани раздался голос Адинука. — Тут жарко и дышать нечем.

Гарб сам сделал пять шагов навстречу и стремительно сдернул покрывало.

— Сработало! — захлопал в ладоши бард, и гоблин сгреб его в объятия.

Шаман никому не признался, что едва подавил желание задушить эльфа, потому что точно знал, что он все равно светлый. Вся маскировка сразу как будто растаяла. И все же ярость удалось приглушить достаточно легко, когда хрупкие косточки друга начали опасно похрустывать. Неожиданно помогло переключение в режим счетной машины. Разум тут же очистился от избытка чувств, и стало легче. Только сил такое состояние отнимало изрядно, и гоблин принялся высчитывать, на сколько его хватит.

Минула неделя. Адинук продолжал развлекать экипаж песнями, облюбовав себе для этого место в гамаке, натянутом на шканцах между гротом и бизанью недалеко от мостика и капитанской каюты. Повыше, чтобы никто с палубы не достал. Отвлекался он только если в голову вдруг забредала случайная дикая рифма. Тогда остроухий осторожно, чтобы не спугнуть, откладывал лютню в сторону, тихо доставал из сумки перо с пергаментом и начинал ее ловить. Обычно недолго, после чего он с остервенением соскребал ножом написанное и снова брал в руки инструмент.

Гномы, и особенно рулевой, вынужденный все время находиться рядом, сначала бесились от почти непрерывного концерта, потом начали тихо звереть, но через пару дней вдруг привыкли и даже осмелились на несколько заказов. Эльф довольно быстро на слух подобрал мелодии под гнусаво напетые слова на цвергском, и теперь Рыдло иной раз приходилось подгонять заслушавшихся матросов, чтобы те не забывали о своих обязанностях. И сам он, бывало, тоже стоял и пританцовывал под «Веселую фрау» или грустил под «Последний абордаж», так что подчиненных особо не наказывал.

Сгорбленный Гарб все также коротал время на полубаке, откуда открывался хороший вид на море прямо по курсу, вглядываясь то ли в горизонт, то ли в себя. Отвлекался он только на еду и сон. Рати старалась быть рядом, но почти любой разговор, который она пыталась завязать, неизменно приводил к ссоре. Поэтому девушка вскоре начала просто молча присутствовать неподалеку, постреливая глазками в преступно не проявляющий

взаимности предмет своего обожания и тяжело вздыхая время от времени.

Хапуга даже стала в какой-то момент сомневаться в собственной привлекательности. А вдруг он просто видит в ней чудовище и поэтому постоянно отвергает, но не говорит об этом вслух, потому что слишком правильный и воспитанный?

Агрх убедился, что смертоубийств в ближайшее время не намечается, и отсыпался в своей каюте, пытаясь глушить разыгравшуюся мигрень. Поэтому и не увидел, как гоблин, дождавшись очередной отлучки Рати, внезапно покинул свой пост и быстрым решительным, хоть и ковыляющим шагом, направился к Адинуку. Чернокожий бард, завидев приближающегося компаньона, прекратил петь и с интересом уставился на шамана.

— Послушать пришел? — спросил он.

Гарб отрицательно мотнул головой.

— Не совсем, — проскрипел гоблин. — Ты со мной путешествуешь уже много месяцев, мы вместе пережили много приключений, и я кое-что хочу спросить. Зачем ты постоянно сочиняешь новые баллады? Какой в этом смысл? То есть иные барды сочинят десятком другой и успокаиваются, но ты же делаешь это все время! Мне непонятно, а когда я чего-то не понимаю, то начинаю нервничать. Я и так еле сдерживаюсь, сам понимаешь, так что удовлетвори мое любопытство, будь другом.

— Ах, любопытство — похвальная черта, — троу провел пальцами по струнам. — Тебе, наверное, можно открыть эту тайну. Я не говорил, что влюблен по уши, как орел в небо?

— Мне не говорил, — пожал плечами Гарб. — А когда влюбляешься, обязательно сочинять песни в таких количествах?

Адинук взял пару мелодичных аккордов, сложившихся в грустную мелодию.

— Я бы спел об этом, но именно на этой балладе у меня всегда наворачиваются слезы и ком подступает к горлу, — сказал он. — Тебя же интересует именно количество? Знай же, что я не просто так сбежал из-под материнского крыла.

Эльф вылез из гамака и потянулся.

— Пойдем, — поманил он гоблина за собой. — Эта длинная история не для посторонних ушей. К тому же внизу свист ветра, скрип снастей и плеск волн отвлекают меньше.

Каюта эльфа была наполовину затянута толстыми нитями паутины. Отодвинув клейкую сеть от входа рукой, бард пригласил гоблина войти. Сам он уселся на привинченный к полу табурет, предложив гостю место на койке — там паутина была не такая густая. Гарб присел, чтобы выслушать троу. Впервые за две недели он перестал видеть в эльфе врага и снова увидел друга и личность, у которой есть свои чувства и мысли.

— Я первенец матроны дома Хельвиафин, — начал Адинук с грустной улыбкой. — Не самого крупного, но достаточно влиятельного в Подземье. Я любимый ребенок, хотя мать никогда в этом не признается. У нас не принято проявлять чувства даже к ближайшим родственникам, если это, конечно, не выражение ненависти или презрения. Законы троу нацелены на выживание нашего рода, и за долгие века в Подземье они становились все суровее, как зимы на далеком севере, пока не стали совсем невыносимыми. Женщины отвечают за продолжение рода, поэтому, по нашим законам, женщина всегда главнее мужчины, особенно в некоторых вопросах. Женщина сама выбирает партнера и вольна его поменять, если старый ее чем-то не устраивает. Лишь бы рождались дети.

— Самки главнее, — задумчиво сказал Гарб.

— Ну да, — согласился Адинук. — Так вот, я влюбился, как мальчишка. Правда, я тогда

мальчишкой и был. Сто лет — совсем юный возраст для таких, как я. Она занималась боевой подготовкой при школе и была прекрасней всех женщин во вселенной, а я только-только закончил обучение и сразу предложил ей стать парой.

— И что случилось? — подбодрил рассказчика шаман.

Эльф поджал губы.

— Она отвергла меня, — горестно сказал он, — потому что видела во мне только испорченного властью мальчишку. Я был, как говорят тут на поверхности, принцем, а она хоть и занимала высокое положение, но происходила из низов.

— И ты поэтому сбежал?

— Не совсем, — ответил бард, закатывая глаза. — Я был ослеплен страстью и начал... настаивать. Она избилла меня, связала, а потом... Чтобы показать, насколько я ей противен, отдалась пленному человеку и заставила меня на это смотреть. Хотела показать, что готова возлечь даже с рабом, даже не с троу, лишь бы не со мной.

Гарб прикусил губу от неожиданности признания.

— Прости, если ты не хочешь об этом рассказывать, я пойму, — сказал он.

— Если не делиться с друзьями, то с кем еще? — удивился Адинук. — Я убил его.

Эльф задумчиво смотрел на грубые доски пола и молчал.

— И поэтому сбежал? — прервал паузу гоблин.

— Имей терпение, — криво улыбнулся бард. — Меня даже похвалили за то, что вступился за честь дамы. А ее наказали. Жрицы повелительницы пауков Карвалшаресс превратили мою возлюбленную в чудовище. Так редко поступают, но связь с человеком — тяжелейшее преступление, потому что от этого родятся неполноценные дети, которым не место в Подземье.

— А ты?

Адинук ненадолго задумался, погрузившись в воспоминания.

— Я валялся в ногах у матери, пытаюсь вымолить для нее прощение, но матрона отказала. Я обращался в школу чародейства, но никто не вызвался помочь несчастному влюбленному принцу. Лишь одна жрица сказала то ли в шутку, то ли всерьез, что я должен сочинить и исполнить тысячу баллад на языке, которого еще не знаю, и тогда проклятие само спадет. Сам понимаешь, музыку на моей родине любят так же сильно, как пещерный лосось радуется рыболовной сети. В общем тогда я и сбежал, прихватив любимую с собой.

— То есть Милена...

— Любовь всей моей жизни и чудовище, — прошептал бард. — Только ты ей не говори, а то она расстроится. Я ей все время внушаю, что она красавица, так что даже не думай ее разубеждать! Хотя, должен заметить, для паука она и правда очень неплохо выглядит.

В этот раз тишина воцарилась надолго.

— Но она же не помнит себя до превращения? — наконец осторожно спросил Гарб, прокрутив в голове рассказ еще разок.

— Для маленькой паучишки жизнь едва началась, когда я вынес ее, умещающуюся на моем большом пальце, из храма. Это часть проклятия. Только рано или поздно она все вспомнит, и я очень боюсь этого момента. Как она себя поведет? В любом случае тогда я дал себе зарок перестать быть троу. Скитаясь по Надземью, я начал учиться музыке, стрельбе из лука и языкам других народов, сменил одежду и даже оружие, так что короткие мечи, отравленные кинжалы и одноручные арбалеты теперь не для меня. Тяжковато было поначалу, но потом моя темная шкурка примелькалась кое-где, и пошло легче. Я начал

поклоняться богу дворфов, и бородатый народ меня принял. Не сразу, конечно. Но когда Хьялти мне неожиданно ответил, им просто пришлось сделать меня членом своей большой семьи. Я научился у клана всему, чему мог, и наконец стал писать баллады. Голова поначалу пухла, как переспелый огурец, когда я силился подобрать рифму, но я и с этим справился.

— И много тебе осталось?

— Двадцать семь из тысячи, — нахмурился эльф. — Я так радовался в Бездне. Там было столько материала, что баллад за месяц вышло больше, чем за предыдущие десять лет. А сейчас у меня творческий кризис. Вот и бренчу, чтобы скоротать время. Можешь мне обещать кое-что?

Гарб нахмурился. Давать обещание, не зная, чего от тебя попросят, не хотелось, но это же друг.

— Что именно?

— Если с балладами не получится, попробуешь посохом? — робко попросил эльф. — Вдруг выйдет, как со мной.

— Конечно! Попробую, но только собранным, — смело пообещал шаман, — чтобы не стало хуже.

За время рассказа темнокожий бард сильно вырос в его глазах, и сочувствие переполняло Гарба. До этого гоблина казалось, что он единственный, кто прошел через невыносимые страдания, но теперь в этом странном эльфе он нашел товарища по несчастью.

«Одно радует», — подумал гоблин, — «я хотя бы лишен всех этих странных любовных томлений».

— Я покемарю? — сладко потянулся Адинук.

Троу не спал уже три дня и все это время играл на лютне с перерывами на еду, так что желание выглядело вполне естественным. Он впервые за сотню лет нашел, перед кем можно выговориться. И, похоже, его это окончательно вымотало. Гарб кивнул и молча вышел.

Тем временем на палубе случился настоящий переполох. Рати вернулась и, не обнаружив эльфа в гамаке, а гоблина на носу корабля, пришла в ужас и забила тревогу.

Заподозрив неладное, она вставила два пальца в рот и издала пронзительный свист. После такого вокруг обычно собирается хотя бы несколько матросов. Множество мультфиблов в нательных рубашках с черно-белыми полосами и темных расклепанных брюках действительно сбежались на свист, от чего у девушки зарябило в глазах. Не обнаружив проблемы, экипаж потребовал у «истеричной барышни» объяснений. Хапуга и правда потеряла самообладание, обвинив гномов в безалаберности.

— Вы их проморгали! Его проморгали! Что теперь делать?

Рыдло тоже притопал с мостика. Возраст не позволял пожилому шкиперу передвигаться достаточно быстро, поэтому он прибыл с опозданием.

— Ну что ты реवेशь, как слон на морозе, девочка? — спокойно поинтересовался он на цвергском, поправляя треуголку. — За бортом никого нет. В каюту они спустились, я сам видел.

— К-как в каюту? В-вдвоем? — заикаясь, пролепетала Рати и бросилась бежать к спуску на нижние палубы.

Она ни капельки не верила, что гоблин в состоянии справиться с приступами ярости. На эльфа ей, конечно, плевать, но его убийство может плохо сказаться на красавце шамане. Надо остановить Гарба, пока еще не поздно.

У самого спуска пришлось тормозить, чтобы не врезаться в широкую грудь выходящего гоблина. Запыхавшаяся и раскрасневшаяся девушка встревоженно посмотрела на задумчивого ловца духов. Тот просто поморгал, привыкая к яркому солнечному свету, обогнул препятствие и направился обратно к бушприту, даже не заметив ее прямо перед собой. Кровью он, вроде бы, заляпан не был, что уже хорошо.

Рати озадаченно почесала нос и осторожно спустилась к каютам. Адинук нашелся в своей в добром здравии. Трой мирно почивал, замотанный в одеяло из паутины. Хапуга прислушалась к ровному дыханию и тихонько вышла в коридор, пребывая полном недоумении.

— Что стряслось? — заспанный голос Агрха заставил девушку подпрыгнуть от неожиданности, отскочить в сторону и прижаться к шершавой стене спиной.

Рати вдруг поняла, что большинство матросов и Гарб сейчас на палубе, остальной экипаж глубоко в трюме, эльф спит мертвым сном, а она здесь наедине с орком. Зеленокожий здоровяк явился в одних штанах и теперь нависал над ней всем своим огромным телом, опершись левой рукой на стену над плечом девушки, а правую положив себе на талию. Ноздри хапуги уловили терпкий запах орочьего пота. Перекатывающиеся бугры мышц и клыкастая морда вся в шрамах в сумраке коридора шарма бывшему гладиатору не добавляли. Кажется, он тоже понял пикантность ситуации и всем своим видом показывал, что, мол, такой экзотики пробовать еще не приходилось, но это досадное недоразумение легко исправить.

— Чего шастаем по чужим каютам? — насмешливо-внимательный взгляд глубоко посаженных карих глаз показался Рати еще и похотливым или даже плотоядным.

Намерения зеленокожего были не совсем понятным, а оттого еще более пугающими.

— Отвали! — она попыталась проскочить мимо, но два толстых пальца уверенно поймали ее за ворот рубахи и легко вернули обратно.

Он уже заметил, что Гарб не испытывает к этой девчонке особенно теплых чувств, а посему можно было бы перейти к более решительным действиям, раз девушка все равно свободна.

Маленькая ладошка потянулась к эфесу шпаги, но еще одного взгляда и кривой ухмылки хватило, чтобы понять: не выйдет. Да и в узком пространстве коридора шпага — плохое оружие из-за длины клинка, а все ножи, как назло, остались в каюте. Грубой силе противопоставить попросту нечего. Жаль, что в племени не принято обучать самок магии. Дурацкая традиция! В памяти всплыл рассказ шамана о чрезмерном увлечении его спутника женским полом, и стало страшно. Если он покусится...

— Проверяла, не убил ли Гарб ушастого, — правда показалась ей наиболее правильным ответом. — Я буду кричать.

— Не сомневаюсь, — орк препохабно ухмыльнулся, но потом вдруг застыл, и морщины на его лице разгладились. — Не делай так больше, ладно? Оставь это для врагов.

— Л-ладно, — неуверенно кивнула она.

Воин развернулся и ушел к себе в берлогу, оставив хапугу соображать, что только что произошло или, скорее, чего не произошло.

«Я паладин», — как мантру, мысленно повторял себе зеленокожий, пока за ним не закрылась дверь. — «Паладины самок не обижают. Хороший паладин. Хороший».

«Двойные стандарты для фанатиков — норма».
— Хуан де Деса, великий инквизитор

Солнце немилосердно припекало макушку так, что даже повязанный на голову платок не спасал, поэтому принцесса решила поторопиться и зашагала быстрее. Еще не хватало перегреться. Бычок вяло сопротивлялся, но после уговоров тоже перешел на рысь.

Вскоре удалось достичь темного елового леса. В нем царилась тень, хотя и здесь дорога, плавно перешедшая в лесную тропинку пару минут назад, неплохо прогрелась. Так или иначе в лесном полумраке даже дышалось легче несмотря на тягучий предгрозово-воздух.

Копыта тихо ступали по мягкому ковру из прошлогодней хвои, приглушающему звуки шагов. Главное, смотреть под ноги и не спотыкаться о вездесущие корни, перерезающие тропу и норвящие коварно поставить подножку. Пару раз даже пришлось обходить ямы-ловушки, продираясь через густой малинник. Час удушья зноя, затем пятнадцать минут по лесному сумраку в относительной прохладе — и широкая хоженная тропа вывела на широкую и длинную поляну, упирающуюся краем в загадочное препятствие из плотно стоящих деревьев. Дубовая роща среди хвойного леса смотрелась абсурдно, но Могара знала, куда пришла, поэтому не удивилась.

Надпись на подобии ворот гласила «Патустароним сущностям и багам кроме Аспикса фход заприщон». Чья-то неумелая и не слишком грамотная рука нанесла эти буквы красной краской на толстые дубовые ветви, заменяющие своими переплетениями створки. Острые края букв и размашистость надписи прямо-таки кричали о ненависти к пришельцам из иных миров. На что, вероятно, имелась веская причина. Букву «ф» позднее замазали и над ней в другой манере начертали синюю литеру «в».

Могара фыркнула. Это сюда, значит, инквизитор предлагает сдать Каввеля на хранение. Остается надеяться, что тут безопасно. Самого Де Десу пришлось оставить на корабле, потому что еретики вряд ли обрадовались бы своему главному гонителю, даже если бы тот вдруг раскаялся и принялся вымаливать прощение на коленях. Из экипажа тоже никто не вызвался в провожатые, так что принцессе пришлось идти одной. В парадную одежду она благоразумно облачаться не стала, оставив себе пиратский наряд. Штаны и тонкая рубашка мало подходили для таких прогулок, но грязный розовый халат годился для этого еще меньше.

— Что скажешь? — обернулась тауроша к бычку и потрепала того по холке.

— Му, — как будто согласился с ее оценкой подопечный.

На деле он просто был рад наконец очутиться на твердой земле, где под ногами ничего не качалось, а свежей зеленой травы было вдосталь.

Огромные дубовые стволы росли по периметру без промежутков, образуя нечто среднее между частоколом и стеной — эльфийских рук дело. Очевидно же, остроухие на своей земле не дали бы рубить священные для них деревья. Добыть большое количество пригодного для стен камня затруднительно, да и на строительство ушла бы уйма времени. Так что без магии ускоренного роста не обошлось. Могара постучала костяшками пальцев по ветвям ворот. Звук получился на удивление гулкий и громкий, а по ту сторону стены сразу началось шевеление.

— Кто, во имя Великого Бунта, к нам пожаловал? — тут же недовольно поинтересовались изнутри форта на всеобщем.

— Отворяй немедленно, — неласково отозвалась тауроса.

Она неуютно чувствовала себя без охраны в чужих владениях и поэтому немного злилась. Хотя, конечно, в прошлый раз телохранители свое задание провалили, поплатившись за это глупыми рогатыми головами, но без них еще хуже. Должную защиту мог бы обеспечить Каввель, но она сейчас ему самому бы не помешала.

Над воротами вылезло гномье подсматривающее устройство — два стеклянных глаза на выкрашенной в цвет древесной коры металлической ножке. Глаза покрутились в разные стороны и сфокусировались на пространстве перед входом.

— Выше Высочество! — радостно воскликнули из-за ограды. — Какая радость! Вы, никак, раскаялись и решили вступить в ряды свидетелей Аспикса?

— Вроде того, — недовольно поджала губы тауроса.

Кажется, она знала этот голос.

Ветви приветливо распахнулись, открывая широкий проход.

Принцесса вместе с подопечным зашла внутрь. Большая утопанная поляна, подпираемая отвесными скалами футах в трехстах от входа, высоченные деревья вокруг да шпук десять убогих землянок, сиротливо жмущихся у самой ограды. Как-то скромно для основной цитадели огромного культа.

Встречающие сильно различались по расовой принадлежности и роду занятий. Гном-охранник в стальных латах, кое где покрытых неопрятными пятнами ржавчины, счастливо улыбался, рассматривая гостью. Поднятое забрало шлема худо-бедно позволяло рассмотреть черты лица. «Точно, его Карлом зовут», — Могаре доводилось встречать этого мультфибла на Такариме.

Кроме него, перед воротами собралась еще пара людей в лохмотьях, а также дворф в фартуке кузнеца с молотом в руках и светлый эльф в зеленом одеянии лесного стража с луком на плече. Все они с одинаковым недоверием смотрели на тауросу.

— Поклонитесь, бездельники! Это принцесса Могара! — просветил коллег стражник.

— Та шамая! — ахнул дворф и склонил голову в нехарактерном для своего народа жесте.

Его примеру последовали и остальные.

— Я привела вам лунного быка, воплощение Повелителя бунта, — оценив степень почтения, сказала тауроса, указывая на подопечного.

Этим словам ее научил Хуан. То, что началось вслед за ними, могло бы сойти за панику или массовое помешательство.

— Это... Он? — подбирая челюсть, выдавил из себя гном.

Остальные распростерлись ниц перед быком, а мультфибл, гремя латами, бросился к свисающей в пяти шагах от него веревке и дернул за нее что было силы. Высоко над головой в густой листве раздался оглушительно-истощный многоголосый птичий крик. Кто бы ни додумался до такой сигнальной системы, но подделать подобный звук ни у кого бы не получилось при всем желании.

Вся поляна пришла в движение. Невидимые прежде среди скал двери и замаскированные в пыли люки начали распахиваться одни за другими. Из них наружу посыпались десятки разнополых и разномастных гномов, эльфов и людей. Появилась даже парочка всклокоченных минотавров. Все неслись защищать свое пристанище с оружием в

руках. Командиры выкрикивали команды, маги шептали защитные заклинания, а арбалетчики спешно заряжали свои самострелы. Толпа за какую-то минуту организовалась для обороны. Всю эту разношерстную компанию объединяло лишь страдальческое выражение на лицах, застывшая тоска в глазах да какая-то общая изнуренность, как будто они все недоедали.

— Что случилось? — к поднявшему тревогу мультфиблу сквозь толпу протиснулся упитанный человекоподобный ящер, передвигающийся на мускулистых задних лапах.

В верхних конечностях он сжимал копые. Длинная почти крокодилия морда, покрытая чешуей цвета болотной жижи, скалилась острыми желтыми зубами. Одежду этот тип откровенно презирал и ограничивался набедренной повязкой, состоящей из куска промасленной ткани и веревочки. От фигуры разумного ящера веяло силой, и, похоже, именно он возглавлял собравшихся тут верующих.

Могара посмотрела на хвост, нервно дергающийся из стороны в сторону, и топорщащийся на голове красный кожистый гребень. «Взволнован», — решила тауроса.

— Преподобный Ссас... Ссаскиш, — с трудом выговорил имя стражник. — Свершилось!

— Что именно свершилось, брат Карл? — уточнил жрец, четко выговаривая все звуки всеобщего языка, что никак не вязалось с обликом двуногой прямоходящей ящерицы.

Длинный розовый язык, скользнувший между зубов, тоже портил образ.

Жрец подозрительно осмотрел Могару и поводок у нее в руке. Взгляд его огромных глаз с зелеными пупырышками вместо белков, выпученных сбоку там, где у других существ находятся уши, медленно переместился на белое пятно на лбу быка. Один из глаз продолжил смотреть на обращенного минотавра, а второй повернулся к тауросе.

— Наши молитвы услышаны! — не унимался Карл. — Воплощение Повелителя с нами!

Левый глаз Ссаскиша сдвинулся чуть в сторону и посмотрел на гнома, а затем вновь сфокусировался на Могаре и быке. Толпа вокруг стала плотнее. Культисты поняли, что их вызвали не для отражения вражеского штурма, и теперь любопытство толкало их ближе к воротам.

— Хм, — раздалось из приоткрытой пасти жреца. — Я бы не стал спешить с выводами. Надо проверить, не пытаются ли нас обмануть. Цена ошибки слишком высока.

Культисты согласно зашумели. Поначалу они хотели бухнуться на колени, но слова Ссаскиша дали им повод для сомнений.

— К чему мне вас обманывать, жрец? — Могара наконец решилась заговорить. — Это он стоит перед вами в теле лунного быка. Слово тауросы, что я не лгу. Я привела его, чтобы вы позаботились о нем.

— В самом деле? — изрек ящер.

На оба его глаза опустились кожистые пластинки, чуть прикрывая зрачки, и жрец погрузился в раздумья.

— Что ж, добро пожаловать в нашу скромную обитель, великолепная Могара, — довольно быстро очнулся чешуйчатый и тут же обратился к верующим. — Склонитесь перед лунным быком, отверженные братья и сестры, и он примет вас после перерождения! Мы все равны перед Аспиксом, который лишь тень Сераспикса!

Под неказистой личиной маленького древесного форта скрывался целый подземный комплекс пещер, в которых культисты вполне сносно наладили быт. Правда, во всем

проглядывала экономия, балансирующая на грани аскетизма. Голую серость коридоров скрашивали исключительно черные бархатные флаги, расшитые золотыми минотаврами, и потрескивающие факелы, развешанные для освещения особенно темных участков пути. В некоторых местах их заменяли отверстия в потолке, из которых пробивались солнечные лучи.

Бычка определили в стойло глубоко в скальных недрах. Построено оно было явно заранее: на встречу с богом уповали. На фоне общей унылости обстановки это место выделялось великолепием. Даже подстилка оказалась из парчи с постеленной поверх нее впитывающей тканью из тонкой шерсти, а ограда была то ли из золота, то ли с позолотой. «Повелителя» заманили внутрь морковкой. Он зашел в стойло, задумчиво похрустел сочным корнеплодом и тут же задрал хвост, чтобы навалить внушительную кучу навоза.

Братья-послушники восторженно втянули носами «божественный» аромат и бросились заменять подстилку на новую, а священное удобрение бережно собрали и унесли. Затем другие послушники положили в золотую кормушку свежей зелени, налили в поилку воды. Обрадованный Повелитель принялся за трапезу, а братья начали расчесывать его бока щетками, заплетать шерсть в косички и украшать рога цветами. Пока в кормушке оставался корм, Каввель-Аспикс не возражал.

— Теперь все хорошо, — сказал Ссашкиш, когда убедился, что божеству оказываются должные почести. — Я покажу твою комнату, Спутница Аспикса.

— Мне нужно вернуться, — ответила Могара. — Там ждет корабль. Чем раньше мы отправимся на поиски средства для превращения, тем раньше закончим.

— Завтра состоится церемония, — прикрыл глаза ящер. — Ты же не хочешь пропустить ее?

— Это важно? — нахмурилась девушка.

— Я полагал, что раз Спутница привела сюда Аспикса, то она знает о церемонии, — оскалился жрец. — Раз это не так, пусть ее содержание станет сюрпризом. Пропускать нельзя, иначе Аспикс никогда не сможет стать Сераспиксом, а это было бы непростительно для всех нас. Ты сможешь уйти сразу после священного ритуала, дитя... если он позволит. К тому же уже вечерет, а путь через лес в ночи небезопасен для одинокой путницы. Обряд пройдет на рассвете, так что ты не потеряешь много времени.

Пришлось остаться. Слова ящера поселили в сердце Могары тревогу, и она успела трижды помянуть недобрым словом де Десу, который о таком не предупреждал. Хотя человек честно признался, что знает о культе совсем немного. Ссашкиш же на дальнейшие расспросы лишь кивал невпопад, пока вел девушку к ее келье, расположенной у самого выхода из пещер. Он и сам как будто пребывал в смущении.

— Не королевские покои, конечно, но мы все равны перед ним, поэтому все довольствуемся малым — извинился за скромное убранство жрец и отбыл по своим делам, оставив тауросу на попечение пятерки сестер-послушниц.

Могара вполне обошлась бы и без них, но к ее возражениям местные прислушиваться явно не спешили.

Бойкие особы — три гномихи-хохотушки, тихая задумчивая эльфийка и человеческая женщина средних лет с постным лицом сразу усадили Могару на каменную кровать, застеленную шерстяным одеялом, и принялись расчесывать ей волосы, вплетая лазуревые в цвет глаз ленты в светло-коричневые пряди.

— К завтрашней церемонии ты должна выглядеть достойно, Спутница, — эльфийка

сразу пресекла все попытки Могары помешать им.

Тауроса решила потерпеть, стиснув зубы.

Все сестры носили одинаковые скромные темно-синие платья и бросали завистливые взгляды на яркие зеленые штаны Могары.

— Нравится? — спросила она.

Одна из хохотушек неуверенно кивнула, заслужив гневную отповедь от Дерны — мрачной человеческой женщины.

— Скромность и неприхотливость должна быть присуща всем отверженным, если они надеются на царство Сераспикса после смерти, — пригвоздила она аргументом разом сникшую сестру.

Притихли и остальные, но ненадолго. Закончив с волосами, сестры перешли к лицу тауросы. Они притащили большое зеркало и поставили перед Могарой. В ход пошли всевозможные щипчики, кисточки, помазочки и прочие косметические инструменты.

— Эй, а я разве не должна быть скромной? — возмутилась Могара таким издевательствам.

— Ты не отверженная, — улыбнулась эльфийка краешками губ. — Ты Спутница. Тебе не только можно, но и нужно быть красивой и желанной.

— Сказано, что ты вознесешься вместе с солнечным быком, — подтвердила ее слова Дерна.

Могара решила не сопротивляться и попытаться выяснить еще что-нибудь.

— Вы знаете, что будет завтра на церемонии?

— Лунный бык возвысится и станет солнечным. Сначала ему выпустят всю к... — радостно защebetала одна из гномих, но ее рот грубо зажала ладонью эльфийка.

Она печально улыбнулась и, повернувшись к Могаре, сказала:

— Прошу простить мою болтливую сестру за назойливость. Мы уже достаточно сделали, и тебе нужно отдохнуть. Сейчас принесут трапезу, а ближе к полуночи мы продолжим подготовку к обряду.

С этими словами вся пятерка удалилась, прихватив с собой зеркало. Сквозь маленькое окошко падали лучи закатного солнца. Келья от этого казалась еще меньше, чем на самом деле, и Могара поежилась от охватившего ее неприятного предчувствия.

Нужно как-то свести воедино все полученные сведения. Культисты ждут, что бык переродится в кого-то другого, но ведь он может только стать самим собой, а этого не произойдет без вмешательства богов. Готовится какой-то обряд, на котором Каввелю выпустят всю к... кровь? Брови тауросы взметнулись. Не это ли слово не дали произнести гномихе? Еще есть какое-то пророчество о солнечном быке и его вознесении, но Каввеля жрец назвал лунным быком. Лунный должен переродиться в солнечного, а для этого его, кажется, собираются прирезать.

— Ой, что-то нехорошее грядет, — прошептала Могара и решительно поднялась с кровати.

Выйти она не успела. Занавесь, служившая дверью, отодвинулась, впуская Карла с доской в руках, служившей подносом. Гном, вероятно, закончил свою смену у ворот и успел сменить доспехи на более уместный здесь наряд: холщовые брюки и вязанный свитер. Тауроса посмотрела на него: обычный мультфибл, каких тысячи. Нос крупный и мясистый, слегка обвисшие щеки, широкий лоб, умные и любопытные глаза-бусинки, как у всех его сородичей. Разве что чересчур внимательный взгляд отличал Карла от остальных.

— Ваше Высочество, — склонил голову мультфибл и добавил извиняющимся тоном. — Тут немного, но у нас не принято предаваться чревоугодию.

Могара бросила взгляд на поднос. На нем стояла деревянная чаша с водой и лежало несколько пресных лепешек. Припасов она с собой не брала и успела изрядно проголодаться, поэтому желудок напомнил о себе недовольным бурчанием.

— Благодарю, — через силу сказала она.

Дурной пример Каввеля заразителен. Еще неделю назад ей бы в голову не пришло сказать нечто подобное гному, тем более незнатному. Пища выглядела грубой, но в морских походах ей приходилось питаться и хуже, так что жаловаться не на что.

Гном расплылся в улыбке. Его поблагодарила сама Могара! Принцесса снизошла до нижайшего подданного! Он опустил поднос на кровать и, покрутив головой по сторонам, извлек из карманов брюк крупное зеленое яблоко. На вид плод был спелым и сочным.

— Это лично от меня, — сказал он с поклоном. — Только никому не говорите.

— За это наказывают? — спросила девушка. — Я бы не хотела, чтобы из-за этого у тебя были неприятности, Карл.

— Вы и имя мое помните? — восхитился гном. — Какая честь! У нашего бога будет лучшая спутница из всех возможных. Вообще, да. За такое могут всыпать горячих, если вы понимаете, о чем я. Для смирения духа и плоти, как говорит этот чешуйчатый гад. Кто его только жрецом сделал, ума не приложу. Жабеныш строго следит, чтобы мы не переедали. А фрукты для него — самое ненавистное. Говорит, они приносят удовольствие, которого истинно верующие должны избегать в смертной жизни.

Могара осторожно взяла яблоко и положила в походную сумку на поясе.

— Я ценю это, — улыбнулась она Карлу. — Скажи мне, ты искренне веришь в Сераспикса?

Мультфибл понизил голос до шепота, панически оглядываясь.

— Такие вопросы даже задавать грешно, госпожа! Конечно, я верую! Здесь все веруют, что завтра Аспикс станет Сераспиксом. Вот только...

— Договаривай, — Могара тоже перешла на заговорщический шепот.

— ...я не могу поверить, что возвышение возможно таким странным способом. Аспиксу должны перерезать горло и слить всю кровь. А затем напоить этой кровью алтарь и воззвать к Сераспиксу, чтобы его освобожденный дух вселился в подготовленное тело. Жрецам, конечно, виднее, но вдруг что-то пойдет не так? Тогда мы лишимся нашего бога.

— Нельзя этого допустить! — таурoса топнула копытом. — Я не для того вела сюда Каввеля, чтобы его зарезали.

Мультфибл поцокал языком в раздумьях, а легким наклоном головы и активной игрой бровями позвал за собой и, ни слова не говоря, выскользнул из кельи. Могара спешно последовала за ним, ухватив с подноса лепешки. Пустой живот ждать не хотел.

«Невезучий пират хуже нечестивого жреца».

— Каввель Исс-Брестон

Закат по кусочку в секунду откусывал от голубизны небосвода, оставляя за собой удивительно ровную алую кромку над верхушками дубов: сквозь окошки-бойницы открывался чудесный вид. Только любоваться природой времени не оставалось. Карл шел, быстро семеня короткими кривыми ногами, а Могара старалась не отставать, периодически пригибая голову, чтобы не задевать рогами низкие закопченные пещерные своды. На ходу она жевала: голод требовал утоления, да и силы еще понадобятся. Снующие по тоннелям еретики уже зажгли чадящие факелы там, где до этого хватало дневного света для освещения, так что налететь впотьмах на неожиданное препятствие не грозило.

— Куда ты ведешь меня? — шепотом спросила у мультфибла Могара.

— К тому, кто может помочь, — так же шепотом ответил гном, не снижая темпа.

На удивление, никто из встреченных культистов не стал задавать лишних вопросов. «Идут, ну и пусть себе идут» читалось у всех в глазах смиренное безразличие. Минут десять быстрым шагом привели тауросу и ее провожатого к отдельно расположенной пещере, вход в которую был завален массивными валунами. Карл остановился, подождал, пока Могара подойдет ближе и зашептал.

— Он не любит, когда его тревожат без нужды, но еще больше он не любит, когда приходят без подарка.

— Мне нечего подарить, — смутилась тауроса.

Из ценностей при себе у нее была только диадема, но отдавать семейную реликвию она не собиралась даже ради спасения собственной жизни.

— Как это нечего? — хихикнул мультфибл. — А яблочко? Ларс их обожает. Ему как-то пришлось восемь месяцев питаться одной солониной — в шторм они тогда попали и дрейфовали без парусов долго. За это время он потерял все зубы от цинги. Новые ему я потом лично делал. Так вот с той поры он поклялся всегда иметь при себе запас яблок. Сушит их и делает из них ожерелья. Будет и Вашему Высочеству с порога одно из своих предлагать, только вы не берите, а предложите в ответ это зелененькое. Сразу зауважает.

— А если бы я не знала и взяла? — нахмурилась Могара.

— О, он бы тогда решил, что вы его грабить пришли. Если бы не взяли, но взамен ничего не дали, то стал бы презирать и в любой просьбе отказал бы. А так примет как родную!

— Хорошо, и как к нему попасть? — вопрос не был лишним, учитывая заблокированный вход.

Вместо ответа мультфибл трижды легонько постучал костяшками пальцев по одному из камней, а затем громко крикнул «Гости!» и спешно отошел в сторону. Могара тоже на всякий случай посторонилась. Спустя минуточку за камнями послышалось недовольное ворчание, сопровождаемое тяжелой гулкой поступью. Кем бы ни был этот Ларс, но звуки он издавал воистину громкие и пугающие. Затем валуны зашевелились, как живые, и покатались вперед от входа, с грохотом упав на то место, где только что стояла тауроса. Взметнувшаяся в воздух пыль не позволила сразу рассмотреть, кто же настолько не любит

посетителей, что баррикадируется изнутри.

Когда взвесь осела, в проеме пещеры показался весьма низкорослый и щуплый гном, с головы до пят одетый в наряд из задубевшей коричневой кожи. Одевание явно видало лучшие времена. На плешивой голове Ларса, увитой по бокам редкими седыми курчавыми волосами, покоились очки, плотно закрывающие глаза. Бакенбарды на щеках имели широкие прогалины, в которых угадывалось воздействие чего-то даже более смертоносного, чем простое пламя. За спиной хозяина пещеры каменной громадой возвышался голем.

— Мы пришли к вам... — начала было Могара.

Гном бросил на нее задумчивый взгляд и вернулся в свое логово. Карл поднял вверх палец, призывая принцессу проявить терпение и благоразумие. Секунд через двадцать Ларс выскочил наружу со связкой сушеных яблок в руках.

— Разрешите представиться, Ларс фон Триллер, — сказал он, протягивая девушке яблоки.

— Могара Фаруконская, — с некоторым неудовольствием представилась в ответ тауроса.

Гном точно не относился к мультфиблам — куда ниже ростом и уже в плечах — а значит, родом с материка. Жителям большой земли — сплошь гражданам республик — неведомы правила обращения к королевским особам, вбиваемые с детства гномам моря, привыкшим к монархии. Вот Ларс и проявил неуважение, протянув подарок без поклона. Конечно, принимать его все равно нельзя, но... Тауроса вздохнула.

Иногда приходится идти на жертвы.

— Нет-нет, я не смею принять ваш дар, — запоздало запротестовала она, протягивая в ответ яблоко, выуженное из сумки.

Редкие седые брови Ларса полезли на лоб: он наконец разглядел, кто перед ним находится и ароматный зеленый шарик с черенком на ладони. Молча цапнув фрукт, он развернулся, поднял над левым плечом раскрытую ладонь и дважды сложил пальцы, маня за собой.

Когда Могара и Карл вошли, фон Триллер приказал голему завалить все обратно. Механизм, представляющий собой с виду нагромождение каменных глыб, каким-то образом скрепленных между собой в форме огромного каменного гнома без головы, но с подвижными руками и ногами, шумно зашевелился, в тридцать секунд завершил задание и снова замер.

Внутри посетители узрели пещеру по размеру не меньше той, в которой находилось стойло Каввеля.

— Моя лаборатория, — благоговейно произнес Ларс. — По совместительству полигон и жилище. Пространства маловато, но я не жалею.

Отовсюду свисали связки сушеных яблок. Густым яблоневым духом здесь все буквально пропиталось. Если снаружи он почти не ощущался, то внутри казалось, что никаких других запахов и существовать не может. Впрочем, тут были не только яблоки. Десяток разнообразных големов — каменных, железных и даже один костяной, стояли вдоль стен без признаков движения, но что-то подсказывало, что они немедленно откликнутся на зов создателя, если потребуется. Здесь же на большом столе лежали обломки камней и разнообразные инструменты. На полу валялись части других незаконченных механизмов и просто какой-то мусор.

— Спасибо за эту зеленую прелесть, — сказал гном, подходя к столу. — Напоминает

мне о том злоключении в море. Я не рассказывал?

Не дождавшись ответа, он сразу уверенными быстрыми движениями нашинковал фрукт дольками и нанизал их на прочную нить с помощью иглы. Повесив добычу на стену, хозяин пещеры наконец решил уделить внимание гостям.

— Итак, чем обязан? — сказал фон Триллер, откидываясь на стуле и закидывая ногу на ногу.

Сразу два нарушения дворцового этикета. Сел без дозволения в присутствии королевской особы. Скрещенные ноги — и вовсе вопиющий случай неуважения. «Мы здесь по делу, а не для расшаркиваний», — напомнила себе принцесса и ввела гнома в курс дела. Карл стоял рядом и согласно кивал.

— Непорядок, — вскочил со стула Ларс и забегал по жилищу, второпях что-то собирая и распихивая по карманам. — Чертовы фанатики опять мешают прогрессу науки. Я им сотню раз уже говорил, что это уникальный шанс исследовать божественную сущность, а они все грязными ножами к святому тянутся. Варвары! Дикари! Выдвигаемся немедленно! Я не дам им загубить такую возможность. Первый, третий и пятый здесь, остальные за мной!

Дорогу разъяренному фон Триллеру попыталась преградить решительно настроенная пара дворфов с боевыми топорами и в латах. Оба замерли у входа в пещеру со стойлом и уходить с пути не собирались.

— Ашпикш готовитша к шеремонии! — грозно заявил один из них, недобро зыркнув из-под густых бровей. — Пушкать не велено.

Ларс отдал короткую команду, и два голема бережно, но очень крепко зажали ретивых стражей в углу, не давая им даже пошевелиться. Те особо и не трепыхались, видимо, не в первый раз попадая в подобную ситуацию и понимая тщетность сопротивления. Гном устремился в освободившийся проход, а за ним последовали и Могара с Карлом. Три голема сгрудились у выхода, закрывая его телами, а оставшиеся выстроились за плечами хозяина.

Аспикс по-прежнему что-то лениво пережевывал в стойле. Его бока намазали жиром так, что они лоснились. Рога утопали в цветах, а между ними красовалась небольшая золотая корона с выгравированным полумесяцем и россыпью звезд вокруг. Возле быка суетились прислужники, завершающие приготовления к обряду возвышения. Они что-то сооружали перед мордой, но рассмотреть это от входа в пещеру не получалось. Там же горело множество ароматных свечей, наполняющих пещеру густым терпким запахом благовоний. А на дальней стене висел огромный портрет Каввеля, изображающий его с такой же короной на голове и лабрисом в руках. Лабрис на портрете ярко светился теплым золотистым сиянием.

Неподалеку на плетеном коврике, расстеленном на полу, развалился Ссашкиш. Он лежал на спине, закинув чешуйчатые руки за голову и мирно похрапывал. По всей вероятности, наблюдение за приготовлениями утомили служителя культа. К тому же ночь уже давно вступила в свои права, и жрец имел полное право погрузиться в мир грез.

— Эй, лягушка-переросток, — взревел не своим голосом Ларс. — Поднимайся и объясни-ка мне, какого демона тут происходит?

Ссашкиш резво перекатился с коврика на пол, схватил лежащее на полу рядом копьё и выставил оружие острием вперед между собой и гномом.

— А, это опять ты, — почти разочарованно сказал он, обшаривая глазами пещеру в поисках других опасностей. — Я уж думал, Миримон нас предал.

— Пока нет, но это дело времени, — хмыкнул фон Триллер, — если ты продолжишь транжирить ресурсы, которые можно пустить на укрепление нашего влияния.

Жрец досадливо клацнул зубастой пастью и властным жестом приказал прислужникам убираться вон. Те тут же прекратили работу и незаметно выскользнули наружу мимо расступившихся и тут же сомкнувшихся за их спинами големов.

— Ты уверен, что стоит распинаться об этом при непосвященных? — спросил Ссашкиш, наконец опуская копьё.

Гном в ответ как-то недобро усмехнулся.

— Этих, что ли?

Могара воззрились на обоих с нехорошим предчувствием. Единственный выход из пещеры закрывали три бездушных каменных истукана, а еще двое встали позади нее.

— Карл и так наш, а то, что ты сразу не обработал юную леди соответствующим образом — это недоработка твоей ленивой хвостатой задницы. Однако ты не ответил на мой не до конца сформулированный вопрос. Что это ты удумал делать с Аспиксом?

— Не твое дело, — огрызнулся ящер. — Занимайся своей наукой, а мне оставь вопросы веры.

Могара напряглась всем телом, готовясь что-нибудь предпринять, и бросила на мультфибла возмущенный взгляд. Тот виновато отвел глаза.

— Смотрите, кто у нас стал самостоятельным, — с нескрываемым сарказмом парировал гном. — Да если бы не я, ты бы до сих пор не знал даже о свойствах собственной слизи! До сих пор бы в своих болотах слизней пас! Думай, на кого пасть разеваешь и отвечай очень осторожно.

— Ш-ш-ш, ритуал же, — обиженно прошипел враз поникший жрец. — Сегодня как раз подходящее полнолуние. Ты же помнишь пророчество? «В ночь луны в месяц банме Аспикс станет Сераспиксом, когда прольется его жертвенная кровь». Предлагаешь еще год подождать?

— Ты глупее моих големов, — Ларс накрыл лицо ладонью правой руки. — Он нам полезней в виде быка. Где гарантия, что твой ритуал сработает? А так у нас будет живое воплощение бога. Это даст приток новых послушников и материал для экспериментов. Разве кто-то заставляет проводить церемонию сразу?

— Что бы вы тут ни задумали, но мне очень не хочется оставлять у вас Каввелю, если его кто-то собирается зарезать, — решила вмешаться в спор Могара.

Ящер и гном посмотрели на нее, как на ожившую статую.

— Ах, да, — хлопнул себя по лбу Ссашкиш. — Нам же нужна покорная Спутница. Карл, она уже съела лепешки?

Таураса почувствовала, как шерсть на спине и голове начинает становиться дыбом. Ей дали яд! От обиды рот непроизвольно раскрылся, а горло издало низкое, почти звериное рычание.

— Нет-нет, госпожа, — Карл не знал, куда девать глаза и руки от смущения. — Вы неправильно поняли. В них не было ничего опасного для вашего здоровья. Там всего лишь... одно снадобье для успокоения.

Могара вдруг почувствовала легкую тошноту и прижала руку ко рту. Мультфибл повернулся к ней лицом и незаметно для остальных подмигнул.

— Ты мне за это ответишь, — зарычала она и упала на пол, держась за живот. — Как больно!

Изо рта таурасы пошла пена.

— Хм, нетипичная реакция на мою слизь, — пробормотал ящер, спешно подходя ближе.

Он склонился над девушкой, но та перестала корчиться и молниеносно вцепилась левой рукой в шею жреца. В следующий момент уже Ссашкиш валялся на полу, а принцесса, сплевывая остатки пены, подмяла его под себя и держала нож у горла ящера. Выпученные глаза гада беспокойно забегали, ища способ спасения. Гребень на его чешуйчатой логове трусливо побледнел и обмяк.

Фон Триллер прочистил горло и заговорил вкрадчивым голосом.

— Оставь ты этого дурака, принцесса, — его тон был спокойным, но нахмуренные брови и чуть дрожащий голос выдавали бурю эмоций внутри. — Он еще пригодится мне живым. Ничего с Аспиксом не случится, слово даю. Поставлю здесь пару големов для охраны, чтобы чешуйчатого не пускать.

— Не пойдет, — упрямо заявила Могара. — Я поищу для Каввеля другое, более безопасное место.

— Ладно, тогда режь, — как-то чересчур легко согласился Ларс, делая знак големам.

Два голема, застывшие до того в трех футах от Могары, пришли в движение и одновременно шагнули к тауресе. Та от неожиданности сильно полоснула жреца по шее, из которой потоком хлынула необычная густая жидкость, в переменчивом факельном свете постоянно меняющаяся и играющая всеми цветами радуги. Големы тут же схватили брыкающуюся принцессу за плечи и оттащили от жреца. Ящер попытался зажать рану лапами, но радужная кровь продолжала стремительно покидать тело, заливая чешую и пол вокруг.

Фон Триллер отчего-то не спешил прийти умирающему на помощь и злорадно ухмылялся. Усмешка стремительно сползла с его губ, когда сзади в легкое ему воткнулось лезвие кортика: это позабытый всеми Карл прокрался вокруг стойла и бесшумно вынырнул из темноты. Натужно хрипя, гном завалился на пол и засучил ногами в предсмертной агонии. Удар был мастерским.

— Карл, а ты не слишком ловок для простого матроса? — спросила Могара, сиюсь вырваться их хватки големов: каменные болваны продолжали выполнять приказ и после смерти хозяина.

— Так ведь я и не простой, Ваше Высочество, — чопорно поклонился мультфибл, одновременно с этим нанося еще один удар фон Триллеру в грудь. — Лейтенант секретной службы Его Королевского Величества как-никак. Я к этим вражинам целый год подбирался, в доверие втирался, да все никак не удавалось усыпить их бдительность и одновременно собрать вместе без лишних свидетелей.

— Что за гадость ты мне дал? — сурово спросила Могара, на секунду даже перестав трепыхаться в крепких объятиях големов.

Гном пнул в бок тело Ларса, подошел к все еще истекающему кровью телу жреца, присел на корточки и принялся деловито вырезать что-то из шеи.

— Всего лишь немного толченого мыльного корня, — ответил он, продолжая орудовать кортиком. — Животик уже не должен болеть. Прошу меня извинить, но это был идеальный способ заставить их обоих отвлечься, а вы так удачно подыграли. Я в восхищении.

С этими словами Карл закончил потрошить жреца и сложил трофеи в холщовую сумку, извлеченную из кармана брюк. Затем он брезгливо вытер клинок о набедренную повязку ящера и поднялся.

— Хорошие железы, очень дорогие, — пояснил он свои действия.

— Освободи меня! — приказала Могара.

— Айн момент, Ваше Высочество, — произнес мультфибл, отправляясь к стойлу. — У меня осталось одно незавершенное дело.

— Я приказываю! — повысила голос принцесса.

Гном остановился и замер на месте, что-то обдумывая.

— Молю о прощении, Ваше Высочество, но у меня приказ короля об устранении особо опасного врага при первой возможности. Как вы понимаете, он имеет приоритет. Я им пренебречь просто не имею права.

— Не смей! — закричала тауроша в панике. — Я приказываю тебе остановиться!

Карл скорчил гримасу, как бы извиняясь, что воля короля для него важнее, и повернулся к стойлу, делая пробные взмахи кортиком. Могара задохнулась от такой наглости.

Бычок продолжал меланхолично пережевывать жвачку, не догадываясь о грозящей ему опасности. Со стороны головы у стойла прислужники возвели помост, чтобы легко дотягиваться до рогов, а жрец начертал некие символы, складывающиеся в магический круг. Получилось подобие алтаря. Лейтенант потер мясистый нос и одним прыжком забрался на самый верх.

— Ну что, Палач, вот и расплата твоя пришла, — сказал он, прицеливаясь кортиком в грудь Аспиксу.

— Я отдам тебе диадему, если ты остановишься! — сделала последнюю отчаянную попытку девушка.

Глаза гнома алчно загорелись, но только на мгновение. Он помотал головой.

— Простите, Ваше Высочество, — со вздохом сказал Карл и занес кортик.

Прицеливался он долго, и Могара закрыла глаза, не в силах смотреть на то, что должно последовать за этим.

— Ваше Высочество, — раздался голос гнома, заставивший ее приоткрыть веки. — А вы случайно не знаете, где у священных животных та самая важная вена? Ну, чтоб не мучился долго, а то мне как-то не приходилось до сих пор...

Могара заскрежетала зубами достаточно громко, чтобы мультфибл поежился и отвернулся.

— Ну и ладно, — философски заметил он. — Кто говорил, что героем быть легко? Придется рискнуть.

Он занес руку с кортиком для удара, но именно в этот момент Аспикс снова стал Каввелем. Превращение произошло почти мгновенно, но недостаточно быстро. Бык начал стремительно уменьшаться в размерах, и лезвие вспорол вместо шеи щеку и дальше задело только воздух.

Каввель, не вполне ожидавший такого поворота событий, взревел и в ярости бросился на обидчика. Могара заворожённо смотрела, как полностью обнаженный красавец одним прыжком перемахнул через ограду стойла. Почти черная густая кровь из его разорванной щеки щедро оросила импровизированный алтарь и залила пару свечей. При этом ничего сверхъестественного не произошло.

Лейтенант успел еще раз взмахнуть кортиком, но для него от этого ничего не поменялось. Окровавленный минотавр с необычно почерневшими глазами остановился, тяжело дыша, и помотал головой, стряхивая накатывающие волны ярости. Наконец он увидел Могару и распростерты на полу тела.

— Ты зачем меня сюда притащила? — строго спросил он.

— Это была идея де Десы, — поморщилась девушка. — Оказалось, твои почитатели не прочь тебя зарезать.

— Понятно, — фыркнул ноздрями воин. — Если бы не полнолуние и воля Торгарона... Предусмотрительный он, будто знал наперед, что мне лучше оборачиваться по ночам.

Она почти не удивилась превращению своего избранника, ведь де Деса рассказывал, что Каввель нашел какой-то способ обойти проклятие. И все же искренняя радость переполняла ее: значит, не все еще потеряно.

— Вытащи меня отсюда, — жалобно попросила Могара. — Надо возвращаться на корабль, пока на шум остальные жрецы не сбежались. Думаю, их тут еще много.

Каввель подошел к ней, а таураса старательно отводила глаза от его наготы, но боковое зрение все равно выхватывало самые откровенные виды. Голый мускулистый торс, волосатые ноги и не только... И золотая корона между рогов, не слетевшая даже после прыжка и последовавшей за ним короткой схватки.

Минотавр, кричтя от натуги, просто выломал каменные руки големов. На удивление, никакого сопротивления они оказывать не стали. Освобожденная Могара сразу полезла в сумку.

— Возьми-ка прикройся, — скомандовала она, протягивая ему на всякий случай взятые с собой штаны покойного капитана буриги и жалея, что не догадалась взять хотя бы рубашку. — А я сейчас найду, чем заштопать рану.

— Какую рану? — удивился Каввель, ощупывая себя.

Нашарив корону, он попытался сорвать ее с головы, но не тут-то было. Она будто выросла в череп.

— О, ухо отросло! — обрадовался тауросу.

Могара оторвала взгляд от сумки и подняла глаза на минотавра. Его тело по-прежнему было забрызгано почти черной в факельном и свечном свете кровью, но на коже не виднелось ни царапины.

— Интересно, — пробормотала девушка.

— Отчаливаем, — забеспокоился воин, второпях натягивая брюки, с трудом попадая копытом в отверстие штанины. Он вдруг вспомнил, что послабление, дарованное ему, работает только три ночи в месяц от восхода луны и до рассвета, а значит, времени до превращения в быка осталось не так уж и много.

— Пошли, — поддержала его таураса. — Как будем выбираться? Их там много, и я сомневаюсь, что нас просто так выпустят.

— У меня есть план, — прищурил глаза Каввель в предвкушении.

Идея пришла в голову внезапно, а подробностями для успеха Могара сейчас с ним поделится.

Напоследок таураса бросила полный грусти взгляд на растоптанное копытами тело лейтенанта: такая преданность заслуживала уважения.

«Каждый готов творить зло, когда точно уверен, что за этим не последует наказания».

— *Хуан де Деса, великий инквизитор*

Море дышало теплом. Соленые волны словно напитались за день солнечными лучами, и теперь в сумерках щедро делились запасенным зноем с остывающей сушей и букашками-кораблями, снующими туда-сюда по водной глади.

— Судно на якоре справа по борту! — крикнул матрос в вороньем гнезде. — Бурига, флаг спущен.

Рыдло метнулся к правому борту, на ходу радостно вытаскивая приближающую трубку из кармана. Одинокая бурига без минотавров на борту — легкая добыча. Если сейчас зажать в бухте со стороны моря, то никуда даже рыпнуться не успеет.

— Э, — он запоздало вспомнил, что у него и рейс необычный, и пассажиры могут не одобрить внезапный абордаж.

К тому же абордажная команда не слишком укомплектована, да и атака корабля в эльфийских водах может потом обернуться неприятностями. А ну как свидетели на берегу найдутся?

Вахтенный на буриге тоже заметил приближающийся окирош и забил тревогу. На палубе засуетились вооруженные мультфиблы, спешно заряжая баллисты и взводя арбалеты.

— Фаруконский, — раздосадовано плюнул в воду шкипер, рассмотрев характерные орнаменты с соколами на борту.

Однозначно нападать нельзя: мирный договор, чтоб его. Будь бурига человеческой, можно было бы и рискнуть, а так добыча не стоит снарядов камнемета. А вот подойти поближе и поиздеваться — в этом удовольствии себе Рыдло отказывать не собирался.

Раздав нужные команды, он взял в руки рупор и приготовился вступить в словесную дуэль с вражеским командиром. Когда окирош подошел на расстояние выстрела камнемета, шкипер скомандовал полный стоп.

— Эй, на буриге! — крикнул он в рупор. — Где капитана с помощником потеряли, оборванцы?

— Там же, где ты своих, недоумок расфуфыренный! — немедленно отозвались со второго судна.

Стало быть, красные шаровары и треуголка с пером, все еще вызывают зависть. Приятно, черт побери.

— Наш капитан проклят богами, а ваш, небось, рыб кормит! — не остался в долгу Рыдло.

На буриге наступило затишье, как будто настолько обиделись, что начали готовиться к сражению. Но нет, после небольшого замешательства рупор взял человек, невесть откуда появившийся на палубе фаруконской посудыны.

— Говорит великий инквизитор Хуан де Деса. Каввель Исс-Брестон был с нами еще вчера, но мы его отправили на сушу, — сообщил он на всеобщем.

— Врешь! — не веря своим ушам, обрадовался шкипер.

— Клянусь Храмом Творения! — подтвердили с буриги. — Спускайте шлюпку. Разговор есть.

Шлюпка с компаньонами подплыла к буриге. Достаточно близко, чтобы не нужно было орать в рупор, но все же остановилась на некотором отдалении. Мультиблы с Мираса не слишком доверяли собратом из Фарукона.

После короткого знакомства Хуан быстро ввел невероятно странную, по его мнению, компанию в курс дела. Он лишь поцокал языком, узнав, что имеет дело со спутниками проклятого капитана, но не выказал удивления составу группы. Гоблину все это показалось подозрительным.

— Что скажете? — спросил он у остальных.

— Не нравится он мне, — потирая челюсть пробормотал Агрх.

Орку категорически не понравился этот странный тип с жутковатой шрамированной рожей. Он напоминал о времени, проведенном среди людей.

— Мне тоже, — сказала Рати. — Такое чувство, что он хочет загнать нас в ловушку. Надо его взять с собой на всякий случай. Так мы хотя бы успеем его зарезать, если что.

Адинук молча показал большой палец. Гарб неодобрительно посмотрел на обоих, но возражать не стал и повернулся к буриге.

— Я бы хотел, чтобы вы отправились с нами... — Гарб только открыл рот, а Де Деса сразу протестующе мотнул головой.

— Я не настолько стремлюсь к смерти, — сухо отрезал храмовник, перебивая гоблина.

Он затравленным зверем смотрел исподлобья. Адинук представил вместо человека ошестившегося иглами ежа и улыбнулся: образ очень подходил ситуации.

— Но нам может понадобиться ваша помощь, — принялся настаивать Гарб.

— Я сказал нет, — де Деса был сама непреклонность.

— Пожалуйста, — гоблин сделал попытку надавить на жалость, даже не подозревая, что инквизитору это чувство практически незнакомо.

Человек нахмурился и посмотрел на гоблина, как на умалишенного.

— Вы, наверное, плохо понимаете всеобщий, — сказал де Деса. — Попробую объяснить еще раз. Еретики могут меня узнать. Если это произойдет, меня спасет только вмешательство Део, а я очень сомневаюсь, что Вседержитель проявит заботу о таком ничтожном существе, как я.

— Гарб, покажи ему свою силу, — хапуга наклонилась к гоблину и горячо зашептала ему в оттопыренное ухо. — Храмовники понимают только ее.

Шаман пожал плечами и наколдовал огненный шар. Яркое пламя с ревом полетело в сторону буриги и с громким шипением исчезло в набежавшей волне, обдав инквизитора облаком обжигающего пара. Человек испуганно отпрянул от борта, выставив руки перед собой, пытаясь защититься.

— Я потоплю корабль с вами и экипажем, — гоблин скорчил страшную рожу, и это подействовало.

Гномы на борту буриги намек поняли. Завязалась короткая схватка, после которой де Десу запихнули в шлюпку и быстро спустили ее на воду с наказом проваливать на все четыре стороны.

— Проклятые колдуны, — выругался Хуан, взялся за весла и направил шлюпку к берегу.

Компаньоны последовали за ним. Когда все ощутили под ногами твердую почву, инквизитор уже стоял, скрестив руки на груди. Гарб вопросительно посмотрел на него. Человек еще с минуту шевелил губами в поисках подходящего ругательства, а затем просто

кивнул, стиснув зубы, от чего желваки заходили на скулах.

— Из двух зол... — процедил он. — Что ж, придется идти с вами, но помимо защиты вы будете должны мне услугу по моему выбору.

— Принимаю ваши условия, — согласился гоблин.

Вскоре компаньоны вместе с де Десой уже направлялись в сторону убежища еретиков. За время спора на Лумее успели стуситься сумерки. Луна еще не выглянула из-за верхушек деревьев, и шаману пришлось наколдовать шар света и поместить его на верхушку посоха, чтобы освещать путь. Гоблин шел, как и всегда, с трудом переставляя ноющие ноги, и Рати начала беспокоиться: дойдет ли. Ловец духов упорно продвигался вперед, словно черпая для этого силы где-то извне, хоть и со кислым выражением на морде.

Де Деса пробовал было ворчать, но, увидев, как гоблин стоически переносит мучения, впечатлился силой его духа и замолчал. Так все и двигались вперед в молчании, обходя глубокие ямы, для чего-то вырытые прямо посреди дороги.

— Старайтесь не шуметь, — предупредил остальных еще на берегу инквизитор. — Эта область пользуется определенной автономией, но эльфийские патрули сюда все равно забредают. Одинокого путника они не тронут, а вот отряд вроде нашего могут и наспиговать стрелами издалека.

Орк улыбнулся. Он вспомнил дорогу к Льонасу и аналогичные опасения, возникшие у компаньонов в тот раз. В отличие от Льонасской академии здесь никакая магия не заставляла путников сбиваться с пути, и поселение культистов все приближалось. По крайней мере, на этом настаивал храмовник.

— Мне доводилось участвовать в осаде этого места, — пояснил он, указывая дорогу.

Посох гоблина давал достаточно света, чтобы хорошо видеть тропу, но слишком слабо освещал лес вокруг. В результате казалось, что неведомые опасности подстерегают путников за каждым деревом, и все невольно вжимали головы в плечи и ускоряли шаг, если в чаще начинала ухать сова или издавал протяжную трель козодой. Деревья жались все плотнее друг к другу, и вскоре стало очевидно, что при всем желании заплутать здесь не получится, а вот попасть в ловушку легче легкого. В какой-то момент оказалось, что свернуть с тропы просто невозможно — настолько непролазной теперь была чаща.

— Ну вот, — подобрался де Деса при виде сплошной стены толстых дубов, открывшейся вдалеке за очередным поворотом извилистой тропы. — Дальше я точно не пойду.

Открытое пространство перед воротами, залитое серебристым лунным светом, хорошо просматривалось из-за стены. Наверняка, оно также хорошо простреливалось, поэтому лезть туда без разведки дураков не нашлось. За стеной потрескивал поленьями большой костер. Его красные отблески плясали на макушках деревьев ограды, а искры улетали далеко в полночные глубины небесного свода и там скоростно таяли.

Компаньоны затаились и заняли наблюдательную позицию, присев на корточки за большим мшистым камнем. Часовых не было видно, но это могло ничего и не значить. Тем временем из-за забора ветер принес странные звуки.

— Мне кажется, или я слышу его голос и еще чей-то женский? — спросил Адинук, старательно напрягая свой острый слух, чтобы ничего не упустить.

В ночи шумы слышны на больших расстояниях, но даже у эльфийских ушей есть предел чувствительности.

На самом деле оттуда доносился глухой гомон. Обычно такой создается многоголосьем толпы, но к нему примешивались еще два голоса, перекрывающие громкостью все остальные

звуки.

Компаньоны согласились, что яростный рев, как раз раздавшийся в этот момент, точно принадлежит Каввелю — им приходилось слышать его и раньше. Правда, пират им чаще пользовался в бою, а там сражением и не пахло, скорее наоборот.

— Расступитесь! — воззвал довольно низкий женский голос с приятными бархатистыми нотками, по которым храмовник без труда опознал Могару.

— На колени перед аватаром Сераспикса и его спутницей, мальки кальмарьи! — взревел минотавр настолько убедительно, что даже стоящий позади всех де Деса засомневался, не стоит ли на всякий случай подчиниться.

— Славься! — хор на этот раз звучал куда стройнее. — Благослови и прими отверженных в царство твое!

— Благословляю вас, дети мои, — Каввель хорошо вошел в роль и, как будто, сменил гнев на милость.

Де Деса нахмурился. Дело принимает скверный оборот, ведь, по его задумке, пират наоборот должен был разубедить всех в собственной божественности и вернуть еретиков в лоно тех церквей и культов, из которых они столь преступно сбежали.

— Молитесь усердно, и будете вознаграждены! — не унимался минотавр. — И откройте уже эти чертовы ворота! Нам со спутницей нужно прогуляться. Да не надо мне вашу охрану, я сам кого хочешь затопчу!

Хитросплетение ветвей тут же разошлось в стороны, образовав широкий проем, куда могла проехать телега. Спиной к нему стоял одетый в одни только штаны Каввель с чем-то блестящим на голове и неизвестная компаньонам женщина из его народа, а перед ними на фоне огромного костра на коленях стояло не меньше тысячи фанатиков мужского пола и все с оружием. Больше всего было гномов и людей, среди которых затесались немногочисленные представители других народов.

Орк присвистнул. Негромко, но это все равно привлекло внимание пары десятков дворфов из числа фанатиков. Для них оказался важен сам звук, а не его громкость. Шепелявые не столько слышали, сколько бородами почувствовали оскорбительные для себя вибрации в воздухе. Неважно, что именно боги бородатого народа ненавидят свист, а вера отступников теперь целиком отдана Сераспиксу. Старые привычки просто так не отпускали. Поэтому все бородачи вскочили с колен и начали протискиваться сквозь толпу, намереваясь найти виновника и немедленно покарать во имя подгорных богов.

— Тебе потом объяснить, почему не стоит свистеть в присутствии бородатых братьев? — шепотом спросил Адинук, быстро скидывая с плеча лютню.

— А то я не знаю! — шепотом огрызнулся Агрх, злясь на себя, что выдал расположение группы.

— Тогда я за тебя просто отомщу, — вкрадчивым шепотом пообещала Рати и с ехидной ухмылкой спросила. — Можно я твои мечи потом заберу?

Орк только негромко зарычал в ответ.

Де Деса хмуро улыбнулся, обнажая оружие. Часть паствы уже спасена, пускай и таким необычным способом. Теперь после смерти им уготован самоцветный рай, ведь они, сами того не понимая, выполнили волю своих создателей, презрев новую веру.

Как оказалось, свист привлек не только этих дворфов. Где-то в глубине лесной чащи позади раздался лязг металла, и вскоре из леса вышел отряд таких же бородачей в латной броне и с боевыми топорами и арбалетами. Около сотни крепко сбитых воинов решительно

направлялись в сторону цитадели еретиков. На суровых лицах плясали красные отблески от факелов, которыми карлики освещали себе дорогу.

Все вскочили. Рати машинально потянулась к почти бесполезной против доспехов шпаге. Агрх зарычал и выхватил мечи, не зная, на какую из угроз лучше обратить внимание. Гарб перехватил посох поудобнее и нежно погладил его поверхность.

— Нам конец, — спокойно произнес де Деса и зашептал молитву.

— Это было славное путешествие, — пробормотал орк. — Жалко закончилось быстро.

— Успокойтесь, — криво усмехнулся гоблин, и его желтые глаза сузились в вертикальные щелочки. — Зрение у меня не самое лучшее, но я даже отсюда вижу в толпе острые уши, а это вызывает во мне необычайно мощный прилив Дэ. К тому же здесь хватит огня, чтобы все живое в этом лесу молило меня о пощаде. И все-таки я бы хотел попробовать сначала поговорить.

Тем временем Каввель со своей спутницей бросился в их сторону, опередив неповоротливых дворфов. Оба минотавра галопом помчались по тропе, пронесли мимо камня и уперлись в бронированный строй других бородачей, как раз вышедший на поляну и начавший рассредоточение.

— Тешуо, приятель! Давно не виделишь! — обрадовался Шеанорд, идущий впереди отряда и настороженно замерший при виде пары тауросу. — Клянущь бородой Хьялти, вот это подарок! Топорик профунькал, зато шишку шохранил. Я наштолько рад, што даже потшги готов тебя отпустить.

Дворфы перегородили тропу так, что их даже перепрыгнуть бы не получилось, и Каввель немного расстроился. На него и Могару смотрело больше десятка взведенных арбалетов, и это огорчало еще больше.

— Шли бы вы... домой, — наклонил рогатую голову тауросу, поморщившись от мощного перегара, исходящего целой сотней бородачей. — Там сзади осталось много моих почитателей. Они нас сейчас догонят, и, если со мной или Могарой что случится, ребята крепко расстроятся.

— Я готов проверить, рогатая погань, — опуская забрало шлема, ответил дворф, подчеркивая окончание переговоров.

В этот момент Гарб решил, что пора вмешаться и сделал шаг из-за камня на тропу, но его опередил троу. Эльф бросился навстречу Шеанорду с радостным улюлюканьем.

— Братер беаг! Иш э мише а танн Адинук! Ша до вхойшаг аир фаш шо бреага![1] — заорал он на гаэдском — шепелявом наречии дворфов.

Каввель отскочил в сторону как ошпаренный, прикрывая своей широкой голой грудью Могару.

Бард стрелой пронесся мимо недоумевающего минотавра и бросился на шею дворфу, так и замершему с поднятой секирой. Застыл и отряд Сумеречных топоров, а затем... передний ряд крепких бочкоподобных воинов бросился обнимать эльфа с радостными криками. Они хлопали барда по спине, как старого знакомого, а тот что-то шепелявил на гаэдском, указывая на себя, Каввеля и остальных приближающихся компаньонов.

— Друзья, знатшит? — недоверчиво переспросил предводитель клана, потирая нос широкой ладонью. — Ештть проблемка, большой брат. Рогатая девтшонка нам нужна, а этот твой друг порешил нешkoľких наших. А еще мы шльшали, што кто-то здесь издавал богохульные звуки...

— Простите, что прерываю, — вступил в разговор доковылявший до них Гарб. — Эти

тоже из ваших?

Гоблин указал лапой на спешно приближающийся со стороны форта отряд дворфов. В распахнутые ворота хлынули и остальные фанатики, следуя за воплощением бога. Сераспикс хоть и не приказывал, но часть свиты зачем-то побежала за ним. По толпе пронесся слух, что всех верующих уже ведут в обещанный рай, и отставать никто не собирался. Каввель радостно поприветствовал друга взмахом руки, стараясь не упускать из виду дворфов. Толпа культистов увидела этот жест, приняла его за призыв и направилась в сторону минотавра.

— Отшгупники, — пренебрежительно заметил Шеанорд, подергав себя за русую бороду. — Поклоняютша одному таурошу, который... Штоп, это тебе што-ли?

Глаза дворфа полезли из орбит.

— Я изумлен до извинений, — выдавил из себя бородач, бледнея. — Ты разве не Тешуо?

— Каввель Исс-Брестон, — мрачно представился пират. — Проклятый. Тот самый.

Дворф посмотрел на Могару, и та робким кивком подтвердила. То же самое сделал и Адинук, после чего Шеанорду стало дурно: такое в его планы точно не входило. Погоня за минотаврами привела клан к эльфийским границам. Будь что будет — решили сообща — ведь это особый случай. Вот и вторглись на свою бороду. Захватить пленников и быстро скрыться — это одно, а воевать с целым кланом еретиков — совсем другое.

Между тем бородатые культисты, тяжело дыша, добрались до точки общего сбора и резко затормозили, увидев скопление собратьев и не только. От них вперед выдвинулся крупный мордатый детина, половину лица которого скрывала всклокоченная черная бородаща лопатой.

— Повелитель Шерашпикш, — обратился он к Каввелю, исподлобья глядя на стоящих напротив собратьев, — тут такое дело... кое-кто ошкорбил наши религиозные тшущтва, и мы прошим дозволения найти и покарать негодяя.

— Свистели? — понятливо спросил минотавр и добавил с иронией. — Так вы бы определились для начала, кому поклоняетесь: мне или старым богам. Я-то против свиста ничего не имею.

Тауросу начала нравиться абсолютная покорность верующих, не смеющих ни перечить, ни даже ставить его слова под сомнение. Не то что сварливые гномы из экипажа. Он специально поставил дворфов перед неудобным выбором, чтобы проверить их реакцию. Де Деса же мрачнел с каждым словом, уже жалея, что вообще ввязался в эту авантюру.

— Ша, шо-дунад му деиред![2] — вдруг поддержал Каввеля Шеанорд.

Еретики понурили головы. Им очень хотелось наказать святотатца, но и в обещанный рай им тоже очень хотелось. Внутренняя борьба продолжалась недолго. Трое из них отделились от остальных культистов и заняли место в рядах клана топора. Остальные не стали удерживать товарищей, но встали между ними и Каввелем, отгораживая своего кумира от возможной опасности. Чернобородый даже попробовал издать подобие свиста. У него ничего не получилось, но сам факт привел Шеанорда и его соклановцев в неопишваемую ярость.

Тем временем подоспели и остальные сектанты. Они остановились позади возвышающейся над всеми фигуры Каввеля, не зная, что делать дальше. С собой они принесли много факелов, так что стало светлее. Компаньоны оказались зажаты между двух враждебно настроенных групп на узком пространстве тропы. С двух других сторон чернела непролазная чащоба, нырять в которую не особо-то и хотелось. Рати вцепилась в лапу Гарба, а сам гоблин в посох. Агрх и де Деса, не сговариваясь, встали спиной друг к другу.

— Друзья! Не надо ссориться! — высокий голос Адинука, прорезал воздух. — Я сейчас взову к Хьялти, и мы все выясним на месте, как подобает разумным существам.

По всей видимости, темнокожий бард пользовался определенным авторитетом среди дворфов. Шеанорд, уже готовый броситься в бой не только против отступников своего народа и минотавров, но и против превосходящих сил культистов, легким кивком показал, что согласен с предложением.

— О златобородый повелитель подземных туннелей, проложенных под райскими кущами, услышь зов твоего недостойного почитателя! — бухнулся на колени эльф, заставив толпу еретиков ахнуть от того, что темный эльф обращается к богу другого народа, да еще так, будто каждый день это делает. — Открой своим вечно пьяным детям истину, о повелитель страны самоцветов, допустимо ли издавать богомерзкий и богохульный свист в минуту крайнего удивления, если издающий не желает обидеть ни тебя, ни твоих детей!

Прошла целая минута. Троу продолжал стоять на коленях, уперев обе руки и лоб в землю. Замершие в благоговейном ступоре еретики начали потихоньку шевелиться и издавать смешки, видя отсутствие результата. Все дворфы наоборот застыли, поглядывая на спину эльфа и иногда по сторонам, ожидая знамения.

— ДОЗВОЛЕНО! — грянуло откуда-то из-под земли с такой силой, что почва зашаталась у всех под ногами и местами пошла трещинами, а уши у большинства присутствующих заложило.

— Будут еще вопросы? — деловито поинтересовался Адинук, поднимаясь с колен.

Бородачи замотали головами, не решаясь спорить с высшими силами.

— Я люблю тебя в анфаш крупным планом, большой брат! — воскликнул Шеанорд и полез обниматься к троу. — Теперь не придетша брошатша ш топором на каждого дуралея. Тшего ты раньше не шпрошил у него? И што дальше? Бороды брить тоже можно?

Агрх посмотрел на эльфа безумным взглядом. До сей поры орк был свято уверен, что рассказы барда про благоволение к нему бога дворфов — это просто выдумки полоумного троу. А тот стоял себе, мило улыбаясь, как будто ничего сверхъестественного не произошло. Рати тоже взглянула на эльфа по-новому. Этот парень умело притворяется простачком, но на деле совсем не такой.

[1] Маленький братец! Это я Адинук! Твоя борода выросла такой красивой! (дворф)

[2] Да, определитесь уже наконец! (дворф.)

«Жизнь подобна свече. Ее всегда можно задуть, но лучше пусть догорит сама».
- Хуан де Деса, великий инквизитор

Первое потрясение прошло.

— Со свистом разобрались, — подбодрил Шеанорда бард. — Теперь давай определимся с Каввелем и его прелестной спутницей.

— Да, пока светать не начало, — нахмурился минотавр. — Проклятье ждать не будет.

Он по-прежнему стоял вместе с Могарой, окруженный фанатиками, и предводитель дворфов уже не так горел желанием вступить в схватку, как раньше.

— Шмерть наших братьев прощити шложно, — произнес Шеанорд и поджал губы, скосив глаза на эльфа. — Ш другой штороны, у него было право на защиту, как наштаивает Адинук. Будем штшитать, што мы квиты. Обещаем больше не нападать, ешли вы пойдете ш нами.

Борода и шлем из вороненого адаманта не позволяли рассмотреть мимику дворфа в деталях, но даже видимой части хватало, чтобы понять всю тяжесть принятого им решения. Вряд ли Шеанорд отказался от мести без веской причины. Минотавр оценил. На его памяти эти бородачи, как и его рогатые собратья, клятв не нарушали. От друзей, тем не менее, Каввель уходить никуда не собирался. Могара, между тем, издала нервный смешок.

— Вы убили мою охрану, — обвиняюще тыкнув пальцем в Шеанорда, сказала она. — Зачем вы вообще напали на нас?

Дворф еще раз посмотрел на барда, тяжело вздохнул и твердо решил поделиться правдой.

— Гошпожа, — покаянно опустил голову Шеанорд. — Этот рашказ лутше не шлушать с пуштым брюхом и перешохшим горлом. Лагорд, Тройнорд! Тащите шуда беату.

Из задних рядов к ним протолкались два очень упитанных воина, Один нес самую настоящую дубовую бочку, удерживая ее на спине с помощью широких кожаных ремней. Судя по плеску внутри, из емкости уже успели порядочно отхлебнуть. Дворф бережно сгрузил ценную ношу на землю, а второй снял со спины мешок и начал извлекать из него пивные кружки, выточенные из какого-то прозрачного камня.

— Традиция, — пояснил Адинук, важно поднимая указательный палец вверх. — Трезвыми, как рыбы, важные переговоры вести нельзя. Каждый должен выпить кружку мира, и тогда между выпившими уже не будет былой вражды, а понимания, наоборот, прибавится.

Эльф первым потянулся к раздаче, подавая пример остальным компаньонам. Дворфы из окружения Каввеля только сглотнули слюну, но свой пост не оставили. Напитки ему и Могаре они передали по цепочке.

Гарб тоже сделал глоток. Напиток сперва продрал горло огненной крепостью и обжог пищевод, опускаясь ниже уже приятным теплом. Со второго глотка началось наслаждение. Вкус с трудом поддавался описанию и лишь отдаленно походил на простое человеческое пиво или гномий эль, оставляя во рту терпкое послевкусие смеси свежего ароматного хлеба, дубовой коры, спелого винограда и чего-то еще смутно знакомого. Гоблину он напомнил нечто давно забытое, будто родом из детства. Было очень вкусно и жалко, что так быстро закончилось. Беата прекрасно утолила не только жажду, но и голод.

Вскоре кружки опустели. Компаньоны ощутили одновременно и легкий шум в голове, и необычайный прилив сил вкупе с ясностью сознания. Погрузившись в мысли о том, что же ему этот вкус напоминает, шаман едва не упустил начало повествования.

— ... Конфедерация, чтоб ее, — потешно сморщил бородатую физиономию Шеанорд. — Тогда все и началось.

Компаньоны вдруг поняли, что акцент у рассказчика куда-то пропал. Фанатикам беаты не предложили, и они разочарованно зашушукались: дворф заговорил настолько шепеляво, что ни слова стало не разобрать. Даже его сородичи перестали понимать, но они как раз удивляться не стали, прекрасно зная о необычных свойствах чудесного янтарного напитка.

Шлем Шеанорд снял и стоял в одном капюшоне поддоспешника, как бы показывая, насколько доверяет присутствующим.

— Когда наступил мир, мы радовались, что наконец-то можно будет перестать воевать и полностью отдаться ремеслам и искусствам, — продолжил он. — Вряд ли большой брат рассказывал вам о наших традициях, но вообще-то мы очень мирный народ. Разве что иногда любим кулаками помахать после кружечки крепкого.

— Только головы режете всем подряд, — сквозь зубы процедила Могара.

— Это вынужденная мера, — Шеанорд ее услышал и правильно понял. — Ваши спутники все равно были обречены, а мы избавили их от участи хуже смерти. Вы-то, небось, думаете, что мы поступили подло и бесчестно, а так они не поднялись в виде нежити.

— Не согласен. Они были вполне живы и почти здоровы, — холодно возразил де Деса.

Инквизитор спрятал меч в ножны и стоял, скрестив руки на груди. Его лицо на секунду напомнило застывшую маску презрения, но потом сменилось обычной бесстрастностью. За долгие годы храмовнику случалось встречаться и с более нелепыми заблуждениями.

— Твоя башка полна камней, человек. Ты бы сам оставил живых свидетелей? — предводитель топоров посмотрел на храмовника исподлобья. — Не в плен же их брать было! Это война, так что мы им еще и честь оказали.

— Так зачем вы напали? Мы же были союзниками! — почти зарычала Могара. — Можно же было договориться?

Дворф почесал шею под плотной тканью поддоспешника.

— Тут такое дело, — помялся он. — Я расскажу. Незадолго до появления Конфедерации на наши земли началось нашествие нежити. Сначала мы просто сносили мертвецам головы, но их стало приходиться все больше, да и кости у них стали ощутимо крепче, почти каменными стали. Их даже перестали брать наши топоры, и пришлось взяться за молоты! В какой-то момент мы перекопали все кладбища инородцев в округе и отпилили всем покойникам головы, но это не помогло. Когда-то в округе бушевала война, и слишком много непогребенных солдат осталось гнить на полях сражений. Потом наших сил стало не хватать, и по ночам даже пришлось заваливать входы в пещеры.

— За помощью обращались? — спросил Каввель.

— А как же! — сжал кулаки дворф. — Ко всем соседям гонцов послали, но как раз в то время Брестон гонял вот этих вот отступников по всему морю, а остальные в страхе дрожали в замках и не смели высовывать наружу свой трусливый нос. Мы даже золото предлагали! Много золота, но никто не откликнулся. Король Фарукона — союзничек оловянный — тоже отказал в помощи и еще обозвал нас жалкими и ленивыми бородатыми попрошайками. Крепко тогда наши ребята обиделись.

— Не может того быть! — ахнула Могара.

— Может, — с кривой усмешкой сказал Шеанорд. — Письмо мы сжигать не стали. Оно со всеми гербовыми печатями и подписью до сих пор лежит на видном месте в зале собраний клана как напоминание, что верить можно только своим и то с опаской. Жрецы приносили богатые дары и возносили молитвы, но в ответ боги только присылали указания на новые месторождения в недрах. Приятно, конечно, но против нежити вообще бесполезно. Вот тогда и случился раскол в клане. Наши родные уходили со всем добром и семьями, чтобы найти свою гибель в этом несчастном культе. И уже потом явился он — в сияющих доспехах, с мечом — и предложил решить нашу проблему в обмен на пару услуг.

Напрашивающийся вопрос ни у кого не успел слететь с языка, потому что дворф поспешил на него ответить.

— Нет, мы ни разу не видели его лица под шлемом и не слышали его имени. Мы знаем только, что он человек и довольно молодой по голосу. Говорил еще так чудно, как в старину сказывали. Сказал, что борьба с нечистью — его работа, и взамен за услугу взял с нас клятву, что мы не откажем в трех его просьбах, какими бы они ни были. Поймите, мы в тот момент были готовы согласиться на что угодно. И он помог. Видели бы вы, как его меч косил толпы мертвечины! Настоящая бойня. Никогда бы не поверил, если бы не видел все сам. Вся нежить просто рассыпалась в прах от одного прикосновения.

Дворф оживился, а его поросычьи глазки мечтательно заблестели, когда картина битвы всплыла в памяти.

— Стенгу мне в ухо! Он что, потребовал заманить соколов в ловушку, а посла взять живьем? — вдруг догадался Каввель, и вовремя перехватил за руки Могару, которая пришла к тому же выводу, наклонила рогатую голову, мощно топнула копытом и уже сделала шаг по направлению к обидчику.

— Да, но не сразу, — Шеанорд задумчиво почесал щеку, не обращая внимания на борьбу двух тауросу. — Это была его вторая просьба. Сперва он попросил начать переговоры о создании Конфедерации. Удивительно, но все вдруг так охотно согласились, что мы даже обрадовались. И действительно, наступил долгожданный мир. Золото потекло рекой, всем вокруг вдруг очень понадобились наши оружие, доспехи и украшения с самоцветами. Клан с тех пор не знал отдыха: кто не работал в шахтах, трудился в кузнях и ювелирных мастерских. Мы там даже ночевать начали. Потом снова явился он и потребовал вторую часть платы. Сумеречные топоры держат свое слово, поэтому я нижайше прошу следовать за нами. Мы никого в обиду не дадим, но мы должны привести нашему благодетелю посла Фарукона.

— И вы даже не узнали, зачем ему это нужно? — спросил минотавр, борясь с яростно брыкающейся Могарой.

Дворф виновато пожал плечами и отрицательно покачал головой.

Каввель оказался намного сильнее, и дочь Му-Кирина вскоре перестала вырываться и сдалась. Лишь раздувающиеся ноздри выдавали бурлящий в ней гнев. Истинная леди, какой ее пытались воспитывать дома, должна была бы просто разрыдаться или бухнуться в притворный обморок, но Могара себя такой никогда не считала.

Поскольку рот ей никто не затыкал, дворф услышал много новых подробностей о жизни его клана в общем и некоторых нюансах и способах размножения дворфов без участия женского пола, в частности. Шеанорд терпеливо ждал, пока запас ругательств принцессы истощится, а Рати уважительно внимала столь выдающемуся образчику ораторского искусства. Особенно ее впечатлил пассаж, в котором описывалось весьма нетрадиционное применение бород.

— Вас очевидно использовали, — взял слово Гарб, пока тауросу набирала воздуха в грудь для очередной тирады. — В случае с похищением, скорее всего, чтобы втянуть минотавров в какой-то пока неочевидный для меня конфликт. Возможно, даже с вами.

Гоблин как раз вышел из состояния счетной машины. Сопоставив все факты, ему удалось прийти к довольно очевидному выводу, что слишком уж много совпадений в этой странной истории.

— Наверное, — не стал спорить дворф. — Только это ничего не меняет.

— Это меняет многое, — нахмурился шаман. — Во-первых, я тоже никому не дам своих друзей в обиду, и поверьте, у меня для этого есть все возможности. Во-вторых, я, кажется, знаю, кто именно устроил вам заваруху с нежитью. Похоже на него?

Последний вопрос он задал Рати, и обладательница янтарных глаз многозначительно кивнула.

— Разве что с доспехами и мечом — это какой-то новый трюк, — добавила она, сморщив курносый носик. — Он обычно пользуется только магией. Непонятно еще, на кой ляд ему понадобилась вся эта возня с Конфедерацией. Надо бы отцу рассказать.

— О ком это вы? — подозрительно покосился на обоих гоблинов де Деса.

— Сандро, — хором ответили те, ничуть не прояснив ситуацию для человека.

Зато остальные компаньоны за исключением Могары все прекрасно поняли, а Агрх стиснул мечи что было сил и заскрежетал зубами, вспомнив об убийце сына.

Действие беаты вскоре выветрилось, и Каввель приказал культистам вернуться в форт. Они, конечно, могли бы стать неплохим подспорьем в борьбе против топоров, если бы те вдруг решили напасть, но минотавру очень не хотелось выяснять, как почитатели отреагируют на его превращение обратно в быка с первыми лучами солнца.

— Идите обратно и подготовьте все для моего триумфального возвращения! — взревел тауросу.

Все верующие подчинились без возражений, и только горстка дворфов во главе с чернобородым наотрез отказалась покидать повелителя. Минотавру даже понравилось такое чувство долга, и он согласился на их присутствие.

«В целом — отличные ребята», — подумал он. — «И чего мы с ними раньше не дружили?»

Дворфы бросали хмурые подозрительные взгляды на своих бородатых сородичей, как бы говоря, только попробуйте покуситься на нашего бога. Топоры в свою очередь дружелюбия по отношению к Каввелю и Могаре тоже не выказывали. Впрочем, Адинук одной своей беззаботно-безумной улыбкой удерживал обе стороны от открытого противостояния. Его воспринимали как жреца и соответственно побаивались.

— Отчаливаем в сторону порта, — предложил пират, когда спина последнего сектанта скрылась за воротами. — Там разберемся, где швартоваться.

Ни у кого возражений не возникло. Де Десе вообще не терпелось поскорее убраться от логова культистов как можно дальше, пока его не рассмотрели получше. На счастье инквизитора, среди тысячи еретиков не нашлось ни одного из тех, кого он когда-либо допрашивал лично.

Сумеречные топоры во главе с предводителем ушли вперед, а за ними увязалась охрана Каввеля, чтобы «предотвратить и недопустить». Компаньоны наконец смогли крепко обняться, после чего двинулись следом. Рати и Могара почувствовали себя немного странно

при виде такого проявления чувств со стороны мужчин. Тауросу, гоблин, орк и эльф были искренне рады друг другу, совершенно этого не стесняясь!

— Они всегда такие? — шепотом спросила пораженная Могара у хапуги, специально для этого отставая, чтобы пошучукаться без свидетелей.

— Если б я знала, — с выражением крайней озадаченности на лице, ответила та и с тоской добавила. — Это самые странные парни, которых я когда-либо видела.

— Согласна, — кивнула Могара. — По-моему, они все немного чокнутые. Хотя мне это даже нравится.

— Мне тоже, — покраснела Рати, но из-за недостатка освещения, никто этого не увидел.

Дворфы тем временем успели уйти достаточно далеко и скрылись из виду за поворотами петляющей среди древних замшелых стволов тропы. Компаньоны поспешили вдогонку, но шагов через тридцать Аггрх вдруг замер на месте и поднял открытую ладонь.

— Тихо! — попытался он вслушаться в лесной сумрак.

Застыли на месте и остальные.

— Слушайте!

Полную тишину нарушало только дыхание компаньонов. Лязг доспехов бородачей больше не был слышен даже в отдалении.

— Засада, — предположил орк и не ошибся.

На тропинке показался одинокий золотоволосый эльф, с головы до пят закутанный в зеленовато-серый плащ с откинутым на плечи капюшоном. Одевание лесного стража почти сливалось с окружением, и только светлые волосы и кожа давали возможность заметить его в ночи. Традиционно правильные слегка заостренные черты лица и горделивую осанку портила чересчур самоуверенная ухмылочка, дополнявшая полный высокомерия взгляд.

— Бонсуар, незваные гости, — нараспев произнес он. — Я командир особого пограничного отряда следопытов этого леса Селан Галлиру де Кошон.

Аггрх и Адинук, не сговариваясь, метнулись к Гарбу еще до того, как остроухий открыл рот. Морду гоблина перекосила гримаса ненависти, но он настолько преуспел в борьбе с собственным гневом, что даже не начал читать заклинание и только дырявил эльфа испепеляющим взглядом. Друзья решительно схватили колдуна за лапы — Рати за одну, а трои с орком за вторую.

— Все. В. Порядке, — тяжело дыша, проскрипел гоблин в три слова. — Отпустите, я егс не убью.

Каввель и Могара посмотрели на остальных одинаково озадаченно. На лице эльфа надменность на секунду сменилась испугом, но, смерив взглядом высокую сгорбленную фигуру гоблина в потрепанном сером кафтане, он взял себя в руки.

— Его Величество, прекраснейший из прекрасных, Totius Magna, Parvuset Alba Lumea basileos, famosus totius continentem imperator totius Elfinia, Gnominia, et Dwarfina basileus... — продолжил командир следопытов на древнеэльфийском.

— Погоди, — перебил его Аггрх, — это на нормальном языке как?

— Самодержец всея Великия, Малыя и Белья Лумеи, повсеместно известный царь и великий князь всея Эльфинии, Гноминии и Дворфинии, — тут же перевел эльф без тени смущения на лице, — владыка великолепного града Шамбр д'Аржона, который вы наверняка знаете как Серебряный Чертог, желает вас видеть у себя в гостях. Отказ не принимается.

Затем повернулся к компаньонам спиной и бодро зашагал по тропинке прочь.

— Следуйте за мной добровольно, и никто не пострадает, — певуче обронил он через плечо.

Друзья переглянулись и пошли за самоуверенным типом — все равно дорога в этом месте была только одна. Незадолго до выхода из лесной чащи обнаружилась причина, по которой звук доспехов перестал доноситься до компаньонов. Тусклый мерцающий свет догорающих факелов, тут и там валяющихся на дороге, освещал жуткую картину: все дворфы лежали, истекая кровью. У каждого из бородачей в голове торчало по две стрелы, глубоко вошедших в открытую часть шлема.

Лагорда, несшего бочку с беатой, постигла та же участь. При падении дубовая ёмкость раскололась, и содержимое вытекло. Воздух пропитался густой смесью запаха крови, фруктово-хлебного благоухания и разбавлялся хвойным ароматом леса. Места, чтобы обойти место бойни, просто не было, поэтому пришлось идти, переступая через тела погибших.

— Лучшие воины клана, братишка, двенадцать ювелиров, сорок два оружейника... — всхлипнул Адинук и зашептал, моля Хьялти принять души и праведных, и отступников.

— Мы вправе карать нарушителей границы таким образом, — невозмутимо бросил через плечо следопыт. — Пресветлый Миримон зачем-то изъявил желание встретиться с вашей шайкой. Воля короля священна, а так вас бы просто нафаршировали стрелами, как этих. На всякий случай предупрежу: если нападете на меня, вас не спасет даже приказ Его Пресветлого Величества. Бежать, разумеется, бесполезно, потому что догоним и накажем. За вами следили от самого корабля.

— Им нужно достойное погребение, — сказал бард, смахивая слезы.

— Погребением займутся вороны и дикие звери, — мерзко заржал лесной страж. — Самая достойная участь для незваных гостей. Вот тебя, черноухий, я бы сначала сжег, а пепел бы высыпал в море на всякий случай.

Адинук гордо промолчал, пытаясь придумать план мести.

Каввель шел следом и тяжело вздыхал, сожалея об участии дворфов. У них хотя бы было какое-то понятие о чести и долге, а эти гады просто перебили всех из засады, а теперь еще и бросят тут гнить их тела. Агрх тоже приуныл: похоже, вокруг было куда больше эльфов, чем компаньоны смогли бы одолеть даже с помощью Гарба и его чудо-посоха. К тому же луки следопытов разили без промаха и ночью, что не прибавляло шансов тем, кто не прятался среди деревьев. Могара шла за избранником, боясь, что он опять превратится в быка — и это тревожило ее куда сильнее, чем судьба каких-то грубиянов, которые получили по заслугам и только.

Рати хмурилась все больше, а увидев тела дворфов, поджала губы. Девушка шла под руку с Гарбом, который опирался на нее при ходьбе, и гоблин почувствовал, что ее опять мелко потряхивает. Он и сам еле сдерживался, но все же смог переключить внимание на размышления о том, чем грозит хапуге попадание в лапы к кровным врагам. Вывод его не слишком обнадежил.

— На-ка, вышей успокоительного, — порылся он в сумке и сунул девушке под нос пузырек со снадобьем.

— Не хочу, — попыталась уклониться хапуга.

— Пей! — рявкнул шаман на гоблинском, и Рати от неожиданности открыла рот, в который тут же полилась невкусная жижа.

Секундой спустя ее ноги начали гореть огнем.

— Тумми мущи кья бура дия?[1] — возмутилась девушка, выплевывая то, что не успела проглотить.

— Апне пита ке хащ даудо аур мададлао[2], — ровным тоном проскрипел Гарб и резко толкнул ее в просвет между деревьев.

Скорость заменила Рати имя, а ловкость стала вторым я. Она побежала, как никогда в жизни не бегала, легко огибая препятствия. На пути возник эльфоподобный силуэт с натянутым луком, но девушка даже не успела толком его рассмотреть. Спустя пару мгновений он остался позади, как и жуткий лес, и ее избранник, и посох.

[1] Что за дрянь ты мне дал? (гобл.)

[2] Беги к отцу и приведи помощь (гобл.)

Уши у любого разумного существа растут всю жизнь, и прекрасный народ не является исключением из общего правила. В силу чрезвычайного долголетия к концу жизни уши пожилых эльфов могут достигать почти футовой длины, и это один из немногих внешних признаков, по которым можно отличить старика от юноши.

Энциклопедия разумных видов

Похоже, эльфы всерьез вознамерились вести пленников пешком до самой столицы. Тридцать миль за остаток ночи мог бы осилить любой из остроухих, но компаньоны такой легконогостью не отличались. Гарб к тому же специально ковылял, замедляя всю процессию, и не собирался облегчать конвоирам задачу.

После бегства Рати Селан устроил форменную истерику. Сначала он потребовал от незримых подчиненных немедленно поймать беглянку, а потом повернулся к компаньонам.

— Кто в вашей банде главный? — заорал остроухий, мерзко брызгая слюной во все стороны.

Гарб тут же подмигнул остальным, и взял слово.

— Смотри в каком вопросе, мусье де Кошон, — уклончиво, но в то же время весьма учтиво, как принято у эльфов, ответил он, щуря раскосые желтые глаза и широко улыбаясь. — Вот Каввель у нас, к примеру, отвечает за боевую часть.

Минотавр выпятил грудь и стукнул в нее закрытым кулаком. Кошон посмотрел на него и перевел взгляд обратно на гоблина. Выдвинутая вперед челюсть и выступающие клыки шамана заставили его скривиться. Столь отвратительной хари ему еще не доводилось видеть. Даже орки, которых страж за триста сорок один год службы настрелял немало, не вызывали у него такого отвращения, а зеленокожие — те еще образины. Гоблинов он, конечно, тоже повидал немало, но этот своим огромным ростом и правильной манерой говорить почему-то пробирал до мурашек.

— Отвечать по существу! — лейтенант сделал еще одну неуверенную попытку изобразить из себя грозного дознавателя.

— По существам у нас главный Агрх, — не моргнув глазом ответил гоблин. — Если надо сожрать какое-нибудь существо, то он всегда готов продемонстрировать свой отменный аппетит.

Орк оскалил клыки и издал протяжный утробный рык, подтверждая слова Гарба.

— Я любить есть ушной хрящик, — добавил зеленокожий с плотоядной ухмылочкой.

Лесной страж побагровел.

— Как сбежала девчонка? — негодуяще топнул он сапогом.

— Ну кто же так допрашивает? — картинно взялся за голову свободной лапой шаман. — Вот господин де Деса у нас отвечает за допросы. Он может дать пару уроков в этой области знаний по сходной цене. Кстати, а о какой девчонке вы говорите, уважаемый?

— О сбежавшей, — глупо сказал следопыт и наконец догадался. — Вы издеваться надо мной вздумали?

— Что вы, — тон шамана был слаще меда. — По этой части у нас Адинук за главного. Если он захочет кого-то довести до белого каления, то может сыграть или спеть. А еще он читает стихи с такими дивными метафорами и сравнениями, что выдерживают только

глухие и слепые.

Троу пробежался тонкими пальчиками по струнам лютни, намеренно извлекая из инструмента самые фальшивые ноты из возможных. Селан и лес вокруг отозвались множеством жалобных стонов — тонкий слух прекрасного народа оказался не готов к такой изощренной пытке. Лейтенант зажал руками уши и упал на колени прямо в дорожную пыль.

— Можно я избавлю его от мучений? — мрачно поинтересовался де Деса, кладя руку на рукоять меча.

Он не очень понимал смысл этой опасной игры, но решил подыграть.

— Всею свое время, — недобро ухмыльнулся Гарб.

— Немедленно сдайте оружие! — потребовал Кошон, как только лютня умолкла. — Оно изуверское и подлежит уничтожению!

Лейтенант уже находился на грани срыва, но король приказал доставить пленников живыми и невредимыми, что пока останавливало стража от необдуманных действий.

— Вы что? Это всего лишь обычная лютня! — невинно похлопал ресницами гоблин. — Адинук больше не будет, я обещаю. К тому же вы даже не представляете, что он может делать одним только голосом, поэтому инструмент забирать совершенно бессмысленно. Если не верите, он может прочитать пару виршей из репертуара одного демона. Нас они очень впечатлили в свое время.

Страж издал неопределенный звук — нечто среднее между бульканьем кипящей воды и надрывным сипением кошки, которую вот-вот стошнит.

— Я буду настаивать на вашей казни, — мрачно заявил он, живо представив себе подобный ужас. — Самой мучительной из всех существующих.

— Чем же мы вызвали такую неприязнь с вашей стороны? — все так же невинно поинтересовался Гарб. — Я до сих пор старался быть предельно корректным и даже ни разу не использовал магию. Думаю, Его Величество сам решит, казнить нас или миловать. Давайте скорее пойдем в вашу прекрасную столицу, чтобы он принял решение.

— Молю Триединого, чтобы она после этого уцелела, — буркнул эльф и зашагал по тропе, приглашая всех за собой.

Ему вдруг показалось, что тащить пленников в самое сердце своей страны — плохая затея, но приказ есть приказ. Выяснить у строптивых инородцев, как именно сбежала девчонка, не получилось, а следопыты подали условный знак, что и задержать ее не удалось. Это было странно, ведь посты расставлены повсюду. Рано или поздно ее все равно найдут, так что беспокоиться не о чем. Дикарям же за издевательства над первородными придется всю дорогу идти пешком. Пускай тоже помучаются хоть немного.

— Ты же понимаешь, что я на рассвете?.. — шепнул гоблину Каввель, когда эльф отошел на достаточное расстояние.

— Возвращаемся к тому, с чего начали, — грустно улыбнулся Гарб. — Я тебя не брошу, даю слово.

— Спасибо, друг, — сказал минотавр. — Может посохом попробовать?

— Нужны все части, — поджал губы шаман. — Тебе ли не помнить, чем кончилась предыдущая, хоть и случайная, попытка. К тому же богиня сейчас сильно ослаблена, и неразумное применение посоха может плохо на ней сказаться.

— Может, это в только Бездне не получилось?

— Может, но рисковать я больше не буду, пока есть другие варианты, — отрезал гоблин.

Каввель молча кивнул.

Как Гарб и ожидал, остроухие не повели их проторенными дорогами. Минут через десять проводник просто свернул прямо в чащу и уверенно пошел в одном ему известном направлении, огибая толстые стволы елей и иногда раздвигая густые заросли лесной растительности. Всего пятнадцать минут путешествия — и каждый из компаньонов вряд ли бы нашел дорогу назад, даже если бы очень захотел. Серебряный Чертог где-то в тридцати милях к югу — вот и все ориентиры. Следы же позади путников таинственным образом исчезали, словно траву, ковер из прошлогодних иголок и обломанные ветви кто-то старательно приводил в исходное состояние.

Эльфам с их габаритами и ловкостью такие лесные походы даются легко, чего нельзя сказать об остальных расах. Особенно страдали минотавры, размеры и слабое зрение которых делали этот путь едва ли не битвой за выживание. Могара держалась за Каввеля, и только это несколько раз спасло ее от падения, когда она цеплялась копытами за выступающие из земли корни деревьев. Валежник весело похрустывал под ногами путников, и лейтенант стражи только брезгливо морщился: эти дикари даже ступать бесшумно не умеют.

Тем временем начало светать, и Каввель ощутимо напрягся. Могара вдруг осознала, что сейчас он снова обернется быком. Веревка осталась в форте, животное трудно вести по густому лесу, а эльфы такого поворота точно не ожидают. Пират тем временем остановился, вызвав неудовольствие Кошона.

— Если вы отказываетесь идти добровольно... — начал эльф, но закончить фразу не успел из-за отвисшей челюсти.

Каввель быстрым движением скинул штаны, чтобы хоть эти не порвались, упал на четвереньки и выгнул спину, словно кошка, увидевшая собаку. Из леса донеслось дружное «э-э-э»: даже бывалым следопытам свойственно удивляться. Агрх к этому зрелищу оказался подготовлен лучше других: куда более жуткое преобразование минотавра в демона-фурора, виденное вблизи, навсегда отпечаталось в его памяти. Адинук же сначала посмотрел на это выпученными глазами, а потом радостно вскрикнул и спешно полез в сумку за пергаментом и пером: вдохновение вернулось.

— Как это понимать? — повернулся к ним Селан. — Немедленно прекратите колдовство и верните минотавра обратно! Я не могу вести к королю скотину!

— Это, между прочим, священное животное моего народа! — с вызовом сказала Могара.

— Понимать это придется головой, мусье де Кошон, — голос Гарба был полон сочувствия к умственным способностям лейтенанта. — Даже мне не подвластны проклятия, наложенные богами, хотя я и собираюсь избавиться от этого недостатка.

— Вы хотите сказать?.. — осекся командир стражей.

Рассвет всюду вступал в свои права. При таком освещении маскировка эльфа уже не так сильно скрывала очертания его фигуры. Смутные силуэты начали мелькать и среди деревьев.

— Му-ой друг хочет сказать, — раздалось басом откуда-то сбоку, — что вы зря пытаетесь пленить трех полубогов, двух жрецов и паладина.

Все головы повернулись к бычку. Сквозь нормальную речь время от времени проскакивало мычание, но в целом говорил он вполне разборчиво, хотя голос казался чуть выше обычного густого баса Каввеля. Кошон сдавленно хрюкнул, а де Деса издал

нечленораздельное проклятие.

— Думаете, я поверю в фокусы банды чревовещателей? — эльф еще пытался сохранять остатки достоинства, но получалось с трудом.

Голос предательски дрожал и все время норовил сорваться на фальцет.

Гарб вздохнул, подыскивая ель с самым толстым стволом: такие особенно почитаются прекрасным народом. Предание гласит, что предков этих смолистых великанов боги некогда выбрали для создания эльфов. Остроухие завезли их семена на Лумею во времена Исхода и теперь специально выращивают до невероятных размеров, подпитывая магией. Наконечник посоха легонько коснулся ствола, и дерево за долю секунды потеряло две трети высоты и объема. Солнечные лучи разогнали сумрак на освободившемся пространстве, стремительно залив его таким ярким светом, что смотреть стало нестерпимо больно. Золотистое сияние, как будто, окутало сгорбленную фигуру гоблина и добавило ей величественности.

— Уб-б-бедительно, — простучал зубами лейтенант. — П-п-прошу с-с-следовать за мной. Вам будут оказаны все полагающиеся почести при первой же возможности.

Высокомерие с ушастого как рукой сняло. Он тут же выбрал другой маршрут, и всего через пару минут чащоба закончилась, сменившись широкой и светлой лесной тропой. Лейтенант даже не осмелился возражать, когда Каввель вдруг потребовал привал, увидев подходящую просторную поляну неподалеку. Следопыт скривился и отправился проведывать патрули, Гарб наколдовал сферу тишины, собрал всех в кружок и быстро рассказал, как себя вести в эльфийском городе. Затем группа разбрелась по поляне, а гоблин остался возле Каввеля, чтобы обсудить с бычком последние события. Магию он развеял, чтобы не расходовать понапрасну запасы Дэ.

— Как ощущения в этом теле? — спросил шаман на кутарском, коснувшись лапой шерстистого плеча пирата.

Могара деликатно поспешила оставить их наедине, ушла к одиноко сидящему на вывороченном с корнем дереве инквизитору и завела светскую беседу с ним. Адинук воспользовался передышкой, чтобы возобновить сочинение баллады. Агрх просто решил постоять рядом. Кутарского он не понимал, зато бросал такие злобные взгляды по сторонам, что все эльфы старались держаться на расстоянии полета стрелы, а это сильно мешало им подслушивать.

— Ого! Ты все-таки освоил мой язык? Я рад, что мои уроки пригодились, — восхитился Каввель. — Чувствую себя странно. Постоянно хочется есть, но от му-ыслей о му-ясе воротит, а траву жрать не му-огу. Как думаешь, это пройдет?

— Снимем проклятие, и пройдет, — пообещал гоблин. — Кто первый будет рассказывать?

— У му-еня немного, — сообщил бычок. — Я начну.

Рассказ действительно занял мало времени.

— С человеком будь осторожнее, — подытожил Каввель. — У него свои планы. Кстати, о людях, а где Му-ихель?

— Нам бы с эльфами сперва разобраться, — сказал Гарб и начал свой рассказ.

Пират сначала молчал, а потом принялся возмущаться.

— Му-ой собственный экипаж? Под килем протащу предателей! Что значит не надо? Они в работоторговцы подались! Даже не думай защищать этого пройдоху Рыдло! А Му-ихель му-олодец, вовремя-я подоспел.

Узнав, что его все еще любят на Мирасе и с нетерпением ждут возвращения своего принца, бычок всхлипнул. Рассказ о знакомстве с Рати заставил минотавра громко заржать.

— Узнаю папашу, — пытаюсь проморгаться от набежавших слез, хохотал он. — Турон часто что-то такое вытворяет втайне от му-аму-ы, но в этот раз точно получил по рогам.

Тяжелее всего он отреагировал на видение шамана.

— Значит, не все так просто, как му-ы думу-али. Что же получается, му-ожет и богиню не нужно освобождать? А как же мое проклятие и воля богов?

— Можно и так сказать, — подтвердил гоблин. — Думаю, надо собрать посох, а дальше по ситуации. В любом случае до тех пор нужно выжить. Эльфы уже убедились, что мы не простые смертные, но теперь надо убедить Миримона, что пользы от нас больше, чем вреда. Кстати, давно хотел спросить насчет твоего портрета — его нет в тронном зале на Мирасе. Это что-то значит? Твои родители упоминали какое-то пророчество.

— Было такое, — сказал Каввель, немного поразмыслив над вопросом. — Довольно туму-анное. Там говорилось, что когда я выйду в му-оре, то совершу страшнейшее из преступлений и навсегда изменю судьбу нашего народа. Турон испугался и запретил мне даже рога в порт совать, а я сбежал с первым же попутным окирошем, как только узнал о пророчестве. Портреты — это для одобренных сенчо, а я самовольный.

— Так ты же уже убил брата! — воскликнул Гарб. — Значит, пророчество сбылось?

— Он погиб на дуэли с секирой в руках, — возразил бык. — Далекое не худшее, что му-огло случиться с тауросу. Турон же прикончил му-оего дядю из Фарукона из-за му-атери и ничего, королем даже стал. Вот проклятие — это да, но ты же его сниму-ешь.

Разговор прервал вернувшийся Селан.

— Как вы себя чувствуете? Готовы ли продолжать путь? — заискивающе поинтересовался он. — Я бы с радостью оставил вас тут отдыхать, но Его Величество очень не любит долгих ожиданий. Как бы его гнев не пал на мою голову.

— Не дрейфь, — Каввель потянулся мордой к одеянию эльфа и попытался цапнуть его зубами за рукав накидки. Маскировочная ткань вдруг показалась бычку очень вкусной на вид. Лейтенант вовремя отдернул руку и проворно отскочил.

— Далекое еще? — скрипнул Гарб.

— Чуть меньше двух льё, — ответил следопыт. — Это где-то семь миль по вашей системе. Мы такие расстояния покрываем минут за двадцать, а вы за час дополз... я, конечно же, хотел сказать, дойдете. Если потороп... э-э-э, изъявите желание перемещаться быстрее. Обычно в столицу инородцев не приглашают. Вам оказана великая честь, которую не оказывали уже больше тысячи лет.

Учтивостью де Кошон не блистал с детства. Он чаще бывал в лесах, чем на уроках этикета и хороших манер. Сейчас страж честно пытался побыть вежливым со странными и очень опасными дикарями. Королю виднее, зачем они ему понадобились. «Наше дело маленькое», — подумал лейтенант. — «Хотят притащить лесоруба в рошу, пускай не обижаются, что остались одни пеньки. Черт бы побрал этого сумасброда Миримона! Я бы на его месте в них стрел издали понатыкал и забыл, что они были».

Это точно строили не гномы, обычно предпочитающие более грубые, зато проверенные веками архитектурные формы. Серебряный Чертог даже издали вызывал восхищение, граничащее с восторгом. Дома выглядели словно сотканными из воздуха и как будто в нем и висели. Солнечные лучи подсвечивали разнообразные геометрические орнаменты,

вспыхивающие золотом на серебристом камне, из которого здесь построили решительно все: от монументальных городских укреплений до царапающих облака шпилей храмов.

— Интересненько, — заметил Адинук. — Хоть кто-то видит караваны с провизией и товарами, идущие в город или из него? Тут же прорва народу живет! Они Дэ питаются, что ли?

Жилых домов действительно было много. Они тоже отличались изрядной высотой и одновременно изяществом. Цветочные узоры, рисунки деревьев, портреты богов и героев украшали их стены, крыши и даже водосточные трубы. Повсюду. По сравнению с этим огромным городом ранее виденный Льонас казался просто большой деревней. Компаньоны и даже де Деса шли к воротам, разинув рты. Только сгорбленный Гарб продолжал прихрамывать, угрюмо глядя себе под ноги.

«Если бы не эльфы, это наши города выглядели бы так», — думал он, и ненависть волнами захлестывала шамана, то и дело норовя выплеснуться наружу и обернуться кровавой бойней. Гоблин старательно сдерживал гнев, в особо тяжелые моменты начиная вычислять высоту стен или толщину облицовки на зданиях. Это помогало.

«Тут повсюду магия: в рисунках, в фундаментах, в стенах», — снова подумал жрец. — «Посохом ее так легко обратить вспять. Всего одна молитва, один удар — и от этого города останутся руины. Как же сдержаться?..»

Однако гоблин понимал, что несмотря на всю злость, он не сможет так поступить. В городе тысячи ни в чем не повинных женщин и детей. Стариков у прекрасного народа не бывает, но Гарб причислил и эту категорию к тем, кого жалко.

«В конце концов они не виноваты в том, что натворили их боги», — сказал он себе.

А еще гоблину отчаянно не хотелось уподобляться тем, кто сжег его деревню, кем бы они ни были.

«Вот только не они ли пытали тебя?» — внутренний голос имел много ипостасей, и эта всегда задавала каверзные вопросы. — «А может, именно они сожгли твою деревню?»

Гарб глубоко вздохнул и оперся на посох, останавливаясь, чтобы прочесть надпись на воротах. Выбитые в металле староэльфийские руны гласили: «Град высших существ, великий град, град — вечное сокровище, неприступный град великого повелителя, величественная столица мира, одарённая девятью добродетелями, счастливый град, полный изобилия грандиозный Серебряный Чертог, напоминающий жилище верховных богов, где царствует перевоплощённый триединый бог, град, дарованный древними и построенный нашим великим народом».

Шаман издал хриплый смешок: в скромности эльфам не откажешь.

Спутники тоже замерли и встревоженно наблюдали: каждый понимал, какая борьба сейчас идет в их вожаке, и старался не мешать, чтобы ненароком не вызвать бурю. Наконец гоблин снова захромал вперед, постаравшись выбросить из головы все лишние мысли. Считать количество черепиц на крышах, пожалуй, безопаснее всего.

Эльфы предпочитают именовать себя лусидами — пресветлыми. Название говорит само за себя, ведь большая часть этого народа обладает светлой кожей. Также большинство из них пепельные блондины, и только малая доля может похвастаться светло-русым оттенком волос.

Энциклопедия разумных видов

Наверное, во вселенной в этот момент не было более счастливого существа, чем де Кошон. Лейтенант довел сопровождаемых до ворот, передал с рук на руки городской страже и от избытка чувств пустился в пляс. Перед уходом он высоко подпрыгнул и в воздухе дважды шелкнул каблуками сапог друг о друга.

— Всем прекрасного дня! — радостно воскликнул он и резво припустил в сторону леса.

Караульные переглянулись. За открытыми воротами гостей встречало целое подразделение ушей в триста. Длинные прямые мечи наголо, отливающие золотом и серебром доспехи, щегольские сапоги и не закрывающие лица шлемы с выступами для ушей отличали простых пехотинцев. Лучники расположились на стене и внимательно наблюдали за пришельцами сверху. Два эльфа стояли особняком и перешептывались. Оба брезговали доспехами и из одежды предпочитали роскошные камзолы, куртки с рукавами до локтя и кружевными воротничками, расшитые драгоценными камнями и украшенные бантами перевязи со шпагами, и широкополые фетровые шляпы с традиционными прорезями для ушей.

— Он не собирается идти на доклад к королю? — нахмурившись, спросил заместитель у начальника поста.

На его перевязи название должности было вышито серебристыми рунами.

— Мне могло это показаться, но, скорее всего, у любезного мусье Галлиру возникло сильнейшее воздушное опьянение от постоянной беготни по дикой природе, — с немного невежливым смешком ответил начальник. — Он передавал совершенно нелепые донесения. Прошу заметить, он также не остался для написания отчета. Может быть, собирается выслать письмом? Я так соскучился по его прелестному почерку.

Старшинство командира наглядно демонстрировали уши, торчащие на добрых полтора дюйма выше, чем у заместителя. На каждом треугольнике в верхней части висело по серебряной серьге с крупным рубином. Украшения немало весили, и под их тяжестью острые кончики органов слуха нелепо загибались книзу. Такие массивные висюльки вышли из моды лет двести назад, так что начальник караула выглядел для подчиненных излишне старомодным.

Оба эльфа оценивающе посмотрели на компаньонов, стоящих перед ними, и одинаково неприязненно поджали губы при виде троу.

— Имею честь представиться. Я виконт Леон де Монер, а это мой командир граф Фрей де Шак. Теперь, когда формальности соблюдены, прошу вас сдать оружие, — как показалось Гарбу, заместитель обратился к нему даже чересчур любезно.

Похоже, Кошон отправил весточку в столицу во время проверки патрулей, так что гоблину теперь оказывали повышенное внимание как главарю банды.

Шаман сдержал презрительную усмешку и даже не обнажил клыки, но зрачки сами

собой сузились в вертикальные щелочки.

— Какое оружие? Это просто палка, чтобы я не падал при ходьбе, а колдовать можно и одними лапами. Вашему ли народу прирожденных волшебников этого не знать?

— Полноте, мы осведомлены, что у ваших спутников есть другое, — не сдался эльф.

Гарб повернул голову к компаньонам и внимательно осмотрел каждого, а затем снова повернулся к Леону.

— Я заметил у человека меч в ножнах. Не возражаю, если он его сдаст.

Остальное оружие гоблин распорядился сложить в волшебную котомку еще на привале, так что теперь при всем желании стража бы ничего у них не нашла. Даже Адинук согласился спрятать лук и лютню в сумку к Милене.

— Мне рога сдавать? — фыркнул бычок.

Эльфы покосились на говорящую скотину. Выдержка у них оказалась не чета следопытской — железная, но лица все равно слегка вытянулись.

— Не приврал, — бесстрастно заметил де Шак, — а я думал, он опять переел тех странных грибов.

— Немедленно оповестите Его Величество, что развлечение прибыло, — с ухмылкой отдал распоряжение де Монер.

Вестовой сорвался с места и побежал вглубь города. К воротам уже начали стекаться зеваки, чтобы поглазеть на дивных пришельцев.

Пресветлый Миримон, возможно, и не отличался терпением. Зато других черт в его характере наличествовало в изобилии, о чем знал самый распоследний придворный. Не все из них можно было назвать положительными, но одна затмевала собой остальные — переменчивость. Короля за это даже прозвали ветрогоном, но называли так, разумеется, только за глаза и шепотом.

Еще мгновение назад Его Величеству немедленно требовалось лично увидеть таинственных незнакомцев, посмеявших вторгнуться в его владения. В следующую минуту он уже решил устроить себе послеобеденный сон и распорядился расселить гостей по комнатам в гостевом крыле дворца, пока монаршее тело изволит почивать.

Компаньоны валились с ног после долгого похода. Так что, когда гостям предложили сразу пройти к комнатам для отдыха, никто не протестовал. Только Каввеля сперва попытались разместить в конюшне.

— Ах вы прилипалы подкилевые! — возмущенно заревел он. — Вы точно хотите оскорбить тауросу королевских кровей? А копытом в глаз?

Внезапно заговоривший на всеобщем бык в короне подействовал на слуг едва ли не сильнее, чем правота его слов. Травяная подстилка в считанные минуты появилась в одной из комнат, а рогатому господину в качестве извинений предложили сделать укладку шерсти, массаж тела и полировку копыт. Минотавр великодушно отказался.

Длинные, утопающие в красных коврах полы коридоров, гобелены на стенах и золотые канделябры для свечей показывали богатство хозяина замка. А в какой-то момент компаньоны не сдержали удивленных возгласов: им предложили не идти по бесконечным лестницам, а воспользоваться подъемником. Гарб его даже сперва принял за большой склад без окон, когда «склад» распахнул перед ним двери с тихим шипящим звуком.

— Вы, вероятно, такого не видели в иных землях. Это называется асонсер или просто грузовой подъемник, — пояснил низкорослый эльф, стоящий внутри. — Он поднимет нас к

вашим апартаментам.

— У дворфов такими в шахтах пользуются, — улыбнулся Адинук.

— Эта конструкция не упадет? — опасно уточнил Гарб.

— Его зачаровывали опытные маги, — пожал плечами остроухий. — Я только умею им управлять, но при мне за тысячу лет аварий не было.

«Будут», — подумал Агрх, глядя на гоблина, и улыбнулся половиной рта. Эльф увидел орочьи клыки, побледнел и на всякий случай ускорил шаг.

Просторная кабина вместила их всех вместе с быком и проводником. Места при этом осталось еще на несколько таких компаний. Остроухий назвал в полу трубку на стене номер этажа, и подъемник взмыл к небесам, на секунду вызвав в животах компаньонов необычное ощущение пустоты.

— Особенно не расслабляйтесь, — напутствовал всех Гарб перед разделением группы, кивая на пару десятков вооруженных до зубов стражников, занявших позицию возле лестницы и рядом с подъемником. — Мы не в гостях, а в почетном плену. Пока почетном. Если что, сразу кричите.

Агрх кивнул и первым удалился в свою комнату в поисках ванной. Он очень обрадовался, когда нашел целый бассейн с подогретой розовой водой и полным набором принадлежностей для мытья и бритья в своих покоях. Еще в коридорах орк заметил парочку довольно симпатичных эльфиек, которые пожирали глазами его статную фигуру и, кажется, особенно интересовались шрамами. Небось, крепких зеленокожих парней сюда редко завозят, а на экзотику остроухие барышни всегда были падкими. Он смело смотрел на них в ответ и подмигивал, а девицы стыдливо отводили взгляды и вспыхивали ярким румянцем. Значит, пришла пора подготовиться к свиданию-другому и привести себя в порядок.

Могара расположилась в соседних с Каввелем апартаментах. Принцесса очень радовалась, когда он заговорил в четвероногом обличье. Вот только теперь, когда девушка оказалась в одиночестве, в голову полезли странные мысли. Например, что делать, если он таким останется навсегда? Можно ли в принципе думать о замужестве, если тебе нравится принц в теле быка? Сам минотавр наконец решился пожевать хотя бы траву. Она показалась ему достаточно аппетитной. Пират наклонил рогатую голову, аккуратно поддел губами одну травинку и слизал ее длинным языком. Распробовав, он сразу принялся довольно чавкать. Оказывается, это вкусно! О менее приземленных материях с пустым брюхом ему думалось плохо.

Гарб тщательно проверил все стены на предмет ловушек и подслушивающих заклинаний. К его удивлению, ничего обнаружить не удалось. Он наложил пару заклятий на дверь и оба окна, после чего рухнул на кровать в изнеможении. В эльфийском городе он чувствовал себя, как на раскаленной сковородке. Постоянное напряжение вместе с почти физической болью не давало расслабиться. Его мысли вернулись к Рати. Скоро девушка доберется до своего племени, и тогда эльфам несдобровать. Другого исхода он себе и не мыслил.

Все компаньоны, кроме Адинука, удивились мебели. Здесь она была деревянной, как и на всей остальной Лумее, где в изобилии растут деревья. Отличием служили молодые веточки с зеленой листвой, бодро лезущие из каждой кровати или стула. Любой стол или табуретка имел корни, уходящие куда-то в пол, так что переставить их было бы проблематично.

Сам же бард, к которому вернулось вдохновение, последним прикрыл за собой дверь и

сразу погрузился в сочинительство. Он не обращал внимания на такие мелочи, как листва в комнате, и даже не понял, почему вдруг стало темно, а руки и ноги перестали слушаться.

В себя троу пришел уже в каком-то подземелье без окон. Три нещадно коптящих факела освещали мрачное убранство пыточной. Обнаженного барда привязали толстыми веревками за запястья и лодыжки к узкому деревянному ложу, стоящему у одной из стен. Ноги и руки покоились на валиках, к которым тянулись свободные концы веревок. Сбоку виднелось отполированное руками палача деревянное колесо с несколько неуместной здесь зеленью листьев.

Адинук порылся в памяти и вспомнил, что такое устройство именуется шевале. Тем же словом эльфы называют подставку, на которой художники размещают холсты и краски во время работы. Какая ирония, если сейчас какой-нибудь неуклюжий детина действительно примется разукрашивать лежащее в неудобной позе худощавое тело своими грубыми инструментами.

Перед шевале пустовал стул с высокой спинкой, приставленный к столу. Волшебная сумка Адинука лежала здесь же вместе с пергаментом, пузырьком с чернилами и парой перьев. На стене перед бардом красовался огромный плакат с изображением плахи, топора и рунической надписью «Церион Сансон — пятьсот лет безупречной работы».

— Эй, есть тут кто? — позвал троу на эльфийском.

— Очухался, голубчик, — ласково отозвались откуда-то из левого угла хриплым голосом.

Раздалось кряхтение, и в поле зрения троу появился заспанный эльф в коричневом мясницком фартуке, сильно заляпанном бурыми пятнами. Этот предмет одежды был напялен прямо на голое тело, словно остроухий обожал продемонстрировать развитые грудные мышцы и жилистые безволосые руки с почти расплюснутыми костяшками тонких пальцев. В отличие от большинства лусидов он не носил длинных волос, стянутых в косу или ниспадающих на плечи. Короткий пепельный ёжик подчеркивал высокий лоб без единой морщинки, а бледно-голубые глаза смотрели печально и устало.

— Судя по некоторым признакам, этому эльфу за тысячу, — улыбнулся Адинук, ерзя на дыбе.

Руки немного затекли и просились на волю.

— Сансону уже за полторы осенью стукнет, — тяжело вздохнул палач и пальцем почесал длиннущее ухо, рассматривая жертву. — Ну что, соколик? Сам расскажешь, откуда такой дерзкий, или с тобой поработать?

— А чего тут рассказывать, — шевельнул ухом бард. — Я даже спеть могу. Эту балладу я сочинил одной из первых.

— Ты у меня скоро и так запоешь птичкой, — пообещал лусид, разминая пальцы и двигаясь в сторону стола.

— Уткой или воробьем? — серьезно уточнил троу.

Церион остановился и потянул за ручку, выдвигая из стола ящик с пыточными приспособлениями.

— Хочешь уткой, хочешь зайцем, — не менее серьезно ответил палач. — Вы черноухие только через боль нормально разговаривать начинаете, а без этого только дерзить старшим и умеете.

— Дяденька, никакой я не черноухий! — широко улыбнулся Адинук.

— Вот, и еще врите постоянно, и выкручиваетесь, гады подземные, — забубнил Сансон, проверяя заскорузлым пальцем заточку наугад вытащенного из ящика стального крюка.

— Триединым клянусь, что я такой же лусид, как и вы! Возьмите мою сумку и произнесите над ней волшебные слова «Миленочка, драга иес ла плимбаре!».

Палач поразмыслил над сказанным и решил проверить слова узника.

— Учти, — сказал он, — если взорвется или там какая-то ловушка, ты так и умрешь тут от голода.

Дождавшись поощрительного кивка, он взял сумку и произнес нужную фразу. Услышав приглашение прогуляться на языке троу, Милена не замедлила вылезти наружу.

— А-а-а! — заорал Церион при виде прущей прямо на него черной туши, размером почти с половину пыточной.

Паучиха возмущенно щелкнула жвалами, схватила начинающего терять сознание эльфа клешней и искала глазами хозяина. Троу учил ее, что нельзя сразу убивать, а нужно сперва обездвижить жертву и дождаться команды, если хозяин рядом.

— Легкий для сна, — подсказал ей бард.

Милена послушно надкусила Сансону одну из рук и впрыснула малюсенькую капельку яда.

— Освободи меня, только не порви веревки, — попросил троу, — а этого легковерного болвана пока положи на полу. Да смотри башку не повреди, он мне еще нужен.

Когда питомица справилась, Адинук потрепал ее по голове и попросил вернуться в сумку. Затем заказал оттуда пару особых эликсиров: черный и золотистый. Волосатая лапа услужливо доставила их из недр бездонного хранилища. Второй троу выпил сам, а содержимое первой склянки влил в рот палача.

Фартук эльфа бард нацепил на себя, а потом с трудом доволоч бесчувственное пока тело до дыбы, взвалил его на ложе и привязал за руки и ноги. С довольным смешком он оценил результат своих трудов и уселся на стул ждать пробуждения жертвы. Минут через десять Церион разлепил веки и застонал: у него раскалывалась голова.

— Что происходит? — возмутился он. — Кто вы и почему я привязан?

— Очухался, голубчик! — радостно улыбнулся Адинук. — Сам расскажешь, зачем проник в наш светлый град или с тобой поработать?

— Это какое-то недоразумение! — заерзал на дыбе палач. — Я только что допрашивал пленника, а потом мне привиделся жуткий кошмар... и вот я почему-то здесь.

— Хватит мне врать, сволочь красноглазая! — рявкнул троу, отчаянно пытаюсь сохранить серьезное выражение лица.

— Кто? Я? — лицо Сансона перекошилось от ужаса, а потом исказилось от негодования. — Зачем вы надели мой фартук?

Цериону показалось, что этот невысокий светлокожий парень лет двухсот с небольшим от роду, чем-то похож на того пленника. Он попытался найти в нем хоть одно черное пятнышко. Тщетно! Заостренные черты лица, благородная бледность кожи, тонкий аристократичный нос с горбинкой, вьющиеся волнистые соломенные волосы до плеч и насмешливые зеленые глаза прямо-таки кричали, что перед ним один из самых прекрасных представителей народа лусидов. «Наверное, какой-то заезжий маркиз с окраин королевства решил меня так жестоко разыграть», — горестно подумал Сансон.

— Здесь я задаю вопросы, — ощерился бард так страшно, как сумел, тыча в лицо Цериону карманным зеркальцем, предварительно извлеченным из сумки. — Прекращай

бредить и говори, а то я начну вращать колесо!

Палач увидел в отражении черную кожу, красные перепуганные глаза и разрыдался. Паника и растерянность нарастали с каждой секундой. Быть того не может, это какой-то трюк! Слезы такими ручьями потекли по щекам старого эльфа, что в какой-то момент трою даже начал его жалеть.

— Значит, будем молчать? — надавил Адинук, многозначительно похрустел пальцами и взял со стола перо и пергамент. — Предлагаю рассказать добровольно, как ты сюда попал.

— Я ничего не сделал! — запричитал несчастный Сансон. — Я просто всегда тут сижу, а эти двое, де Шак и де Монер, приволокли мне работу.

— Подозреваемый пытается опорочить доблестных офицеров Его Величества, — заскрипел пером Адинук, выводя аккуратные руны и проговаривая запись вслух.

— Что? Я не...

Трою пристально посмотрел в красные глаза палача.

— С какой же целью так могли поступить два столь достойных мужа? Не вижу логики. Пропажу гостя сразу бы заметили.

— Де Шак еще с войны ненавидит всех подземников, — признался лусид. — Де Монер просто попал под его влияние. Они собирались обставить это, будто гость сам пошел шнырять по дворцу, а его поймали и он под пытками во всем признался. Я не виноват! У них большие связи при дворе!..

Адинук ненадолго задумался, щекоча себе пером подбородок.

— Стихни! — перебил продолжающего причитать палача бард. — Допустим, я поверю, что ты, черноухая дрянь, работаешь в королевском замке. И ты утверждаешь, что двое офицеров принесли тебе бесчувственное тело, а ты даже не спросил, кто это и откуда взялся? То есть, ты признаешься, что стал соучастником преступления, приняв участие в нападении на гостя Его Величества?

Темная кожа палача приобрела синюшный оттенок от страха. «Мне это снится», — подумал он. — «Это просто сон». Однако наваждение и не думало прекращаться.

— Ты знаешь, как пресветлый Миримон может наказать тех, кто покушается на его гостей?

— Вырезанием роньо и изгнанием, — пролепетал насмерть перепуганный палач.

Адинук хмыкнул. Орган, называемый этим словом, есть только у эльфов. Он позволяет накапливать в организме большие запасы Дэ, за счет чего у остроухих сложилась репутация непревзойденных магов. Удаление роньо приводит к долгому и мучительному угасанию любого лусида.

— Жестоко, правда? — ласково поинтересовался бард и мечтательно добавил. — А ведь еще можно просто оставить тебя в таком виде. Сюда скоро вернется де Шак, увидит одинокого черноухого на шевале... Они же все для него на одно лицо, не так ли?

Пока Адинук говорил и доставал из сумки еще один пузырьек, палач то яростно кивал, то отрицательно мотал головой с округленными от ужаса глазами.

— Если не хочешь такой участи, выпей вот это.

Церион покорно проглотил противное пойло. Минуты через две его взгляд расфокусировался, а глаза остекленели.

— А теперь ты сделаешь все, как я скажу.

Послеобеденный сон Его Величества обещал продлиться почти до ужина. Гости успели

и отдохнуть, и привести себя в порядок. В немалой степени это получилось благодаря помощи пары сноровистых брадобреев, которые гладко выбрили тех, кому не шла борода, и привели прически в состояние, когда их уже не стыдно показывать в высшем свете. Времени, между тем, оставалось еще много. В комнату к каждому деликатно постучались и настойчиво рекомендовали воспользоваться услугами портного.

— А успеете? — скептически уточнил Гарб, когда до него дошла очередь.

— Я профессионал! — манерно оскорбился мастер, сам разодетый в шелка и бархат. — Тут делов-то на три взмаха иглы. Вам совсем новое платье или эти лохмотья обновить?

Гарб осмотрел свой сильно обветшавший за время странствий кафтан.

— Давайте этот подлатаем, — предложил он, приглашая мастера в комнату.

Эльф тяжело вздохнул, но спорить не стал. Волшебная игла пчелкой запорхала, залатывая прорехи, и вскоре получился почти приличный походный наряд. Портной критически осмотрел полученный результат и заявил, что эту рванину все равно нельзя надевать на королевский банкет.

Гарб колебался, но все же согласился на новое платье, хоть и непременно с таким же количеством карманов.

— Момент, — радостно сказал портной и, даже не снимая мерки, сразу приступил к работе. В коридоре уже ожидали несколько початых рулонов материи разных цветов и оттенков.

— Мне кажется, вам подойдет сочетание синего и золотистого, — пробормотал эльф.

Шаман не стал возражать, потому как мастер очень точно попал в тон мантии Бирканитры. Прятаться в такой одежде, конечно, сложно, так ведь сейчас это и не требуется.

С нарастающим удивлением гоблин наблюдал, как ловкие пальцы делают маленькие аккуратные стежки. Минут через пять портной остановился, прочитал заклинание и дотронулся до всех швов на одежде.

— Вуаля! — сообщил мастер. — Готово. Не забудьте всем сказать, что наряд вам шил сам маэстро Фингольфини.

Сунув Гарбу в руки новенький кафтан, он уже стучался к следующему клиенту.

«Ты ж только не вздумай при эльфах ляпнуть, что они не перворожденные!»

- Аггрх

Портной удалился, а компаньоны собрались на совет в самой большой комнате. В ней разместили Каввеля, чтобы быку хватало пространства, но вынесли всю мебель во избежание порчи. Остались только следы от корней в полу, так что пришлось стоять на ворохе свежей травы. Зато и места всем хватило. Ядреный запах стойла здесь смешивался с травяным духом так, что дышать с непривычки приходилось с зажатым носом, но окна распахивать не стали. Гарб наложил чары от подслушивания, чтобы спокойно поговорить без лишних ушей.

Троу никто даже не успел хватиться. Все еще отдыхали, когда он вышел из подъемника, мило обсуждая с маэстро Фингольфини современные модные веяния. Бард же и стал первым клиентом мастера. Оба уверенно прошагали мимо стражи к комнате черноухого, пока прислуга волокла следом тюки с тканями. Гвардейцы переглянулись и проводили парочку подозрительными взглядами, но и только.

Маэстро пользовался полной свободой перемещения по замку, как и любые его спутники. К тому же солдатам приказали только не выпускать гостей. Так никто и не выходил с тех пор, как господа офицеры вынесли из той же комнаты какой-то тяжелый мешок. И в визите постороннего в комнату к гостю ничего необычного не было. С разными целями на этаже успела побывать добрая половина замка: то прислуга придет, якобы для уборки, то стайка фрейлин заявится в щелочки и замочные скважины подсматривать да хихикать. Одна неопознанная знатная дама и вовсе дерзко отперла дверь к орку своим ключом и пробыла у него не меньше часа.

Гоблин уже вполне свыкся с присутствием поблизости большого количества лусидов, поэтому и к перемене внешности Адинука остался равнодушным. Минотаврам и человеку, правда, пришлось объяснять, что закончилось действие эликсира и зачем он вообще понадобился. Зато новый костюмчик барда произвел ошеломляющее впечатление.

Синий с серебряными пуговицами и золотыми петлицами камзол, украшенный затейливой вышивкой, короткие до колена штаны той же расцветки, белоснежные чулки и тупоносые башмаки с мифрильными пряжками придали образу барда какой-то дополнительный лоск. Поверх камзола троу надел обильно украшенный вышивкой жюстокор — разновидность кафтана, облегающего талию и плечи, но сильно расширяющегося книзу. На его голове красовался берет с орлиным пером. Адинук смотрелся по-эльфийски вычурно и слишком уж походил на местного аристократа. В этом наряде троу чувствовал себя вполне естественно.

— Полагаю, если бы нас хотели убить, то уже бы сделали это, — задумчиво сказал Аггрх, тщетно пытаясь мясистыми пальцами оттереть красные отпечатки эльфийских губ с правой щеки и шеи. Местная помада оказалась настолько стойкой, что даже вода с мылом ее не смывала.

Адинук на это сдавленно прыснул в кулак.

— Не старайся, это магия, — пояснил Гарб и простым заклинанием убрал все посторонние следы с зеленой кожи. — Тебя пометили. Здесь у каждой дамы особый отпечаток, чтобы другие видели, кому достался трофей, и никто больше не претендовал. Под одеждой еще есть? Они потом сами исчезают, но магический след остается на всю жизнь,

если не убрать. Мне про это один дух рассказывал.

Компаньоны стали свидетелями редкого зрелища — светло-зеленые щеки воина начали темнеть и приобрели насыщенный салатный оттенок. Похоже, именно так «краснеют» орки.

— А что, мужчины даже не пытаются убрать следы? — спросил орк, пытаясь сообразить, какую еще часть тела нужно срочно почистить.

— Еще как пытаются, — улыбнулся гоблин, — только дамы постоянно изобретают новые способы сохранения меток. Эта битва заклинаний длится не первую тысячу лет. Что интересно, женщины могут узнать авторство чужой метки, а от мужчин это специально скрывается.

Могара смущенно улыбнулась, а Каввелл издал хохочущее мычание.

По просьбе принцессы портной сшил тауресе привычный для нее халат канареечного цвета и такие же панталоны — весьма достойный наряд по меркам минотавров. Орк предпочел остаться в образе тупого громилы, поэтому лишь избавился от нагрудника с поддоспешником, оставшись в кольчужной рубахе и кожаных штанах, которые портной все-таки слегка подновил магией. Впрочем, кольчуга такого плетения из мифрила сама по себе стоила целое состояние и могла вызывать восторженные шепотки у знатоков. С Каввелем Фингольфини работать отказался, высокомерно предложив только попону на спину, после чего поспешно спасся бегством.

— Как себя вести на аудиенции у короля? — задал мучивший его вопрос Агрх.

— Так, чтобы нас не велели казнить, — ответил де Деса.

Инквизитор пребывал в самом мрачном расположении духа и от ремонта одежды отказался сам, оставшись в бесформенной серой накидке. В абсолютном провале с культом Сераспикса он винил себя, из-за чего настроение с каждым часом бодрствования только ухудшалось. После визита Каввеля культисты лишь укрепились в ереси, что делало их обращение в истинные верования затруднительным.

В составе банды гоблина Хуан тоже оказался не по своей воле, но считал это частью очередного испытания, ниспосланного богами. Вот только изредка в голове всплывал вопрос, не слишком ли боги усердствуют с проверками стойкости его веры последнее время? А может, это наказание за неудачу с еретиками? Значит, все еще можно исправить.

Адинук загадочно улыбнулся и взял слово.

— Будьте ест-е-е-естественными, как мертвая ры-ы-ы-ба на сковоро-о-одке, — в полном соответствии с образом, томно растягивая слова, сообщил трою. — Я слышан, что Миримон любит всякие новые впечатления. А среди нас всех только я не буду привлекать хоть сколько-нибудь серьезного внимания. И еще нам лучше держаться вместе на всякий случай, а то придворные могут начать насмехаться над нами, как обезьяны смеются над тигром.

Все, даже бык, скептически посмотрели на чересчур расфуфыренного эльфа, но тот уже витал где-то в фантазиях и не обратил на взгляды компаньонов внимания.

— Наше пленение связано с Каввелем, — решила поделиться своим мнением Могара. — Король явно заинтересован в нем, так что стоит ждать чего-то с этой стороны.

Гарб вопросительно посмотрел на минотавра, и тот кивнул.

— Расскажу для тех, кто не в курсе, — прокрипел гоблин. — У меня сейчас в лапах древний чар божественного происхождения. Пока не до конца собранный, но уже достаточно могущественный, чтобы создать отдельный мир из куска другого или разрушить

одну эльфийскую академию в паре сотен миль отсюда. У всех нас есть причины собрать посох полностью, и этого хотят боги. Я уверен, что король эльфов знает о чаре и позвал нас в гости таким интересным способом вовсе не для собственного увеселения. И если ушастые до сих пор не попытались его захватить, так это потому, что боятся возможных последствий.

Де Деса за время рассказа Гарба то бледнел, то краснел.

— Вы хотите сказать, что это Посох Небытия? — спросил наконец инквизитор, проводя дрожащими пальцами по своим редким седым волосам от лба к затылку.

На его лбу крупными каплями выступил пот, а шрам на лице от волнения налился кровью.

— Нет же, — возразил шаман. — Это посох Бирканитры и Быр-Хапуга, богов моего народа.

— Не согласен. Если это так, то что он делает в мире смертных?

— Вопрос с подвохом? — уточнил шаман. — Насколько мне известно, он до разрушения находился в руках аватара Быр-Хапуга, а потом его обломки оказались в разных частях Лумеи.

— Такое может быть, конечно, в пророчествах точно не сказано, кем он был создан, — сказал мужчина, а затем посмотрел прямо в желтые глаза гоблина. — В любом случае это не имеет значения, если мы говорим об одном и том же посохе. Этим чаром можно уничтожить мир. Все миры, созданные Део! Его нельзя собирать!

Бык взмахнул хвостом так, чтобы удар пришелся по ягодицам стоящего рядом де Десы. Раздался щелчок, как от взмаха хлыста. Человек больше от неожиданности, чем от боли отскочил и едва не упал в травяную подстилку.

— Чар му-ожет сниму-ать божественные проклятия, — сказал Каввель.

— Посох нужен, чтобы освободить Бирканитру из плена и возродить Быр-Хапуга, — добавил Гарб.

— И Миленочка снова станет собой, — мурлыкнул Адинук.

Инквизитор сделал шаг назад и уперся спиной в стену. Опора как будто придала ему сил, и он успокоился. Со спокойствием пришла ясность мысли, которой не доставало для внятных объяснений.

— Послушайте, — тихо сказал человек. — В Храме Творения, который я недавно покинул, собрано множество пророчеств, и не меньше десяти из них посвящены вот этой штуке.

— Скоро прям шагу нельзя будет сделать, чтобы не вступить в очередное, — пробормотал Аггрх.

— Если собранный посох попадет в наш Храм, Лумее придет конец! — повысил голос храмовник. — Вы слышите меня?

— Расслабься, Хуан, — фыркнул бык. — Не понесем мы его в твой Храм.

— А кто вам сказал, что это будете вы? — парировал де Деса. — Есть целая орда тех, кто с удовольствием сделает это за вас.

— Пускай сначала попробуют отобрать, — ухмыльнулся Гарб.

В дверь постучали.

Пресветлый Миримон решил совместить прием с ужином, что вполне укладывалось в представление его народа о гостеприимстве. Хотя это могло объясняться всего лишь простым желанием короля получить больше удовольствий за раз.

В отличие от двора в Брестоне здесь никто не стал читать компаньонам пространные лекции о местном этикете. Светлым эльфам, вероятно, просто не пришло в голову, что кто-то может оказаться настолько незнакомым с хорошими манерами, чтобы не уметь себя вести подобающим образом. Гарб отнес это на счет замкнутости общества лусидов. Вряд ли большинству местных жителей доводится хоть изредка общаться с кем-то из внешнего мира, тем более незнатного происхождения. Агрх предложил другую версию:

— По-моему, они просто хотят увидеть тупых и неотесанных варваров, чтобы еще раз проникнуться чувством собственной важности на нашем фоне. Как думаете, стоит им подыграть?

После спуска на асонсере гостей проводили к банкетному залу. Основной отряд вооруженной охраны держался поодаль, но всегда в поле зрения на протяжении всего пути. Кроме того, дополнительные патрули как бы невзначай проходили мимо по смежным коридорам или попадались навстречу. Гвардейцы отдавали честь и шли мимо чеканным шагом, гремя доспехами и бряцая оружием.

Двери — высоченные полукруглые створки из молочно-белого материала непонятного происхождения, украшенного геометрическими узорами и орнаментами из серебра, — оказались закрытыми. Перед ними взад-вперед прохаживался с заложенными за спину руками сухопарый эльф в необычайно скромном однотонном кафтане. Увидев идущих в его сторону инородцев, он властным взмахом руки отпустил охрану и заговорил.

— Проспер де Аранил, паж Его Величества. Добро пожа...ловать, дама и господа, — речь его была нарочито правильной, но богатой на паузы, которые он иногда делал прямо посреди слова. — Вам лучше узнать кое-что, до начала ужина.

— Ну вот, — перебил его Каввель, обращаясь к гоблину. — А ты говорил, этого, как его? Инсруктажа не будет.

— Вот так делать как раз... нельзя! — воскликнул паж и добавил уже тише. — Дело в том, что король терпеть не может разговоров за едой. Поэтому, что бы ни слу...чилось, лучше молчите, пока Пресветлый насыщается. Перемигиваться или флиртовать тоже запрещено. Сегодня ожи...дается всего двадцать или тридцать блюд, так что больше сорока минут трапеза не займет. Зато потом Его Величество наверняка пожелает поговорить именно с вами, и уже тогда постарайтесь его развлечь. Он немного свое... нравен, но очень... щедр, когда доволен. Совсем забыл. Как дойдете до своих мест, не забудьте склонить головы. Он любит выражение покорности.

— Му-не тоже кланяться? — уточнил Каввель.

— Даже вам.

Закончив объяснения, де Аранил указал пальцем на дверь, и створки медленно и торжественно распахнулись. Гарб внутренним зрением увидел мощный всплеск магии. Настолько мощный, что он мог бы сойти за боевое заклинание.

«Удивительно», — подумал шаман. — «Они бездумно транжирят Дэ, чтобы открывать ей двери, шить наряды, писать картины, скрывать недостатки внешности, оставлять несмываемые отпечатки губ, растить огромные деревья и еще Курак знает для чего. А на действительно важные вещи скупаются. Ни разу не слышал, чтобы хоть один эльф помог бороться с голодом или построил дорогу. Они скорее пройдут мимо с задраным носом, чем заметят проблемы других народов. А если и заметят, то чванливо отвернутся. Им дано больше других, но свои таланты они растрачивают только на глупые прихоти».

За размышлениями шаман сделал несколько ковляющих шагов вперед, и только потом

сфокусировал взгляд на пиршественном зале, чтобы остолбенеть от увиденного.

Если лусиды собирались удивить гостей, то им это удалось. Помещение оказалось поистине огромных размеров. Все вокруг сверкало серебром и драгоценными камнями. Столы, заставленные чашами, кубками, бутылками, кувшинами, блюдами и тарелками, ломились от всевозможных яств и разнообразных вин, а за ними восседало тысяч пять эльфов. Все это ушастое безобразие в гробовой тишине наблюдало, как чужеродные существа входят в их владения и, вжимая головы в плечи, идут к отведенным для них местам. Диапазон взглядов рознился от добродушно-любопытствующих до откровенно враждебных.

Роскошь в таком количестве вызывала у непривычных к такому путников гнетущее чувство тревоги и неуверенности в себе. Длинный путь к столу проходил почти через все помещение и заставил компаньонов ощутить свою ничтожность по сравнению с этим чудовищно огромным помещением.

— Топ-топ-топ, цок-цок-цок, шарк-шарк-шарк, — звук шагов, цокот копыт и шарканье обуви Гарба гулко разносились по всему залу, и гостям начало казаться, что они тем самым тревожат покой какой-то святыни. Специальные места для варваров расположили между столами придворных, бесконечно тянущимися вдоль всего зала, и неподалеку от маленького столика короля у дальней стены.

Прекраснейший из лусидов, как описывают Миримона сказания, сидел на весьма необычном троне: мебелью служил настоящий живой медведь. Одному Триединому ведомо, через какие невероятные страдания пришлось пройти бедному животному, чтобы оно смирилось с такой долей. Мишка лежал совершенно неподвижно и лишь изредка вздыхал и иногда позволял себе громко и обиженно засопеть. Именно по этим звукам и становилось понятно, что огромный меховой клубок с когтями не простая имитация.

Гарб жадно впился взглядом в повелителя эльфов. Гоблину не терпелось отыскать в короле лусидов какой-нибудь изъян, но с виду все было безукоризненно. Монарх даже почти не пользовался магией, чтобы подчеркнуть свою безупречно-прекрасную внешность. Тонкий изящный нос, слегка заостренный подбородок и высокий умный лоб без единой морщинки не давали повода усомниться в благородном происхождении этого эльфа. Острые и бесконечно длинные уши, торчащие вертикально, указывали на весьма преклонный возраст Его Величества, как и совершенно не характерные для лусидов седые волосы до плеч, убранные за уши и зафиксированные серебряной диадемой с изумрудами. Они несколько отличались оттенком от серебристых волос подданных, что только подчеркивало статус повелителя эльфов.

В одежде король придерживался серебристых и зеленых оттенков. Свободное одеяние полностью скрывало тело владыки Серебряного Чертога, оставляя открытыми только лицо, длинную тонкую шею и руки ниже локтей. На запястьях Миримона тускло поблескивали браслеты, а пальцы монарха оказались унизаны перстнями. В каждом из украшений Гарб опознал могущественные боевые чары.

«Интересно, зачем они ему за обедом?» — подумал гoblin. — «Неужели нас так боится?»

Шаман посмотрел еще внимательнее и наконец разглядел то, что искал: диадема хорошо скрывала лысину, но не полностью. Напряжение тут же пропало. Противник перестал казаться небожителем и сразу обрел уязвимость, как и всякое смертное существо.

По левую руку от правителя на кресле сидела хрупкая нежная эльфийка, замотанная в несколько слоев полупрозрачной серебристой ткани. Материал так скрывал ее внешность,

что, кроме рук с нежнейшей алебастровой кожей, пухлых чувственных губ цвета спелой клубники и лукавых изумрудных глаз, рассмотреть что-либо другое не представлялось возможным. Все остальное как бы таяло за слоями ткани, оставляя лишь расплывчатый, но все равно соблазнительный силуэт. При виде этой дивы Аггрх вздрогнул и чуть не споткнулся, потому что с нарастающим ужасом узнал ту, что наведальась к нему в комнату парой часов ранее.

«Я покойник», — подумал воин, стремительно бледнея.

Эльфийка бросила на орка насмешливый и немного манящий взгляд из-под полуопущенных век, сделала пару взмахов ресницами и тут же отвернулась, как будто он был ей совершенно не интересен.

Кем бы она ни приходилась властителю этого королевства — женой, любовницей или даже дочерью — вряд ли Миримон обрадуется, если узнает правду о ее похождениях. Аггрх вдруг живо представил, как в него, по приказу взбешенного короля, летят тысячи стрел, и тяжело сглотнул. Затем орк сделал глубокий вдох и храбро шагнул к своему месту. Он рассудил, что если что-то и произойдет, то на это уже никак не повлиять, поэтому нужно просто все принять как неизбежное и не паниковать.

Пиршество еще не началось, но запотевшие хрустальные кубки уже стояли наполненными перебродившим бледно-розовым виноградным соком, который эльфы называют лёвин. Компаньоны дошли до своих мест и склонили головы, как учил паж. Минотавр при этом, как будто случайно, задел рогами стол. Звон бьющегося хрусталя наполнил зал, а придворные не смогли сдержать злорадных ухмылок при виде подобной неуклюжести. Каввель же всего лишь намеренно избавил друзей от отравы, которую, как он подозревал, щедро насыпали в каждый из бокалов. Скорее всего, не смертельной, но вызывающей непреодолимое желание выбалтывать все свои секреты первому встречному.

Одни слуги немедленно притащили для быка отдельную серебряную кормушку и поставили ее подальше от стола, а другие быстро собрали осколки, вытерли пролитое и расставили новую посуду. Минотавр здраво рассудил, что прислуга вряд ли занимается такими вещами, поэтому замену принесут без всяких добавок.

Король соизволил вяло улыбнуться и сделал легкое движение пальцами, как бы предлагая садиться. Затем он первым взял кубок в руку и воздел ее к потолку. Придворные вскочили из-за столов и последовали его примеру.

— Да здравствует король! — грянул хор из пяти тысяч голосов.

Его Величество кивнул, пригубил из кубка и приступил к трапезе, ловко орудуя вилок и иногда пользуясь магией вместо ножа для разделывания кусков жаркого. Все тут же уселись и набросились на остывающих жареных перепелок и прочие деликатесы. Тишину нарушал только легкий стук двузубых вилок о фарфоровые тарелки да работа челюстей. Компаньоны тоже сели, чтобы наконец утолить голод.

От стрелы выжил, а от комара погиб.

Эльфийская поговорка

Компаньоны давно успели вкусить от каждого поданного кушанья, поэтому просто сидели и напряженно ждали развязки. Последние десять минут молчание давалось тяжело, но все стойко терпели. Гарб даже искренне пожалел, что не наделен даром дьяволов-жахани к мысленному общению. У него накопилось множество едких комментариев по поводу хваленых эльфийских манер, и ему не терпелось поделиться ими с друзьями.

Вентиляции очень не хватало, и придворные в усиливающейся духоте начали потихоньку освобождаться от лишних предметов одежды. Сначала снимали верхнее платье и вешали его на зеленеющие молодыми побегами сучья кресел. Затем этого стало мало, и пришел черед кружевных воротничков, которые снимали прямо через голову, оголяя длинные тонкие шеи и оставаясь только в камзолах без рукавов. Лёвин веселил и раскрепощал больше, чем можно было бы ожидать от обычного вина. Видимо, его действие и позволило обычно чопорным первородным оставить манеры для более располагающей к этому обстановки. Адинук на всякий случай последовал примеру двора.

Миримон долго наслаждался блюдами, а затем вдруг залпом допил содержимое бокала, стукнул им о стол и громко шелкнул пальцами. Как по волшебству, придворные разом прекратили чавкать и преданно уставились на монарха.

— Нас сегодня обрадовали своим присутствием весьма необычные создания, — мягким серебристым тенорком объявил король на эльфийском и добавил вполголоса со смешком. — Особенно бык с короной забавный, вообще умора. Мы никогда бы не подумали, что можно так радоваться иноземцам.

Придворные начали неуверенно хихикать. Они пока не уловили общего настроения самодержца, поэтому опасались проявить неуместную эмоцию.

Из компаньонов наречием лусидов хуже всех владел Каввель, но и он примерно понял суть.

— Секретная служба донесла до наших ушей сведения чрезвычайной важности, — продолжил Миримон. — Нам сообщили о вторжении в наши земли необычной группы существ. Среди них оказался некий гоблин, дерзнувший уже во второй раз явиться в наши владения без приглашения. Надо признать, необычайно смелый поступок для его вида. Еще мы с удивлением узнали, что он также является профессором нашей бесславно рассыпавшейся в прах Академии. Нам сразу захотелось увидеть этого примечательного юношу и его необычных спутников.

Придворные нестройно зашумели. Кто-то даже робко похлопал в ладоши, но на него зашикали, мол, рано пока, а король перешел на всеобщий.

— Кто бы мог подумать, что представитель низшей расы сможет настолько низко пасть, чтобы занять место академика, а затем столь же высоко взлететь, уничтожив этот богомерзкий рассадник непотребных наук и противоестественных искусств. Мы недавно отпраздновали годовщину сего знаменательного события, но этот премудрый не по годам муж до сих пор не получил достойных его почестей. Мы предлагаем исправить досадное упущение. Виват, победителю ереси!

Все эльфы в зале, даже слуги, хором поддержали клич и восторженно зааплодировали.

Становилось очевидным, что ни академиков, ни Академию при дворе не слишком жалуют. Компаньоны слушали речь короля с противоречивыми чувствами. На скулах Гарба заиграли желваки, когда он услышал про низшую расу. Гоблин с большим трудом подавил приступ закурлившего в крови гнева. Для этого пришлось снова прибегнуть к состоянию счетной машины и дополнительно сделать пять глубоких вдохов. Эмоции поутихли. Дальше он внимал только с вялым, хоть и нарастающим удивлением.

Похоже, король только обрадовался событиям в Льонесе. Под конец монаршей речи гоблин почти смутился. Особым тщеславием он не отличался, но похвала, даже такая, приятно тешила самолюбие. Настолько, что Гарб пришел в себя и церемонно раскланялся во все стороны, опираясь на посох. Это породило новую бурю аплодисментов.

— Ответьте же, юный профессор, — король дождался, когда восторги придворных утихнут, и обратился к Гарбу, — что заставило вас так безрассудно рисковать жизнью? Если бы не наше своевременное высочайшее вмешательство и соизволение, не миновать бы вам участи прочих нарушителей границ.

— Ах, Ваше Величество, — на безупречном эльфийском ответил гоблин извиняющимся тоном, — лишь чрезвычайная спешка и воля богов вынудила нас совершить такой прескверный поступок. Мы безусловно раскаиваемся и просим о снисхождении и прощении мудрейшего повелителя Шамбр д'Аржона.

Обходительность и грубая лесть гоблина просто покорили короля и вызвали уважение придворных. Такой воспитанный варвар безусловно заслуживал стать центром внимания двора на пару часов или даже чуть дольше.

— Снисхождение и прощение дарованы! — расплылся в улыбке монарх. — Мы тоже считаем, что вас вела воля богов, когда вы разрушали ту нечестивую клоаку. С момента основания Академии боги не отвечали жрецам в наших храмах. Но стоило осыпаться последнему камню из фундамента источника ереси, как случилось чудо и Триединые снова пожелали услышать наши молитвы! Весь наш народ счастлив и благодарен. Но каковы же были ваши намерения на сей раз?

— Ваше Величество, — сказал Гарб. — Мы преследовали единственную цель — отыскать нашего пропавшего друга, обращенного в быка проклятием и спасти его от несомненно печальной участи жертвы на алтаре одного сомнительного культа. И вот он перед вами в целостности и сохранности.

— Хм, — скептически смерил взглядом животное Миримон. — Я слышал удивительные вещи про это создание. Он разумен?

— И даже му-алость понимает по-эльфийски, — ворчливо отозвался Каввель на всеобщем, породив волну восхищенных шепотков. — Будь я все еще му-инотавром, му-ог бы счесть такие слова оскорблением.

— Какая изумительная шутка богов! — по-детски захлопал в ладоши король. — А еще нам доносили, что вы неосмотрительно путешествуете в компании одного из подземных обитателей. Почему же я не вижу этого отщепенца, и кто этот милый златовласый юноша рядом с вами?

Адинук широко улыбнулся королю и поймал в ответ многозначительный взгляд, от которого барду стало слегка не по себе.

— Ваше Пресветлое Величество кто-то ввел в заблуждение, — низко поклонился троу. — Меня зовут Фалинор де Арконзак. Я родом из королевства ваших кузенов на западе, сейчас нахожусь в традиционном для моего возраста странствии и всегда был чист душой и

телом. И если кто-то посмел выдать дорожную пыль, коварно осевшую на моей коже толстым слоем за многие месяцы невзгод и лишений, за нечто иное, я готов словом и шпагой доказать, что подло оклеветан.

Король просто растаял от таких сладких речей.

— Немедленно принесите награды для героев! — воскликнул он. — Нам не терпится вручить их, а затем я хочу услышать все подробности ваших странствий, милый Фалинор. Наедине.

Придворные отреагировали на последнее заявление короля по-разному. Кто-то печально вздохнул, а кто-то завистливо заскрежетал зубами.

Распахнулась боковая дверь, и из нее вышел дюжий эльф с очень длинными ушами. Король бросил недоуменный взгляд, но, увидев у того в руках красную бархатную подушечку с орденами, не стал задавать вопросов. Адинук при виде вошедшего непроизвольно подался вперед. Длинноухий странной пошатывающейся походкой подошел к королю, переложил ношу в левую руку, схватил правой со стола вилку и с размаху всадил ее в бок не ждущего подвоха Миримона.

Король охнул и стал заваливаться набок. Сидящая рядом дама проворно выскочила из-за стола.

— На помощь! — завопила она. — Короля убивают!

Медведь, почувствовав, что на нем уже никого нет, облегченно стал и выгнул спину, потягиваясь и сладко зевая прямо в остекленевшие глаза убийцы. Началась паника.

Охрана побежала к нападавшему со всех ног, но он, не обращая внимания на живой трон, уже занес вилку для второго удара. Владыка Серебряного Чертога попытался заслониться руками, напрочь позабыв от ужаса про защитные амулеты, кольца и магию. Адинук выверенным движением выхватил из сумки стеклянный пузырек и ловко метнул его в голову палача — расстояние как раз позволяло. Предмет угодил точно в затылок и взорвался сотней мелких осколков. Содержимое выплеснулось длинноухому на голову. Тот выронил вилку и, корчась от судорог, повалился на мрамор пиршественной залы.

Еще до падения все пять тысяч придворных успели увидеть обсидиановую кожу нападавшего, бывшую вполне светлой до «героического броска гостя».

— Измена! — заорал кто-то. — Черноухие в городе!

Адинук сиял: его план сработал даже лучше, чем задумывался. Скоро охрана найдет в пыточной письма, подписанные начальником стражи, его заместителем и командиром лесных следопытов, в которых они требуют от «обнаруженного ими шпиона темных» устроить покушение на короля, угрожая ему разоблачением и страшными пытками в случае отказа. В такой ситуации никто даже не станет сверять почерк. А если и станут, бард аккуратно копировал буквы с писем всей троицы. Повезло, что их и Сансона связывали настолько трогательные отношения, что дошло до любовной переписки, и палач бережно хранил все послания в одной шкатулке.

Также среди личных вещей длинноухого найдется пара вещичек из Подземья, и уже никто не будет сомневаться, что он троу, долгое время маскировавшийся под лусида. Король-то выживет, а заговорщиков ждет страшная кара. Вкус мести сладок, хотя и не заменит павших. «Спите спокойно, братья», — с грустью подумал Адинук и ненадолго помрачнел.

— Твоя работа? — шепнул барду сразу заподозривший подвох Агрх.

В ответ эльф одарил орка невиннейшей улыбкой и вздернутыми в показном удивлении

бровями.

— Я даже из комнаты не выходил, — пожал плечами троу и не соврал, ведь его выносили.

Придворные быстро разбежались по своим делам, и зал изрядно опустел. Компаньоны решили переждать суматоху за своими столами. Короля унесли слуги, а к гостям крадущимися шагами приблизился паж де Аранил.

— От лица Его Величества приношу вам извинения и бла...годарность за спасение его жизни, — обратился он к Адинуку. — Если бы не ваша доблесть, нам пришлось бы горевать. Кто бы мог подумать, что наш дознаватель не тот, за кого себя выдавал столько лет! Кстати, а что и...менно вы в него бросили?

— Я алхимик, — гордо расправил плечи троу. — У меня с собой всегда есть разные эликсиры. В том пузырьке было средство для выведения прыщей.

— Понятно, — прищурил веки паж. — Значит, до казни прыщей у негодя не будет. А как вы пронесли неустановленную жи...дкость мимо стражи и охранной системы?

— У меня много талантов, — обезоруживающе улыбнулся бард.

Каввель огрел Проспера хвостом по ягодицам.

— С королем-то все в порядке? — спросил он у ошарашенного такой наглостью эльфа.

— Его Величество находится под наб...людением лучших целителей, — потирая ушибленное место, ответил паж. — Вынужден просить вас удалиться в свои комнаты до выяснения всех обстоятельств покушения. Награды вам вручат, когда Пресветлый поправится.

— Как будет угодно, — согласился за всех Гарб.

Компания снова собралась на совет в той же комнате без мебели. Сумерки еще не наступили, но солнце уже висело достаточно низко над горизонтом. Аггрх надавил на панель на стене, и под потолком вспыхнуло маленькое волшебное солнце, залившее помещение ярким белым светом. Компаньоны такое уже видели в заброшенном эльфийском храме и ничуть не удивились. Де Деса тоже воспринял это как обычное проявление лусидской магии, а Могара легонько вскрикнула и прижала руки ко рту.

— Есть какой-то способ отчалить отсюда? — начал разговор Каввель.

— Боюсь, что мы на какое-то время застрянем, пока они не выяснят все про заговор, — вкрадчиво сообщил Адинук.

Де Деса, прошедший в молчании большую времени с прошлого совета, устало оперся о стену и хмыкнул.

— Нас отсюда никогда не выпустят, — сказал он.

— Почему? — хором спросили все.

— Потому что древнее заклятие позволяет попасть в Серебряный Чертог только тем, кто здесь уже побывал, или тем, у кого есть проводник, — пояснил человек. — Город надежно спрятан, и эльфы не станут рисковать его безопасностью. Мы для них чужаки, а чужакам они не доверяют настолько, чтобы отпустить на все четыре стороны.

Адинук побледнел: ему пришло в голову, что казавшийся безупречным план имеет несколько серьезных недостатков. Раз шпион не мог сюда попасть без посторонней помощи, охрана короля начнет выяснять, кто же помог Сансону с проникновением в город. Следствие может затянуться и неизвестно, до чего оно сможет докопаться. Паж еще этот со своими неудобными вопросами. Да и перспектива выздоровления Миримона как-то не радовала.

— Меня выпустят, я же свой, — бард щелкнул себе пальцем по правому уху. — А там на воле я придумаю, как вас отсюда вытащить.

Инквизитор хрипло рассмеялся, и кожа вокруг его бледно-зеленых глаз собралась сеточкой.

— Вполне возможно, любезный троу, — сказал он, — через пару сотен лет ты вполне заслужишь их доверие, особенно если пообщаешься с королем так тесно, как он намекал сегодня. Только придется погостить, пока ты ему не надоешь. Зная эльфов, на это уйдет вечность, а мы все столько не протянем.

— Рати приведет армию хапуг, — решил раскрыть секрет Гарб.

— А эти ваши хапуги давно здесь были в последний раз? — саркастически хмыкнул Хуан.

Гоблин понурил голову. Помощь просто не найдет место, откуда их нужно спасать.

— И что же, они будут держать в плену особ королевских кровей? — вскинулась Могара.

Каввель залюбовался раздувающимися ноздрями и мечущими молнии карими глазами. По его мнению, принцесса в гневе была еще прекраснее.

— А кто им помешает? — сдержанно удивился храмовник. — Никто не знает, что мы здесь, так что на дипломатический скандал тоже можно не рассчитывать. Даже если ваши матросы сообщат кому-то, что мы сошли на эльфийский берег, остроухие все будут отрицать.

Могара от злости топнула копытом, но мягкая травяная подстилка заглушила звук удара.

— Это ты предложил поехать в эльфийские владения, человек! Из-за тебя мы здесь.

— Не отрицаю, — мрачно ответил де Деса. — На тот момент это казалось лучшим выходом. Кто мог знать, что все так повернется. Патрули в автономиях почти не появляются. Наверное, у эльфов есть волшебные способы узнавать о чужаках на своих землях.

— Давайте хотя бы отдохнем, — зевнул Аггрх. — Раз уж ничего поделать нельзя, надо извлекать максимум выгоды из своего положения. Завтра подумаем еще.

С этим утверждением все согласились: день выдался бурным.

Оказавшись наедине с собой, Гарб лихорадочно перебирал в уме варианты спасения. Можно попробовать передать сообщение через Курака, но при виде этого духа шаманы обычно бегут из Шеола без оглядки. К тому же, это мало что даст.

Мысли все время возвращались к разрушительной силе посоха. Если как следует помолиться, то один удар — и тут начнется такое, что эльфам станет не до слезки за гостями. Вот только опять эта дурацкая жалость к невиновным и...

— Почему я не могу убивать, как все? — заскрежетал зубами гоблин и сжал кулаки. — Стереть этот городишко с лица земли — и проблема решена! Так нет же, надо искать какие-то сложные пути, потому что мне их жалко.

Шаман залепил кулаком по гобелену с вездесущим здесь Триединым и взвыл от боли, когда костяшки впечатались в каменный блок за ним. Боль немного отрезвила и прояснила мысли.

— Наверное потому, что убийства обычно не одобряются богами, — прохрипел из дальнего неосвященного угла голос де Десы.

Гарб подскочил от неожиданности.

— Там сложные законы действуют, но если в двух словах, то смертные дают им больше

силы, пока живы. Совершишь массовое убийство — навлечешь на себя страшную кару.

Седовласый инквизитор удобно устроился на мягком кресле и с интересом рассматривал собеседника.

— Как ты обошел мои ловушки? — потрясенно спросил шаман.

— Немного упорства и много лет тренировок, — ответил инквизитор, но подробностей сообщать не стал.

— Скорректировать контур и добавить реакцию на перемещение с предельно малыми скоростями, — пробормотал гоблин и выжидающе посмотрел на человека.

Пускай сам объясняет зачем пожаловал.

— Я пришел поговорить, — наконец прервал молчание Хуан.

— Хвала Бирканитре! — саркастично отозвался Гарб. — А я уж подумал, что ты за головой или посохом явился.

— Эту возможность никогда нельзя исключать, — серьезно заметил храмовник, — но мне действительно нужно поговорить. Начну с того, что я могу передать весточку твоей девчонке, и дать ей проводника, чтобы армия действительно появилась под стенами города.

Гарб недоверчиво покачал головой.

— Не веришь? — улыбнулся человек. — Смотри!

Он распахнул окно и издал несколько звуков, которые сошли бы за птичий клекот. Спустя минуту раздалось шумное хлопанье крыльев, и на подставленную руку де Десы уселся крупный белый попугай.

— Драко хороший! — сказала птица.

— Хороший, — подтвердил инквизитор, закрыл окно и легонько потрепал питомца по голове. — Наложу пузырь тишины.

Гарб тотчас наколдовал заклинание от подслушивания.

— Он отнесет послание и будет проводником для того, кого я укажу.

— У-лика! — громко сообщила птица и забила крыльями.

— Взамен ты хочешь клятву? — догадался шаман.

Попугай принялся чистить перышки, недобро поглядывая на гоблина. Гарбу даже показалось, что питомец инквизитора прикидывает, не еретик ли перед ним.

— Ты очень проникателен, юный жрец, — кивнул храмовник. — Нерушимую клятву. Ты должен поклясться уничтожить посох, если появится опасность, что он может попасть не в те руки или лапы. Если ты откажешься, посох навечно окажется заперт в этом городе. Эльфы, скорее всего, не смогут им воспользоваться, но и выкидывать не станут. Значит, мир будет в безопасности, пока стоит Чертог. В этом плане есть свои изъяны, но на какое-то время такое хранилище подойдет.

Гарб невольно улыбнулся и решил присесть. Разговор обещал затянуться.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — сказал гоблин. — Нельзя разрушить неразрушимое.

— Можно. Я расскажу, как это сделать, но сперва ты должен кое-что узнать об устройстве вселенной. Лумея сейчас — основа всех миров. Не станет ее, не станет и остальных. Есть древнее пророчество о конце времен. Наш мир попытаются уничтожить, чтобы погубить все сущее.

— И кому это может понадобиться? — гоблин пытался оставаться серьезным, хотя его все время подмывало улыбнуться от заявлений человека.

В конце концов инквизитор искренне верит в свои рассказы. Может, в его словах найдется хотя бы часть правды.

Мужчина скрестил свои усталые зеленые глаза с пытливым желтоглазым взглядом Гарба.

— В силу ремесла, мне ведомо многое, — сказал де Деса. — Последнее вмешательство Део в дела миров, как ты, наверное, знаешь, произошло во времена Исхода, то есть очень давно. Тогда же Вседержитель поставил богов в зависимость от смертных. В результате младшие боги стали могущественнее старших. Не всем нравится такой порядок. Часть старших и средних богов решила, что если уничтожить место обитания смертных, то Он вернет им прежнюю свободу, с которой вернется былая сила. Правда, влиять на этот мир они могут в основном только через аватаров, а это... затратно. И, конечно же, их козням мешают молодые боги, поэтому мы все до сих пор и живы. К тому же они знают, что гибель Лумеи уничтожит и их миры, и ищут способ этого избежать. Пока не нашли, к счастью, иначе тоже махнули бы на нас рукой. Но это не все, кому была бы выгодна гибель Лумеи.

— Умбра? — предположил шаман.

— Не совсем, — не согласился человек. — Умбра всего лишь тьма, не жалующая свет, но в целом она укладывается в рамки мироздания. Считается, что мир мрака — живое существо, которое просто хочет проникнуть в другие миры и подчинить их своей воле. Оно не злое в нашем понимании, а просто преследует свои цели, которые нам, живым, в некотором роде, неприятны. И эти цели не включают уничтожение, только захват и переделку под свои темные нужды. Не лучшая судьба для нашего мира, но и не худшая.

— Кто же тогда?

Храмовник поджал губы, потому что посвященных в такие тайны даже в его окружении насчитывалось от силы пятеро. И все-таки он решил поведать все этому странному гоблину-переростку, который так легко обращается с абсолютным оружием.

— Самый страшный враг всего сущего Неган — мир хаоса и злобы. К его сотворению Вседержитель не имеет никакого отношения. Мы мало знаем о нем, но его почитатели есть даже среди смертных Лумеи. Мне доводилось допрашивать нескольких из них. Безумцы и фанатики, но их жрецы наделены невероятной силой. Один из них использовал против моего отряда какое-то темное заклинание. Я выжил только волей случая и получил этот чудесный шрам на лице.

— Все это очень познавательно, — зевнул Гарб, рассматривая лицо храмовника, — но какое отношение это имеет к посоху?

— Сам-то как думаешь? — хмыкнул Хуан. — Полностью собранный посох в умелых руках дает поистине безграничное могущество. Аватар любого бога, дорвавшись до него, сможет перекроить вселенную по своему хотению, если Део не успеет или не захочет вмешаться. А уж если до него дорвутся любители Негана — миру конец. К тому же ты все еще должен мне услугу. Решайся!

— Ладно, убедил, — сказал Гарб. — Будет тебе клятва в качестве услуги.

Все равно, кроме последователей Быр-Халуга и Бирканитры, никто не сможет воспользоваться посохом, а значит, исполнять ничего не придется.

— Знаешь, гоблин, — задумчиво произнес инквизитор, — ты мне даже симпатичен. Твоя верность своей богине и ее воле достойна уважения.

— Даже, — передразнил его в ответ Гарб. — То есть, мне нужно постоянно проявлять кучу положительных качеств, чтобы заслужить вот такое признание. А иначе было бы снисхождение или презрение только потому, что у меня уши не той формы или нос слишком плоский? Если бы не вот такое отношение со стороны других рас, мой народ занимал бы

гораздо более высокое положение. Про лусидов и так все ясно, но от человека я все же ждал меньшего проявления предрассудков.

— Извини, — поспешно встал и выпрямился де Деса. — Я, пожалуй, пойду.

Труп в беде не бросит, лишнего не спросит...

Любимая песенка некроманта Сандро

Гарб уже засыпал, когда громкие звуки за стеной заставили его резко принять вертикальное положение. С этой стороны располагалась комната Могары. Чего вдруг тауроме вздумалось буянить посреди ночи? Может, на нее напали?

Гоблин прислушался. Каменные стены не могли заглушить все, и до чутких ушей доносились сдавленный смех, мычание, пыхтение, тяжелое сопение и какая-то возня.

— Каввель! — осенило Гарба. — Нашел время романтику разводить, любовничек быров!

Шаман раздраженно сплюнул на пол. Ладно, пусть пошалит немного, а то ему и так отведены только три ночи в месяц в собственном теле. Спасибо хоть, что он это делает не в своем дневном состоянии, потому что это было бы даже страшно представить.

Гоблин снова лег и накрыл голову подушкой, пытаясь заглушить брачные игры минотавров и уснуть. Через какое-то время звуки утихли, и дремота снова начала одолевать. Однако поспать опять не дали. На этот раз звонкий женский голос сопровождался довольным орочьим рыком и доносился уже со стороны комнаты Аггрха. Еще и вода плещется. В ванну залезли!

— Да вы сговорились все, что ли! — возопил несчастный гобхат.

Спать с таким фоном было решительно невозможно, и осталось погрузиться в размышления.

«Интересно, как там Рати», — с тревогой подумал Гарб. — «Надеюсь, с ней все в порядке».

Он представил смолистый аромат, обычно исходящий от тела девушки, и вдруг ощутил непреодолимое желание обнять ее.

Сон нагрязнул внезапно и застал гоблина с улыбкой на губах, но его грубо прервали.

— Что еще? — сонно спросил шаман у двери, которую кто-то попытался открыть ключом, потом магией, а когда не получилось, робко, но настойчиво постучал.

Стук повторился, и гоблину пришлось встать. Посох сам прыгнул в подставленную ладонь — последнее время так происходило каждый день. Лапа тут же вцепилась в отполированную поверхность мертвой хваткой. Одеваться шаман даже не собирался. Если он шокирует кого-то из прекрасного народа исподним или шрамами, то это проблемы прекрасного народа.

— Кому я понадобился...? — успел спросить Гарб, убирая ловушки, отодвигая засов и на всякий случай готовя парализующее заклинание.

В комнату без промедления втиснулась эльфийка в головном уборе, скрывающем черты лица, захлопнула дверь за собой и задвинула засов.

— Нельзя заставлять даму так ждать! Я еле отвела глаза охране! — возмущенно выдохнула она на всеобщем и задохнулась на полуслове, глядя на стоящее перед ней воплощение непристойности.

Заспанный и полуголый гоблин стоял, опираясь на посох. Его вид при этом отнюдь не сквозил дружелюбием.

— Чем обязан? — проскрипел он на эльфийском.

Лусидка окинула взглядом его сторбленную фигуру и зарделась, когда взгляд задержался на белых шрамах, прорезающих извилистыми рваными линиями коричневую шерсть на груди. Румянец проступил даже сквозь маскирующие чары и оказался хорошо виден в тусклом свете ночника.

— Мерд, — ругнулась длинноухая дама, в которой Гарб опознал особу, сидевшую за ужином подле Миримона. — Я, кажется, дверью ошиблась.

— Если вы шли к Агрху, то у него уже занято, — с некоторой издевкой произнес гоблин, указывая на правую стену.

Из-за нее по-прежнему доносились звуки, недвусмысленно намекающие, что орк в своей комнате отнюдь не баллады слагает. Эльфийка побагровела.

— Кто посмел? — зашипела она, как рысь, увидевшая воргга. — Я этой девергондиэль[1] глаза выцарапаю!

— Ну-ну, — примирительно сказал шаман. — Агрх всегда пользовался популярностью, так что ничего удивительного. А вашу метку я снял, так что формально он был свободен.

Дама уже собиралась выскочить вон, но резко передумала.

— Ты сделал что? — спросила она, недобро прищурилась глазами, видимо, уже придумывая план мести.

— Это было несложно, — улыбнулся еще не осознавший всю тяжесть последствий шаман.

— Феруниэль, — вдруг представилась эльфийка, срывая с головы маскировку, и медленно скользнула языком по верхней губе. — Значит, тебе придется попотеть за него, шалунишка. Твои соплеменники обычно мелкие и вызывают только омерзение, а ты выглядишь довольно мужественно. С гоблином я еще ни разу не была, так что постарайся не посрамить свою расу. Я очень надеюсь, что мне понравится.

Гарб похолодел от ужаса и попятился. Ему не сильно понравился голодный блеск в изумрудных глазах лусидки. Лучше бы она обозвала его уродом или чудовищем. Да лучше получить новую порцию пыток в душном вонючем трюме, чем такое безобразие!

— Не бойся, глупышка, — плотоядно усмехнулась дама, чьи волосы оказались ожидаемо светлыми, и тоже сделала шаг. — Ты неопытный, да? Ничего, со мной ты познаешь много нового.

«Как же от тебя избавиться?» — в отчаянии подумал гоблин и сделал первое, что пришло в голову.

— Ух, какой скромник! — Феруниэль ловко погасила заклятие паралича ответной магией и начала дрожащими от нетерпения пальцами распускать тесемки своего одеяния.

Серебристая ткань скользнула к ее ногам, вынудив шамана отчаянно зажмуриться. Он не хотел это видеть. Пауза затянулась, и гоблин приоткрыл один глаз. Блондинка лежала на ковре с растрепанными волосами и маленьким дротиком в шее. Обнаженное тело было заботливо прикрыто той же накидкой, от которой эльфийка так спешила избавиться. Возле лежащей стояла Рати в своем маскировочном костюме и поигрывала духовой трубкой.

— Развлекаемся, значит, и без меня, — тон хапуги казался обманчиво сладким, но нахмуренные брови и поджатые губы выдавали клокочущую внутри бурю.

Гарб сдавленно вскрикнул и бросился к девушке.

— Ты спасла меня! — попытался он сдавить ее в объятиях.

Хапуга увернулась и отпрыгнула к двери.

— Сперва объясни, что это сейчас было!

— Не понял. Почему это я должен оправдываться?

— Ты совсем тупой? — Рати чуть наклонила голову набок, демонстрируя сомнение. —

Не, совсем тупого я бы не выбрала. — Просто несносный. Скучный. Самодовольный. Чертов! Моорх!

Гарб обиженно засопел.

— Мы разве уже не дружим? — решил уточнить он.

— Сладкое надо заслужить, — многозначительно ответила девушка, — а ты пока не справляешься.

— Странное у тебя понятие о дружбе, — непонимающе сказал шаман.

— Я и говорю, моорх, — отрезала Рати и подошла ближе.

Гарб наконец сообразил, что до сих пор находится в одной набедренной повязке, и вспыхнул.

— М-м-м, — Феруниэль пошевелилась и застонала как-то чересчур злобно, как будто смогла что-то услышать.

Рати обернулась и мстительно всадила незадачливой сопернице в шею еще один дротик. Эльфийка окончательно лишилась чувств, а хапуга снова обратила внимание на гоблина.

— Обещай мне, что больше не оттолкнешь, как там на дороге, и не бросишь, — эти слова она прошептала прямо в ухо, обжигая кожу горячим дыханием.

От Рати все также пахло смолой с хвоей, и это будоражило кровь.

— Обещаю, — хрипло выдохнул шаман.

— Тогда поцелуй меня!

— Н-нет, — решительно отстранился целомудренный жрец Бирканитры, убирая ее ладонь со своей щеки.

Глаза девушки влажно заблестели от навернувшихся слез.

— Твое нет на расстоянии поцелуя делает мне больно, — дрожащим голосом сказала она. — Что? Что еще нужно сделать, чтобы ты оттаял?

— Извини, — Гарбу правда было жаль, но он знал, что так почему-то правильно.

— Пошел к черту, глупый моорх.

Шаман уже натягивал свой старый балахон, а новый в скомканном виде исчез в недрах бездонной торбы.

— Да, — сказал он. — Нужно выбирать. Отсюда можно улизнуть всей компанией?

— Можно, — сухо ответила Рати. — Эти деревянные чурбаны думают, что никто не может проникнуть в замок, потому что не сможет найти, а это оказалось легче легкого. Меня одна птичка довела прямо до дворцовых подвалов. Их тут вообще никто не охраняет, даже магии никакой нет. Через них и уйдем. Там есть потайной ход напрямиком в Подземье.

— Охрана?

— Диверсия и отвлекающий маневр, — хищно улыбнулась девушка.

Тут она была в своей стихии. С учетом испорченного настроения, эльфийским гвардейцам светило что-то очень нехорошее.

Стража дежурила на лестнице и возле подъемника. Задача стояла непростая: либо убрать оба поста одновременно, либо один незаметно для второго. После обсуждения выбрали первый вариант.

Компаньонов собирали скрытно одного за другим, чтобы не вызывать подозрений. Рати пришлось потратить пару дротиков еще и на пассивку орка, когда та вздумала невовремя

проснуться. В остальном общий сбор прошел легко. Усталые гвардейцы по-прежнему мало интересовались происходящим на этаже, предпочитая выполнять прямой приказ «никого из гостей не выпускать». К хождениям из комнаты в комнату они уже привыкли и тоже оставили без внимания.

— Какой план? — сонно позевывая, спросил Каввель.

Несмотря на помятый вид выглядел он на редкость довольным и все время улыбался.

Пират по случаю облачился в сохраненные Могарой штаны, хоть и чувствовал себя в чужой одежде неловко. Принцесса тоже стояла со смущенным выражением на морде и как будто ждала осуждающих взглядов от остальных. Не дождавшись, удивилась и успокоилась.

— Минотавры идут как бы мимо охраны у подъемника — их там всего пятеро — и, поравнявшись, делают из нее отбивные копытами или как это у вас принято, — начала излагать детали хапуга, вызвав одобрительную улыбку у обоих тауросу. — В это время Аггрх несет на руках к лестнице одну из этих ланатэш[2] и кричит, что даме плохо. Можешь выбрать любую, здоровяк, какая меньше понравилась. Я в это время незаметно пробираюсь туда же и устраиваю переполох. Надо только, чтобы хотя бы один из них обернулся. Дальше наш побег. Кто-нибудь умеет управлять этим асоном?

— Асонсером, — поправил Гарб и добавил неуверенно. — Я попробую.

— Отлично, ты справишься, — тряхнула каштановыми кудрями Рати. — Дело за малым. Как только охране становится не до нас, бежим к подъемнику и спускаемся в подвал. Там нас уже, скорее всего, будут встречать, но они думают, что нас меньше и мы без оружия.

— Я без оружия, — напомнил инквизитор.

— Рази их словом, — к неудовольствию человека подсказал троу, витая где-то в своих бардовских фантазиях.

— Может, заложницу возьмем для верности? — предложил Аггрх.

Гарб легко постучал костяшкой указательного пальца себе по голове и указал на посох. Орк понял, что Бирканитра такое тоже не одобрит, и огорчился.

— В этом нет чести, — развил мысль Каввель.

Могара прижалась к нему боком и поощрительно потрепала черную шевелюру между рогов.

— Не знаю, о чем вы, — проворчал орк. — Я не благородных кровей и таким премудростям не обучен.

В этом зеленокожий немного лукавил. Он все никак не мог взять в толк, как стать правильным паладином, хотя много о них читал еще в бытность гладиатором. В книгах защитники веры описаны эдакими рыцарями света в сияющих доспехах, всегда поступающими правильно. Правильно для кого? Что одному хорошо, другому плохо. Да и что такого страшного он предложил? Ну, поносил бы приятную на ощупь знатную эльфийку с собой немного и отпустил бы потом. От нее же не убудет. Может, даже обрадовалась бы приключению. Все интереснее, чем подыхать в замке от скуки. За этими размышлениями он чуть не пропустил начало операции.

— Тащи давай! — троу успел сделать выбор за Аггрха, так что нести пришлось Феруниэль.

«Интересно, кто она все-таки и большой ли скандал ее ожидает, когда мы сбежим, а ее обнаружат в таком виде?» — подумал зеленокожий и решил, что ему как паладину не все равно.

Воин замотал прелестное личико маскировочной тканью. Вдруг ее так не опознают, а

она за время переполюха очнется и успеет тихо улизнуть. Ощувив от своих действий прилив благочестия, он наскоро завернул бесчувственное тело в одеяло, бережно поднял на руки и вышел из комнаты Гарба.

До Агрха только в этот момент дошло, что гоблин-то, похоже, тоже времени зря не терял.

«Растет мальчик», — с теплотой подумал он.

Похабную улыбку пришлось срочно прятать, чтобы не напугать гвардейцев раньше времени оскаленными клыками. Орк медленно шел, ожидая условного сигнала.

Эльфийка в беспамятстве легонько постанывала у него на руках, удобно поддерживая легенду о плохом самочувствии. Стража наострила уши при виде идущего в их сторону здоровяка с женщиной на руках.

— Стой, варвар! — скомандовал сержант, выставив вперед острие шпаги. — Вам всем запрещено покидать этаж!

Десять гвардейцев за его спиной тоже насторожились и схватились за оружие.

— Р-р-р, тут это, того, красивый баба совсем плохо, — продолжая движение, прорычал воин, изображая дикаря. — Шаман-знахарь надо звать, а то великий дух предков ее забирать в царство дикий охота.

— Оставайтесь на месте, я сейчас вызову помощь, — сообщил сержант и процедил сквозь зубы что-то крайне обидное про вконец распустившихся представительниц знатного сословия, скачущих по койкам всяких тварей, из-за которых простому солдату приходится выполнять несвойственные ему обязанности.

Эту глубокую мысль он умудрился выразить всего пятью словами.

Начальник караула обернулся, чтобы отослать одного из вполне согласных с его замечанием подчиненных за лекарем, но в этот момент ощутил легкое покалывание в области шеи. Ощущение сопровождалось непреодолимым желанием убивать, а перед собой он увидел пригодных для этой цели соплеменников.

— Р-р-р-ааа! — с пеной у рта он бросился на своих же подчиненных, размахивая тяжелой шпагой направо-налево.

Те сперва опешили, но быстро начали отбиваться от взбесившегося командира, стараясь не причинить ему серьезного вреда.

Орк остановился, с любопытством наблюдая, как полилась чужая кровь.

— Бросай эту дуру, тупица, — услышал он над ухом разъяренный шепот Рати, — и бегом к остальным!

Уговаривать зеленокожего не пришлось. Он аккуратно уложил ношу на пол и опрометью бросился к паре тауросу. Минотавры уже скучали возле мирно почивающей на плиточном полу пятерке стражей. К приветливо распаивающему двери асонсеру поспешили и остальные. Пара секунд гонки — и первая часть плана завершится успехом.

— Цус![3] — от досады выругался Агрх и остановился на полдороге, увидев, что подъемник не пустой.

Из чрева лусидского изобретения повалили десятки воинов в серебристых доспехах. Ощетинившийся короткими копьями строй прикрывал невысокую изящную фигуру Проспера де Аранила.

— Триединый предупредил меня, что нужно следить за вами! — крикнул паж. — Взять их! Можно мертвыми.

Компаньонам пришлось попятиться, а Гарб машинально использовал посох. Лусидам

повезло, потому что кабина асонсера, лишенная питающей ее магии, со страшным скрежетом рухнула в шахту уже после того, как из нее вышел последний солдат. Эльфы с разинутыми ртами проводили падение взглядом, а секунд через пять их расшвыряла по коридору ревушая волна пыльного воздуха, пришедшая снизу.

— Идем с боем по лестнице! — крикнула Рати, увидев, как оглушенные и частично ослепленные остроухие изображают на полу огромных серебристых червей.

— Переть напролом? — засомневался гоблин.

— Другого пути-то нет, — философски пожала плечами хапуга.

— Тогда какой план? — рыкнул Каввель, отфыркиваясь от пыли.

— Внезапность и обаяние, — усмехнулась девица. — Есть надежда, что внизу нас не ждут. А если и ждут, Гарб лупанет их посохом. Должны прорваться.

Гоблин быстро извлек из торбы оружие и раздал компаньонам, удивив Каввеля секирой. Минотавр настолько нежно прижал к себе ржавые лезвия, что заработал от заревновавшей Могары шуточный подзатыльник.

Не теряя времени, компаньоны бросились к лестнице. Гвардейцы уже успели обезоружить и повалить на пол своего беснующегося командира. Трое как раз пытались связать его, а еще двое лежали совершенно недвижимо, истекая кровью. Остальные решили выяснить причину шума и неосмотрительно оставили охраняемый ими проход, в котором у них был хоть какой-то шанс задержать компаньонов.

Вся четверка вышла в коридор из лестничного проема, где нос к носу столкнулась с бегущими в авангарде минотаврами. Атакующие тауросу выглядят страшно даже для хорошо подготовленного противника, а хлипкие по сравнению с ними эльфы только и успели, что задрожать от страха. Остроухие едва начали вспоминать про копыта, когда безудержный вихрь рогов и подкованных копыт налетел из пыльной дымки, смел, сбил с ног и размазал оставшееся ровным слоем по стенам. Секира не понадобилась.

Рати незаметно подкралась к пытающимся вязать командира на расстояние выстрела и всадила каждому по игле в шею. Почувявшего свободу сержанта утихомирил Агрх одним мощным ударом. Орк убедился, что Феруниэль в схватке не пострадала и бросился догонять остальных.

Путь был открыт, и компаньоны устремились по широким мраморным ступеням вниз. Гарб на ходу выпил какое-то снадобье, чтобы не отставать, и побежал едва ли не быстрее спутников. Беглецы беспрепятственно миновали первый этаж и начали спускаться дальше к подвалу. Далеко позади послышался топот сапог — видно кто-то все-таки поднял тревогу, но преследователи уже не успевали помешать побегу.

Через множество лестничных пролетов ступени привели к широкой зеленеющей листьями двери.

— Нам сюда, — уверенно заявила хапуга и толкнула створки. Из них на компаньонов дохнуло тошнотворным запахом тлена.

— Кутте ка бета[4]! — выругалась Рати. — Какого бира он это сделал?

Гарб нахмурился и всмотрелся в темноту подвала. Гоблины видят в темноте куда лучше остальных народов, но даже им требуется хоть какой-то источник света. Между бесчисленным количеством ящиков с провизией у шамана получилось рассмотреть неясное шевеление, а внутренним зрением удалось засечь еще и следы темной магии.

— Зомби, — констатировал он. — Много. Идут к нам, намерения недружелюбные. Я могу задействовать посох, но с таким количеством придется бить по площади. Можно не

рассчитать мощность, и тогда дворец упадет нам на головы. Может, огнем?

— Тише, еще пожар устроишь! — осадил его Аггрх. — Мне что-то совсем не улыбается погибнуть в огне.

— А быть загрызенным трупом лучше? — поежился де Деса.

Между тем топот ног позади стал отчетливо слышен. Эльфы напали на след беглецов, и теперь стягивали всю дворцовую стражу к нижним этажам. Еще немного, и среди них найдется толковый вояка, который предложит поискать в подземных хранилищах.

— Так как будем отчаливать? — поинтересовался Каввель, поигрывая секирой. — Мне скоро превращаться, так что если абордаж, то давайте быстрее.

— Ох, как я это не люблю, — пробормотал Адинук и принялся выписывать пассы руками.

Гарб отпрянул, почувствовав рядом мощнейший выброс Тэ — энергии смерти.

— Теперь можно пройти, — заявил троу, слегка пошатываясь от усталости. — Если мне кто-нибудь поможет, то я тоже пойду с вами.

Хапуга обернулась на эльфа и посмотрела на него с уважением. Почти не удивившийся Аггрх — все-таки о способностях темных эльфов к некромантии ходят легенды — подставил барду плечо. Хмурый де Деса подставил второе, и компаньоны продолжили путь.

Рати вела их к выходу. Пробираться приходилось через полуразложившиеся тела, обильно усеявшие пространство между коробами со снедью.

— Знаете, что радует? — Гарб успел наколдовать заклинание свежего воздуха вокруг группы, так что вонь совершенно не мешала ему говорить.

— Что? — пыхтя от взятого темпа, спросил орк.

— Не нам придется чистить этот погреб, — хихикнул гоблин, пытаясь как-то справиться с волнением.

Бегство все еще не состоялось, а предстоящая встреча с хапугами натянула нервы лютневыми струнами. Где-то далеко внизу забрезжил свет факелов.

— Унка апна джаана[5]! — крикнула Рати, как можно громче.

В ответ донеслось что-то неразборчивое, но хапуга радостно бросилась вперед, оставив без внимания предостерегающий возглас Гарба. Компаньоны поспешили за девушкой, а за их спинами снова начали подниматься мертвецы. Зомби целенаправленно пошли навстречу спускающейся в подвал страже, и вскоре первые крики ужаса сменились нечленораздельным ворчанием поднятой нежити и предсмертными хрипами гвардейцев. Обитателям замка стало не до погони.

[1] Бесстыжая (эльф.)

[2] Женщина без строгих моральных принципов (гобл.)

[3] Кровь! (ороч.)

[4] Сын собаки (гоб.)

[5] Свои идут! (гоб.)

Часть 3: Испышение. Глава 29

«Я сам себе монастырь».

— *Михель ди Лёве*

Пешие переходы даже по горным тропам сами по себе не так утомительны, как ожидание. Чем ближе монах подходил к монастырю, тем сильнее его терзало чувство тревоги. Ответы на вопросы могли причинить сильную боль, а молодой послушник с некоторых пор перестал считать ее необходимой частью самосовершенствования. Что если ответы его не устроят?

— Я просто поговорю и уйду, — твердил себе Михель, но с каждым новым шагом все сильнее переставал верить этой мантре.

Еще он не верил, что старый мастер добровольно захочет рассказать всю правду. Старик отличался редкостной изворотливостью и любил напустить туману даже когда просто отправлял послушников к колодцу за водой. Можно себе представить, во что обойдется попытка разговорить его на щекотливые темы.

Тропа всегда служила частью испытания духа и тела. Желаящие стать послушниками ордена обязаны подняться на гору по этой извилистой дороге, постепенно сужающейся на высоте облаков до узкой кромки камня шириной в ступню. Если уж человек пройдет такой тропой до конца, значит, его решимость и правда крепка, а ловкость достаточна для обучения.

Можно было бы в этот раз выбрать дорогу, которой из близлежащих деревень доставляли еду, но тогда можно точно попрощаться с ответами. Скорее всего, пришлось бы исподлобья посмотреть в укоряющие глаза наставника у входа и прочитав в них: «Не справился? Очень жаль. Теперь вернись к своему поручению». И с позором уйти.

Нет, так не пойдет. К тому же Михелю хотелось сверить ощущения со своим первым подъемом. Тот путь он почему-то помнил в мельчайших подробностях.

Шаг, еще шаг, остановка. Замереть и сделать выдох. Перенести вес с одной ноги на другую и подвинуть ступню на полдюйма, вызвав небольшой камнепад. Звук падения камушков так далек, что уши просто не в состоянии его расслышать из-за завывания ледяного ветра. Удержаться от падения и сдержать рвущийся из груди крик отчаяния. Как же близко и как далеко! Перед глазами уступ, на который нужно сделать шаг, но ноги скользят, а рукам нет опоры. Оттолкнуться и прыгнуть. Полет и падение. Нет, не в пропасть — на камень уступа. Руки вцепились в край, а его, как котенка, за шкуру тащит навверх чья-то крепкая рука. Он лежит, а перед глазами морщинистые ноги в деревянных башмаках. Ждут его. Давно ждут и укоряют за нерешительность. Долго не мог прыгнуть, поэтому растерял силы из-за долгих сомнений и не допрыгнул. Мог ведь упасть и разбиться. Стыдно, юноша!

В этот раз все прошло куда легче. Михель ловко приземлился на уступе, сделав кувырок, и затормозил в двух шагах от пропасти. Нетренированному человеку такое не под силу, но он уже давно не новичок. Ну что, в этот раз никто не встречает? Ну и ладно.

Мужчина поднялся, отряхнул балахон от пыли и распахнул низкую дверь. Специально сделали такую, чтобы входящие кланялись при входе.

— Ты опоздал к обеду, брат, — сказал вместо приветствия проходящий мимо мужчина в черной монашеской рясе.

— Обойдусь как-нибудь.

Смуглолицый детина отнесся к появлению Михеля с полнейшим равнодушием, как будто послушники появляются из этой двери каждый день.

— Настоятель в молельне или в тренировочной?

— Святой Арконий оставил этот мир и нас третьего дня, — огорошил его ответом здоровяк. — Нового настоятеля пока не выбрали. Можешь помолиться в усыпальнице.

Голос Большого Лю заливисто расхохотался в голове, обескуражив и без того растерянного Михеля.

— Говорили тебе, зря время потратишь.

— Изыди, — вслух огрызнулся послушник.

Монах, успевший отойти с десяток шагов, обернулся, но ничего не сказал и пошел дальше по своим делам.

Михель обхватил руками седые виски и задумался. Лю выжидательно не мешал. Через какое-то время парень тряхнул головой и направился в сторону усыпальниц. Ответов там, конечно, не будет, но почтить память учителя нужно обязательно.

В подземельях обители простых монахов не хоронят. Такая честь выпадает только настоятелям, проводшим в своей должности не меньше десятка лет. Арконий управлял этим монастырем больше сорока, поэтому иного места для последнего пристанища святого и искать не стали.

Грубо отесанный камень стен, покрытый факельной копотью, да отполированный поколениями ног иноков пол — особым разнообразием переходы между частями обители не отличаются. Неширокая лестница привела Михеля в холодный, но на удивление сухой склеп. Воздух не затхлый, хотя и свежестью тоже не отличается. Именно здесь прямо в каменном полу замуровывают останки святых.

В иных культурах нетленные тела именуют мощами и выставляют на всеобщее обозрение по большим праздникам, чтобы верующие могли прикоснуться к ним в надежде на исцеление от недуга или еще какое чудо. В ордене же верят, что покой мертвых важнее, и просто хоронят.

Нужная плита обнаружилась сразу: камень еще не успел порости особым светящимся мхом, который тускло мерцал на других надгробиях, и пока не затянулся слоем вездесущей пыли. Михель осторожно вставил факел в подставку, установленную рядом, и преклонил колени перед последним пристанищем великого человека.

— Прости, учитель, что подвел тебя, — выдохнул послушник и зашептал воззвание к Создателю сущего.

Молитва давалась с трудом, как будто внутри что-то этому сопротивлялось, и получалась какой-то неискренней. Парень нашел в себе силы закончить текст, но и только. Затем он наклонился, чтобы прочитать последние слова покойного, по традиции выбитые резчиком на плите.

«Идите с Его именем на устах. В ваших поступках воля Его. Помните о своих целях, ибо суть их не так проста, как кажется, а путь запутан и сложен».

— Хм, — напомнил о себе жахани в голове. — Тебе не кажется, что это прям для тебя написано? Как сказали бы наши эльфийские друзья, это же полный карт-бланш на любые безобразия, лишь бы с именем на устах и все такое.

— Заткнись, демон, — пробормотал Михель, вспоминая, что почти такими словами настоятель отправил его в путешествие с гоблином и его друзьями.

— Грубиян, — картинно обиделся на причисление к злейшим врагам Лю. — Я для тебя

хуже демона, я сейчас работаю твоей совестью, а голос совести нельзя заглушить.

— И все же, мне нужны ответы, — задумчиво произнес послушник, понимаясь и отряхивая одежду от пыли.

— Иди с именем на устах и выбей их из братьев! — посоветовал жахани.

Человек даже не стал утруждаться ответом на такую провокацию. Ему хватало легко разгорающегося пламени собственного гнева, чтобы обращать внимания на подначки рогатого искусителя.

— Ты ведь еще не давал обетов? — брат Матеус тщательно вытер пальцы о подол рясы, чтобы не осквернить священные тексты библиотечных фолиантов нечестивым свиным салом.

Нарезанные полосками копченые кусочки брат-библиотекарь с аппетитом уплетал прямо на рабочем месте до прихода Михеля, жадно запивая кушание большими глотками светлого ячменного пива. Монастырь славится этим напитком настолько, что даже известные пивовары-гномы столетиями не оставляли попыток узнать секретный рецепт его приготовления, но до сей поры не преуспели.

— Все еще послушник, — подтвердил ди Лёве.

— Тогда тебе к выдаче не положены воспоминания Аркония и других святых, — огорчился Матеус. — Правила гласят, что ты еще не достиг той формы просветления, чтобы правильно понять наставительные аллегории.

По больше части огорчение толстяка проистекало от того, что пальцы он уже вытер, а сало на глиняной миске еще не закончилось.

— Он мог оставить какие-то важные сведения именно для меня.

— Прости, брат, но правила строги...

Михель прикрыл веки и смиренно досчитал до двадцати. Гнев утих достаточно, чтобы библиотекарь весом в два Михеля оказался всего лишь приподнят над полом за предплечья, а не полузадушен за горло. Толстые ноги беспомощно поболтались в воздухе, и перепуганный монах пискнул, что все немедленно выдаст. В монастыре считалось, что подобные проявления способностей, недоступных обычному человеку, означают благоволение Вседержителя. Также это говорило о продвижении по Пути на уровне настоятеля. Брат Матеус сопоставил одно с другим и решил, что все равно ничего не нарушит.

Послушник аккуратно вернул толстяка на пол и вскоре углубился в чтение. Старый мастер, как выяснилось, с большим удовольствием орудовал не только кулаками, но и пером. Фолиант оказался довольно увесистым и сочетал в себе дневник с записями по датам с амбарной книгой и сборником мыслей и изречений на все случаи жизни. Разумеется, Арконий не был бы Арконием, если бы не стал напускать туману и здесь.

— О боги, даруйте мне сил! — мысленно восклицал Михель, дочитав до очередного мозгодробительного рассуждения о смысле бытия и роли духовности во вселенной.

— Во фантазия у человека! — не удержался от восторженного комментария Лю. — Это ж надо придумывать такой ерунды! Смертные у него чуть ли не важнее богов. Не читай эту ересь, дальше листай!

Притчи и бытовые заметки сменяли одна другую, навевая зевоту и не давая ни намека на искомое знание. Солнце уже наметило себе путь к горизонту и частично скрылось за высокой западной стеной монастыря, когда попались первые интересные строки.

— Вот оно! — воскликнул жахани в голове.

— Не мешай, — огрызнулся послушник.

Михель с замиранием сердца водил пальцем по завитушкам букв, словно боялся, что они убегут и лишат его возможности узнать правду.

«...изможденный, мучимый демоном целый год... нашел в себе силы преодолеть страх и прийти за помощью. Даже в таком состоянии сильнее многих. Прошел тропой решимости и только в последний момент выказал колебание — редкое качество».

«Быстро усваивает все приемы и практики, но еще плохо понимает истинную суть Пути. Сомневается в непреложных истинах. Наверное, влияние демона слишком сильно, даже если оно послужило благой цели».

«Все еще дерзит и сомневается. Такая одержимость плохо поддается лечению. Придется избавить его от части воспоминаний, иначе он не сможет встать на Путь».

«Новый ученик не перестает удивлять. Забавно, что его сила может стать слабостью, а слабость силой. Времени мало, но я постараюсь подготовить его к встрече с судьбой».

«Все, отправил. Теперь остается молиться».

«Я знаю, что ты это прочтешь, поэтому не противься своему внутреннему голосу. Все во благо».

— Какой мудрый человек! — воскликнул Лю. — Не помню, чтобы среди моих агентов на Лумее был твой настоятель, но я бы его наградил. Жаль, до него сейчас не дотянуться. Все понял? Не сопротивляйся.

Михель тяжело вздохнул и поднялся, чтобы вернуть записи библиотекарю. Толстяк молча проводил беспокойного читателя взглядом и облегченно выдохнул, когда тот наконец ушел.

— Напомни, почему я должен на тебя работать? — обратился человек к жакани, покинув монастырь.

— При всех моих недостатках у меня отменное чувство юмора, — сразу отозвался Большой Лю. — Это как раз то, чего тебе катастрофически не хватает в жизни. К тому же наши цели совпадают.

— И чего ты от меня хочешь и что можешь дать взамен?

Пыльная грунтовая дорога уходит от ворот вниз. Духота уступает место промозглой вечерней сырости, характерной для гористой местности. Сначала травы и кусты покрываются росой, а потом на землю спускается туман. Поначалу он проницаем для взгляда, но уже четверть часа спустя сгущается в сумраке до молочного покрывала, в которое, поеживаясь, кутается земля. Эта завеса обнимает за щиколотки запоздалого путника, медленно карабкается к коленям и выше. Она ласкает и пугает одновременно, а потом одним рывком взбирается на уровень груди и пытается оттуда застить глаза. Наконец пелена набирается смелости и поднимается сразу к верхушкам деревьев. Видимость падает до трех шагов, и нужно следить за изгибами дороги, чтобы случайно не улететь в пропасть.

Где-то вдали воев, ворчит и фыркает ночное зверье, но человек спокоен: пускай эти твари сами его боятся. Шерстяной балахон, пропитанный солью, потом и уцелевшими воспоминаниями, надежно укрывает тело от тумана, а вот безобразная пустота в памяти продолжает неприятно холодить душу.

— Отлично! Этап отрицания прошли, переходим к торгу, — в голову прилетел образ улыбки. — А чего бы тебе хотелось? Впрочем, не говори, я и так все знаю и легко могу это устроить. Подчеркиваю, легко!

— Но ведь она умерла! — усомнился Михель.

— Пфф, — фыркнул голос в голове. — Вообще не проблема, так что соглашайся. От тебя же, дружок, мне нужна самая малость. Всего-то пара смертельных ударов. Ну, может быть, не пара, а чуточку больше.

— Кто цель? — человек задал этот вопрос, хотя наружу рвался совсем другой.

Неужели это возможно?

— Никого из тех, кого бы ты сам не захотел придушить в полном соответствии с наставлениями святого учителя. Мы твоими руками и, наверное, ногами будем спасать вселенную. Согласен?

— А тебе-то какой смысл в ее спасении? — хмыкнул Михель, осторожно выбирая в густом тумане место, куда поставить ногу.

Плотная пелена приглушала все звуки, из-за окружение начинало больше походить на эфирную границу, чем на мир смертных.

— Ну, знаешь ли! Я в ней тоже живу, вообще-то. Не сказать, что лучше всех, но лучше многих. Рухнувшее мироздание может больно стукнуть промеж рогов. По правде говоря, я почти уверен, что если планы нашего общего врага осуществляются, то не выживет вообще никто. И тут либо я делаю все, что в моих силах для предотвращения светопреставления, либо наслаждаюсь концом, заняв место в первом ряду этого балагана. Мой хозяин полагает, что нужно драться, а мне спорить с ним не пристало. Так что выбор невелик.

Михель помолчал, обдумывая услышанное.

— И кто же наш враг? — прищурил он глаза цвета свинца.

— Этого я пока точно не знаю, — сокрушенно ответил Лю. — Мы видим тревожные события, но не всегда понимаем, кто их вызвал. Собираем сведения по крупицам, но они порой противоречат друг другу. Сам понимаешь, я сильно скован некоторыми условностями, и работать приходится через агентов. Сложно это. Поэтому, раз уж появилась такая возможность, предлагаю планомерно избавляться от всех, кто способен вызвать катастрофу. Предстоит немного напрячься, но уверяю тебя, оно того стоит.

— Я согласен, — кивнул человек, — в обмен на мое желание, мою безопасность и безопасность моих друзей.

— Сделку подтверждаю! — не скрывая восторга, обрадовался жахани.

«Подозрительность не бывает излишней. Слепое доверие хорошо лишь для тех, кто мало ценит свою жизнь».

— Сконм Железрук III

Орк с сомнением почесал рукоятью одного из мечей густые черные волосы с едва заметной проседью, но все же убрал оружие в ножны.

— Ты прав, не стоит их провоцировать, — согласился он наконец.

Гарб позволил себе мимолетную тень улыбки: осталось уговорить Адинука. Троу, казалось, весь стал непреклонной монолитной глыбой камня и не собирался отказываться от собственного мнения.

— Я их знаю дольше, чем небо, и уж точно дольше вашего, — цедил он сквозь зубы. — Одну Рати можно терпеть, но ты же предлагаешь сунуться прямо к инс-огглинам в логово! Точно ли будет хорошо, если из моих останков понаделают всякой утвари? Остальных они тоже не пощадят.

— Успокойся, дружище! — похлопал эльфа по плечу гоблин, от чего тот только поморщился. — Я не дам тебя в обиду.

— Смотри, как бы тебя самого не обидели, — покачал головой бард. — Мой народ жесток, но эти могут дать троу фору.

Адинук не стал менять щегольской наряд на старый и теперь смотрелся в своем камзоле неуместно в мрачных пещерах Подземья.

— Можем разделиться, — предложил шаман. — Вы пойдете к любому выходу и как-нибудь доберетесь до Брестона, а я немного погощу у Сконма и потом вас догоню.

Гоблин подумал, что так будет даже лучше, если друзья не станут задерживаться в Подземье. Он действительно мало знал о повадках хапуг и не хотел, чтобы кто-нибудь пострадал. Уверенности придавали только заверения Рати, что ему обеспечат радушный прием, и какое-то идущее из глубины души чувство, что хапуги не станут причинять вред именно ему.

Эльф открыл было рот для ответа, но его опередил Агрх.

— Я с Гарбом, а остальные как хотят.

Орк в свою очередь решил, что гоблин не сможет круглые сутки себя защищать от возможных опасностей среди не слишком дружелюбного племени, а значит ему понадобится телохранитель. К тому же там будет симпатичная девчонка с веснушками на лице. Эльфийки легко выветрились из памяти зеленокожего, а эта маленькая янтарноглазая бестия все никак не шла из головы.

— Как скажешь, старпом, — кивнул рогатой головой Каввель. — Я пока не помощник, так что поручаю капитана тебе. Мне на родине будет безопаснее, да и Могаре тоже.

Таураса согласно кивнула, словно опасения по поводу вражеского острова выветрились из головы после ночи с возлюбленным.

— Мне тоже, — задумчиво кивнул Адинук. — Подземье больше не для меня.

— И уж точно не для меня, — поморщился де Деса.

Инквизитор не стал озвучивать свое желание приглядывать за Каввелем, все еще питая какие-то иллюзии насчет божественности наследника Брестона.

— Скоро вы там? — донесся до компаньонов обеспокоенный голос Рати.

— Уже идем! — ответил за всех Гарб и настойчиво подтолкнул эльфа к выходу.

Спуск в пещеры оказался дальше, чем можно было бы предположить. Разбросанные повсюду коробки и тела мертвецов норовили попасть под ноги и не прибавляли скорости, а дворцовый подвал, казалось, тянулся бесконечно. И все же он закончился замаскированным проходом, который удалось отыскать только благодаря ласково подмигивающему оттуда красному свечению.

Глазам компаньонов открылась темная пещера, потолок которой терялся где-то в вышине. Десятка потрескивающих факелов хватало, чтобы осветить широкий прямой спуск, ведущий к ровной каменной площадке, нависающей над бездонным провалом. На ней выстроился внушительный отряд.

— Наконец-то! — Рати, стоящая ближе ко входу, едва не бросилась Гарбу на шею, но в последний момент сдержалась.

В передних рядах пять гномов и восемь человек в балахонах, которые обычно носят маги, усердно творили темную магию, подпитывая нашествие мертвецов на дворец Миримона. Еще парочка колдунов валялась рядом без сознания от магического истощения, но на них никто не обращал внимания. Чуть позади стояли два хапуга и крепкими словами, перемежаемыми угрозами, подбадривали магов. За их спинами разместились основные силы хапужьего войска.

Гарб настороженно осмотрел тех, с кем еще недавно собирался сойтись в смертельной схватке. «Мда, — подумал гоблин, — самцы на самок, конечно, совсем не похожи».

— Вот это образины, — куда менее дипломатично прошептал Каввель на кутарском.

Их было больше пятидесяти. Кто-то цветом кожи приближался к розовому ладоней Гарба, а иные больше походили на Адинука в его бытность троу. Все как на подбор в темных одеяниях: темно-синих или черных матерчатых куртках и того же цвета штанах, заправленных на уровне колен в плотно облегающие ноги сапоги из мягкой кожи со шнуровкой от ступни до верха. Все высокие, поджарые, скуластые, с отталкивающими заостренными чертами лиц, если не сказать морд, на которых злобой пылали красные угольки глубоко посаженных глаз. Голые татуированные черепа каждого тускло мерцали в темноте пещеры, а рты хищно скалились двумя рядами острых игольчатых зубов. Широкие приплюснутые носы и маленькие, слегка заостренные уши, покрытые короткой шерсткой, придавали этим существам неповторимый и очень запоминающийся внешний вид.

И все они, включая «погонщиков» солдат, встали на одно колено и склонили головы при виде Гарба, крепко стиснувшего посох.

Из-за опустившихся фигур вышла еще одна, куда меньше ростом и с маленьким золотым венцом на голове.

— Привет! — заговорил на гоблинском наречии малыш, еще только начавший взрослеть и пока не достигший того интересного возраста, когда молодые самцы временно перестают думать головой при виде красивой самки. — Только не обольщайся. Они кланяются не тебе, а нашей общей реликвии. Сестра все рассказала, но меня гложут сомнения, от которых я бы хотел избавиться уже дома.

Голос подростка был звонким, даже пронзительным, но по какой-то причине отозвался в голове Гарба как очень знакомый несмотря на странный акцент, совсем не характерный для гоблинов родного племени. Рати разговаривала иначе.

— Оте... — начала девушка и осеклась. — Брат мой, я думала, мы окажем больше почестей носителю посоха.

— Тебе не давали слова, женщина, — осадил ее Сконм. — Твоя награда никуда не убежит, так что помолчи.

Гарб присмотрелся к нему. Голова такая же лысая, татуировки и одежда, как у всех. Отличался он разве что более изящными чертами лица и разительно походил на Рати. Лишь застывшие в желтых кошачьих глазах тысячелетняя тоска и многовековая мудрость могли заставить внимательного наблюдателя хоть как-то насторожиться.

Осмотр внутренним зрением дал совсем другую картину. Ореол магии вокруг этого нескладного тощего подростка превосходил все виденное Гарбом прежде у смертных. Обитатели адских миров, конечно, могли похвастаться большим могуществом, но тут и сравнивать нечего. Повелитель хапугов хитро улыбнулся, правильно оценив замороженный взгляд гоблина.

Зубов у короля оказалось нормальное количество, как у сестры, что еще больше усиливало сходство. Похоже, проклятие Триединого затронуло семью верховного жреца в значительно меньшей степени, так что на фоне своих подданных Сконм по крайней мере не казался уродом.

— Приветствую верховного жреца Быр-Хапуга, — сказал шаман на родном языке.

— Верховный пуджар, шамрат всех хапугов и гобхатов — длинно и занудно. Давай обойдемся без титулов, — поморщился подросток. — Они заслоняют собой собеседника. Официоз хорош для врагов, а мы же все тут одна семья.

Дружина верноподданнически захихикала, когда король обвел ее рукой. Сконм властным жестом поднял гвардейцев с колен, одновременно суровым взглядом прекращая смех.

— Вижу, что не все хотят ко мне в гости, — продолжил он, бросив мимолетный взгляд на застывших в напряженном ожидании спутников гоблина. — Торопитесь прощаться, пока эльфы не позвали жрецов и магов. Деревяшки не слишком умны, но даже они скоро догадаются. Тогда нам придется их всех перебить, а на это жалко времени.

Гарб повернулся к остальным.

— Увидимся, — сказал он и кивнул.

— Бывай, дружище! — похлопал его по плечу минотавр. — Я бы пошел с тобой, но мне скоро превращаться, а в том теле я обуза.

— Я все понимаю, — тепло ответил гоблин.

Де Деса молча указал на посох, и шаман подтвердил кивком, что помнит про клятву.

— Хочешь, я тебе Миленочку оставлю? — вдруг предложил троу. — Она девочка умная, а в пещерах лучше нее помощника не найти.

Гарб поперхнулся от неожиданности, потому что рассказ эльфа еще не успел выветриться из памяти. Подарков такой щедрости ему никогда не делали.

— Ты же знаешь, что я не соглашусь, — широко улыбнулся шаман, — но очень ценю такое предложение.

Агрх не стал произносить длинных речей, а просто обнялся с Каввелем и Адинуком и махнул ладонью остальным.

— Можешь их проводить до другого выхода? — спросил Гарб у Рати, поравнявшись с ней.

— Сделаю, — кивнула хапуга.

Компаньоны ушли, а Гарба с Агрхом хапуги взяли в кольцо и повели вниз в чрево

пещеры, оставив магов под присмотром офицеров поддерживать переполох в Шамбр д'Аржоне. В факелах больше не было необходимости, и их погасили. Глаза гоблинов как будто специально предназначены для ночного или подземного образа жизни, поэтому Гарбу хватало тусклого свечения растущего повсюду мха, чтобы не спотыкаться. Шаман только начал бояться, что действие зелья скоро выветрится, и хапуги увидят его ковыляющим. Проявления слабости среди гоблинов не приветствуется.

Орку пришлось сложнее, и он шепотом попросил Гарба наколдовать немного света. Шаман на ходу прошептал заклинание, и оба сапога Аггрха озарились мягким голубоватым свечением, давая немного видимости.

— Спасибо! — с чувством поблагодарил шамана воин.

Сконм держался рядом и все время поглядывал снизу вверх то на коллегу, то на посох. Гарб ловил эти изучающие взгляды, но делал вид, что они его не смущают. В какой-то момент маленький король не выдержал.

— Теперь я понесу! — сказал он требовательным тоном, не терпящим возражений.

Шаман напрягся, а Аггрх положил ладонь на рукоять одного из мечей, готовый защищать гоблина до последнего. Посох всегда включал какой-то скрытый механизм защиты, не позволяя просто так его передать в чужие руки. Как и всегда ладони гоблина сами мертвой хваткой вцепились в отполированную поверхность.

— Не получится, — вымученно отозвался Гарб. — Меня для этого нужно убить.

О том, что посох он может просто положить по своей воле, гоблин решил не распространяться.

— Ладно, — как-то подозрительно легко согласился хапуг.

Миновало несколько затяжных спусков, и Гарб начал волноваться, далеко ли еще идти. До его ушей донеслись странные звуки, похожие на смесь птичьего клекота, постукивания костей по камню и сильно приглушенного драконьего рева.

— Умеешь ездить верхом? — уточнил Сконм, прищурился так, будто силился скрыть улыбку.

— Доводилось, — сухо ответил шаман, ожидая подвоха и вспоминая лихую поездочку на адских единорогах Хиенны.

Повелитель хапугов кивнул и продолжил путь. Шагов через пятьдесят источник шума стал ясен: целое стадо довольно крупных четырехлапых чешуйчатых ящерок с короткими хвостами и седлами на спине паслось на берегу подземного озера. Эскорт тут же бросился к ним, и через пару минут каждый из хапугов поймал себе средство передвижения и оседлал его.

Сконму с почтением подвели ящера средних размеров с серебристой чешуей и в богато украшенной сбруе.

— Подайте и гостю магармача! — приказал он, проворно взлетая в седло. — Орк пусть сам добывает.

Аггрх, не теряя времени, бросился ловить скакуна. Он понял, что это своего рода проверка, и собирался ее пройти, чтобы его не оставили одного посреди Подземья.

Тем временем один из гвардейцев бросил поводья другому и спешил, чтобы поймать ближайшую, совершенно невзрачную на вид рептилию. Скотинка выглядела откровенно мелкой. Хапуг, мерзко скаля зубы, подвел ее за повод к Гарбу. Гоблин оценил размеры и вздохнул: маловата для его роста. Даже если он не раздавит этого заморыша, ноги будут волочиться по земле. Или же придется упереться коленями себе в лоб, вставив ступни в

странные штуки с прорезями для сапог, болтающиеся по обе стороны от седла. Проще уж пешком пойти.

— А это что? — опасливо уточнил шаман.

— Называется стремяна, — пояснил Сконм. — Мы сами придумали. Удобно, чтобы не свалиться, а то магармачи бегают быстро и часто петляют.

Гарб все же уселся в седло и кое-как вставил ступни в эти самые стремяна, втайне надеясь на повторение случая с единорогом в Бездне. Ящерица гордо расправила гребень на голове и как будто стала больше, а потом подросла еще немного, а ее серая чешуя приобрела нежный синий оттенок с яркими желтыми прожилками. Получившийся скакун оказался на добрый фут выше любого другого. Сконм одарил Гарба одобрительным кивком головы.

— Не забудь привязаться, — посоветовал он. — Посох-то сам себя удержит, а вот жреца потерять не хотелось бы.

Широкий кожаный ремень нашелся сбоку. Гоблин кое-как приладил его к специальным креплениям, чтобы не вывалиться по дороге из седла, и крепко сжал колени. Между тем небольшой отряд хапуг на магармачах рысью отправился в один из тоннелей. Остальные же не спешили следовать за собратьями и с любопытством наблюдали за потугами Гарба.

Сконм тоже терпеливо дождался результата, затем рукой указал направление и хлестнул свою ящерку поводьями, устремляясь вперед. Агррх едва успел оседлать своего скакуна, как бешеная гонка началась.

Кто бы мог подумать, что эти магармачи умеют настолько быстро бегать. Ветер свистел в ушах, а повороты стремительно проносились мимо, сливаясь перед глазами в один непрерывный странный рисунок. Гарб едва успевал одновременно втягивать шею в плечи, спасаясь от встречающихся по пути сталактитов, и удерживаться в седле. Правая ладонь вцепилась в посох, так что за него можно было не волноваться.

— Лучше бы я его в торбу спрятал, — подумал гоблин.

Мечты о второй свободной лапе не покидали его всю дорогу. Если бы не ремень, пришлось бы совсем худо. Крепление действительно пару раз выручило, когда ящерица перебиралась через очередную пропасть, резво шлепая присосками на лапах прямо по стене пещеры.

«Хапуги могут, значит, и я смогу», — сказал себе шаман и держался из последних сил, стиснув зубы.

Спустя час скачки выветрилось действие зелья, и стало еще тяжелее. Кости в ногах словно заново переживали эльфийскую пытку, и в первую секунду Гарб едва не заорал от боли, а потом вынужденно поймал зубами ворот кафтана и изо всех сил закусил его, так и не издав ни звука. На Агррха он даже боялся оборачиваться. Орк скакал где-то позади, и, по изредка доносящимся ругательствам становилось понятно, что он пока не отстал.

Наконец истязание прекратилось. Кавалькада достигла узкого подвешеного моста, перекинутого через пропасть, и магармачи остановились у самого обрыва.

— Дальше только пешком, — пояснил Сконм, спешиваясь. Отпущенная ящерица бросилась к краю, полезла вниз по уходящей вниз породе и юрко шмыгнула в расселину. За ней последовали остальные животные. Спешенные хапуги рассредоточились, обшаривая каждый дюйм пространства перед мостом. С противоположной стороны отряд, отправившийся первым, уже занял оборону спиной к пропасти, слаженно выставив волшебные щиты, чтобы прикрыть передвижение повелителя. Вдали виднелись узкие ворота,

перекрывающие еще более тесный проход.

— Дом, — сообщил главный хапуг. — Что с ногами?

Гарб с трудом разжал трясущиеся колени и сполз со своего скакуна. Ящерка дружелюбно боднула его чешуйчатой головой в бок и последовала за товарками. Гоблин с трудом выпрямился, сделал шаг и чуть не упал от боли. Возникший рядом Аггрх попытался подхватить друга под локоть, но Гарб отдернул руку. Еще не хватало сразу прослыть слабаком.

— Пытки, — поморщился от боли шаман.

— Так, — застыл перед самым мостом Сконм, — с этим даже Гобмобом не справился?

— Я как-то не думал об этом, — пролепетал Гарб.

Какой жгучий стыд! Жрец Бирканитры — богини созидания — до сих пор использовал ее посох только для хаоса и разрушения. Лечебные заклинания — удел клириков, но ведь Гарб уже давно присоединился к этой братии. Он не привык себя рассматривать в таком качестве, поэтому разозлился на очевидную нелепость ситуации. Больной жрец — удар по репутации любого бога.

Короткая молитва, легкое касание посоха — изумительное ощущение, когда застарелая болячка вдруг разом проходит, и боли больше нет. «Жалко, так с душевными ранами нельзя», — подумал гоблин. Сконм широко улыбнулся, еще раз кивнул и с криком «кто последний, тот жаба» с хохотом бросился бежать по мосту. Гарб с Аггрхом пожали плечами и неторопливо пошли следом.

«Наглость — обоюдоострое оружие. Ее нужно умело сочетать с осторожностью, чтобы случайно не порезаться самому».

— Сконм Железнорук III

Неприятная сухость, изнуряющая жара и всепоглощающая темнота. Гарб затруднился бы описать глубины Подземья другими словами. Темнота хотя бы немного разбавлялась мхом, а вот влаги определенно не хватало. Озера остались где-то далеко позади, а единственный родник, бьющий из скалы во внутреннем дворе замка хапугов, делал воздух приятнее только футах в десяти от себя.

— Вас проводят. Как отдохнешь, поговорим, — бросая слова, как дротики, сказал Сконм, и удалился, оставив гоблина с орком у входа в замок.

Гарб ожидал увидеть крупное поселение, но, кроме цитадели, ничего не было. Трудно представить, что многочисленное племя может ютиться в таком небольшом жилище, но другие дома попросту отсутствовали.

Здесь хапуги хотя бы пользовались освещением, очень похожим на эльфийское. На высоких столбах висели яркие шары, излучающие не слишком приятный для глаз синий свет. В шарах копошилось нечто живое, но оба компаньона твердо решили даже не пытаться выяснить, что там внутри.

Из замка к гостям выбежала человеческая женщина средних лет в скромном однотонном сером платье. Кожаный ошейник с металлическими заклепками, болтающийся на тонкой шее, не давал усомниться в ее статусе. Гарб предположил, что эта штука зачарована, и посмотрел внутренним зрением. Так и есть: рабов легко держать в подчинении, если чар на шее может просто задушить непокорного по команде хозяина.

— Прошу вас следовать за мной, господа, — позвала рабыня, не поднимая головы и уставившись в пол.

По-видимому, невольникам категорически запрещалось смотреть в глаза хапугам.

Вырубленными прямо в толще камня коридорами женщина провела путников в гостевое крыло замка. Роскошью здесь и не пахло. Никаких гобеленов и лепнины, никаких картин или ковров. Хапуги как будто специально убрали все, что противоречило духу аскетизма, царящему в их обиталище.

— Как в моем племени, — прокомментировал Агрх очередной унылый каменный коридор, а потом подумал и добавил, — но там хотя бы звериные шкуры на пол стелили и украшения из зубов и костей делали. Женщины что-то ткали и плели, опять же...

— Здесь делают украшения из костей провинившихся, но они в основном хранятся на тренировочных площадках или в тронном зале, — прошептала женщина, не оборачиваясь. — Вам сюда.

— А где город? — спросил Гарб.

— С той стороны, — туманно пояснила женщина. — Когда отдохнете, ударьте, пожалуйста, в гонг. Сами никуда не ходите, а то потеряетесь.

С этими словами она удалилась семенящими шагами, так и не подняв ни разу головы.

— Ну что, сохраняем бдительность? — уточнил Агрх.

Где им только ни довелось побывать за последнее время, но именно здесь ощущение опасности оказалось самым стойким.

— Да, — согласился шаман. — Я поставлю пару охранных заклинаний, но мне кажется, здесь есть как минимум пара хапуг, которые могут их снять или обойти.

— Может, я тогда с тобой побуду? — предложил зеленокожий. — Двоих тяжелее побороть, чем одного.

Гоблин издал нервный смешок.

— Не стоит, — Гарб передернул плечами, — а то еще заподозрят в чем-то нехорошем. У гоблинов не принято, чтобы самцы, не приходящиеся родственниками друг другу, отдыхали вместе. Это табу.

На том и разошлись. Орк скрылся в своей комнате, а Гарб наложил на его дверь столько защиты, сколько смог, и вошел в свою.

Возможно, именно ему оказали честь, но вместо ожидаемого каменного лежака половину просторной комнаты занимала вполне пригодная для сна большая деревянная кровать. Поверх нее лежал тюфяк, набитый соломой, а на него постелили белоснежную простыню и положили две большие подушки с легким одеялом. Такое как раз подходило к местному теплему воздуху. Окна хапуги считали излишеством, зато наладили освещение почти как у эльфов.

Шаман наложил заклятия на двери, приглушил желтый свет до тусклого и растянулся на кровати, сладко потягиваясь. Приятная истома навалилась на него. Бегство от эльфов и гонка по Подземью изрядного утомили.

— Надо бы раздеться, — подумал гоблин, проваливаясь в сладкую дремоту.

Юный жрец спал чутко, как спит волк, знающий, что неподалеку от его логова есть полная охотников деревня. Именно поэтому еле слышный скрип открываемой двери подействовал не хуже ведра ледяной воды на голову. Как шаман и предполагал, заклятия кто-то аккуратно удалил, открыв в комнату свободный доступ.

Гарб скатился с кровати, сцапал посох и вскочил, чтобы встретить опасность мордой к морде. В довольно узкую щелочку впорхнула худенькая молодая самочка, аккуратно притворила дверь за собой и повернулась. Испуг застыл на ее смазливой мордашке, когда она увидела перед собой изрезанного шрамами огромного гоблина со страшным посохом в лапах. Девчушка дернулась к выходу, но потом словно что-то вспомнила, обреченно прижала уши к голове и передумала убежать. Внутренняя борьба продолжалась пару секунд, но Гарб уже успел изучить гостью.

Рост чуть меньше пяти футов — ему едва до груди. Худые, еще подростковые босые ножки с острыми коленями мелко дрожат под неприлично короткой ситцевой юбкой. За попытку напялить подобный срам вне дома любая мать в их племени не пожалела бы розг для спины даже самой любимой дочурки. Карие, слегка раскосые глазенки так и бегают в поисках опасности. Маленький чуть приплюснутый носик мило морщится, а изящные розовые ушки нервно прядут, выдавая страх. Чудная шелковистая шерстка орехового цвета виднеется там, где тело не прикрыто шелковой накидкой. Мордочка же напротив лишена всякой растительности, как это обычно бывает у самок.

Шаман потянул носом — так и есть: тот же самый запах, что исходил от Рати. Смола, хвоя, травы и еще нечто, пахнущее домом, сводящее с ума и вызывающее самые непристойные желания. Вдруг пришло узнавание.

— Крохотыря? — не поверил своим глазам гоблин.

Узнать ее было сложно. Девочка из его родной деревни, из-за которой все и началось,

подросла и еще больше похорошела. Теперь она стояла и шмыгала носом, готовая расплакаться. Услышав свое имя, Тыря недоверчиво уставилась на громадного дядьку, которого ей приказали во что бы то ни стало соблазнить. Любой ценой и под страхом самой мучительной смерти в случае неудачи. «Если хочешь жить», — слова все еще звучали колоколом в ушах.

Ей уже целых тринадцать лет — по гоблинским меркам самый сок для любителей «молодого мяса» вроде престарелого верховного вождя. Год назад крошка Тыря, сидя у открытого окна в своем тереме в женской половине дома, мечтала, как красивый молодой шаман выкупит ее у родителей, уведет в свой дом и сделает женой. Вместо красивого и молодого на ее прелести позарился старый и страшный. Он и приказал убить Гарба, когда родители несговорчивой невесты пожаловались на чувства дочери к шаману. Любимому удалось бежать, а ее связали, уложили на повозку и повезли в столицу, как какую-то бессловесную скотину на продажу.

Не довезли — к счастью или к сожалению: по дороге кто-то напал. Тыря все время пролежала на дне повозки и не видела, кто это был, а потом потеряла сознание и пришла в себя уже в подземной цитадели хапугов. С тех пор девушка жила здесь, прислуживая этим отвратительным грубиянам, постоянно отпускающим сальные шуточки и норовящим побольнее ущипнуть за попу при каждом удобном случае. Хапуги не делают из других гоблинов рабов, считая их почти равными себе. Таким, как она, уготована судьба стать верной законной женой одного из уродов.

Не самая завидная участь, сказала бы Крохотыря, если бы кто-то удосужился поинтересоваться ее мнением. Пока спасало то, что избалованные прелестями эльфийских наложниц местные мужчины не спешили звать ее замуж. Ждали, что она еще немного подрастет. Девочка уже почти смирилась со своей судьбой, пока не настал сегодняшний день.

И сейчас он стоял перед ней, почти такой же красивый, как прежде, почему-то сильно выросший и очень мужественный. Этого не может быть! Это сон!

— Гарбуша? — слезы потекли из глаз, когда Тыря поняла, что он никуда не собирается исчезать.

Девушка сделала шаг навстречу, но ноги все еще дрожали и не хотели слушаться. Тыря споткнулась и чуть не упала, а сильные лапы подхватили ее и подняли в воздух. Ух, всю жизнь бы так носили!

Гарбу пришлось бросить посох, чтобы освободить лапу. Он попытался бережно уложить девушку на тюфяк, но не тут-то было. Тыря обвила его шею и не желала отпускать. Пожалуй, он сам так крепко не держал посох, когда его кто-то пытался отнять.

— Эм, ты не могла бы... — смущенно пробормотал шаман.

— Для тебя все, что угодно! — мило улыбнулась девчушка, заглядывая в его желтые глаза, а ее щеки запылали.

— ... отпустить меня.

Крохотыря поспешно разжала лапки, и он наконец смог сгрузить ношу на тюфяк. Гарб покопался в торбе и нашел нужную склянку с успокоительным.

— Выпей.

Девушка послушно отхлебнула вязкую жидкость и закашлялась.

— Горько, — пожаловалась она.

— Ничего, — сказал Гарб и присел рядом. — Зато сейчас станет легче.

Он случайно коснулся лапки девочки. Касание обожгло, будто огнем, и лапу пришлось спешно отдернуть. Снадобье действует быстро. Сейчас она успокоится и уснет, а он сможет подумать в тишине.

— Я люблю тебя! — дрожащими губами произнесла Тыря, и все сразу стало сложнее.

Ее учили, что говорить, но это признание не было ложью, отчего далось с еще большим трудом. Кажется, вышло даже как-то неискренне. Девочку терзало жгучее чувство стыда. Самка не должна такого говорить, тем более первой, тем более любимому! Что на это сказала бы мама? Ай, к чертям маму. Она все равно уже, наверное, в мире духов, а он здесь рядом. Такой большой, теплый и сильный. Такой привлекательный.

Гарб плотно сжал губы и застонал. Еще одна. «Что же вы со мной делаете?!» — подумал он.

«Надо ему все сказать, чтобы он не подумал, что я такая доступная», — подумала Тыря, тяжело дыша и глядя на любимого снизу вверх. — «Может, сам догадается, что я не по доброй воле к нему пришла? Вряд ли, мама говорила, самцы же не умеют думать, когда рядом красивая самка».

А ведь именно об этом ей велели молчать. «Ты сама пришла, сама призналась в любви, сама... все сама. Он не должен узнать. Не справишься — умрешь».

Между тем, морда Гарба превратилась в каменную маску, чем немало напугала Тырю, но потом черты разгладились.

— Тебя послал Сконм, — заговорил шаман своим скрипучим голосом спустя минуту.

Он просчитал все возможные варианты, откуда в его комнате могла взяться девушка из его деревни, и нашел только один правдоподобный. Наложённые заклинания мог убрать только повелитель хапугов. У остальных бы просто не хватило сил, либо они сделали бы это слишком топорно и оставили следы. Тыря точно не знала, к кому ее отправили, но обрадовалась и одновременно испугалась, когда узнала. Значит, подумала, что может навредить своим заданием. Сконм наверняка знает, что жрец Бирканитры обязан хранить целомудрие. Это или очередное испытание или ловушка. Или и то, и другое.

Тыря робко кивнула и снова заплакала.

— Он убьет меня!

— Это будет последнее, что увидит эта крепость, — решительно пообещал Гарб.

Здесь он был готов идти до конца и похоронить под толщей камня всю эту банду, если они хоть как-то заденут его друзей или эту девчущку. Самочка все еще всхлипывала, и он не придумал ничего лучше, чем обнять ее и погладить по голове.

Так она и уснула — зелье наконец подействовало. Шаман накрыл Крохотырю одеялом и сполз на пол. Ему безумно хотелось лечь рядом. Однако чувство, что он может не удержаться и поддаться соблазну, заставило его разместиться на полу прямо на постеленной тут шкуре какого-то неведомого, но очень крупного и пушистого зверя. Котомку гоблин положил под голову и спустя какое-то время уснул.

Совершенно бесшумно — щедро смазанные петли не скрипят — дверь приоткрылась, чтобы впустить еще одну особу с непослушной каштановой прядью, постоянно выбивающейся из-под маскировочного костюма.

В этот раз она готовилась основательно. До сих пор только одному самцу удалось ее обнаружить, причем дважды. Третьему разу не бывать! Вернулась с задания — и сразу за подготовку. Это будет приятный сюрприз: она незаметно подкрадется сзади, обнимет и

поцелует. А если он будет лежать, то можно прилечь рядом и лизнуть в нос или ухо. Может быть, он все-таки отгадет хотя бы на этот раз.

Красться пришлось еще тише, а запахи нещадно смывать, чтобы ничем себя не выдать. Получилось! Кажется, не заметил. Дрыхнет зараза... на полу. Почему на полу-то? А это еще кто на тюфяке?

Чтобы не издать яростный вопль, пришлось сильно прикусить губу. На секунду нельзя оставить одного! Вот, значит, как ты благодарен за спасение!

Она задохнулась и выскочила обратно в коридор. Прикрыла дверь, сделала пару шагов, сорвала с головы капюшон и уткнулась пылающим лбом в прохладный камень. Почему все вечно идет не так?

— Гадхе! — стукнула хапуга кулаком по стене.

Капелька крови потекла по подбородку, а во рту стало солоно, но это заботило девушку меньше всего на свете. Внутри нее словно что-то оборвалось, а жгучее чувство обиды и ревности застилало глаза красной пеленой.

— Да что он о себе возомнил? — зарычала она в ярости и замахнулась кулачком еще раз. — Променять меня на эту...

Дверь рядом с ней резко открылась. Защитные заклинания на ней рассыпались, но увидеть это могли бы только колдуны, которых поблизости не оказалось. Огромные зеленые лапищи бесцеремонно перехватили руку за запястье, зажали рот и потащили внутрь.

— Ты что себе позволяешь, недоделок? — зашипела хапуга, когда ее наконец отпустили. — Ты в моем доме!

На этот раз нож она не забыла, и его острие сразу уперлось орку в живот. Верзила как будто не заметил угрозы.

— А ты? — хладнокровно поинтересовался он басом. — Опять лазишь, куда не просят?

Кольчужная рубаха, надетая под обычной, защитит от любого клинка, и Агрх снова чувствовал себя хозяином положения. Довольно дружелюбный тон орка заставил Рати немного остыть.

— Я ему сюрприз готовила, а он... — сбивчиво заговорила она и убрала лезвие от тела зеленокожего.

Агрх клыкасто улыбнулся, но расслабляться не стал.

— Открой глаза наконец! — он решил быть безжалостным. — Парень только делает первые шаги на любовном поприще. Дай ему время освоиться.

— Предлагаешь мне терпеть всех баб, которые окажутся рядом с ним, пока меня нет поблизости?

— А он там не один? — округлил глаза воин. — Надо же, мальчик делает успехи. Когда только успел? Ну, если так ставить вопрос... то почему нет? С каких пор он стал твоей собственностью?

Рати нахмурилась. Формально Гарб не соглашался стать ее парой. Что ж, это легко исправить. Надо только попросить брата-отца благословить их союз, и тогда этот прохиндей не отвертится. Ее награда — любое желание, вот она и пожелает. И эта маленькая дрянь тоже свое получит. А пока нужно как-то сбросить напряжение... Хапуга оценивающе посмотрела на орка: в целом самец привлекательный, хоть и другого народа. Крепкие бугры мышц, мужественные шрамы, насмешливый взгляд карих глаз из-под далеко выступающих надбровных дуг пробуждает ответный интерес.

— Что? — на всякий случай воин сделал шаг назад.

— Ничего, — вдруг передумала Рати и собралась выскользнуть наружу.

— Погоди-ка, — удержал ее орк. — Давно хотел спросить. Чего ты тогда у минотавров дернулась, когда Гарб ответил на мой вопрос как спалось?

— Он сказал, что спал с удовольствием, — ответила хапуга с кислой физиономией.

— И что? — не понял Агрх.

— Рати переводится на всеобщий как удовольствие, это мое имя, — сказала хапуга и добавила жалобно. — А он на полу всю ночь спал!

Девушка смутилась и выбежала, хлопнув дверью.

Орк зажал челюсть, выждал пару секунд, а после уткнулся в тюфяк, хрюкая от смеха. Ему стало смешно впервые со смерти сына.

И первый мир, созданный ими, будет проклят. Проклят даже в имени своем, и населять его будут проклятые, И объявит он себя владыкой вселенной, и понесет проклятие по всем краям мироздания. И обратится во прах светом тысячи солнц, дуновением сотен бурь и поветрием самой злой хвори, что есть на свете. И наступит конец времен, и настанет новая эра.

Пророчество

Удар в гонг прозвучал торжественно. Звук не успел растаять в гулких пещерных коридорах, а Сконм уже стоял перед дверью, в предвкушении потирая руки. По дороге сюда его перехватила нынешняя сестра и настойчиво пыталась о чем-то поговорить. Пришлось отправить ее на женскую половину, где ей самое место. Нужно разобраться здесь, а все остальное потом.

Что бы ни произошло внутри, сейчас откроется правда, которая навсегда изменит ход истории. Минутой ранее подосланная служанка хотела незаметно выйти, но уперлась прямо в хозяина дворца и только пискнула от ужаса. Сконм поморщился. Такая реакция на его персону перестала забавлять добрую тысячу лет назад. Теперь ничего, кроме раздражения, это не вызывало.

— Брысь отсюда, — сказал он, хотя мог бы ограничиться движением глаз.

Девчонку как ветром сдуло. На самом деле, она не имеет значения. Важно только, было ли что-то ночью между ними. Носитель посоха не выгнал ее, и она провела внутри достаточно времени. Неужели все-таки самозванец? Ни один обычный глинорожденный не в состоянии удержаться от такого соблазна.

Дверь распахнулась. Гоблин выглядел каким-то помятым и сгорбленным, но посох по-прежнему не выпускал из лап — хороший знак. Осталась последняя проверка, самая сложная.

Сконм ударил без предупреждения и даже не вполсилы. Такую атаку может пережить только полноправный обладатель посоха. Если это самозванец, Гобмобом не станет его защищать. Ни один щит не способен отразить или поглотить это заклинание, только оружие богов. Направленный поток темной магии, сотворить который не дано никому, кроме верховного жреца Быр-Хапуга, попал в нахмурившегося гоблина.

Свершилось! Стоит невредимый, но очень недовольный. Скорее пасть ниц и молить о пощаде!

Гарб даже не успел толком понять, что же произошло. Сконм напал, а потом бросился на пол и принялся целовать ему сапоги. Заклинание было незнакомым, чрезвычайно сильным и смертоносным, но как будто просто прошло мимо.

— Не гневайся, повелитель! Мне нужно было убедиться, что это ты! Ты же сам меня учил, что осторожность лишней не бывает!

— Э? — Гарб не сразу сообразил, что можно ответить на такое, заподозрив, что коллега-жрец тронулся рассудком.

— Для меня большая честь приветствовать в последнем убежище народа хапугов воплощение создателя всей нашей расы.

— Встань, пожалуйста. Банальная интуиция подсказывает мне, что тут кроется какая-то ошибка, — как можно мягче начал Гарб, внимательно следя за реакцией Сконма.

Шаман запланировал серьезный разговор с повелителем хапуг, но его поведение спутало все планы. О чем можно говорить с таким могущественным безумцем?

— Никакой ошибки, повелитель! — Сконм все же вскочил, но поклонился, не глядя Гарбу в глаза. — Все признаки подтвердились. Посох тебя слушается и защищает. А тяга к разрушению? Ведь у тебя даже мысли не возникло вылечить свою плоть посохом! Божественное происхождение тоже налицо — огромный для гоблина рост и выросшая ящерка. К тому же девчонка осталась жива после встречи с тобой.

— Кстати, о девчонке, — вспомнил о запланированной беседе Гарб. — Если хоть одна шерстинка упадет с ее головы...

Сконм поспешно поклонился.

— Ее немедленно посвятят в жрицы и обучат всему необходимому. Она будет пользоваться всевозможными почестями.

Такого быстрого согласия шаман не ожидал.

— А почему с ней что-то должно было случиться?

— Ну как же! — расплылся в острозубой улыбке Сконм. — Если бы с девочкой провел ночь самозванец, то мое заклинание оставило бы от него только косточки. А если бы само воплощение Быр-Хапуга снизошло до простой смертной... насколько мне известно, такое за всю историю случалось дважды. Оба раза в ту же ночь рождались чудесные сыновья, потомком одного из которых я и являюсь. Жаль только, невесты самого Разрушителя не могли перенести такого счастья и умирали при разрешении от бремени. У других богов подобного не случалось, поэтому примета верная.

Гарб на секунду представил себе, что все сказанное правда, и ему стало дурно. Могла пострадать Тыря... и Рати тоже могла. Нет, это точно какой-то бред.

— И все же я настаиваю, что ничего об этом не знаю. Я жрец Бирканитры и только.

Сконм издал короткий смешок, поглядывая на ноги Гарба. Поскольку вспышки гнева не последовало, хапуг развеселился сильнее, хотя и старался сдержаться.

— Я в восторге от вашей маскировки, повелитель, — сказал он, утирая слезы когтистой рукой.

— Угу, — с сарказмом фыркнул гоблин. — Особенно мой рост прямо кричит, что я обычный ничем не примечательный гобхат.

— Ну, — не смутился Сконм. — Для остальных рас мы все на одно лицо. С таким ростом вполне можно сойти за хобгоблина, особенно если не присматриваться. А уж среди этих дикарей аватар родиться точно не может. Их создателю они настолько не понравились, что он даже отказался принимать их молитвы. Так что это весьма остроумная маскировка. Кому в голову придет искать нужные признаки в такой неподходящей оболочке? Но самое гениальное — это отдельная личность, у которой нет памяти о спящей основной. Даже если кто-то будет пытаться тело, оно ничего не сможет рассказать. И ведь уже пытали, как я понимаю. Странно, что это не пробудило Повелителя, но, видимо, на то были причины.

— Ты осознаешь, что разговариваешь именно с этой предполагаемой личностью? — уточнил Гарб.

Шаман прокручивал в голове возможные объяснения. По всему выходило, что либо Сконму выгодно убедить Гарба, что он аватар Быр-Хапуга, либо хапуг действительно в это верит. В первом случае Сконм наверняка хочет завладеть посохом, но тогда непонятно, к чему такие сложности. Второй выглядит слишком неправдоподобно.

— Вполне, — с поклоном ответил хапуг, — но обращаюсь к спящему богу. Он все

слышит, просто пока спит и не говорит. Вот соберем посох, и он сразу проснется... наверное. Как же долго я ждал этого момента!

— Ладно, и что ты предлагаешь делать дальше?

— Собрать Гобмобом полностью, разумеется, — снова поклонился Сконм. — Вернуть Быр-Хапуга, снять проклятие с нашего рода и наконец показать этим древорожденным чурбанам, кто тут главный.

— Может, просто отдать посох тебе? — как бы невзначай поинтересовался Гарб. — Я думаю, ты прекрасно справишься с задачей и сам.

Маленький хапуг испуганно отпрянул.

— Прошу простить презренного жреца, но я не посмею притронуться к реликвии еще раз. Предыдущее наказание вполне научило меня осторожности. К тому же только аватар сможет полноценно им пользоваться.

Гарб вдруг подумал, что во всем этом есть определенный смысл. Ведь видение о последних минутах того аватара воспринималось им как собственные воспоминания, да и видел он все как будто глазами поверженного божества.

«Я Быр-Хапуг?» — подумал гоблин. — «Что за ерунда? А как же Бирканитра? Где вообще правда, а где вымысел? А если правда, то не пропаду ли я, когда пробудится Разрушитель?»

Вопросов стало еще больше, а ответы если и поступали, то приносили с собой новую волну неизвестности.

— Предлагаю позавтракать и продолжить беседу в более подходящем месте, — прервал размышления Сконм. — Это я уже к тебе обращаюсь, личина бога. Ему пища не нужна, а нам смертным не стоит забывать о насущном.

— А Агрх?

— Зеленый друг? — переспросил хапуг. — Я не доверяю инородцам и тебе не советую. Орки, вообще-то, воевали с нами во время Исхода, так что этому стоит верить еще меньше других.

Жрец Быр-Хапуга пошел по коридору, увлекая за собой гоблина.

— Мы неоднократно спасали друг другу жизнь и сражались бок о бок, — возразил Гарб, стараясь не отставать. — Он поклялся в верности Бирканитре, если это что-то значит, и богиня его приняла. Он один раз даже успешно пользовался силой посоха.

Сконм резко затормозил и выругался длинным витиеватым оборотом, которого Гарбу еще никогда не доводилось слышать. Отборная брань от столь юного создания звучала странно, и пришлось напомнить себе, что у него внутри сидит древний и не слишком добрый колдун и жрец.

— Началось, — пояснил хапуг в ответ на недоуменный взгляд. — Есть пророчество. Когда смертные начнут менять веру, а боги принимать молитвы чужих детей, вскорости наступит конец времен, так что этих самых времен у нас мало.

Гарб откинулся на жесткую спинку стула и поерзал, чтобы выпирающие стальные прутья не так впивались в поясницу. Сконм привел его в свои личные покои, но даже здесь обстановка кричала о презрении к комфорту. Походный гамак, висящий между двумя стенами, стол, пара стульев — вот и все убранство.

— Все должны понимать, что изнеженность делает нас слабыми, — объяснил это верховный пуджар. — Достаточно посмотреть, во что превратились лусиды с их тягой к

роскоши, чтобы сделать выводы. Я подаю остальным пример. Ты, я вижу, тоже не неженка, и это хорошо.

Гоблин с этими утверждениями согласился лишь частично, но кивнул, как будто полностью.

Плотный завтрак тоже предназначался исключительно для зверского убийства чувства голода, но никак не для наслаждения вкусом. Миска странно пахнущей, но густой каши с мясом, кубок воды и пара пресных лепешек полагались каждому едоку. Зато к лепешкам кто-то заботливо налил немного меда в отдельную плошку. Скорее всего, по меркам Подземья — королевская роскошь.

— Здесь нас никто не подслушает, и можно откровенничать, — продолжил Сконм на правах хозяина, не переставая жевать. — У нас общие цели, и ничто не мешать их выполнению. Особенно недопонимание. Так что, если есть вопросы, то задавай сейчас.

— Уйма, — с энтузиазмом кивнул Гарб. — Откуда такая кровожадность в твоих подданных?

— Хм, — потер подбородок пуджар. — Неожиданный вопрос. Наверное, влияние Бирканитры сказывается. А чем мы хуже других? Знал бы ты, что творят эльфы во время своих карательных походов. Разве что чужими женщинами брезгуют. А по части пыток мы от них даже отстаем. Или вот, чем мы хуже дворфов, которые режут головы направо-налево? Или скажешь, гномы лучше с их безмерной тягой к наживе? Любой коротышка за лишнюю золотой душу продаст. Между тем их никто не загонял в пещеры глубоко под землей. На поверхности жить легче, так что им и оправдываться нечем.

— Но ведь это же базовое понятие, — возразил Гарб. — Нельзя никого мучить и убивать просто так, потехи ради, даже если это не запрещено законом. Это просто плохо.

Хапуг едва не поперхнулся едой.

— Три раза ха! — звонко воскликнул он. — Думаешь, мой народ — полные чудовища, которые и рады бы истребить все живое на Лумее, но пока не могут? Понимаешь, хапуги вполне способны сопереживать, но только своим. У нас есть семьи, мы любим детей и заботимся о них. Чужие же чаще всего недостойны даже жалости, потому что они никогда не проявляли ее по отношению к нам. Мы же уроды и с нами можно делать все, что угодно.

— Кстати, о детях, — Гарба не слишком убедили слова Сконма. — Не ты ли используешь тела своих?

Пуджара будто огрели плетью.

— Не смей, — прошипел он, а из запястий его рук непроизвольно выдвинулись черные ядовитые шипы, которые он быстро спрятал обратно. — Ты не можешь представить, как это больно. Я не перестаю молиться за их души каждый день. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о том, где они сейчас, ведь твое царство закрыто для них. Я всегда беру молодое тело и как можно дольше продляю ему жизнь, чтобы подольше не тревожить своих потомков. Но без этого меня не станет, а без меня не станет и нашего народа. Пока я жив, есть надежда на твое возвращение. А значит, есть надежда и для моих детей.

— Прости, — смутился шаман. — Это, конечно, меняет мое отношение, но все равно не оправдывает многие вещи.

— Будем считать, что мы не сошлись во взглядах, — согласился хапуг, с аппетитом уплетая лепешку. — Если рассказать моим подданным, что воплощение Разрушителя плохо относится к убийствам, поднимут на смех и перестанут в тебя верить. Так что лучше не распространяйся об этом. Теперь моя очередь.

Сконм проглотил большой кусок и отставил миску в сторону.

— Есть небольшое обстоятельство, которое меня смущает не первую сотню лет. Повелитель не отвечал на наши молитвы первое время после Исхода, а потом однажды явился в виде духа и начал давать очень странные поручения. Мы их исправно выполняли, и в результате эльфы взяли нашу основную цитадель штурмом. После этого мы перебрались сюда, а Отец снова пропал и начал являться только около года назад. Тогда же он приказал искать части посоха. Что ты обо всем этом знаешь?

Гарб задумался, как стоит отвечать на этот вопрос.

— Немного, — ответил он. — Примерно в это же время ко мне в лапы попал первый обломок Гобмобома. Если подумать, то эльфы и дворфы тоже жаловались, что боги не отвечали на их молитвы до недавнего времени.

— Интересно, — пробормотал Сконм. — Что-то происходит за пределами нашего смертного понимания, но я носом чую, это как-то связано с посохом и пробуждением его силы. Есть еще что-то?

Шаман поведал о рассказе Миримона и Адинуке, которого принял бог дворфов. За пять минут выражение лица пуджара успело поменяться от удивленного до невеселого.

— Это было бы отличной шуткой, если бы не оказалось грустной правдой, — помрачнел Сконм. — Есть еще кое-что. Видишь ли, Гарб, Повелитель говорил со мной даже сегодня, и это очень сильно меня тревожит. Он не может одновременно дремать в тебе и быть там, где я обычно с ним разговариваю.

— Значит, я не Быр-Хапуг! — обрадовался Гарб.

— Да простит Повелитель свою глупую личину! — удержался от более едкого замечания король хапуг. — Конечно, ты не он. Ты вместилище для его духа! Это очевидно любому посвященному, то есть, если подумать, то только мне. Раз уж мы это выяснили, то возникает вопрос, кто же тогда говорит со мной. И если копать глубже, то кто вдруг после длительного молчания богов заговорил со жрецами других народов примерно в одно и то же время? Ты не находишь странным такое совпадение?

Снисходительный тон Сконма неприятно задел Гарба, но он постарался пропустить его мимо ушей. В конце концов этот жрец старше на пару тысяч лет и, наверное, во столько же раз ворчливее и саркастичнее любого гоблина. Гарба учили уважать причуды старших и порой делали это розгами, так что ввевшиеся с детства наставления сработали.

— Это действительно странно, — согласился шаман, проглатывая обиду, но не удержался и передразнил собеседника. — Есть еще что-то?

Сконм звонко рассмеялся, услышав свои же слова.

— Ты начинаешь мне нравится, — сказал он с хитрой улыбкой. — Есть. Сандро, с которым, как я знаю, ты уже знаком. Мне его притащили охотники, как забавную игрушку, а он оказался совсем не простым колдуном. Я даже какое-то время подозревал, что это он стал вместилищем для бога. Конечно же, Создатель никогда не выбрал бы сосудом для своего духа человека, но Сандро подвластна особая магия, которой, кроме него, владею только я и которой меня научил сам Повелитель. Ну, тот, кто являлся мне раньше. А еще он умеет такое, чего не умеет никто из смертных.

— И ты решил держать его рядом с собой?

— Именно, — кивнул хапуг. — Он как бы командует моей армией, строит козни, плетет интриги и наивно думает, что скоро сможет избавиться от меня и занять мой трон. К счастью, он не настолько умен, чтобы распознать мой замысел и даже не настолько, чтобы

осознать, что мой народ никогда не пойдет за человеком. Я же только хочу понять, кто в него вселился. И как только это произойдет, он перестанет быть нужным.

— А в него кто-то вселился? — прищурил глаза Гарб. — Наше знакомство с Сандро началось с одного темного ритуала. Если коротко, то другой участник ритуала стал воплощением мира теней Умбры и чуть не открыл ей проход в иные миры.

Сконм устало потер глаза и взглянул на гоблина.

— Может быть, — сказал он. — Умбра на многое проливает свет, образно выражаясь, хотя она никак не объясняет схожесть нашей магии. В него что-то вошло, когда охотники пытались добыть недостающую часть посоха. Я посещал те места, но даже мне не удалось пробиться через защиту, которая там установлена. Нам нужно отправиться туда и попробовать вместе.

— Предлагаю не медлить! — чуть не крикнул Гарб, с радостью осознавая, что посох можно будет собрать совсем скоро.

«Бей первым!»

— Большой Лю

Удар. Отскок. Ложный выпад и снова удар. Лезвие секиры летит с оглушительным свистом и проносится в дюйме от головы. Срезанная с макушки прядь черными брызгами летит за металлом, но на это некогда обращать внимание. Умереть сейчас было бы совсем некстати, поэтому нужно сосредоточиться. Пока скорость реакции выручает, но долго так танцевать не получится.

Незримое присутствие Лю в голове ощущается все сильнее. Жахани молчит, но наблюдает так напряженно, что даже от этого раскалывается голова. Будто прямо через ноздри в мозг заколачивают раскаленные гвозди боевым молотом. Это отвлекает от боя.

Минотавр фыркает и топает копытом от досады.

— Да кто ты такой? — ревет он в недоумении.

Изо рта гиганта летят клочья пены. Кажется, он выдыхается.

— Он открылся, бей! — внезапно шепчет Лю.

Монах ныряет под смертоносное лезвие, делает подсечку. Минотавр теряет равновесие и неловко пытается воткнуть секиру в почву, чтобы уберечься от падения. Человек отталкивается от земли, взмывает в воздух и наносит удар ногой чуть ниже затылка рогатого.

Шейные позвонки минотавра сломались с громким щелчком, словно хрустнула под ногой сухая ветка в лесной чащобе. Тело выронило грозное оружие, конвульсивно дернулось и грузно осело на землю.

— Кто хоть это был? — поднимаясь с колен и вытирая пот со лба, пробормотал Михель. — Он хотя бы злой?

— Конечно, злой! Он на тебя первым напал, если что, — попытался уклониться от ответа Лю.

— Я жду.

— Ладно, — помялся жахани, — это было аватаром Му-Кирина.

— Мы убили бога справедливости минотавров? — обреченно уточнил человек.

Глубина его падения уже даже не пугала, начинал пугать предел возможностей.

— Не мы, а ты, — расхохотался Лю, — и не убил, а отправил поправлять здоровье в его царство. Он и так здесь бездну сил оставил и натворить успел много чего нехорошего. Это же он твоего приятеля проклял.

Михель хмыкнул.

— За дело, между прочим, проклял.

В разум прилетел образ бьющегося о стену рогатого лба.

— Поражаюсь отсутствию логики у вас смертных. Если ты о попытке надругательства над прекрасной дочерью бога, то поинтересовался бы для начала, откуда у бога вообще взялась дочь.

— Продолжай, — бесстрастно произнес Михель.

— Боги могут попасть на Лумею только в виде аватаров, вселяя свой дух в подходящее тело смертного. Королева Фарукона замужем и счастлива в браке. И тут у нее вдруг рождается дочь, папой которой считается бог. Как ты думаешь, если факт измены официально установлен, почему коварная изменщица до сих пор жива?

— Потому что измена не была добровольной, и король об этом знал, — заключил монах.

— И после этого Му-Кириин лицемерно проклинает Каввеля за то же самое, — добавил Лю. — А точнее, всего лишь за попытку. Ну, не двуличная ли скотина? И мы еще даже не знаем, зачем ему вообще все это понадобилось. Готов поспорить, что это часть какой-то грандиозной божественной интриги.

Михель поморщил лоб, рассматривая поверженного аватара.

— Точно не знаем? — поинтересовался он.

— Я тебе когда-нибудь говорил неправду? — возмущенно ответил Лю. — Жахани не лгут!

— Я это знаю только со слов врага рода человеческого. Может, ты меня обманываешь, и его замыслы были благими, даже если он пользовался не совсем похвальными методами. Может, ты просто толкаешь меня на преступления, потому что ты само зло?

Жахани помолчал, а потом в разум Михеля прилетел образ умиротворенной улыбки.

— Перестань меня виноватить во всех грехах и запомни наконец: творить зло ради зла не-вы-год-но! Мы придерживаемся принципа разумной необходимости. Если надо, можем и добро сделать, когда у нас есть к этому интерес. И потом, добро и зло — это выдуманные вашими мыслителями категории. Знай, что ты, победив этого аватара, отсрочил конец света. Возможно, даже отменил. Это, по-твоему, добро или зло?

— Добро, конечно, — уверенно ответил Михель, — если все так, как ты говоришь.

— Вот, — обрадовался жахани. — А теперь представь, что этот божок искренне верил, что как раз его планы должны спасти мир, но ты ему эти планы испортил. Это еще добро или уже зло?

— Зависит от того, прав он был или нет, наверное, — задумался монах.

— А если он был прав, но частично? А если бы он спас мир, а потом из-за его спасения миру гарантированно пришел бы конец, но позже? Нет однозначного зла и добра, и быть не может.

Михель сосредоточился и попытался представить в голове образ оттопыренного среднего пальца, чтобы отправить жахани.

— Растешь, — картинно восхитился тот. — Еще немного и сможешь общаться на равных с позолотой на моем копыте. Возвращаемся на материк. Там образовалось неотложное дело.

Михель расплатился с капитаном, немного накинул сверху за то, что тот не задавал лишних вопросов, и сошел на берег. Золото мужчина перед отъездом позаимствовал в котомке Гарба, где внушительная сумма завалилась еще со времен продажи камушков, добытых в фамильном склепе ди Лёве. Формально, монах от своей доли отказался еще тогда, поэтому испытывал легкие угрызения совести, будто бы взял не свое. «Как-нибудь постараюсь вернуть», — подумал он, и настроение сразу улучшилось.

Качка уже порядком приелась, поэтому дорога, ведущая из порта к центру человеческого города с романтическим названием Олива, приятно радовала своей незыблемостью. Оливковые деревья здесь встречались на каждом шагу, так что название вполне соответствовало действительности. Изредка приходилось уворачиваться от груженной телеги или проталкиваться мимо спящих туда-сюда торговцев, матросов и прочего рабочего люда.

— Куда направляемся? — спросил он у дьявола, когда дорога приблизилась к жилым домам, а встречный людской поток иссяк, оставив на пути лишь несколько чумазных босоногих ребятишек, весело играющих в догонялки.

— Тут недалеко, всего пара дней пути в горы, — ответил жажани.

— Если я хорошо помню эти края, там обитают орки.

— Они самые, злобные и кровожадные. В принципе, можем подождать и в этом уютном городишке недельку-другую, — вкрадчиво сообщил краснокожий шантажист. — Орда как раз успеет за это время собраться и подойти к его стенам. Если поторопишься, успеешь это предотвратить.

— Здесь же нет стен, — Михель на всякий случай еще раз окинул город взглядом и обнаружил только невысокие земляные валы на окраине.

В ответ послышался издевательский смешок.

— Именно, как и шансов выжить у большинства мужчин этого городишки. По пути варвары просто обойдут две королевских крепости и сметут дружину местного герцога. Потом немного поубивают, пограбят, понасилуют, сожгут корабли в порту и с богатой добычей и невольницами вернутся восвояси. Только это отвлекающий маневр. Основные силы должны обрушиться на Храм Творения. Знаешь такой?

— Рыцари храма надолго отобьют у них охоту соваться в чужие земли, — улыбнулся Михель.

— Я бы не был так уверен, учитывая, кто поведет племена на этот раз, — Лю прислал картинку подмигивающего глаза.

— Дай угадаю, — иронично ответил на это Михель, — сам аватар Бурхана. У нас же тут нашествие аватаров.

В голове возник образ жутковатого одноглазого орка, под восторженный рев толпы легко отрывающего голову у менее крупного, хотя и столь же свирепого зеленокожего. Михель встревожился, сообразив, что Лю не шутит. С процедурой «выборов» вождя в орочьих племенах монах уже сталкивался, и картина оказалась на редкость похожей.

— Опять угадал. Он объединил девять самых крупных племен, так что войск у него теперь достаточно. Если вызовешь его на кулачный бой при подданных, он не откажется. Твоей силы он не знает, так что победа у тебя в кармане. А как только племена лишатся вожака, союз тут же распадется.

— И как мне прикажешь подобраться к нему на такое расстояние, чтобы он успел принять мой вызов?

— Эй, а почему я за тебя все должен решать? Прояви смекалку!

Городской голова улыбался. Мило, снисходительно, честно и открыто заглядывая прямо в настороженные серые глаза монаха и всей душой желая, чтобы тот скорее ушел и больше не отнимал драгоценное время важного государственного мужа. Просто прогнать святого человека не позволяло воспитание.

Что еще остается делать, когда является какой-то голодранец и заявляет, что хочет предупредить о готовящемся нашествии? Да в Оливу каждую неделю приходят всевозможные предсказатели конца времен, обличители гномьего заговора и прочие очевидцы «Пустоты, что за краем», чтобы проповедовать свою ересь.

А с орками мир уже почти сто лет. Они сюда каждые три месяца на ярмарку приезжают и спокойно торгуют медом, пушниной, солью и иногда рабами. Если бы не старый дурацкий

закон, им бы уже и дома разрешили строить в черте города. С вождем племени Серой плети даже выгодное совместное предприятие имеется. С чего бы ему нападать?

— К сожалению, мы не можем прямо сейчас уведомить ни герцога, ни тем более короля. И в Храм Творения тоже отправить никого не можем. Совершенно нет свободных людей, знаете ли.

— Я не шучу. Клянусь Вседержителем, орда собирается!

— С чего вы решили, что нападение непременно нацелено именно на наш город? — возразил чиновник. — У нас мир и точка!

Михель ушел, так ничего и не добившись.

— Убедился? — спросил Лю спустя десять минут, дав человеку достаточно времени насладиться неудачей. — Потерял время, но за упорство хвалю. Наведайся к местному герцогу, что ли. Ты как раз идешь в сторону его владений.

— Я его знаю. Он напыщенный болван и не будет меня слушать.

— Действительно, может не прислушаться, — пробормотал жахани. — Хм, небогато: обжорство, лень, тупость, тщеславие. Первый-второй круг не дальше, и то если сильно постарается. Знаешь что, предложи-ка ему отпущение грехов в обмен на священную войну против орков. Он суеверен, труслив и считает, что на небеса все равно не попадет, а тут такая возможность.

— Не знаю, польстится ли он на такое, — засомневался Михель.

— Чтобы разумные существа пошли убивать других, достаточно, чтобы хотя бы одна сторона была уверена в своей правоте. Не убедишь герцога, обратись к его войску. Уж солдаты-то его уговорят. Тебе главное заполучить крупный вооруженный отряд для солидности, чтобы орки не напали сразу, а вышли на переговоры. А уж сам герцог его предоставит или люди просто пойдут за тобой — дело десятое. И да, если уж совсем заупрямится, распиши ему, какие вкусные блюда уготованы праведникам в раю.

Два дня пути по лесным тропам дались с трудом. Ноги гудели, а припасы начали подлейшим образом заканчиваться, поэтому Михель даже обрадовался миниатюрным остроконечным башенкам герцогского замка на горизонте.

Мощная крепостная стена, некогда опоясывавшая славную воинским прошлым цитадель, давно превратилась в решето руин. Кое-где камни еще плотно держались в кладке, но в остальных местах либо опасно шатались, грозя вывалиться на голову случайному прохожему, либо просто отсутствовали. В один из таких проемов монах беспрепятственно пролез и пошел дальше.

Сам замок, не так давно перестроенный из крепости, напоминал сказочный дворец и высился на скалистом горном утесе белой громадой. Михель слышал от местных крестьян, что из мрамора и песчаника, пошедших на строительство и отделку, можно было бы сложить лестницу до небес. Бредни, конечно, но масштабы все равно поражали.

Дорогу охраняла только светлая кленовая роща. Вокруг нее высились вековые ели, словно матерые солдаты, недвижимо стоящие на часах и лишь легонько качающиеся в такт подвывающему ветру своими мохнатыми лапами.

— Башен прибавилось, — вслух подумал Михель. — Последний раз я был здесь лет десять назад. Вон той высоченной точно не было.

— Значит, герцогу некуда деньги девать, — прокомментировал Лю. — Он их тратит на свои прихоти, а простому народу остаются крохи. Тощие крепостные, которых мы встречали

по дороге, могут подтвердить.

Михель хмыкнул и ускорил шаг. Начинало темнеть, а ночевать в лесу как-то не хотелось.

В отдалении раздался топот копыт, и человек насторожился. Звук приближался, и через минуту прямо на него выскочила кавалькада из десятка всадников на лихих рысаках.

Первым футах в тридцати от остальных скакал грузный человек в цветастом наряде. Увидев на дороге препятствие, он натянул поводья и поднял черного жеребца на дыбы. Передние копыта взмыли в воздух, и блеск подков пронесся в опасной близости от лица Михеля. Монах не шелохнулся, верно оценив расстояние, чем вызвал восхищение у свиты франта, состоящей в основном из дам разной степени юности.

— Посмотрите, каков мужлан, — обратился к свите герцог на модном в кругах человеческой знати светлоэльфийском, давая коню опуститься на землю, и добавил надменно для Михеля на человеческом. — Кто таков? Говори, если не хочешь быть затоптан.

— Простой монах, — ответ прозвучал чересчур скромно, и придворные рассмеялись, не сразу сообразив, что незнакомец тоже заговорил на языке знати.

— Где же твой монастырь, монах? — ехидно поинтересовался герцог, снова переходя на эльфийский.

— Я сам себе монастырь, — зло огрызнулся Михель, заставив аристократа презрительно скривить губы.

— И тело твое — храм? — в вопросе прибавилось желчи.

Ди Лёве вспомнил, что когда-то и сам мог затоптать прохожего просто за то, что тот посмел оказаться на пути, или вот так же издеваться над простолюдином. Стало стыдно. «А, какого черта!» — подумал он и перешел сразу к действию.

— Покайся, грешник! — не своим голосом взвыл Михель и за ногу сдернул всадника на землю. — Мир на пороге катастрофы, и только ты можешь спасти его.

Герцог полетел вниз с зажмуренными от ужаса глазами. Женская часть свиты завизжала, а мужская схватилась за мечи. Монах перехватил падающее тело и аккуратно усадил его на придорожный камень.

— Святой отец, мои сундуки пусты, пожертвовать нечего, — ошарашенный аристократ тут же вскочил на ноги, но они так тряслись, что он предпочел опуститься на одно колено. Свита в нерешительности остановилась.

О боевых монахах рассказывают разное, часто преувеличивая. На всякий случай лучше с таким не связываться. Терять лицо перед своим двором тоже не хотелось, поэтому вельможа попытался дотянуться пухлыми губами до руки Михеля, старательно делая вид, что впечатлен святостью наглеца. Тот брезгливо спрятал мозолистые костяшки в рукавах своей поношенной робы.

— Твои грехи велики, но Вседержитель дарует тебе прощение и даже наполнит твои сундуки, если ты немедленно вступишь в священную лигу и выступишь против кровавого орочьего племени.

Герцог побледнел еще больше.

— Но ваше преосвященство, — робко возразил он, — война стоит дорого, и у меня мало людей для нападения на этих грязных варваров. Я бы с удовольствием, но...

Михель одним ударом кулака выворотил из земли ближайший к нему клен. Герцог посерел и умудрился отодвинуться на два шага, все еще оставаясь коленапреклоненным.

— Узри силу Творца! — взревел монах. — Я поведу твое войско и вызову на поединок

вожака зеленокожих извергов. Когда я сражу его, остальные разбегутся. Твои люди вернуться с добычей, освободят множество пленников. Ты же прославишься, как самый лучший, отважный и благочестивый правитель за последние сто, нет, даже сто двенадцать лет!

Герцог мечтательно зажмурился и расплылся в улыбке. Он всегда грезил славой, но беднягу угораздило родиться трусом. Противоречивые чувства грозили растерзать толстяка в пылу борьбы.

— А место в раю за такое даруют? — робко спросил феодал, подаваясь вперед.

Он просто разрывался между страхом и жадностью.

— Я замолвлю за тебя словечко, — ободряюще подмигнул Михель.

Под его начало только что попало пятьдесят восемь рыцарей, пять сотен копейщиков и больше сотни лучников. Для начала хватит.

«Пора взрослеть».

— Гарб, жрец Бирканитры

Созданный пуджаром портал выплюнул из своего вращающегося чрева троих.

Гарб стоял, полируя посох, и рассматривал лежащую перед ним долину с раскинувшимися на ее просторах земляными курганами. Развороченные верхушки холмов бесстыже выставили напоказ свое нутро. Складывалось впечатление, будто изнутри что-то рвалось наружу, но в последний момент сдалось перед неподъемной толщей грунта. Нервы никак не желали успокаиваться, ведь где-то здесь можно найти четвертый бир. Скоро свершится.

— Что скажешь? — спросил Сконм.

Агрх разместился позади них обоих и успел обнажить мечи. Липкое чувство опасности пыточным крючком ворошило внутренности, подгибало ноги и заставляло волосы на загривке шевелиться. Такого количества нежити вблизи он не видел за всю жизнь, и это не на шутку пугало.

— Загадка, однако, — потер подбородок шаман.

— Тут гадать нечего, — сказал орк. — Валишь надо за подкреплением.

— Твой друг на редкость благоразумен, — Сконм не стал скрывать сарказм. — Он точно не гоблин? Или это знакомство с тобой так развивает чувство самосохранения? Может быть, мы и уйдем, ничего не добившись, как я делал это уже раз десять. Но, поскольку мы все-таки здесь, надо попытаться найти хотя бы вектор силы, которая способна поднять такое невообразимое множество скелетов.

— Каких скелетов? — удивился Гарб, поставив спутников вопросом в тупик.

— Так этих же, — Агрх указал мечом на колышущуюся стену вооруженных костей футах в тридцати прямо перед ними.

Те стояли, почти не шевелясь и не делая попыток выйти за невидимую границу, но как будто наблюдали.

Зрачки гоблина удивленно расширились. Он нахмурился, наклонил голову и перевел взгляд с орка на хапуга. Тот прищурил глаза и кивнул.

— Не вижу, — пробормотал Гарб и воскликнул. — Кажется, я понял! Это очень мощная иллюзия, а на меня она не действует, потому что у меня в лапах Гобмобом.

— Эта «иллюзия» едва не стоила мне и сотне моих подданных жизни, умник, — проворчал Сконм. — Хотя мысль интересная. Может, они тебя с посохом и пропустят. Спускайся ко второму кургану справа. Мы предупредим, если они двинутся в твою сторону, раз ты их не видишь.

Гарб осторожно пошел вперед к спуску в долину. Агрх потянулся было следом, но Сконм остановил его жестом.

— Смотри внимательно, — шепнул хапуг.

Орк заморожено следил, как его друг бредет к кажущейся неминуемой гибели. Вот только нежить расторопно расступилась, когда носитель посоха приблизился, и снова сомкнулась за его спиной.

— Да! — Сконм радостно взмахнул согнутой в локте рукой со сжатым кулаком. — Не зря я вас проверил еще у деревяшек. Даже неполный посох работает.

Агрх фыркнул.

— Если ты про подвал, то там твою мертвечину уложил не Гарб. Перед ним никто не расступался, как здесь. Это наш эльф чего-то накудесил.

— Раам ка бета! — ругнулся хапуг, за время тирады орка сделавший какие-то неприятные для себя выводы, и тут же принялся колдовать.

Агрх посерел, сообразив, что гоблин попал в переplet. Гарб тем временем шел и шел, глядя на холм. Он не видел причин для испуга, и все его мысли были только о наверхии.

— Назад! — крикнул орк во всю мощь своих легких, от чего хапуг рядом недовольно заворчал, едва не испортив заклинание от неожиданности.

Колдовство Сконма рассыпало в труху добрую сотню скелетов, открывая проход обратно. Гоблин обернулся.

— Что случилось? — крикнул шаман. — Что-то с вашими невидимыми скелетами?

— Беги! — услышал он дружный ответ.

Присущая всем гобхатам склонность сначала спастись бегством, а уже потом искать источник опасности, взяла свое. Гарб рысью припустил обратно, но ему сразу пришлось остановиться, когда он уперся в невидимую преграду. Скелеты возродились из праха и преградили путь непроходимой стеной.

— Меня что-то не пускает! — крикнул он, но его голос вдруг перестал доноситься до остальных.

Агрх приложил руку к уху, показывая, что не слышит. Сконм же замычал что-то на гобхатском и обхватил когтистыми руками лысую голову.

Гарб ощупал препятствие и убедился, что оно действительно состоит из костей, которые, впрочем, не проявляют враждебности. Просто не дают вернуться. Решив, что поколдовать он всегда успеет, а наверхиие само себя не найдет, он развернулся и пошел обратно к кургану. Чем ближе он подходил, тем больше вибрировал посох в лапах. У самого холма Гобмобом проявил собственную волю и воткнулся в почву.

Толща земли осыпалась вниз, заставив гоблина отскочить в сторону. На уровне глаз открылся глубокий темный провал. Гарб оглянулся в поисках поддержки. Агрх встревоженно следил за его действиями, а Сконм уселся на землю и что-то сосредоточенно чертил на ней прутиком. Шаман жестом показал, что собирается спуститься, а орк пожал плечами.

Набрав на всякий случай в грудь побольше воздуха, жрец Бирканитры отправился на поиски своего сокровища.

Земля словно поглотила молодого шамана, как только он сделал первый шаг по возникшим из ниоткуда под ногами земляным ступеням. Провал поприветствовал гостя могильным холодом и сыростью. Звуки внешнего мира тотчас исчезли, как будто наверху не пели птицы и не шумел ветер. От этого места веяло тоской и безнадежностью так сильно, что захотелось немедленно выбежать наружу.

Гарб переборол это чувство и пошел дальше. Его манера горбиться на сей раз пригодилась: так голова не цеплялась за низкий свод. Сгибать спину пришлось чуть больше обычного, но серьезного неудобства это не доставило. Сложнее стало по другой причине.

Темная чужеродная магия ощущалась здесь особенно сильно. Там возле кургана ее присутствие почему-то не беспокоило гоблина, но сейчас щит наколдовался как-то сам собой. Вряд ли он поможет, но так спокойнее. Близость опасности давила, заставляя

судорожно полировать посох ладонью. Посох, богиня... Точно, сейчас самое время помолиться.

— О Великая Праматерь, я возношу тебе хвалу, — начал жрец, и злое присутствие как будто отступило.

Ободренный Гарб с чувством исполнил остаток хвалебного гимна-молитвы. Это придало гоблину сил и уверенности. В голову закралась странная мысль: он, потенциальное воплощение Быр-Хапуга, возносит хвалу своей сестре. Считается ли это нормальным среди богов? Такие размышления помогли окончательно отвлечься.

Шаман даже не заметил, как темный извилистый проход вывел его в помещение с высоким потолком, где получилось выпрямиться. Тусклое подобие красного света озаряло большой каменный алтарь, испещренный древними рунами, на котором лежала четвертая часть посоха. Она отличалась от трех других наличием наконечника в виде непонятной фигуры. Присмотревшись, Гарб опознал в ней вытянутый когтистый палец. Выточенный из цельного драгоценного камня размером с кулак символ светился тем ярче, чем ближе подходил гоблин с посохом. Кроме того, он расплывался перед глазами, как только шаман делал попытку рассмотреть его получше.

— Наконец-то! — чуть дыша, прошептал Гарб.

Еще немного, и мытарства наконец закончатся. С собранным посохом никто не посмеет встать у него на пути, а с ним и у всего народа гобхатов.

— Мы пройдем железным маршем по Лумее, и все народы падут перед нами ниц, а проклятым ушастым выскочкам только смерть!

Шаман издал мерзкий каркающий смешок. Ему почудилось, что в воздухе что-то беззвучно захохотало ему в ответ. Осмотр внутренним зрением не показал ничего необычного, но безудержное желание скорее взять наверх и соединить его с посохом показалось гоблину странным. Он, конечно, очень хотел собрать все части воедино, но такая тяга была слишком уж противоестественной.

— Стоять! — окрикнул себя Гарб.

Это немного отрезвило. «Давай успокоимся. Во-первых, это точно не твои мысли», — обратился к нему внутренний трус. — «Ты ведь не хочешь никого завоевывать или уничтожать. Значит, что-то на тебя воздействует. Самое время проявить твое лучшее качество — осторожность. Вспомни, сколько раз мы бросались вперед без оглядки, и как сложно потом было выбираться из передрыг».

— Согласен, — кивнул жрец собственным мыслям и решил осмотреться, хотя лапы так и тянулись к манящему наверху.

Желание немедленно собрать посох и насладиться его силой пришлось душить целую минуту, но все же осмотрительный Гарб взял верх над порывистым. Внимание привлек светящийся символ. Он как будто звал, притягивал и очаровывал одновременно. Облако. Только это слово приходило на ум при взгляде на наверх. «Облако тьмы», — добавил основной внутренний голос, отобрав у труса слово. — «Как если бы что-то одновременно было чернее ночи, но в то же время светилось, а тебя тянет к этому свету без света, как мотылька к факелу».

Гарб попытался вспомнить, знает ли он что-нибудь про облик четвертого Бира. Копание в памяти ничего не дало. Даже из видения про гибель Быр-Хапуга ничего выудить не удалось. Точно мог знать Сконм, но он остался снаружи и вне досягаемости. Тогда шаман снова начал сопоставлять факты.

«Меня сюда пустили только с посохом», — начал он загибать пальцы. — «Даже Сконм и Сандро сюда не смогли проникнуть несмотря на всю их силу. Курган охраняют мертвецы. Если бы это были проделки Умбры, тут было бы полно теней, но их нет. Светлым эльфам такая темная магия противна, а трои так далеко на поверхность выбираться не любят. Кто остается?»

А ведь Сконм говорил про нечто страшное в этом месте.

— Думай! — приказал себе гoblin.

Что может быть страшнее мира теней? Что может напугать даже Сконма? Ответ все не приходил, но чем дольше Гарб размышлял над этим, тем меньше ему хотелось брать лежащий на алтаре чар.

Шаман осмотрел чашу алтаря. Раньше он не замечал из-за темноты, но теперь отчетливо увидел: то, что раньше он принимал за алтарный постамент, оказалось огромным саркофагом. Рисунки, украшающие его поверхность, заставили шевелиться волосы на затылке. На всех изображались сцены жертвоприношений, а в роли жертв аватары богов. В том, что изображены именно они, сомнений не было.

Вот Прекрасноликый Троединый — почти такой же, каким его изображают в эльфийских храмах, — только выражение лица у этого испуганное, длинные уши обвисли, и он тщетно молит о пощаде, стоя на коленях. Левее изображен какой-то дворфийский божок, который со связанными руками дерзко смотрит куда-то вверх, а над его горлом бесплотной рукой уже занесен нож. Там по выдающемуся носу легко узнать Румпеля — бога гномов. Острые шипы разрывают его тело, а в глазах застыла мука и нежелание покоряться. Были там и другие, имен которых шаман не знал. И это только те, которых удалось рассмотреть.

Гарб попятился. На саркофаге явно оставили место для нанесения других сцен, и это пугало едва ли не больше, чем все остальное. Кому понадобилась кровь богов и кому можно принести настолько страшную жертву? Ритуал с таким сильным компонентом должен сотрясать основы вселенной. Одновременно пришло понимание, что наверху может оказаться фальшивкой.

— ОСТАНЬСЯ! — больше почувствовал, чем услышал жрец, но у него заложило уши как от громкого крика.

Выход просто исчез. На его месте возникла сплошная стена земли, лишая пути к отступлению. Чем бы ни была сущность, хозяйничающая в этом кургане, ее возможности устрашали.

Гарб понял, что надо выбираться любым способом и воззвал к силе посоха. Молитва как раз должна была добавить ему сил.

— Получай! — в этот удар он вложил все свои знания и умения.

Ослепительная волна разошлась в стороны, заливая ярким светом пространство перед алтарем и сплавляя песок и землю в однородную стеклянную массу. Гарб предусмотрительно зажмурился. Когда он открыл глаза, то обнаружил себя стоящим перед совсем не пострадавшим алтарем в окружении множества своих отражений в зеркальной поверхности стен.

— ГЛУПО, — почувствовал он.

Похоже, хозяин или хозяйка кургана облакает в слова эмоции и передает их собеседнику. Жяхани делают так же, но пользуются мысленными образами.

— Ага, — поднял шаман вверх когтистый указательный палец, прикидывая шансы.

Раз эта тварь не пострадала от прямого удара, значит, она и не находится прямо здесь.

Придется бить по площади.

Удар посоха на время выключил любую магию, кроме магии самого Гарба, в радиусе десяти миль. Снаружи осыпались на землю безжизненными кучками костей поднятые скелеты, внутри перестало мерцать облако на магическом наверху, погружая пространство в полную темноту. Где-то там заверещал от испуга Сконм, который еще никогда не лишался магии полностью. Его нынешнее тело имело слишком много эльфийской крови, чтобы без страданий перенести такое испытание.

Гарба подобные мелочи сейчас вряд ли бы побеспокоили. Все его органы чувств сфокусировались на одной цели: не пропустить ответ. Созданный щит засиял в темноте, сверкая разноцветными волшебными искорками по внешнему контуру.

Больно резануло по ушам потусторонним воплем, в нос набилась пыль, а в лапы и ноги словно впились миллионы маленьких ядовитых игл.

— НЕ СМЕЙ! — яростный крик проник в сознание, ломая волю и вырывая с корнями остатки самообладания.

Все-таки, оно не посмело напасть, а только закричало. Ему больно и, кажется, страшно, но оно не побеждено, а только немного присмирело.

— Ничья? — несмело предложил шаман.

— ПОКА ДА, — пришел ответ.

— Тогда не кричи, пожалуйста, — Гарб зажег слабый шарик света на посохе, который тут же многократно отразился от стен.

Теперь освещение стало привычным, и огромный алтарь с саркофагом больше не казался настолько страшным.

— Я постараюсь.

— Кто или что ты? — спросил гоблин.

Существо промедлило с ответом, словно подбирая слова.

— Абсолютная смерть и новое начало.

— Ух ты! И чего ты хочешь от меня? Имей в виду, я умирать не хочу.

— Тебя сюда привела моя воля. Твоя кровь один из ключей к свободе. Освободи и живи.

— Один? Нужны другие? — с ужасом поинтересовался жрец.

— Да, еще двух или трех хватит, наверное.

— И что ты будешь делать, когда освободишься?

Последовало долгое молчание. Гоблин даже начал надеяться, что существо впало в спячку на пару тысяч лет.

— Разрушу все, что натворил Део. Пускай все сгорит в очищающем пламени! Я создам новый мир. Хороший.

— А чем тебя не устраивают миры Део? — несмотря на шевелящиеся от ужаса волосы на затылке, Гарба начало распирать от любопытства.

Шаман непроизвольно подался вперед к алтарю, как будто ответы шли оттуда.

— Разве ты не видишь, во что превратились его творения? Кругом боль, несчастье, несправедливость. БЕЗ МЕНЯ ВСЕ НЕ ТАК, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ! — кошмарное ощущение от этого гневного крика проникло в каждый дюйм тела, наполнив его страданием.

Гарб усилием воли оторвал себя от пола, оперся на посох и с трудом поднялся. Из носа потекла густая черная кровь. Одна из капель сорвалась и полетела вниз — прямо к алтарю. Гоблин не успел подставить ладонь, все еще ощущая слабость после потрясения, и подношение достигло жертвенной чаши, но упало не на нее, а на наверху. Кровь с

шипением исчезла, взметнув вверх короткую струйку дыма.

— Слабая! — в этом слове шаман почувствовал безмерно горькое разочарование и упрек. — Ты не аватар! Но ты используешь посох, слышишь меня, говоришь со мной, даже почти не боишься. Кто ты?

Шаман улыбнулся и промокнул кровь платком, мимоходом отметив, что она действительно черная. И она не сможет выпустить этот кошмар на волю, что безмерно радовало.

— Я всего лишь скромный жрец Бирканитры, — вдохнув затхлый воздух, ответил он. — И мне нужна четвертая часть ее посоха.

— Глупый малыш, но всего второй, кто захотел дать ключ добровольно, — эти слова оставили ощущение жалости и даже почти материнской теплоты. — Бери смело, пользуйся с умом. Вернись, когда повзрослеешь. Поговорим. У тебя есть будущее, хороший мальчик.

После этих слов земля за спиной гоблина с шумом разверзлась, открывая выход.

— Откуда у тебя наверхие? — спросил жрец. — И почему я не видел нежить?

Он разрывался между желанием немедленно убежать и любопытством.

— Приманка для каждого своя, и я привлекаю многих, — последовал ответ. — Иди и возвращайся.

— Кто же ты?

— Повзрослеешь — расскажу. Не всем нужно это знать.

— А если я не вернусь?

— **ВСЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.**

Гарб сцапал с алтаря наверхие и немедленно без лишних раздумий дал деру.

На постаменте медленно начала проявляться новая сцена: капля крови, летящая на алтарь из широкого приплюснутого носа высокорослого гоблина.

«Хочешь добраться до императора, начни с пешки».

— *Сандро*

Агрх помчался к кургану, как только костяная стена рухнула. Воин метался вокруг земляного холма, пытаясь найти вход. Тщетно! Но ведь он своими глазами видел, как Гарб вошел внутрь. В отчаянии орк рубанул мечом траву на склоне. Зачарованная сталь легко прошла сквозь зелень, не задержалась в земле и со свистом выскочила вместе с рассеченным напополам камнем.

Порыв пронизывающего ледяного ветра тут же налетел на воина, заставив его задрожать от холода. В отчаянии Агрх упал на колени и принялся остервенело рыть, помогая себе мечом.

— Брось, это лишнее, — услышал он сзади голос Сконма.

— Р-р-р, — зарычал орк, не прекращая копать. — Лучше помоги!

— Болван магию отключил, — посетовал король хапугов. — Надеюсь, ему это хотя бы помогло, а не как тогда в Льонасе.

— Если бы ваши не полезли на штурм, нам бы не пришлось пройти через половину нижних миров, — огрызнулся орк. — Не можешь копать, отойди. Я не в настроении.

— Не груби старшим.

Зеленокожий смерил недомерка взглядом. Худой как щепка подросток, ниже ростом на полголовы и без магии.

— Казнить меня прикажешь или сожрешь? — спросил он с издевкой, отрываясь от уже довольно глубокой ямы и полностью поворачиваясь к собеседнику. — Я знаю, что ты древний и страшный, но я тебя не боюсь.

Пуджар стоял, уперев сжатые кулаки во впалые бока.

— Разумеется, — важно кивнул Сконм. — Как и положено порядочному орку. Правда, как я слышал, ты подался в другую веру.

— И что с того? — Агрх поднялся с колен, выпрямился во весь свой огромный рост и устало потер шрам от ошейника на шее.

Сконм обозначил улыбку одними губами, став в этот момент сильно похожим на Рати.

— Предлагаю тебе сделать еще один шаг в сторону истинной веры, воитель. Раз уж ты решил посвятить свою жизнь богине гобхатов, то можешь заодно поклониться и нашему богу. Тем более, что ты уже давно путешествуешь с его воплощением.

Косматые черные брови взметнулись вверх и сошлись на переносице.

— Гарб и есть Быр-Хапуг? — с кривой усмешкой недоверчиво произнес орк.

— Пока нет, — бесстрастно ответил Сконм, — но скоро им станет. А вот как скоро, зависит только от нас с тобой. Бог спит в его теле и медленно просыпается. Слишком медленно, а времени у нас, боюсь, не осталось. Грядет конец света, и только Быр-Хапуг с собранным посохом может этому помешать. Надо помочь ему пробудиться.

— Как?

— Пока не знаю, — пожал плечами пуджар. — Должен быть какой-то механизм, который мгновенно выведет повелителя наружу. Что-то связанное с его природой. Я вижу, что присутствие посоха запустило процесс, но идет он, мягко говоря, медленно.

— И зачем мне это? — прищурил карие глаза Агрх.

Сконм мягко улыбнулся, чуть обнажая острые зубы и издал кашляющий смехок.

— Царство его обширно и богато, места хватит и для тебя, — ответил хапуг. — Поверь мне, я там бывал, хоть и давно. Любые удовольствия в твоём распоряжении. Хочешь каждый день новую прекрасную деву? Она твоя. Хочешь битву? Наш бог любит повоевать и ценит верных слуг. Там ты никогда не будешь одинок, несчастен или голоден. От тебя только требуется выяснить, как пробудить Быр-Хапуга, и в нужный момент сделать это самому или подать знак мне.

— Надо его сначала выкопать, — нахмурился орк.

Предложение казалось выгодным, но воин опасался возможных подвохов. С другой стороны, такие шансы достаются не всем и не каждый день. С третьей, это же Гарб! Нужно все хорошенько обдумать.

— А в этой жизни, — развил успех Сконм, — можно получить и другую награду. Я видел, как ты смотришь на мою сестру. Она все равно слишком своенравна для моих подданных, а я обожаю эксперименты. Очень хочется увидеть ваше потомство. Твои дети могут стать прекрасным дополнением к моему роду.

Аггрх не успел раскрыть рта, как казавшийся монолитным холм разошелся в стороны, словно началось землетрясение, и из его недр выбрался целый и невредимый Гарб. В одной лапе он сжимал посох, а в другой жезл. Глаза у Сконма загорелись при виде реликвии.

— Чего ты ждешь? — крикнул он, а его когтистые руки задрожали от нетерпения. — Собери его немедленно!

Вся троица расположилась лагерем в часе пешего пути от курганов. Гарб настоял, чтобы отойти как можно дальше от опасного места, и только потом начать собирать посох.

— Ну? — наверное, в сотый раз произнес это слово Сконм, заставляя коллегу набрать в грудь воздуха в попытке успокоиться.

— Не собирается! — ошетинился Гарб и добавил уже спокойнее. — Ты уверен, что это оно, а не фальшивка?

Пуджар оценил реакцию, и разочарованно вздохнул. Признаков пробуждения бога не нашлось и в этот раз. Значит, раздражение не работает и придется пробовать другие эмоции. Ну, не влюбленность же это должна быть! Такое больше по части Бирканитры. Быр-Хапуг славился крутым и задиристым нравом. Интересно, каков этот гоблин в драке?

— Готов поклясться самым дорогим, что это наверху Гобмобома, — важно кивнул подросток. — Дома у меня было бы больше возможностей для его изучения, но с виду это совершенно точно оно. Магии ты меня зачем-то лишил, так что проверить не могу. Сам его силу не чувствуешь?

Хапуг сидел на корточках, подобрав ноги под себя. Гарб расположился таким же образом, а Аггрх прохаживался рядом и высматривал возможные опасности в лесной чаще. Это не эльфийские, а человеческие земли, но рисковать не стоит.

Гарб еще раз осмотрел жезл. Он определенно подходил по форме к остальной части посоха, и от него исходила слабая магическая аура. Такой же фон был и у первых трех частей до того, как их удалось совместить.

— Может, мне попробовать? — предложил Сконм, получив в ответ недобрый взгляд желтых глаз. — Понял, защита все еще работает. Но раз молитва Бирканитре не помогает, может, все же я попробую помолиться тебе?

— Это будет странно, — хмыкнул гоблин, в который раз пытаюсь совместить длинную

палку с короткой.

Те части срослись сами, а тут никак — хоть ты тресни.

Сконм быстро сложил из камней подобие жертвенника, начертал вокруг на земле несколько рунических символов, достал из кармана нож и, проколов палец, накапал на жертвенник крови.

— Должно хватить, — сообщил он, взмахивая уже зажившей рукой, и пояснил. — Магии нет, но я все еще жрец.

Песнопение длилось минуты две. Все это время Гарб с умиленной улыбкой сидел и слушал: непривычно, когда тебе возносят молитвы. Новых ощущений, впрочем, не возникло, но посох неожиданно завибрировал и сросся в единое целое.

— Свершилось! — обрадовался Сконм. — Скорее, верни мне магию. Теперь ты это можешь.

— А как это сделать? — уточнил шаман.

В этот момент за спиной Гарба из ниоткуда появилось темное клубящееся облако. Предупреждающий окрик Аггрха раздался вовремя, и гоблин успел прыгнуть вперед, спасаясь от новой непонятной угрозы. Впрочем, такой способ перемещения шаман уже однажды видел и давно готовился к этой встрече.

Самка комара назойливо звенела крыльями рядом с гоблином уже битых полчаса, стараясь найти незащищенное место. Всякий раз добыча отмахивалась, и приходилось заходить на новый круг. От здоровяка пахло необычайно приятно, и ей страстно хотелось именно этой сладкой крови для своих нерожденных детишек. Появившиеся клубы мрака снова спутали все планы, хотя хоботок уже почти нашел место на коже для прокола. Пришлось снова взлететь.

Насекомое запищало от восторга. Появившаяся рядом добыча пахла еще вкуснее. В мозаичных глазах комара появилось множество изображений человека, закутанного во все темное. Высокий, молодой и симпатичный, хоть и немного щуплый с виду брюнет, небрежно распахнул черный плащ и немного насмешливо склонил коротко стриженную голову перед Сконмом.

— Ваша Великость, — сказал юноша, хитро сверкнув чистыми голубыми глазами, совершенно не подходящими к его смуглой коже. — Мне и не мнилось увидети вас тут.

— Давно он так архаично выражается? — шепотом удивился гоблин, отряхивая кафтан от сухой травы.

— С самого начала. Время от времени на него находит, — рассеянно ответил хапуг, потому что все его внимание сосредоточилось на человеке, и высокомерно обратился к прибывшему. — Ты с докладом?

Пуджар изо всех сил старался не выдать испуга: впервые за много тысяч лет он оказался настолько беззащитным перед опасностью. За каждым шагом Сандро следили верные офицеры, чтобы не допустить как раз такой ситуации. Похоже, именно в этот раз они умудрились его прозевать. Если еще живы, придется их примерно наказать.

Колдун перевел взгляд со Сконма на Гарба и Аггрха за его спиной. Человек удивленно вскинул брови.

— Вижу, гоблин, ты не только выжил, но и сделался больше и сильнее, — сказал Сандро и прищурил глаза. — Я за чаром. Отдашь по-хорошему, дарую пощаду.

— Ты предаешь меня после того, как я тебя пощадил и возвысил? — звонко отчеканил Сконм, лязгая сталью в голосе.

Его кулаки сжались в бессильной злобе. Хапуг понимал, что ничего не может сделать, но пока может блефовать: колдуну неоткуда знать, что в короле сейчас нет магии. Надо было его раньше убить. Сандро снова обратил внимание на пуджара.

— Премного благодарен, Ваша Великость, за высокий чин диковинного зверя при вашем зверинце, но вынужден оставить свой пост, — с сарказмом ответил некромант. — Я обещал привести армию к победе, и я сдержу обещание, но уже без вас.

— Мой народ за тобой не пойдет!

— Мне хапуги и не нужны, — пожал плечами колдун. — Вы кучка презловных фанатиков, с коими тяжело договориться. Токмо и твердите о своей роли в мироздании. Нет уж, мне хватит тех, коих вы сделали рабами. Я их превосходно обучил, и теперь они помогут мне завоевать Лумею. Сегодня со всех ошейников спадают чары. Сегодня наложницы будут особенно ласковы со своими хозяевами. Кому-то достанется отравка люта, кому-то сонное зелье крепкое и кинжал или зачарованная застежка для волос — все знают, в какое место бить. Остальных холопов в граде добьют мои солдаты. Тяжко придется с теми, кто шпионит в краях чужих. Этих потребно долго искать, но они уже не будут напастью.

Сконм побледнел. Нужно срочно вернуться домой, но сначала — разобраться с этим наглым выскочкой.

— Сандро, — обратился к некроманту молчавший до этого Гарб, — давай все спокойно обсудим.

Колдун резким движением ладони прихлопнул комара, который решил впиться ему в щеку. Удар пришелся по тонкой полоске закрученных кверху черных усиков, и некромант поморщился от боли.

— А нечего тут рядиться, — с внезапной злобой в голосе ответил он. — Ты хоть и гоблинских кровей, а вряд ли за всю жизнь видал и десятую долю той мерзости, что они творят в своих подземельях. Помоги мне избавить Лумею от этих тварей раз и навсегда, и станешь мне братом.

Сконм задохнулся от такой наглости и вопросительно посмотрел на Гарба. Если сейчас кто-то и мог остановить Сандро, так это он. Колдун перехватил взгляд и довольно улыбнулся: раз недомерок до сих пор не ударил сам несмотря на оскорбления, значит, почему-то не может этого сделать.

— Сказал тот, кто ставил опыты над живыми и тревожил покой мертвых, — насмешливо рыкнул Аггрх, хотя в его взгляде читалась плохо скрывающаяся ненависть.

Именно Сандро стал причиной смерти Рэкса, единственного сына зеленокожего воина. В орке начала вскипать ярость.

— Мы знакомы? — тонкие брови Сандро взметнулись вверх. — Наверное, нет. Я бы запомнил такой любопытный образец. Вы, любезный орк, хоть и звучите как книжник, но вряд ли можете оценить мои опыты по достоинству. Обращение в нежить дало тем людям вечную жизнь, свободу от боли и хворей, даже общность, но им этого оказалось мало. После пленения хапугами я на многое взглянул по-новому и решил, что одного града для спокойного правления не хватит. Для мира во всем мире нужен целый мир.

— Гарб, — Аггрх сдержался и не бросился в атаку, понимая, что не переживет ее. — Вломи-ка ему разок посохом да покрепче.

— Не стоит, — белозубо улыбнулся человек. — Вы же не желаете, дабы ваши друзья пострадали? Нет, они не доплыли до Мираса и сейчас в надежном месте.

— Что ты с ними сделал? — на этот раз зубами заскрежетал шаман, движением посоха

останавливая Аггрха, который крепко стиснул рукоять меча и тихонько зарычал.

— Ничего дурного, — скорчил гримасу Сандро. — Их встретили на выходе из Подземья и проводили в потаенные чертоги, где они в неге и роскоши проведут несколько седмиц. Однако им придется несладко, ежели я не явлюсь их проведать через какое-то время. Торгую посох на несколько жизней.

— Не... — успел сказать Сконм, но его рот тут же запечатала магия Сандро.

Хапуг попробовал было разомкнуть челюсти, но их будто сшили вместе. Колдун поднял правую руку и демонстративно свел вместе большой палец с остальными, намекая на молчание. Пуджар ненавидяще уставился на чернокнижника, но ничего не смог с этим поделаться.

— Нет, — отрезал Гарб.

Сандро поморщился, как от зубной боли.

— Разумею, дюже ценная вещица, но ценнее ли она друзей? Конечно, откуда в сердце гоблина взяться таким крепким привязанностям, но я все же на это надеялся.

— Не понимаешь, — мягко улыбнулся гоблин. — Тебе это все равно не поможет. Гобмобомом могут пользоваться только гоблины. Даже эльфийские боги не сумели.

— Ты не умеешь лгать, — подмигнул человек. — Орк ведь пользовался силой посоха. Ты сам сказывал.

Сконм недобро зыркнул: этот сын человека посмел шпионить за верховным жрецом Быр-Хапуга в его собственном замке. Никакой пощады. Скорее бы этот тупоголовый гобхат догадался вернуть ему силы.

— Я все равно не могу его отдать, на нем такая защита.

— Верно, — Сандро потер подбородок в раздумьях. — Хотя он ведь как-то оказался у орка в руках, значит, можно его и добровольно положить. Быть может, сейчас это не получится. Я мог бы забрать его с твоего мертвого тела, но мне кажется, что посох защитит тебя от любого моего удара. Даже если у меня и получится, уйдет много времени на изучение чара. Ни времени, ни терпения у меня нет. Придется договариваться. Ты мне, я тебе.

— Чего ты хочешь? — хмуро поинтересовался Гарб, мимоходом отметив, что чем дольше они разговаривают, тем меньше Сандро употребляет архаичных слов.

Гоблин тянул время, пытаясь понять, как вернуть магию Сконму. Выключать магию шаман наловчился уже давно, хотя и пользовался этим трюком с осторожностью, а вот как это работает в обратную сторону... Гарб закаялся экспериментировать с силой Гобмобома, наученный горьким опытом, поэтому не спешил действовать.

И по Сандро бить нельзя. Рати рассказывала, на что он способен. Колдун просто увернется, а то и вернет удар напавшему на него. Сконм же, вроде бы, знает, как с ним справиться.

— Бессмертия.

Аггрх позади презрительно фыркнул, а пуджар вдруг погрузился и кивнул, как будто с пониманием отнесся к желанию своего бывшего полководца.

— Смертный не может стать бессмертным, — покачал головой шаман. — Законы, установленные богами...

— Законы-шмаконы, — передразнил его Сандро. — Много ты в них разумеешь. В своих царствах боги могут менять правила, как захотят, но не на Лумее. Угадаешь причину?

Гарб пожал плечами.

— Потому что это первый из миров! Зря его что ли кличут Первичным? Я много над этим размышлял и наконец понял. Лумея сотворена союзом двух прародителей сущего — Део и Йени. Союз хаоса и порядка породил гармонию. Не идеальную, ведь это был их первый опыт, но вполне пристойную. Другие миры Део творил сам уже после того, как в порыве гнева ударил жену. Туда он отправил своих детей и закрыл им путь обратно, так что все сходится. Боги до сих пор могут сюда попасть, только вселяясь в тела смертных. Мне странно, что до этой мысли раньше никто не додумался.

Сандро говорил с жаром и даже начал размахивать руками, заводясь все больше.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул Гарб. — Я так понимаю, ты догадываешься, что посох способен менять реальность и на Лумее. А ты не задумывался, что, если попытаться что-то поменять кардинально, Део непременно вмешается?

— Я готов дерзнуть, — серьезно ответил некромант. — Это же мир Део, а значит, он где-то здесь среди нас и все это видит. Если до сих пор мы живы, то тому есть причина.

— Зачем тебе бессмертие? — процедил сквозь зубы Аггрх.

Орку понравилась новая идея. Его собственный страх смерти изрядно подогревался неизвестностью. В каком загробном мире он окажется — пугающая загадка. Бессмертие сняло бы этот вопрос, избавив зеленокожего от многих проблем. Гарб же не откажет другу, если не откажет врагу.

— Ну, как же, — усмехнулся некромант. — Что в смерти хорошего? Райские кущи мне не грозят. А если бы и грозили, то мало в том хорошего. Думаете, туда берут праведников? Нет, боги забирают себе самые сильные души, лишь бы не порченные мраком. И только богам известно, с какой целью они это делают. Сдается мне, часть пополняет небесные воинства — ведь там идет бесконечная война, а частью просто утоляют голод.

— Но ведь молитвы... — робко заметил Гарб.

— Пища богов? — перебил его Сандро. — Думаю, одними молитвами боги сыты не будут. Чтобы бог не умер, у него должно быть много верующих, верно. Это же злая шутка Део! Но кто говорил, что богам не нужно питаться чем-то еще? Однако мы подошли к сути моего желания. В определенных кругах бытует мнение, что эта же шутка может позволить смертному самому стать богом, если в него уверует достаточно много разумных существ. А боги бессмертны.

— Ты думаешь, в тебя кто-то поверит? — слегка разочарованно спросил Аггрх, которого такое объяснение сразу лишило зародившейся надежды.

— Люди, эльфы, гномы, словом, все те, у кого не осталось своих богов, — некромант был предельно серьезен. — Мне уже поклоняются, и этот культ станет больше, когда я захвачу всю Лумею. Останется самая малость — касание посоха в нужный момент и в нужном месте. Ну, так что?

Аггрх вздохнул, отчаянно борясь с желанием вцепиться некроманту в глотку. Как бы сейчас пригодился де Деса со своими инквизиторами. Казалось бы, какая может быть польза от вечно бурчащего о ереси храмовника? Вот он ответ. У них, небось, на таких, как Сандро, есть управа.

— Я попробую помочь тебе, если с моими друзьями ничего не случится, — сказал гоблин несмотря на протестующую жестикуляцию Сконма.

Решение далось тяжело, но только так можно выиграть время.

У героя век короткий:

Храбрым быть опасно всё ж.

Только чаще лезть под нож

Нужно тем, чей норов кроткий...

— Адинук

Огромный шипастый боевой молот с оглушительным свистом вошел в землю там, где еще долю мгновения назад лежала голова человека. Этот жалкий червь посмел бросить вызов непобедимому одноглазому богу. Он должен поплатиться за дерзость!

Здоровенный орк с черной повязкой на правом глазу без усилий выдернул оружие из почвы за длинное толстое древко и сразу развернулся. Но даже этой небольшой задержки хватило, чтобы снизу в его клыкастую челюсть прилетел крепкий человеческий кулак с мозолистыми костяшками. От смертного трудно ожидать подобной силы, но аватара Бурхана подбросило на добрых полфута. Мускулистое тело с кожей оливкового цвета рухнуло на четвереньки.

Бога не убить даже таким ударом, но один клык пришлось выплюнуть вместе с густой черной кровью, смешанной со слюной. Бурхан с громким щелчком вправил вывихнутую челюсть обратно и зарычал, с большим трудом поднимаясь на ноги.

— Кто ты? — тяжело дыша, спросило божество. — Чей аватар? Я не узнаю тебя.

— Я твоя погибель, — зловеще ответил Михель, потому что сам только что побывал на волосок от смерти.

Сейчас он не ощущал той всепоглощающей ненависти, которую испытал, отнимая чужую жизнь в трюме корабля. Хотя ему и нравилось смотреть на врага в таком плачевном состоянии. Мольба зеленокожего прозвучала музыкой для ушей монаха, но он никак не мог взять в толк, откуда в нем это. Может, из-за присутствия Лю в голове?

— Не моя работа, — тут же опроверг догадку жахани. — На твою волю мне влиять не дано. Это как-то связано с твоей стертой памятью.

Между тем тяжело дышащий орк взмолился.

— Прошу пощады! Выслушай меня, это важно! Ты не понимаешь, что происходит! Я все объясню!

Бурхан не поверил, что мог проиграть бой смертному. На его беду к тому же выводу пришли и бесчисленные полчища орков, наблюдавшие за ритуальным поединком с окрестных холмов. Их бог еще не повержен, но уже опозорился у них на глазах. Он унижен пускай и другим, но совершенно безоружным богом. Бурхан же схватился за молот, когда не смог победить голыми руками, и даже так проиграл. Значит, Бурхан слаб и недостойн поклонения.

Сила и бесстрашие — вот добродетели, передававшиеся из поколения в поколение в обществе зеленокожих воителей. Демонстрация слабости подорвала едва начавшую крепнуть веру, которая прежде придавала аватару сил. Бурхан это почувствовал и зашатался, словно от усталости. Ему уже случалось проигрывать битвы и поединки, но никогда прежде при своих свирепых детях. И он ужаснулся последствиям.

Человеческий отряд, зажатый орочьей ордой в тиски, напротив приободрился. Когда герцог отправлял их со странным монахом, то произнес длинную речь.

— Мои верные слуги! — сказал тогда он. — Я вверяю вас этому божьему человеку. Он принесет мне, да и вам тоже, такую славу, которая позволит мне и, наверное, вам попасть на небеса. Да, некоторые попадут на небеса сразу, еще во время похода, зато остальных ждут почет и богатство. Особенно меня. Идите же и не посрамите своего герцога. Я очень надеюсь на ваш успех.

Кто же мог догадаться, что новый командир приведет их прямо в пасть дракона. Маленькая армия сильно поредела от дезертирства, как только стало ясно, что путь лежит в орочьи владения. Остались лишь те воины, для которых слова «присяга» и «честь» еще что-то значили. Солдаты до последнего надеялись, что нужно просто пройти мимо владений зеленокожих, и старательно делали вид, что так и делают. И все равно люди опасались, что их начнет рвать на части озверевшая орочья толпа, едва разведчики донесут вожаку о человеческом отряде.

Когда монах привел их сюда и сразу бросил вызов вождю орков, рыцари приуныли окончательно. Их всех непременно втопчут в землю, как только голова человека расплющится от тяжести орочьего оружия, но бежать было некуда. Теперь ситуация поменялась.

— Молитесь, братья! — бросил клич один из благородных ветеранов. — Может, еще сумеем спастись.

— Кому молиться-то? — раздались голоса воинов. — Боги давно глухи к нашим молитвам!

Население герцогства издавна не отличалось благочестием. Местные храмы даже по праздникам наполнялись едва ли на десятую часть от вместимости. Жрецы часто ходили в обносках, а пожертвований порой не хватало на ремонт протекающих крыш. Боги многие поколения назад перестали отвечать на мольбы смертных, и если кто еще и ходил им поклониться, то скорее потому, что так заведено.

— А хоть бы и ему! — служивый махнул рукой на остатки веры в старых богов и во всю глотку заорал. — Славься Михель Всемогущий!

— Славься! — поддержал его нестройный хор.

Затем военная привычка приветствовать командиров хором дала о себе знать, и все людское воинство разом прокричало: «Славься Всемогущий!»

Слыша это, орки, стоящие неподалеку, начали перешептываться рычащими голосами. Кто-то, знающий всеобщий, перевел сородичам смысл.

Бурхан почувствовал страшное, когда ноги перестали его держать. Он слабел и слабел, а в глазах потемнело, и уже в падении до его ушей донесся нестройный, но нарастающий гул его детей: «Славься Всемогущий!»

— Он что, сам умер? — спросил монах, застыв в боевой стойке возле бездыханного тела. — Может, с сердцем плохо?

— Ох, ты ж мой сердобольный. Еще вылечить его попробуй! — с иронией откликнулся Лю. — Брось, это же аватар. Был. У них никогда не бывает проблем со здоровьем, если это не боевое ранение. Только что произошло такое, за что я еще, наверное, схлопочу от босса. В конце концов, это же был мой план.

— Что стряслось-то?

— Он действительно умер! — бас Лю прозвучал как-то чересчур глухо и монотонно. — Не вернулся в свое царство, а попросту исчез. Тело тут, а духа нет. Нигде нет! Я уже

проверил. Ты вообще понимаешь, что это значит?! А еще очень жалко, что он ничего не успел объяснить. Теперь придется ловить еще какого-нибудь аватара, а их не так много осталось.

Между тем зрители подозрительно зашумели, а их кольцо сузилось настолько, что Михелю стало не по себе.

— Как-то забыл уточнить, — спросил он мысленно у Лю, — я по плану должен был сразу бежать или пытаться убить столько орков, сколько успею?

— Вообще, конечно, они сейчас должны быть немного заняты борьбой за место нового вождя, но какой-то интерес к тебе все же остался, — смутился жахани. — Постарайся выжить. Ты мне еще нужен на Лумее.

— Лучший совет в моей жизни после того, как настоятель посоветовал приглядывать за новыми друзьями, — процедил сквозь стиснутые зубы монах, вспомнив, как его чуть не сожрали живьем в племени Агрха.

Человек огляделся и с удивлением обнаружил, что к нему направляются не только зеленокожие, но и его собственный отряд. Люди опередили орков и шагах в двадцати дружно преклонили колени перед Михелем, сняли шлемы, склонили головы и прижали кулаки к груди. Они громко запели молитву, некогда обращаемую к человеческим богам. Не все из них хорошо знали текст, но все старались.

Архаичные слова звучали торжественно. Михель знал эту молитву: ее вдалбливают в головы всем человеческим детям. Он знал ее, но всегда молился только Вседержителю пока не утратил веру. Теперь он не понимал, что происходит, и чувствовал себя одновременно странно, неловко и глупо.

— Подпевать будешь? — ехидно спросил Лю.

— Меня, вроде бы, не собираются убивать.

— Вот и славно, подыграй им тогда, что ли.

Орки шли не слишком уверенно, поэтому и отстали. Для них было странно, что нужно поклониться инородцу, хоть он и победил самого Бурхана. Разношерстная толпа — посмотреть на бой собралось много племен — запрудила все поле. Разного роста и оттенка кожи, кто-то в стальных латах и с хорошо выкованными топорами, молотами и мечами, а иные только в набедренных повязках и с простыми дубинами вместо оружия. Но у всех них была одна цель: воздать почести своему новому богу, честно добывшему в поединке право вести за собой племена. Как это принято у орков от начала времен.

Зеленокожие смешались с людьми, теперь видя в них единоверцев, но падать ниц не спешили. Орочья традиция требовала другого, и батыры зарычали, потрясая оружием.

— Славься! — на орочем и человеческом сотрясло долину.

— Никогда бы не поверил, если бы сам не видел все твоими глазами, — восхищенно прокомментировал Лю.

Человек стоял со спиной прямее натянутой струны. Полы его истрепанного одеяния шевелил ветер, и он не знал, что теперь делать. Жахани уловил эту неуверенность.

— Слушай, только не вздумай сейчас начать проповедь про Небесного отца. Нам эта армия пригодится, а своими бреднями ты оставишь их вообще без веры. Подыграй ребятам, говорят тебе. Видишь, как они тебе радуются? Нет-нет, петь не надо! Я же пошутил!

— Богохульство, — пробормотал Михель, чувствуя, как начало саднить правое ухо.

Человек машинально протянул руку и потрогал больное место. Кровь. Бурхан все-таки сумел зацепить его шипом. В пылу сражения он и не заметил боли, но сейчас пульсирующее

жжение стало почти нестерпимым. Монах свел вместе руки для молитвы Вседержителю — целение работает именно так — и обомлел. Жидкость, сочащаяся из раны на ухе, была черной, такой же черной, как у Гарба. Пульсирующая боль неожиданно прошла. Михель еще раз потрогал абсолютно целую ушную раковину и растерянно поцокал языком.

Хор славящих его голосов стих: все ждали первых слов нового кумира.

— Смотри, как хорошо все выходит, — подбодрил его Лю. — Ну же, забирай всю ораву с собой и двигай к Храму Творения. Они и так туда собирались, так что осталось только наобещать им всякого. Главное, не забудь предупредить храмовников, что мы с ними дружить идем, а то они нервно реагируют на чужие войска.

Михель прочистил горло. Что же сказать?

Порывы ветра усиливались, охлаждая разгоряченное после ожесточенного боя тело, и заставляли мятущийся разум рассуждать спокойнее.

Будь он все еще верен Вседержителю, можно было бы поговорить о всеобщем благе, всепрощении и доброте, только теперь в эти идеалы с трудом верилось и самому. Лю прав: такие речи только внесут смуту в единые сейчас ряды орков. И все же хотелось воззвать к чувствам, которые, как Михель верил, есть в сердцах любого разумного существа.

— Я вижу перед собой славных воинов, — громко сказал человек, обращаясь прежде всего к громилам с зеленой кожей.

Толпа радостно загалдела. Непостижимым образом они поняли каждое слово без всякого перевода, что еще больше убедило их в божественности человека. К тому же монах после боя подрос и раздался в плечах, теперь почти не уступая габаритами поверженному Бурхану. Люди также взирали на него, забывая дышать: они-то прекрасно помнили, каким щуплым Михель был по пути сюда.

— Скажите мне, за что вы привыкли биться?

— За еду! За детей! За бога! За битву! Ради добычи! Чтобы прославиться! — раздался разрозненные голоса.

Звучали все новые и новые поводы для сражений, и не было им конца. Михель Ди Лёве внимательно слушал, также легко понимая все и различая каждый из голосов своей паствы, на каком бы расстоянии он ни был.

— Я не услышал очень важной причины, — сказал он, остановив галдеж поднятой ладонью. — Вам нравится Лумея?

— Хороший вопрос, — проворчал угрюмый детина в шаманском облачении. — Наши предки знали другой мир, но Бурхан увел их оттуда. В преданиях говорится, что там у нас пастбища были сочнее, а земли плодороднее. Здесь на хорошие земли нас не пускают, а в горах с едой плохо и холодно, особенно зимой.

Толпа зашумела, подтверждая его слова. Эти сказания знали все от мала до велика, что заставляло орочий народ несколько обижаться на бога, который использовал зеленокожих в своих целях и не смог ни привести к победе, ни вернуть их обратно в родной мир.

— Но теперь это ваш дом, — мягко сказал Михель.

— В котором нас не любят соседи, а мы их! — выкрикнул из переднего ряда орк с накидкой из медвежьей шкуры на плечах.

Его сородичи одобрительно зашумели.

— Встали бы вы на защиту Лумеи? — спросил Михель. — Это может прославить вас и подружить с другими народами.

— А с кем тогда воевать, если мы со всеми подружимся?

— Всегда найдется, с кем подраться, — улыбнулся человек, но орков этим не убедил.

Недовольных возгласов стало раздаваться все больше. От бога явно ждали чего-то другого. Монах вздохнул, понимая, что его старания не увенчались успехом, и рявкнул так, что все сразу умолкли.

— Значит, так! — крикнул он. — Все племена идут в поход на защиту Лумеи к Храму Творения. Кто против, может мне сказать об этом лично. Обещаю выбить зубы и переломать кости каждому такому умнику. Это ясно? Хорошую драку и славу обещаю, дружбу — как повезет. Вопросы?

«Не, нормальный мужик же! Не слюняй! Так бы сразу и сказал!» — зашептались зеленокожие. Желающих спорить с убийцей самого Бурхана не нашлось. Орки даже еще раз прокричали хвалу, радуясь появлению такого сильного вождя, который сходу позвал на войну. Он, может, малость странноватый и вообще из человеческой породы, но успешный поход в любом случае принесет добычу. А что еще нужно нормальному орку в этой жизни?

Люди же просто радовались. И чудесному спасению, и тому, что они первыми узрели явление нового божества. Командир лучников, предложивший молиться, уже мысленно примерял на себя регалии первосвященника, и его лицо лучилось довольной улыбкой. Герцог-то не соврал. Снискать такую славу до сих пор никому и не снилось.

«Хорошее редко случается без плохого».

— *Аггрх*

Гарб еще раз попытался сосредоточиться. Король хапугов рядом только мешал своими советами и угрозами. После отлета Сандро он был сам не свой и все время чего-то требовал.

— Чего ты медлишь? — бесновался подросток. — Там дома моих детей убивают!

— Не торопи, — сдержанно пробормотал гоблин. — Дай мне немного времени.

— Его нет! — завопил хапуг, спешно уворачиваясь от посоха.

Глаза шамана недобро блеснули, и мелкий жрец сразу отстал. Собранный чар как-то совсем по-другому лежал в ладони, создавая ощущение едва ли не вседозволенности. Сдерживал разве что предыдущий опыт, когда применение волшебной палки непременно заканчивалось неприятностями.

Внутреннее зрение показывало невероятные картины. Посох легко рвал паутину магии, но в то же время без усилий собирал ее обратно куда более сложными узорами. Без такой игрушки даже простейшее заклинание требовало сосредоточенности, а Гобмобом сам направлял лапу, чтобы сплести нужный рисунок и сам вливал в него необходимую энергию.

— Так-так, — почесал шаман коготком шерстку на подбородке. — Если применить экстраполяцию, то выходит, что посохом можно творить предметы прямо из стихий, а потом их можно зачаровывать. Может быть, получится даже сразу зачаровывать во время создания.

— Верни. Мне. Магию. Немедленно! — Сконм смотрел исподлобья, а из его рук ниже локтя знакомо торчали костяные остря.

Видимо, на эту способность хапугов магия не влияла.

Гарб спокойно начертал наверху в воздухе заборчик, и пуджара окружила непроницаемая полупрозрачная стена. Жрец Быр-Хапуга на пробу выстрелил из руки костяным отростком, но тот просто растаял, едва коснувшись барьера. Аггрх понаблюдал, как уродливый подросток беснуется за стеной, не пропускающей ни звука, и повернулся к гоблину.

— Слушай, он ведь прав насчет времени, — сказал орк, переживая за Рати.

До остальных хапугов ему дела не было, но он боялся, что девчонка будет малость не в себе из-за последствий резни. Сама-то она легко спрячется и просто переждет нападение.

— Знаю.

Шаман почти полностью ушел в себя и слабо реагировал на окружение, находясь в подобии транса. Изучение возможностей посоха увлекало слишком сильно.

— О, а еще так можно! — по-детски обрадовался Гарб и быстрым движением нарисовал посохом круг.

Ураганный ветер вырвал с корнем вековой дуб, стоявший футах в пятидесяти в стороне от поляны, на которой расположилась троица. Могучее дерево отчаянно взмахнуло листвой и с хрустом повалилось на землю, засыпав градом недозрелых желудей все окрестности.

Видя такую увлеченность на грани одержимости, Аггрх решил воспользоваться ситуацией в свою пользу.

— Гарб, а посох правда может даровать бессмертие? — спросил он.

— Маловероятно, — на секунду задумался шаман. — Впрочем, я его еще и на два процента не исследовал. Не берусь утверждать. Теоретически, истинным бессмертием

обладают только боги, но если немного схитрить и просто сильно замедлить процессы старения, то должно получиться. Это не даст неуязвимости, но вполне позволит прожить достаточно долго, чтобы надоело.

— А можешь на мне попробовать?

— Легко, — все еще толком не осознавая, что разговаривает не сам с собой, ответил гоблин и перешел к делу. — Так, нужно немного поиграть с Дэ, убрать чуточку Тэ, подправить потоки... Готово!

Гоблин воззрился на друга, словно впервые его увидел.

— Что? — выдохнул орк, не почувствовав никаких изменений.

— Мне кажется, или ты начал молодеть?

Позади Аггрха внутри незримых стен в истерике забился Сконм.

Орк порывлся в сумке и извлек из нее карманное зеркало. Ушла седина, разгладились морщины, даже шрамы начали рассасываться.

— А это когда-нибудь остановится? — воин побледнел, когда увидел вместо обычной черной щетины подростковый пух, проступивший на верхней губе.

— Ой, — сказал Гарб. — Сейчас.

Немного повозившись с чаром, он состарил друга обратно, закрепив орку возраст около двадцати пяти лет.

— С-спасибо, — Аггрх редко пугался чего-то, но в этот раз страх снова превратиться в младенца перекрыл даже боязнь пауков и смерти.

— А хочешь себе крылья или еще пару рук? — глаза гоблина загорелись нездоровым огнем, какой нередко возникает у художников в приступе вдохновения.

Аггрх низко зарычал и попятился, выставив перед собой ладони и часто-часто моргая испуганными карими глазами, но Гарб уже с воодушевлением переключился на Сконма. Тому бежать было некуда. Хапуг скрестил руки на груди и, казалось, смирился со своей участью.

На этот раз Гарб возился куда дольше. Сначала он состарил подопытного, и результат ему не понравился. Черты лица пуджара хоть и не носили явного проклятия Триединого, но все же делали хапуга достаточно уродливым. Обилие татуировок на совершенно лысой голове усиливало отталкивающее впечатление, а короткие кривые ноги дополняли образ. Чем старше он становился, тем отчетливей во внешности проступали следы мстительности эльфийского божества.

Шаман покачал головой. Магией такое можно замаскировать, но не исправить.

— Вот сейчас и проверим насчет воли богов, — прикрыл он веки, что-то прикидывая в уме. — Как же это делается?

На ум между тем ничего не приходило. С потоками Дэ все просто — бери и плети нужный рисунок. Здесь же результат не только налицо, но и на лице. При этом процесс его достижения вообще не очевиден. Как это обратить, тоже пока не слишком ясно.

Нужно ли мыслить по-божественному, чтобы понять другого бога?

— Думай голова, — лоб шамана покрылся морщинами от напряжения. — Шапку тебе наколдую.

Если рассуждать логически, то что делают боги, когда посылают проклятие? Просто желают кому-то плохого. Как можно отменить проклятие? Пожелать хорошего, наверное.

— Желаю, чтобы ты снова стал таким, какими хапуги были раньше! — неуверенно сказал Гарб и указал посохом на Сконма.

Пуджар скептически скривился за своим барьером, а его внешность не поменялась ни капельки.

— Хм, неудача, — пробормотал разочарованный шаман. — Нужны корректирующие действия. Простое желание не помогает, иначе бы боги просто ходили и отменяли проклятия друг друга просто из вредности. Требуется нечто большее.

Сконм покрутил когтистым пальцем у виска и указал на посох, а затем на самого Гарба, и молитвенно сложил руки.

— Молиться? Бирканитре?

Что ж, это логично: она богиня созидания. Если ее силу направить не на разрушение, то это может сработать. Посох послужит проводником.

Песнопение не заняло много времени, хотя Сконм как-то подозрительно корчился в своем загоне и все время зажимал уши.

— Попытка номер два, — посох указал на жреца Быр-Хапуга, который и на этот раз не начал меняться.

Сконм прикрыл веки и вздохнул. Затем началась странная пантомима. Хапуг пытался жестами что-то объяснить Гарбу, но гоблин никак не мог понять, что именно.

— Может, просто стену уберешь? — предложил Агрх несколько помолодевшим голосом. — Он, кажется, знает ответ.

Шаман хлопнул себя по лбу и тут же расколдовал хапуга.

— Что б ты... жил вечно, Повелитель! — сказал тот в сердцах. — Не просто желай, повелевай! Боги повелевают.

С пеленок Гарба заставляли подчиняться. Сначала бабушка, а затем старик Нунах, учивший его шаманскому ремеслу. Ученики постарше также поучаствовали в воспитательном процессе, заставляя талантливого малыша делать за себя всю грязную работу и питаться объедками. В первые пару лет после обучения даже не сразу удалось привыкнуть к мысли, что теперь ему может указывать только царь.

— Повелевать? — робко спросил гоблин.

У Каввеля с таким не возникло бы никаких затруднений — он командовал целым флотом. Адинук королевских кровей и легко бы справился. Даже Агрх — бывший раб и гладиатор — успел побыть вождем в своем племени и генералом в армии ангелоподобных тивада. Он точно умел отдавать приказы.

— Я не умею, — пробормотал Гарб, нервно стискивая посох.

В его словах не было ни капли лжи. В их компании гоблина все считали вожаком, кроме него самого. Он с малолетства сирота без роду и племени. Откуда ему взять такое умение? Манипулировать или заставлять других делать нужные себе вещи он умел, мог уговорить или перехитрить. Не знал только, как это — повелевать.

Сконм ненадолго опешил от услышанного, но сразу взял быка за рога.

— Вот оно что! — протянул пуджар. — А я-то думаю, что не сходитя. Видно, где-то твоя судьба пошла не по плану Повелителя. Я был уверен, что ты как минимум родился в царской семье, а шаманом стал для маскировки. Спина горбится, руки елозят, глаза ты выше груди редко поднимаешь.

— Лапы, — поправил его Гарб.

— Вот, еще одно, — ничуть не смутился Сконм. — Я думал, ты называешь свои руки лапами иносказательно. Не вздумай больше. Ты же глинорожденный! Это звучит гордо. Сам подумай, какие еще лапы? Это деревяшки придумали, чтобы еще больше унижить наш народ.

Лапы у диких зверей. Ты еще лицо мордой назови!

— Вообще-то, он так и делает, — влез в разговор Аггрх. — И женщин самками зовет.

Хапуг нервно хихикнул и секунд на двадцать спрятал округлившиеся глаза в ладони. Затем опустил руку, величественно встал с гордо выпрямленной спиной, расставив ноги на ширине плеч.

— Становись, как я.

Гарб выполнил команду. Пока от него требовалось подчиняться, проблем не возникало. Хотя вечно сторбленную спину пришлось заставлять разогнуться.

— Расслабь мышцы и почувствуй свою силу, — продолжил Сконм. — Ты можешь менять реальность. В этом мире нет никого, кто мог бы тебя остановить. Почувствовал?

Шаман изо всех сил попытался представить пределы своих возможностей. Да, он могуч. Что с того?

— Вроде бы, — робко произнес гоблин, нервно полируя посох рукой.

— Больше уверенности, спину не сгибать! — не дал Гарбу передышки хапуг. — Теперь представь, что ты чего-то хочешь. Хочешь страстно, больше жизни, а все вокруг обязаны выполнить твое желание. Умрут, если не выполнят. И ты им всем говоришь, чтобы они начали его выполнять да побыстрее. Теперь скажи мне свое желание как Повелитель.

Гоблин с несчастным видом посмотрел на орка. Тот ободряюще кивнул.

— Повелеваю тебе стать таким, как до проклятия! — сказал Гарб.

— Чуть больше уверенности и можно без слов. Не помню, чтобы Повелитель что-то говорил в таких ситуациях. Просто вырази свое желание в беззвучном приказе и вложи в него силу богини. Своей-то пока нет.

Шаман нахмурился, стукнул для убедительности посохом по земле и отдал мысленный приказ. Странное чувство охватило его. Как будто мощная искра пронзила все тело и молнией ударила в память. Он это умеет. Всегда умел повелевать, просто плохо помнит, как это делается.

Небеса не разверзлись и конец света не наступил, но облик Сконма изменился в лучшую сторону. Пуджар стал куда выше даже своей повзрослевшей версии. Когти на пальцах укоротились, кривые ноги выпрямились, а черты лица теперь больше напоминали гоблинские. И все же что-то в облике хапуга осталось неуловимо неправильным для обычного гобхата. Появилась какая-то неприятная приторная рафинированность.

— Эльфийская кровь никуда не делась, — прокомментировал Аггрх еще больше заострившиеся уши, хоть и оставшиеся достаточно короткими.

— А теперь, если мы наконец наигрались, смиренно прошу Повелителя вернуть мне магию, — улыбнулся уже не такими острыми зубами Сконм.

Совсем прежним у него остался только взгляд янтарных глаз с вертикальными зрачками: колючий и испытующий.

Гарб призвал то же ощущение и повелел магии вернуться в тело жреца.

— Так-то лучше, — воспрял духом хапуг.

— Гарб, а ты не можешь просто повелеть, чтобы Сандро и вся его шайка умерли? — спросил Аггрх.

— Не может, — ответил Сконм. — Он пока не бог, но даже сам Разрушитель так не умел. Если такое и получится повернуть, понадобится длинный и сложный ритуал, а у нас времени нет. Придется драться, если мы еще не опоздали. Сейчас наколдую портал.

— Не нужно, — сказал гоблин. — Я перенесу нас.

— Проводнику божественной воли не нужны порталы, — поклонился пуджар, — но мы смертные.

— Значит, я пойду первым, — сказал Гарб, — догоняйте.

Он вдруг тоже вспомнил, кто остался в цитадели, и решил поспешить.

Высокая величественная фигура возникла посреди узкого темного коридора на женской половине замка. Обычно мужчинам сюда вход закрыт, но гоблин теперь плевал на любые запреты. Где-то здесь покои Рати. Недалеко должна найтись и Тыря, ведь она теперь жрица.

Шумно. В ноздри пахло гарью. В обычно тихих коридорах слышался топот сапог, издали доносились крики и стоны. Похоже, началось. Сандро не шутил, но, кажется, хапуги оказались крепкими орешками, не позволили застать себя врасплох и все еще яростно сопротивляются.

Гарб ощутил мощный магический фон: на небольшой территории недавно выпущено слишком много заклинаний. Это затруднит поиск. Может, поможет божественная воля?

Посох неожиданно заартачился.

— Повелеваю, найди мне девушек!

Никакой реакции.

— Найди Крохотырю.

Тоже ничего.

— Рати!

Гобмобом дернулся вперед, увлекая за собой владельца. Нехорошее предчувствие закралось, когда по пути шаману пришлось перешагнуть через три окровавленных тела. Судя по размеру, двое были гномами, но наверняка Гарб определить не смог. Слишком уж тела обгорели. Их еще к тому же, как будто, слегка обглодали. Третьего — чистокровного уродливого хапуга исполосовал десяток клинков и проткнуло не меньшее количество копий, а добились магией.

Тревожные мысли подстегнули гоблина, и он бросился к комнате, на которую указал посох. Двери кто-то сорвал с петель, и входу препятствовали только двое мрачных типов в обносках и со стальными ошейниками на тощих шеях. Железки были начисто лишены чар, некогда мешающих рабам восстать против хозяев.

Оба человека слышали шаги и встретили Гарба снаружи.

— Этот не похож на хапуга, — сказал один.

— Он без ошейника, болван, — возразил второй. — Валим его!

Оборванцы оказались вполне знакомы с магией и попытались для начала скрутить гоблина каким-то смехотворным для него опутывающим заклятием. Шаман просто стукнул посохом, и противников поразило их собственное колдовство.

Люди рухнули на каменный пол, и Гарб перешагнул и через них.

Обстановка здесь почти не отличалась от той комнаты, в которой ловец духов провел предыдущую ночь. Только туалетный столик с небольшим зеркалом указывал, что покои предназначены для женщины.

Тюфяк лежал на кровати слева от входа. На него поместили хрупкое девичье тельце в коротком бежевом платье и привязали за руки и за ноги так, чтобы жертва не сбежала. Рядом на столике в беспорядке валялись крюки, пилы и прочие пыточные принадлежности. Девушка не подавала признаков жизни, а тюфяк напился кровью, стекающей из разрезанного горла.

— Тыря!

Еще вчера это дитя доверчиво прижималось к его груди в поисках защиты, а сегодня девушки не стало. Глаза Гарба заволокло черной пеленой и хриплый крик, перерастающий в настоящий звериный рев, ненадолго заглушил все остальные звуки на этаже. Из глубин сознания с этим звуком наружу рвалось что-то ужасное, и гоблин сам испугался и даже немного от этого успокоился. Его трясло, а ладони стали скользкими от пота. Чувство чудовищной утраты и пустоты раздирало изнутри, и единственным спасением стал переход к образу мыслей счетной машины.

Надо оглядеться и найти виновных, собрать и пересчитать улики... И вынести приговор. На полу в разных позах застыло еще несколько тел в рабских ошейниках и с дротиками в шеях. Из дальнего угла раздался сдавленный всхлип.

— Выходи, — безучастным голосом приказал шаман.

В тенях мелькнули каштановые пряди и веснушки на курносом носике. Кто-то прибежал на крик и сзади из незакрытого проема попытался ударить гоблина копьем в спину. Гарб отмахнулся, как от назойливой мухи, и нападавший застыл каменным изваянием еще на замахе, загораживая собой вход. Статуя глухо замычала, доказывая, что внутри пока кто-то живет.

Рати бесшумно сделала шаг к середине комнаты. Следы крови на маскировочных перчатках успели побуреть, а правая рука все еще сжимала короткий нож. Ее любимый, с которым хапуга почти никогда не расставалась.

— Прости меня, — сдавленно сказала девушка, глотая рыдания. — Их было слишком много. Теперь ты... убьешь меня?

— Тишина, — приказал Гарб и поднял посох.

Гоблин не знал, может ли чар управлять временем, но решил попытаться. Повернуть события вспять не получилось, но зато ему открылась довольно неприглядная картина произошедшего, заставив гневно заскрежетать зубами.

Рати хотела сказать что-то еще, но ее опередил проскользнувший мимо каменного стража Сконм. Он быстро оценил обстановку и вскинул руку, собираясь выпустить в приговоренную к смерти сестру ядовитый шип. Острое жало, сочащееся темной жидкостью, выглянуло из кожи, и понеслось прямо в грудь девушки. Перепуганные янтарные глаза зажмурились, и она потеряла сознание.

«Да не будет Вседержитель милосерден к тебе, еретик. Даже думать о таком не смей!»

— *Хуан де Деса, великий инквизитор*

Агрх и Сконм смотрели друг на друга с ненавистью, а на Гарба поглядывали с тревогой. Каким чудом орк успел забежать в комнату и подставить под летящий шип лезвие меча, он и сам до конца не понял. Однако жизнь Рати удалось спасти. Девушка лежала на полу среди прочих тел и размеренно дышала.

Сконм колебался. С одной стороны, он хотел угодить Повелителю, без колебаний принеся в жертву собственную дочь и сестру. С другой, его беспокоило, что личина все еще не проявляет явных признаков пробуждения бога. Крик ярости дал пуджару надежду, но одного взгляда хватило, чтобы понять: все еще не Быр-Хапуг. Собранный посох должен был все ускорить, но этого почему-то не случилось.

Гоблин между тем равнодушно смотрел куда-то сквозь всех, спешно пытаюсь отыскать в силе посоха хоть что-то полезное для этого случая. Он уже пробовал повелевать, но это не оживило Тырю. Шаман подошел к кровати и коснулся наверху посоха головы девочки.

— Она уже плывет по реке мертвых в Шеоле, — на всякий случай предупредил Сконм. — Можно поднять тело, но не душу. Этого не мог даже Повелитель. Когда он пробудится, девочка попадет в твое царство.

— Я не он, — ровно и без эмоций ответил Гарб, заставив пуджара нахмуриться. — Она, может быть, попадет в его царство, если он пробудится. Может быть и если. Мне нужно придумать способ сейчас. Оставь меня в покое и иди, ведь там у тебя детей убивают. Сандро здесь не будет, так что справишься один.

Хапуг поспешно бросился наружу. Действительно, восстание рабов сейчас важнее. Главное, что посох собран, а остальное — дела житейские. Затем он резко затормозил перед статуей с копьём, будто что-то вспомнил.

— Ты знаешь, что делать, — прошипел Сконм орку и выскочил вон.

Агрх исподлобья посмотрел хапугу вслед, опустил на колени перед Рати и осторожно коснулся лба девушки тыльной стороной ладони.

— С ней все будет в порядке, — успокоил его Гарб бесцветным голосом. — Ты любишь ее?

— Да, — орк уложил голову девушки себе на колени и нежно погладил по каштановым волосам. — Это так заметно?

— Я не слепой. Не бойся ей сказать, если еще не говорил.

— Для тебя она ничего не значит?

— Я не люблю ее, если ты об этом. Рати стала дорога мне, но я сделал свой выбор и не в ее пользу. Из вас получится прекрасная пара. Хочешь знать, что здесь случилось?

Агрх поднял голову и посмотрел на гоблина. Казалось, прежний Гарб умер. Взгляд нынешнего был неживым, словно, шаман и сам наполовину отправился в загробный мир вслед за обескровленной девочкой. Даже зрачки вместо обычных вертикальных щелочек теперь занимали почти всю радужку. Движения его были медленными и плавными, а спина неестественно прямой.

Орк кивнул.

— Рати приволокла сюда соперницу, чтобы раз и навсегда отбить у нее охоту приближаться ко мне, — сказал Гарб глухим скрипучим голосом. — Привязала к кровати и хотела напугать. Просто напугать. Только время она выбрала неудачное. Сюда ворвались вот эти. — Гоблин указал посохом на лежащие вповалку тела. — Они и зарезали Тырю ножом Рати. Рати успела спрятаться, пока вышибали дверь, а вот оглушить всех вовремя не успела. Когда я подходил и отвлек двоих последних, она как раз взяла этот проклятый нож, вымазалась в крови и снова спряталась.

На глазах шамана выступили слезы.

— Если бы я так не увлекся посохом, ничего этого бы не случилось. Она последняя, кто выжил из моей деревни, а теперь я и ее потерял.

— А Сконму зачем убивать Рати? — спросил Аггрх, прижимая к себе девушку.

— Он обещал мне, что волос не упадет с головы Тыри в его доме. Наверное, решил, что его дочь и есть убийца, и задумал покарать ее, пока я не рассвирепел окончательно и не разнес здесь все. Ему тоже страшно, потому что он не знает, чего от меня ждать. Он бы даже рискнул отобрать посох, но в этом случае Быр-Хапуг во мне не пробудится.

Наступила недолгое молчание.

— Что будешь делать? — зеленокожий внимательно наблюдал за мимикой Гарба, страшась пробуждения Быр-Хапуга и переживая за гоблина.

— Буду искать способ, — пожал плечами Гарб. — Кажется, пришла пора немножко нарушить порядок, заведенный богами. Попробуем разбавить его хаосом.

Аггрх аккуратно подложил Рати под голову свою походную сумку и встал. Орк молча указал на лежащих гномов и людей. Желваки на его широких скулах вздымались и опускались.

— Если можно, не здесь, — прошептал шаман и отвернулся. — Мне нужно сосредоточиться.

За этими словами он спрятал жалость к этим бедолагам. Поступили бы они иначе, если бы их судьба сложилась по-другому? Кто знает. Однако сохранять им жизни он не собирался. Если жахани придумали ненависть, то гоблины изобрели месть.

Аггрху не обязательно знать, как и чему помешала Рати. Хотя он, наверное, и сам догадался.

Когда орк закончил выносить тела, Гарб первым делом вернул магией дверь на место и запечатал ее. Теперь никто не сможет помешать. Еще до этого он совершил быстрое путешествие в Шеол, привязал пока не осознавший смерти и оттого растерянный дух Тыри к ее мертвой оболочке и оставил вокруг мощные защитные чары. Нельзя допустить, чтобы кто-то покусился на малышку.

Теперь нужно восстановить тело. Распоротое горло заросло новой тканью, оставив бледную полоску шрама. Потом можно исправить, но сейчас не до этого. Кровь. Недолг думая, шаман достал ритуальный обсидиановый клинок и уколол свой палец.

Немного манипуляций с потоками Дэ и Тэ, чтобы всего одна капля побежала по чужим венам бурным ручьем. Щеки порозовели, сердце забилося, а легкие наполнились воздухом. Только душа пока не торопилась возвращаться. Теперь нужно убрать следы крови с тюфяка, веревки и пыточные инструменты, чтобы девочка не пугалась. У нее и так будет много поводов для страха после пробуждения.

Пожалуй, дальше самое сложное. Магия ожидаемо не сработала.

— Повелеваю! — и опять без результата.

— Оживи! — снова безуспешно.

— Пожалуйста! — мольба осталась без ответа.

Гарб крепко задумался. Умирание — естественный ход событий. Без смерти праведные души не могут попасть в загробный мир и получить награду, а обросшие грехами и нераскаившиеся — наказание. Только разве боги не получают достаточно молитв и через это сил от живых? Разве не выгоднее, чтобы смертные жили и продолжали возносить им хвалу? Получается, смертные умирают для чего-то.

— Думай! — гоблин сжал зубы до боли в сведенных скулах.

Может, дело в том, что смертные перестают нуждаться в богах, если живут слишком долго? Хотя, достаточно вспомнить собственное племя. Старые самки больше всех молились Бирканитре, но это как раз можно объяснить страхом приближающейся смерти. Неужели Сандро все-таки не ошибся?

— Думай, дурная башка! — когтистая рука отвесила не находящей решения голове звонкую оплеуху.

Как и зачем вся эта круговерть работает?

За время своих путешествий шаман накопил много знаний о том, что происходит с душами после смерти. Порой сведения противоречили друг другу, но общая картина складывалась. Если некромант прав в своих предположениях, то боги так же, как и жакханы с пуутами, нуждаются в душах, потому что другого источника Дэ для них нет. Это плохая новость для смертных, ведь выходит, что душам уготована роль сосудов с вкусной и полезной энергией и только.

Значит, никакой награды и рая по ту сторону нет. Но почему именно смертные?

— Ну же! — почти зарычал Гарб.

Ответ пришел сам собой. Конечно! Дэ в изобилии встречается только на Лумее, а богам сюда вход закрыл сам Део, и они привели на Лумею смертных, чтобы потом питаться их душами. Просто таким способом удобно добывать Дэ из первого мира, раз уж Вседержитель оставил эту лазейку. Поэтому те боги, которые смертных не сотворили или не сумели привести на Лумею, стали слабее остальных. Значит, все легенды о сотворении смертных — ложь, и боги «любят» своих «детей» только как еду. Конечно! Все сходится. Поэтому боги брезгуют душами грешников, от которых разит Умброй.

Гоблин вспомнил запах тлена, который несла с собой тень брата Каввеля, и его чуть не стошнило от одной мысли.

— Надеюсь, это не так, — прошептал Гарб, ошарашенный собственными выводами.

Вспомнил он и свое видение. Быр-Хапуг и Триединый, вроде бы, созданных ими существ любили по-настоящему и заботились о них, кто как умел. Эльф даже напал, потому что его детишек кто-то испортил. Может, не так все и плохо.

Только ведь есть еще Шеол, где обитают отвергнутые богами и слишком сильные для адских охотников души. Есть Умбра — порождение мрака и энергии смерти Тэ, питающееся шелухой от душ, которые забирают демонические охотники. И есть Неган — нечто совсем чуждое богам.

— Осталось сопоставить, — гоблин наколдовал себе стул и сел на него, подперев кулаком подбородок.

Мыслить счетной машиной невероятно утомительно, а Гарб в этом состоянии пребывал уже больше часа, и силы стремительно покидали его.

Что есть душа? Сосуд для Дэ, почему-то несущий в себе личность и ее память. Но, если взглянуть на вопрос шире, то что это такое? Легенды гласят, что боги сотворили смертных, вдохнув часть своих сил в глину, камень, древесину и другие материалы. Если души — часть богов, то почему все смертные не воспринимаются демонами как боги? Хиенна далеко не сразу догадалась о божественной искре в Гарбе, а про остальных ничего такого не говорила.

Что если душу создали не боги? Но кто тогда? Или что? На эти вопросы пока ответить нечем. Можно предположить, что души создала Умбра, но это очевидный бред, ведь миру теней свет души противен. Неган?

Слово шевельнулось где-то в глубинах памяти, но ничем не отозвалось. На ум пришла недавняя встреча с таинственным существом, собирающим кровь богов. Оно замыслило разрушить творения Део. Де Деса тоже говорил, что Неган хочет уничтожить вселенную. Какой в этом смысл? Все неправильно — так оно сказала. Может, там в кургане и есть Неган?

Гарб поморщился. Философские рассуждения об устройстве вселенной никак не приблизили его к разгадке, а время продолжало свой неумолимый бег. Чем дальше душа находится в Шеоле, тем больше она теряет связь с телом.

Почему у богов не получается воскрешать смертных своей волей? Гарб вернулся к тому, о чем думал раньше. Может, им это и не нужно? Они просто не хотят. В самом деле, какая богу разница, где находится верный ему смертный — на Лумее или в его царстве?! Если разницы нет, то нет смысла тратить силы на чье-то воскрешение.

— Но я-то хочу! Хочу, чтобы ты жила здесь и сейчас! Вернись и живи, прошу тебя!

Посох еще раз коснулся лба девчушки. На этот раз ее веки вздрогнули, и глаза широко распахнулись. Рот тоже раскрылся для крика, но взгляд упал на возвышающегося над ней гоблина.

— Ты пришел, милый мой! Ты спас меня! — слезы крупными каплями потекли из глаз Крохотыри. — Она, а потом они...

— Все будет хорошо, теперь точно, — ласково сказал Гарб и тоже отчего-то ощутил соленую влагу на губах.

Усталость внезапно подкосила его, и большой гоблин сполз со стула, погружаясь в сон без сновидений.

— Тыря?

— Проснулся наконец? Очень хорошо. О девчонке не беспокойся, она осталась у хапугов. Должен признаться, я восхищен проделанной работой.

Гарб с трудом разлепил веки. Руки и ноги затекли, но размять их не получилось. Гоблин дернулся. Вмурованные в стену браслеты надежно удерживали запястья и щиколотки. Пламя факелов плясало на их тусклом металле, и память услужливо напомнила, что такой используют для особо опасных магов. И действительно, магия в его теле словно задремала. Как и тогда в трюме, не давая ни малейшего шанса на спасение. Что-то подсказывало, что в этот раз Михеля рядом не окажется.

— Извини, для божественной крови пока ничего лучше не придумали, — сокрушенно подтвердил Сандро, — поэтому цепи обычные антимагические. Уверяю, это просто необходимая мера предосторожности.

Некромант стоял посреди каменного мешка, к стене которого приковали гоблина. В руке мерзавец держал реликвию. Посох для его небольшого роста смотрелся скорее шестом.

Да как он посмел? Гнев пополам с паникой захлестнул Гарба: он опять один без друзей и без посоха. Шаман дернулся всем телом, но оковы все так же не позволили сдвинуться с места ни на полдюйма. Человек даже не подумал ехидно улыбнуться или как-то еще выказать злорадство. Только подождал, пока Гарб выбьется из сил, а затем стукнул палкой по полу, привлекая внимание. Камень пола в месте удара обернулся кучкой золотистого песка, выглядящей совершенно неуместно посреди мрачного сырого подземелья.

— Как ты это сделал? — язык немного заплетался, а во рту ощущался неприятный металлический привкус.

— Пленил тебя или вот этот фокус с посохом? — бесстрастно уточнил колдун, почесав черные волосы на затылке свободной ладонью. — Постараюсь внести ясность по обоим вопросам одним ответом. Во мне сидит некто, подаривший моему телу очень интересные способности. Да ты, наверное, и сам знаешь. Мне бы радоваться, но он временами берет надо мной верх. Даже там на поляне с тобой договаривался он, а я только бессильно наблюдал.

— И чего же хочешь ты? — спросил шаман, прищурившись. — Посох уже у тебя. Освободи моих друзей!

Сандро помедлил с ответом.

— Твои друзья не у меня, а у него. Мне же нужна только помощь. Как ни прискорбно, в полную силу этот посох для меня работать не будет. Удивительная система защиты, если хочешь знать мое мнение. Она даже имитирует работу мощного чара для непосвященных, а истинное могущество раскрывается только избранным. Пару лет назад я бы не задумываясь пожертвовал душой за одну возможность такое изучить.

— А теперь?

— Цена использования слишком высока.

Гарб аж извелся. С виду он сохранял спокойствие, но внутри все клокотало. С одной стороны, шаман сейчас был готов при малейшей возможности наброситься на вора и просто рвать его когтями. С другой, природная вежливость заставляла как минимум выслушать того, чьи слова кажутся разумными и пока не несут прямой угрозы.

— Думаю, ты нужен, чтобы освободиться от меня, — предположил колдун. — Он, похоже, случайно вселился в мое тело, а теперь не может ни захватить полный контроль, ни вырваться наружу. И он до безумия боится умереть вместе со мной. Наверное, думает, что божественность исправит ситуацию. Смертный не может стать богом, пока у него есть душа, а эту проблему легко решить посохом. Не станет души, и тело сразу освободится. Самое неприятное, что он пытается притворяться мной, и у него получается все лучше и лучше. Изгони его, пока не поздно, умоляю тебя!

— Это тебе к Михелю нужно, — брови гоблина собрались складочками над переносицей. — Помнишь того монаха, который помогал нам с обрядом? Он такое умеет. Тебя терзает Умбра или что-то другое? Откуда ты знаешь, что это он, а не она или оно?

— Не знаю точно, — вздохнул некромант. — Иногда кажется, что внутри меня идет какая-то борьба, как будто за тело сражаются два равных по силе существа. Но я вижу только последствия. Наверняка можно сказать, что мысли у того, что берет верх надо мной, мужские. По крайней мере, он думает о себе в мужском роде. Давай так, я сейчас освобожу тебя и верну посох, а ты попытаешься мне помочь. Договорились? Я больше не прошу ничего взамен, чтобы моя искренность не вызывала сомнений.

Гарб неуверенно кивнул. Некромант положил посох рядом с гоблином, отошел

подальше и отомкнул замки на цепях заклинанием. В замке с легким скрежетом повернулся ключ, и цепи с громким лязгом упали на пол. Шаман бросился к своему сокровищу.

— Не бей! — быстро предупредил Сандро. — Это только вызовет его.

— Не собирался, — сообщил гоблин, проверяя каждый дюйм резной поверхности. —

Что нужно сделать?

После погашенной ненависти к эльфам, сдержаться сейчас вообще не составило труда.

«Я могу убить любого вот этим пальцем. А толку?»

— *Михель*

Статный командир разведчиков явился с донесением вскоре после рассвета. Он широкими чеканными шагами пересек зал и преклонил колена перед Великим магистром, который уже ждал вестей с границы. Крепкий мужчина средних лет на троне заглянул в ясные голубые глаза юного воина и улыбнулся. Все они его — Льва — дети, все как на подбор сильные, ловкие, выносливые. Почти неуязвимые для магии.

Мощь рыцарей Храма не знает границ, и Великий магистр крепко держит ее в своем кулаке. Он мог бы легко захватить любое королевство, если бы пожелал. Да только незачем. Его сила здесь, в этой цитадели.

— Кто на этот раз? — мягко спросил Лев, потирая холеные руки в предвкушении.

Враги нечасто тревожат покой храмовников, но такое изредка случается. Если сейчас кто-то дерзнул вторгнуться, тем хуже для них. И это отличный повод для легкой разминки.

— Орки, весьма достопочтенный отец, тысяч двадцать батыров, — поспешил доложить разведчик, как всегда до глубины души пораженный голосом магистра.

Бархатистые нотки даровали ни с чем не сравнимое чувство защищенности, покоя и умиротворения. Голос хотелось слушать бесконечно и отдать ему всего себя без остатка. Верно служить и защищать даже ценой своей жизни, которая казалась жалкой и никчемной, по сравнению с жизнью магистра.

— Орки? — с некоторым удивлением переспросил Лев. — Тупоголовые болваны вылезли из своих пещер? Интересно, что заставило их так осмелеть. Немедленно вышлите братьев, чтобы проучить этих глупых дикарей. Кто их ведет?

— Это самое удивительное, весьма достопочтенный отец, — продолжил докладывать юноша. — С орками идет около пяти сотен людей, и орду возглавляет человек в монашеском облачении. Идут неспешно, будто не для набега, обоза нет.

Если Великий магистр и удивился, то умело это скрыл. Лишь тень недоверия на мгновение пробежала по его прекрасному лицу.

— Вы хорошо в этом убедились?

— Да, весьма достопочтенный отец, сомнений нет.

Лев погрузился в глубокую задумчивость, а разведчик терпеливо ждал, не меняя позы и стараясь не дышать. Не стоит прерывать размышления человека, от которого зависят судьбы мира. Времени потребовалось намного больше, чем обычно. Видимо, решение по какой-то скрытой от разума разведчика причине далось нелегко.

— Вот что, брат Ламбр, — наконец изрек магистр, — отправьте-ка к ним послов. Пусть Богумис съездит. Он ушлый малый и разберется, что делать дальше.

— Так точно, — кивнул разведчик, поднялся и поспешил к выходу.

С орками у ордена всегда был вооруженный нейтралитет. Рыцари не считали нужным разгонять этот никчемный сброд, а зеленокожие никогда не считали себя достаточно сильными для нападения на земли Храма. Столь необычное появление дикого воинства в союзе с людьми настораживало. А уж человек, ведущий орду... Кто оказался настолько могучим, что сумел победить вожака орков в кулачном бою? Сильнейшего из дикарей!

— Любопытно, — потерев гладкий подбородок Лев, когда дверь за братом Ламбром

закрылась. — Неужели он тоже? Нет, быть того не может.

Впрочем, встречаться с этим загадочным предводителем орды Лев все равно не собирался. Многовато чести будет.

Михель ясно дал понять, что в охране не нуждается, и паства предпочитала на привале держаться поодаль. Сейчас он стоял на холме в гордом одиночестве и смотрел, как в сторону его армии по пыльной дороге едет троица тяжеловооруженных всадников в сопровождении шестерых пеших оруженосцев. Серебристые доспехи маленького отряда ярко блестели в лучах полуденного солнца, заставляя монаха шурить глаза.

— Эй, Лю! — окликнул он нанимателя. — От кого, говоришь, нужно защищать это святое место? Чей аватар будет на этот раз?

Про орден Храма по Лумее ходили самые разные слухи. Считалось, что никакая сила на свете не способна победить армию храмовников. Тех, кто рискнул напасть на сам Храм, даже летописи не помнят. Иногда рыцари, устав от отсутствия врагов, за хорошую плату отправляли часть своих отрядов на помощь к какому-нибудь терпящему поражению монарху. Денежки за свои услуги они брали немалые, и иногда только полное отчаяние вынуждало королей опустошать свои сундуки. Правда, и войны частенько заканчивались, стоило этим суровым воинам появиться на поле боя.

Еще Михель точно знал, что в ряды братства принимают исключительно мужчин рода людского. Ни одному инородцу за всю историю не довелось пройти дальше ворот Храма. Впрочем, и среди его сородичей отбор шел строгий. Рыцарей почитали святыми защитниками, хоть простой народ и не особо понимал, кого и от какой напасти они защищают. Однако даже в оруженосцы к ним попасть считалось великой честью.

— Давай сначала договоримся о мире с этими доблестными блюстителями божественного порядка? — уклончиво ответил рогатый. — Ты у нас безмерно силен, но они толпой от тебя мокрого места не оставят, если им что-то не понравится.

— Как и любая другая толпа. Настолько они сильные?

— В схватке твоей армии против ордена я бы поставил на орден примерно сто к одному. Хотя, ладно. Твое присутствие немного уравнивает шансы. Путь будет десять к одному.

— Тогда зачем мы здесь? — осведомился монах.

— Послушай, смертный, — ласково начал Лю, — если тебе когда-нибудь втолковывали, что любопытство не грех, то знай, что это не всегда так. Не усугубляй свою судьбу лишним знанием. Я обещал тебе безопасность, но с каждым таким вопросом мне будет сложнее ее гарантировать.

Монах промолчал.

— Ладно, не дуйся. Я просто действую на упреждение. Раз старина Бурхан зачем-то хотел прийти сюда, значит, это кому-то было нужно. Не сам же он до такого додумался. Я не говорил, что старик был из старших богов? Они в основном соображалкой не отличались, вот я и подумал, что за ним стоит кто-то еще. Лишняя защита не повредит, я считаю.

— Что в этом Храме такого особенного?

— Видишь ли, юный грешник, мои возможности на Лумее ограничены глазами и ушами тех, кто заключил со мной или моими родственниками договор. Поэтому я понятия не имею, что там внутри, ведь моих... э-э-э, слуг? Нет, звучит некрасиво и неправильно. В общем, держателей моих контрактов туда обычно не пускают. Их как-то сразу вычисляют и убивают

на месте. Так что я прямо сгораю от нетерпения, чтобы узнать. Если поразмыслить над названием, Храм как-то связан с творением. Зная все пророчества о конце света, сам делай выводы.

— А твой хозяин не знает ничего об этом? — поинтересовался Михель.

— Знает, будь уверен. Только я боюсь у него спрашивать, а сам он вряд ли скажет. Для него это сродни вмешательству, а Мы это слово не любим.

Между тем рыцарей уже перехватили орочий патруль. Две дюжины батыров с боевыми молотами в руках вразвалочку вышли на середину дороги, перегораживая рыцарям путь.

— Стой, железный люди! — громко скомандовал на всеобщем самый высокий из них.

Для убедительности он коротко рыкнул и поиграл мускулами на голой груди. Этот орк был берсерком и презирал всех, кто носит доспехи, включая своих сородичей.

— Мы хотим поговорить с вашим военным вождем, — зычно крикнул один из приближающихся рыцарей.

— Прийти кланяться новый бог? — с пониманием оскалил клыки берсерк. — Если ты сильный, то мочь пройти. Наш бог не надо слабый человек. Смочь меня с места сдвинуть без оружия?

— Легко, — донесся до удивленного орка спокойный и уверенный ответ.

Рыцарь спрыгнул с коня и подошел к перегородившему дорогу дикарю. Орк уронил молот на землю и выставил огромные волосатые ручищи вперед раскрытыми ладонями.

— Правил такой: ты толкать ладонь. Я стоять — ты уходить. Я двигаться — ты идти дальше.

Латник кивнул и тоже выставил руки вперед. Затем толкнул без всякого напряжения, и ноги орка начертили в дорожной пыли прямую ровную линию длиной с полуфута.

— Вы проходить, — сдавленно пробормотал опозоренный берсерк под рогот товарищей, подбирая молот.

Рыцарь снова взобрался в седло, и кавалькада двинулась дальше.

Конники вынужденно спешили, подъехав к холму. Предводитель орков не потрудился к ним спуститься, поэтому пришлось им подниматься. Братья отдали поводья оруженосцам и начали подъем к ждущему их Михелю, нещадно потея на жаре в своих доспехах. Монах стоял, скрестив руки на груди, и с интересом рассматривал могучие фигуры, закованные в латы. Пожалуй, телосложением они не уступали даже самым крепким оркам. Если все их воины такие, то зеленокожей орде действительно бы не поздоровилось в схватке. Даже самые лучшие доспехи орков в подметки не годились латам рыцарей, а выучка и слаженность войск ордена внесли бы решающий вклад в их победу. К тому же Михеля впечатлила недавняя демонстрация силы.

— Приветствую вас, — коротко кивнул ди Лёве приблизившимся латникам.

— Привет и тебе, незнакомец, — кивнули в ответ все трое, но снял шлем и заговорил только один.

Серые глаза монаха скрестились с ясным васильковым взглядом светловолосого рыцаря. Оба секунд десять изучали друг друга. Что-то в рыцаре казалось неправильным и в то же время смутно знакомым. Как будто Михель где-то видел его дальнего родственника и теперь распознал семейное сходство.

— Я командор Богумис Кориакис, член капитула ордена Храма. Мы прибыли узнать,

кто ты такой, по какому праву и с какой целью ведешь эту толпу во владения ордена. Одевание выдает в тебе духовное лицо. Надеюсь, ты не предатель рода людского.

— Я Михель ди Лёве, бывший послушник Старого ордена, — спокойно, почти умиротворенно ответил монах. — Веду эту толпу на защиту Храма, чтобы предотвратить конец времен. А право мое завоевано в честном поединке с аватаром орочьего бога.

Рыцари переглянулись. У них не было веских оснований не верить словам человека, которого слушалась целая армия орков, но все же рассказ звучал слишком неправдоподобно.

— Бывший? — наконец нашел к чему придраться Кориакис.

— Я отрекся от Вседержителя, когда он оставил меня в минуту нужды, — поморщился Михель. — Согласны ли вы принять мою помощь? Я проделал тяжелый путь, чтобы попасть сюда.

— Прошу простить наше недоверие, — учтиво ответил командор, — но что должно заставить нас поверить в искренность такого объяснения? Что за угроза, от которой мы не сможем отбиться сами?

— Хм, — пожевал губы монах. — Если честно, то мне нечем подтвердить правдивость моих слов, кроме того, что орки меня действительно слушаются. Вы же не думаете, что они бы просто так пошли за человеком? Еще за меня может поручиться человеческая часть моей армии. Можете спросить любого из пяти сотен, как мне удалось уговорить их герцога и как я сражался с вождем орков. И, если их рассказ вас не убедит, я могу просто разместить свою армию здесь на границе и ждать, пока вам понадобится помощь. О самой угрозе мне неизвестно, но источник моих сведений очень осведомлен. Мне было явлено откровение.

Один из рыцарей сдавленно фыркнул.

— Да, полководец из тебя неважный, брат Михель, — как бы извиняясь, улыбнулся Корнакис. — Обоза с провиантом я что-то не вижу. Твои орки скоро проголодаются и начнут пожирать твоих же людей. Значит, поверженный аватар либо вел племена на убой, либо для быстрого и победоносного набега. Мы пришлем еды, но только на неделю. Если за это время неподалеку не появятся хотя бы чьи-то разведчики, советую убрать этот сброд от наших границ и поскорее.

Все трое чинно поклонились и, звеня металлом, вернулись к лошадям. Вскоре, весь их маленький отряд убрался восвояси, оставив монаха в обществе Лю.

— Вот ведь грубияны, — тут же напомнил о себе жакани. — Даже в гости не пригласили.

— Имеют право, — вяло ответил монах.

— Тебя братом назвали. Разве братьев не принято приглашать в гости?

— Отстань.

Михеля впечатлила сдержанность и выправка посланников ордена. В какой-то момент он даже пожалел, что никогда не задумывался о вступлении в их ряды.

— Брось, тебя бы все равно не взяли, — уловил его мысли Лю. — Ты же заметил в них странность?

— Есть что-то, — сказал Михель. — Только не понял, что именно.

— Готов спорить, что во всех троих течет божественная кровь и много. В этом Богумисе точно есть. Я сразу понял, как только он шлем снял. Меньше, чем в твоём приятеле гоблине, но тоже солидно. Ставлю правый рог, что и остальные в их братстве такие же. Сколько их там? Пятьсот? Тысяча? Представь тысячу полубогов в бою. Твоей орде они точно не по зубам.

Михель нахмурился.

— И ты раньше, конечно же, об этом не догадывался?

— Догадки на то и догадки, — произнес жажани. — Без подтверждения они не лучше слухов. Я раньше никогда не видел их так близко без доспехов.

— Но этого просто не может быть! — воскликнул человек. — Не может на свете одновременно существовать столько особенных людей! У богов редко бывают дети.

— Совершенно с тобой согласен, — ответил Лю. — Это ненормально и немислимо! Главное, за все время ни один из этих братьев ни разу не попадал в мои когти. Даже из твоего ордена кое-кто был, но не эти. Я напрочь отказываюсь верить в подобную чистоту нравов и помыслов в большом, тесном и, прошу заметить, исключительно мужском коллективе. Однако я видел то, что видел. И теперь мне еще больше хочется заглянуть за стены этой обители и выведать ее маленький грязный секретик. Ты же не будешь спорить о его чистоте?

— Не буду, — поджал губы Михель. — Столько полубогов не могут одновременно существовать. Значит, их каким-то образом создают искусственно из обычных людей. Это пахнет самыми черными ритуалами, и я как служите...

— Чего остановился? — хитро подмигнул дьявол, прислав соответствующий образ. — Продолжай. Ты верный пес Всеотца пойдешь и наведешь там порядок? Может, из монастыря подмогу вызовешь? Насчет порядка поддерживаю. А в остальной части ты здорово промахнулся.

Монах понурил голову. Он промахнулся, зато коварный искушитель уколол в самое больное место.

— Погоди-ка, — вдруг вспомнил человек. — Кровь. Тот эльф что-то бормотал, что кровь Гарба — ключ. И его кровь была такого же цвета, как и моя. Выходит, я тоже...

— Надо же, солнышко выглянуло из-за тучки и наконец осветило пыльные чертоги твоего разума, — голос Лю весь пропитался ядом сарказма. — Только ты ушастого придушил, и теперь вряд ли получится узнать, где находится замочная скважина.

— Зато я теперь не смертный, — прищурил стальные глаза монах. — Значит, ты больше не властен надо мной.

— Так, погоди-ка, — в голосе Лю зазвучало веселье. — Это что, бунт? И гордыня к нему прилагается — уважаю, это по-нашему. Только, во-первых, хочу напомнить, что наш договор все еще действует. Ты сам его заключил без принуждения. Во-вторых, без меня тебе не получить желаемое. Ну, и напоследок хочу тебя разочаровать. Ты все еще смертный, хотя и сильнее этих парней в доспехах.

— Отвянь, — отмахнулся Михель. — Я еще не настолько опустился, чтобы отказываться от своих обещаний.

В голове тут же возник образ поднятого большого красного пальца, увенчанного аккуратно подпиленным черным коготком.

— Знаешь, я тебе даже сочувствую, — произнес Лю, и в его словах действительно промелькнула нотка сострадания. — Одним поступком перечеркнуть годы праведности, соблюдения правил, молитв и прочего хорошего поведения. Даже не поступком, сомнением. Правда, несправедливо?

— Не очень, — неохотно согласился монах.

— Вот и мне такой порядок не слишком по нраву, — горячо поддержал его жажани. — Мои братья из-за него тоже пострадали. И тоже по глупости.

— Раскаиваться пробовали? — спросил Михель.

— Смешно, — ответил Лю, но голос его на сей раз был полон печали. — Как будто тебе это помогло.

Человек не стал настаивать, потому что и сам утратил веру. Он сошел с холма и начал отдавать распоряжения насчет лагеря.

«Тень может вырасти огромной, но всегда покорно идет за хозяином. Даже тень размером с дом все равно остается лишь пустым подобием настоящего».

— Сконм Железнорук III

Прошел уже час. За это время Агрх без особой жалости просто выкинул кучу тел из окна прямо в пропасть, решив не марать руки и оружие кровью.

— Интересно, Бирканитра такое бы одобрила? — вдруг подумал орк, внутренне холодея.

Паника понемногу начала овладевать им, и липкая струйка холодного пота потекла по спине. Агрх чуть не выпустил из рук тело гнома, которого в этот момент тащил к пропасти.

— Получается, я хладнокровно убиваю безоружных?

Раньше такое проблем не доставляло. Агрх о подобных мелочах до сих пор даже не задумывался, но он же теперь паладин.

— Ай-яй-яй! — зарычал он от бессилия и остановился возле оконного проема, не решаясь ни продолжить, ни сделать шаг назад.

Гном глухо заворчал из своего дурманного сна. Орк от неожиданности разжал руки, и тело коротышки полетело вниз за товарищами по несчастью.

— Цус! — ругнулся Агрх. — Вот теперь я точно убийца. С другой стороны... Гарб же не возражал, а он точно знает, чего не хотела бы богиня. Так, спокойно.

Глубокий вдох.

— Эти мерзавцы напали на беззащитных женщин, — подумал орк. — Вот такое Бирканитра точно не одобряет. Значит, виновны, но все равно вот так... Эх, жалко времени нет. Надо было их разбудить, дать в руки оружие и порубить в капусту в честном бою. Перечислил бы их злодеяния, зачитал бы приговор перед последним ударом. Очнись, морда клыкастая! Нет времени играть в судью, поэтому пусть будет так. Богиня потом рассудит.

Оставался только истукан. Агрх с трудом вытащил эту статую в виде человека с занесенным для удара копьем из комнаты раньше, но оставил напоследок из-за тяжести.

— Ну что, приятель, — сказал он у каменному болвану. — Настало твое время.

Изнутри протестующе замычали.

— О! — обрадовался орк. — Правом, данным мне жрецом Бирканитры, богини созидания, я объявляю тебя виновным в попытке убийства невинной беззащитной девы, покушении на ее честь и попытке убийства жреца Бирканитры. Ты приговариваешься к смерти через сбрасывание в пропасть.

С чувством выполненного долга он, пыхтя от натуги, дотащил мычащую статую до окна и отправил вслед за остальными преступниками.

Шум во дворце и за его пределами стихал. Видимо, появление Сконма сильно изменило расстановку сил, и бунтовщикам не поздоровилось. Скорее всего, их ждет незавидная судьба, но жалеть их в этой цитадели некому.

Агрх остановился, вытер пот со лба и задумался, к кому теперь идти. Рати он уложил в комнате по соседству, чтобы успеть на помощь, если кто-то из бунтовщиков еще сунется. Гарба тревожить не хотелось, но справиться о его самочувствии не помешает.

Орк костяшками пальцев осторожно постучал в дверь.

— Гарб, ты там как?

Тишина в ответ насторожила, и он постучал сильнее. До его ушей донеслись судорожные девичьи всхлипы. Кажется, жрец Бирканитры все-таки сделал невозможное, и Аггрх почувствовал гордость за друга. Вот только где же сам гоблин?

Встревоженный орк поднажал плечом на дверь, но она и не думала поддаваться. Воин достал из ножен зачарованный меч и ударил им. Волшебная сталь выбросила сноп искр, соприкоснувшись с равным по силе препятствием.

— Дверь запечатана, — голос Рати за спиной заставил подпрыгнуть.

Паршивка подобралась незаметно и вполне могла прирезать под шумок ничего не подозревающего орка. Она-то не знает, кто ей жизнь спас.

Воин медленно обернулся. Прекрасна как никогда в своей маскировке. Только собранные в две косы каштановые волосы не спрятаны, оранжевые глаза сверкают, а носик как всегда мило морщится.

— Я догадался, — буркнул он. — Знаешь, как вскрыть?

— Зачем? — хмыкнула хапуга и потянула орка за рукав куртки. — Пошли в обход.

Девушка увлекла воина в комнату, куда он ее недавно отнес. Внутри она что-то нажала на стене, и вошла в открывшийся проем. Уверенно ориентируясь в темноте, Рати прошла по довольно узкому коридору и открыла проход в свою комнату. Орк с трудом протиснулся за стройной фигуркой.

Гарба внутри не оказалось. На кровати, поджав колени к груди и обхватив их руками, сидела совсем живая малышка. О ее недавнем состоянии напоминали только тонкий белесый шрам на горле и заплаканные глаза. Еще Аггрху показалось, что в ней добавилась пара дюймов роста, но орк не успел толком рассмотреть. Девчушка испуганно взвизгнула, увидев Рати, и схватилась за подушку — единственный щит и оружие в ее распоряжении.

— Не подходи! — закричала она на гоблинском.

Рати в свою очередь выпучила глаза от суеверного ужаса, разбавленного удивлением, и попятилась, уткнувшись спиной в широкую грудь орка. Аггрх этим языком не владел, но суть понял.

— Мы тебя не обидим, — сказал он на всеобщем, отгаскивая Рати в сторону. — Не знаешь, где Гарб?

Хапуга попыталась оскорбленно зашипеть, но орк просто поставил ее себе за спину.

Малышка немного успокоилась, услышав знакомое имя, и что-то затрепала на своем наречии, изобилующем гласными и взрывными согласными.

— Что она говорит? — спросил воин у Рати.

— Гарба вместе с посохом забрал страшный человек, вышедший из черного тумана. Сандро.

Орк заскрежетал зубами. Как бы добраться до этого поганого некроманта?

— Надо сказать Сконму, — он быстро перебрал все доступные варианты и остановился на действенном.

Между тем Тыря говорила что-то еще, а Рати ответила ей, вступая в спор на повышенных тонах. Аггрх слушал перепалку секунд тридцать и успел услышать несколько уже знакомых крепких словечек. После обвинения в «ланатэш», высказанное обеими сторонами, он прекратил обмен любезностями, потащив Рати обратно в соседнюю комнату. Потайная дверь закрылась, но сквозь стену донеслась еще пара высказываний.

— Смелая она, — сказала хапуга, как только орк ее выпустил. — Я бы после такого

даже встать не смогла, наверное. И ты тоже смелый, но глупый. Прямо как он.

— Я орк, меня таким создали, — парировал зеленокожий, — а у тебя даже такого оправдания нет, ведь вы «высшая раса». Особенно умно было из ревности начать пытки девчонки из его деревни. Последнюю из выживших. Почти ребенка!

— Вот гадхэ, — замерла Рати. — Я не знала. Она что, для него просто ребенок? Значит, он ее усыпил и поэтому на полу лег... Конечно, он временами такой нудный, что женщинам только и остается, что спать в его присутствии. Но что она делала в его комнате?

— Сконм подослал для проверки. Если мы закончили выяснять, кто тупее, предлагаю все же найти Сконма.

— Вот уж нет, — хапуга ощутимо вздрогнула. — Давай без меня. Я здесь до сих пор только из-за Гарба. Встретаться еще раз с этим... точно не хочу. Мне того раза хватило.

Агрх положил ей свою огромную руку на плечо, и Рати не сделала попытки ее сбросить.

— Он тебя больше не тронет.

— С чего ты взял?

— Я не позволю.

Девушка заливисто рассмеялась.

— Ты? — она с интересом посмотрела на орка, впервые осознав, как он помолодел. — Ты даже не колдун.

— У меня есть другие доводы, — рыкнул воин и напомнил. — У тебя, кажется, осталось желание.

— Главное, успеть его озвучить, — улыбнулась хапуга. — Ладно, пошли, громила. Мне все равно больше некуда идти, а с тобой не так страшно. Может, папаша остыл наконец.

В городе повсюду пылали дома, но тушить их пока было некому. Большинство улиц затянул едкий дым пожаров, а ожесточенные бои на баррикадах не стихали. Хапуги методично добивали остатки сопротивления. Сконм в возмужавшем теле, свободном от проклятия, прибавил и в волшебной силе, и ни один щит или укрытие от его могучих ударов не спасали. Взбунтовавшихся магов буквально раздирали до костей заклинаниями верховного жреца, так что восстание быстро захлебнулось. Не магов добивали выжившие хапуги, успевая некоторых изощренно пытать в отместку за пережитый страх. Пуджар сбился со счета, сколько смертей он сегодня причинил, но его мало заботили жизни рабов. Главное, поскорее с этим покончить и начать мстить виновникам всех его бед.

Бои еще шли, но к концу часа стало очевидным: мятежу конец. Убедившись, что все еще многочисленные подданные справятся без него, повелитель хапуг поспешил во дворец. Пока бог не возродился, оставлять такое могущество бесконтрольному смертному нельзя. По дороге Сконм натолкнулся на пробирающуюся сквозь баррикады парочку.

Сестра и орочий верзила. Спелись уже и оставили гоблина наедине с трупом. Если он там тронется умом из-за этого, вы пожалеете. Однако парочка, завидев его, призывно замахала руками.

— Что еще стряслось? — недовольно спросил Сконм, подходя ближе.

Он уже и не помнил, что час назад пытался казнить сестру. Пуджар слишком устал от чрезмерного напряжения последних боев и жаждал только отдыха. Такого давно не случалось, но именно в минуты усталости и магического истощения в нем просыпался многотысячелетний ворчливый дед, уставший от выпавшей ему тяжелой ноши, бесконечных

перерождений и люто ненавидящий поэтому все живое. Сконму даже иногда казалось, что именно такое его состояние лучше всего объясняет склонность подданных к беспричинному насилию и изощренной жестокости. Они просто берут с него пример.

— Сандро забрал Гарба и посох, — кратко отрапортовал орк. — А еще Гарб оживил девчонку.

Татуировки вспыхнули недобрым желтым огнем на лысой голове пуджара. Вторую часть сообщения он даже не дослушал. Гонцов с плохими вестями Сконм терпеть не мог, а их еще и не сородич принес. Запасы магии растрочены в бою и пока не восстановились, но это не беда. Он не безоружен. Рука сама вскинулась, чтобы обрадовать зеленого дикаря ядовитым шипом в лицо. Этому оружию не нужно пробивать броню. Достаточно оцарапать кожу, чтобы жертва издохла в страшных мучениях.

— Нет! — Рати бросилась между отцом и орком в надежде, что Сконм одумается хотя бы на этот раз.

Он всегда бережно относился к сородичам и особенно потомкам, считая их ценной собственностью. Только девушка просчиталась.

Отравленное острие впилося ей в предплечье, и дочь пуджара рухнула к его ногам. Хапуг даже не удостоил ее взглядом, прицеливаясь снова. Орк не дал ему такой возможности. Зачарованный клинок взметнулся и со свистом обрушился на руку древнего, злобного и двуличного жреца.

Отрубленная конечность полетела вниз и забрызгав красным одежду и сапоги хапуга. Сконм непонимающе уставился на хлынувший поток крови и успел затуманенным от боли зрением уловить новое движение. Вслед за этим его голова слетела с плеч. Удивленное выражение так и застыло в остекленевших глазах, пока она мячиком скакала по камням к обрыву. За много тысяч лет власти пуджар совсем позабыл, что не для всех его приговор — закон.

— Рати, маленькая моя! Как ты? — орк отбросил окровавленный меч в сторону и опустился на колени перед побледневшей девушкой.

Она прерывисто дышала, закусив губу от скрутившей все мышцы в один тугий узел боли. Этот яд убивает не сразу, заставляя жертву перед смертью познать истинное страдание.

— Лекарства... нет, — прошептала она, чередуя слова со сдавленным мычанием. — Спасибо за... все... дру...

Друг. В другой ситуации Агрх бы позволил себе горькую улыбку из-за иронии ситуации. Он спешно извлек из своей походной сумки кусок холщовой материи и обмотал ей руку. Затем аккуратно вытащил впившийся шип и брезгливо отбросил его подальше. Ткань на всякий случай он тоже выбросил.

— На черный день хранил, — пробормотал воин и полез под панцирь. — Черный день настал.

Поиски не заняли дольше десяти секунд. Орк извлек небольшой флакончик, висящий на его могучей шее на веревочке. Под толстыми стеклянными стенками плескалась обычная с виду вода, набранная в одном необычном месте. Воды той горной реки превращали демонов в похожих на ангелов тивада и дарили исцеление увечным.

Зубы впились в пробку, и она полетела в сторону.

— Ну, боги, помогайте, — произнес Агрх и окропил рану на руке Рати.

Остатки он влил девушке в рот, закрыл глаза и стал молиться, стоя на коленях. Слов молитвы орк не знал, поэтому просто повторял как заклинание две фразы, чередуя слова.

— Бирканитра, ты лучше всех! Гарб, ты лучше всех! Помогите!

— Ты звал? — услышал он откуда-то сбоку певучий голос друга, лишенный обычной скрипучести.

Орк от неожиданности подскочил. Воин ждал от своей молитвы какого-то результата, но точно не такого.

Гоблин выглядел печальным, но каким-то величественным. Он прибавил в росте и совершенно перестал горбиться, за счет чего теперь казался еще выше. Вечно елозящие по посоху руки как будто успокоились и расслабились. А лицо — язык не поворачивался назвать его мордой — смотрелось одухотворенным, словно в жреце Бирканитры уже проснулось спящее божество. Лицо стало настолько прекрасным, что не получалось даже толком разобрать его черты. Взгляд никак не мог уцепиться за что-то конкретное. Стоило посмотреть в сторону, и в памяти оставались только бесконечно умные желтые глаза с пронзительными, проникающими в самую душу вертикальными зрачками.

— Вот, — Агрх растерянно указал рукой на лежащую девушку.

Та, впрочем, совсем не выглядела умирающей или даже больной и пожирала появившегося гоблина глазами. Рана на ее плече затянулась без следа, и шаман вопросительно посмотрел на орка. Тот вернул смущенный взгляд у робко улыбнулся.

— Я, кажется, тут сам справился, — признался он.

— Это хорошо, — тихо сказал Гарб. — Ты уже сказал ей?

— Что он должен был мне сказать? — воскликнула Рати, поднимаясь и спешно отряхивая маскировочное одеяние от пыли.

Ей стало неловко. Рядом оба нрвлящихся ей парня, а она опять в таком неприглядном виде, и косы еще эти дурацкие растрепались.

— Что я люблю тебя.

Мимика хапуги передала в этот момент целую гамму чувств. Правая половина лица изображала крайнее удивление, в то время как левая выразила негодование. Даже рука застыла в попытке поправить прическу.

— Ты поэтому меня спас? — спросила она.

— Дважды и с риском для жизни, — мягко подсказал Гарб. — Первый раз еще в твоей комнате. Это он подставил меч под шип Сконма. Кстати, зачем вы его убили?

— М-м-м, — Рати пробурчала что-то невнятное. — Он первый начал.

Она испытывала странное злорадство по поводу смерти папаша.

«Туда тебе и дорога, тварь», — подумала девушка. — «Пусть вообще это племя катится ко всем чертям. Мне с вами не по пути».

— Откуда знаешь? — удивился орк. — Ты теперь всеведущ из-за посоха?

— Во-первых, вон его тело валяется без головы и руки. Во-вторых, я теперь, как положено аватару, одновременно и здесь и в Шеоле, — сказал Гарб с улыбкой. — Он там как появился, сразу прибежал жаловаться. Его еще пришлось спасти от всех тех, в чьи тела он вселялся. Очень уж все его детки были злы на него. Впрочем, ну его. С такими союзниками и врагов не нужно. Хотя его помощь бы сейчас пригодилась. У Сандро обнаружилось очень неприятное раздвоение личности, и его вторая половина успела натворить много лишнего по всей Лумее, если он сам не врет.

Орк поскреб затылок пятерней и томно потянулся.

— И до него доберемся.

Рати наконец опустила руку и теперь переводила взгляд с одного на другого. Она почти

умерла, и от этого все перевернулось с ног на голову. Гарб милый и хороший, но, если хорошенько подумать, понравился ей только из-за роста и того случая у минотавров, и вообще без пяти минут бог. Разве он может обратить на нее внимание? К тому же истории про невест Быр-Хапуга с детства вызывали у нее ночные кошмары. Умирать еще раз, пусть даже и таким способом, ей как-то расхотелось.

Аггрх же напротив — редкостная скотина, охочая до баб. Вот только он на самом деле ни разу ее не обидел и даже дважды спасал жизнь. Еще он спокойный, рассудительный, надежный и с кучей других достоинств. А то, что орк, так это не беда. Так даже интереснее. И он сказал, что любит.

И все-таки, Гарба она выбрала раньше. Природное упрямство не давало просто так поменять выбор и металось в поисках бреши в броне сомнений.

— Помните Конфедерацию? — спросил Гарб. — Все гномы в ней восстали против, как они говорят, угнетателей. Сандро или его второе я долго готовили эту заваруху. Представляете творящийся сейчас хаос? Гномы — это весь флот Лунного моря, кроме капитанов и старших помощников, осадными машинами и големами тоже они заведуют. За снабжение в основном их народ отвечал. Им долго внушали, что они незаменимые, а их права попирают высокомерные тауросу или всякие там эльфы с людишками.

— Дела, — выпятил нижнюю челюсть вперед Аггрх. — А нас это как касается? Раньше я бы сказал, что самое время немного пограбить, но у нас другие заботы, кажется.

— Никаких грабить! — сурово нахмурил брови Гарб. — Ты же пытаешься быть паладином, забыл? Пока гномы отвлекают остальные народы, второе я Сандро собирается напасть на Храм Творения. В пророчествах о конце света именно он упоминается, как основное место действия. Думаю, нужно отправиться туда и разведать обстановку, но сначала надо спасти наших друзей.

— А Сандро случайно не намекнул, где они находятся?

— Он говорит, что не знает. Мне кажется, врет, — честно ответил Гарб, — но проверить пока не могу. Посох почему-то не смог перенести меня к ним, и меня это беспокоит. Что касается Сандро, то его почти не берет магия Гобмобома. Как я успел выяснить, есть только две силы, не совсем подвластные посоху: Умбра и Неган. Я долго вычислял, кто все-таки из них влияет на этого некроманта, и пришел к выводу, что Умбра. Все из-за того злосчастливого ритуала.

— Из-за которого умер Рэкс, — оскалился Аггрх.

«Ради своих идеалов каждый готов причинять зло, думая, что он творит добро. И, пока кто-то с тяжелой ношей благих помыслов несет очищающее пламя, способное сжечь мир дотла, другие продолжают с легким сердцем грешить во благо».

— Хуан де Деса, великий инквизитор

Мордатый гном-охранник в покрытых легким налетом ржавчины доспехах не принадлежал к числу поклонников Аспикса, поэтому говорящий бык в короне вызывал у него разве что гастрономические чувства. Правда, к этому примешивалась изрядная доля ненависти к угнетателям.

— Мы гномы уже бы давно обуздали все силы природы, если бы не вы, сволочи, — разглагольствовал надзиратель на цвергском, прохаживаясь вдоль загона взад-вперед.

Каввель, прекрасно понимающий этот язык, только фыркнул в ответ: гномы всегда были только слугами. Полезность и изобретательность маленького народца никто не отрицал, но почему-то наглость коротышек всегда улетучивалась, когда наступала пора битвы с сильным врагом. Человеческий барон устроил набег? Рогатые силачи с секирами охотно помогут наказать обидчика. Эльфы пристрелили парочку коротышек на своих границах? Минотавры сразу встают на защиту. Так уж повелось испокон веков. За это и плата в виде услужения.

От столь возмутительной неблагодарности захватывало дух, но Каввель стойко сдерживался. Этому в немалой степени способствовали крепкие стены загона, которые он уже безуспешно пытался сломать не один десяток раз.

Проклятый минотавр только вздохнул. Будь с ними Гарб, такого бы никогда не случилось. Да будь Каввель в своем теле, эти малявки пожалели бы, что родились. Как назло, они напали именно в момент превращения, а в бычьем теле ловкость далеко не та и секирой не помашешь.

Растерялся и Адинук. Глупый эльф не стал спасаться бегством, а достал лютню и попытался отвлечь гномов музыкой. Еще что-то кричал про предпоследнюю балладу. Разумеется, ему только намяли бока и сломали инструмент. Зато человечешка удивил. Дрался, как дракон, но и его скрутили поганые коротышки. С Могары спрос невелик — женщина. Хотя, Каввель при мыслях о прекраснейшей почти смог улыбнуться бычьими губами: отваги ей не занимать. Втоптала в пыль больше двух дюжин гномов, а потом отвлеклась на мычание превращенного пирата, и дала опутать себя сетью.

С момента пленения их всех держали порознь, и минотавр начал откровенно скучать. Кормили прелым сеном, поили тухлой водой, а из развлечений — только надоедливая болтовня стражника. Раз в день над головой открывалось отверстие, откуда выливалась целая река, вымывая из стойла нечистоты. Вода всегда была ледяной, что особенно раздражало пирата. Время купания как раз на подходе, а одна только мысль о нем вызывает дрожь и мурашки по коже.

— Все блага создали мы, — продолжил свою заунывную лекцию гном, загибая узловатые пальцы. — По морям ходить под парусом придумали мы, из камня дома строить тоже мы, каминны для обогрева мы, копые мы, садовую тачку и ту мы придумали. Колесо — это да, это эльфы, но только когда нашего пивка хлебнули. А что вы, минотвари, придумали? Топором махать и бодаться? Не будем мы вам больше прислуживать и точка.

— Ты му-не лучше, юнга, скажи, зачем вы нас тут держите, — прервал этот

проникновенный монолог Каввель, делая вид, что не заметил оскорбления.

— Будь моя воля, — охотно откликнулся гном, — я бы из вас сразу чучелков набивных понаделал. Только боги не велят. Жрецы говорят, ваша шайка пока нужна живой.

— А как бы му-не потолковать с вашими жрецами? — невинно поинтересовался Каввель. — У меня есть, что предложить вашим богам. Даю слово тауросу, что не причиню никому из вас вреда и не попытаюсь сбежать.

Втайне минотавр осознавал правоту слов гнома. Народ тауросу и правда ничему, кроме ремесла войны, не обучен и своему возвышению обязан только размерами и свирепостью. Зато рогатые гиганты придумали кучу кодексов, которым до сих пор неукоснительно следовали. Так что слово тауросу всегда равноценно нерушимой клятве и давно стало нарицательным.

— Ты и не сможешь, — хмыкнул гном, но после коротких раздумий вышел из камеры.

Отсутствовал он минут пятнадцать. За это время минотавр еще раз обдумал свой план. Пережитые приключения заставили его пересмотреть взгляды на многие вещи, в том числе и на кодексы. Некоторые события повлияли на пирата особенно сильно. Дворфы, к примеру, были отличными парнями и оставались верными своему слову до конца. Разве это для них закончилось чем-то хорошим? Все погибли, подвели свой клан, а задание так и не выполнили.

Конечно, такая же участь благородного тауросу была бы воспета менестрелями. С другой стороны, Каввелю что-то не очень хотелось пасть смертью храбрых из-за неосмотрительно данного обещания. Вот только для минотавра нарушение клятвы — само по себе сродни смерти. Такое не простят ни сородичи, ни Могара, ни даже родители. Клятвопреступник навеки станет изгоем, как будто он умер. Братоубийство — ерунда, по сравнению с нарушением слова. Каввель и сам себе такое прощать не собирался. Но неужели обещания, данные друзьям и любимой женщине, важны меньше, чем уговор с врагами?

Охранник вернулся в сопровождении седовласого степенного гнома в богатой шелковой мантии, расшитой крупным морским жемчугом разных цветов.

— Что, именем Румпеля Большеносого, ты хочешь от святого жреца, порождение скверны? — с порога гневно заявил он, топая ногой.

Никогда в жизни эта трусливая козявка так бы не поступила, будь минотавр перед ним с оружием в руках и на свободе.

Каввель убедился, что дверь позади вошедших осталась открытой, а в коридоре, насколько хватало видимости, никого не было. Его большие глаза начали наливаться чернотой, но пират упорно молчал, игнорируя вошедших. Их надо немного поддразнить.

Ничего не подозревающий охранник решил проявить рвение.

— Отвечай, когда с тобой разговаривает преподобный! — заорал он и потыкал спину быка острой палкой.

Мелкий носатый гаденыш чувствовал себя в полной безопасности: тауросу не только стоит в прочнейшем загоне, но и дал слово.

Как раз этой малости Каввелю не хватало, чтобы окончательно впасть в ярость. Пират не был уверен, что это сработает в нынешнем теле, но все произошло так, как он запланировал. Буйство прибавило сил настолько, чтобы несокрушимое прежде препятствие сломалось, как сухая ветка под ногой.

Опешивший жрец попятился к двери, но бык, уже разметал ограду и повернулся к гномам, грозно опустив рога.

— Ты дал слово тауросу! — испуганно завопил стражник, глупо выставив перед собой ту самую палку, чем еще больше разозлил минотавра. — Ты нарушаешь кодекс чести!

— К му-орским чертям кодексы! — взревел Каввель. — Разорви му-еня кальму-ар, если я сейчас не бык. А слово быка я не давал!

До дверей ни один из гномов живым не добрался.

Опечаленный бард сидел в своей сырой камере. Мерзавцы сломали лютню, верой и правдой прослужившую ему почти сотню лет. Это какими надо быть дикарями, чтобы так обойтись с уникальным инструментом работы самого легендарного Эбермунда Штайнера? Между прочим, гнома.

Сумку с Миленой они тоже забрали, но за безопасность питомицы Адинук не переживал. Главное, чтобы коротышки не решили сжечь зачарованное хранилище. Зная их алчность, вряд ли кто-то из этого народа начнет уничтожать даже такое невзрачное имущество, не изучив его сперва как следует. С лютней, наверное, случайно вышло, а то они и ее бы трофеем сделали.

На эльфа вдруг нахлынули мысли другого рода, отчего ему стало еще тоскливее. Он близок к цели. До заветной тысячи осталась всего одна баллада. Почему же это так печалит?

— Да потому что! — вслух сказал Адинук. — А вдруг Милена пошлет меня к чертовой бабушке, когда станет прежней?

Расстались они отнюдь не друзьями и уж тем более не возлюбленными. Впрочем, не было даже уверенности, что она действительно вернется в свой изначальный облик после сочинения последней песни. Если же и вернется, она может навсегда остаться с памятью паучихи. Как тогда быть? Паук с разумом ребенка в теле красавицы троу — страшно представить. Карвалшаресс — злая богиня. Вряд ли проклятие, наложенное ее жрицами, может пройти совсем без последствий.

И вдохновение за время заключения уже не один десяток раз посещало несчастного пленника, и каждый раз он прогонял из памяти уже почти сложенные и, как назло, прекрасные строки. Лучшие из сочиненных за всю жизнь. Даже лютня не нужна: струнные переборы словно сами возникли в голове, задавая нужный ритм. Еще немного, и он не выдержит.

— Эй! — закричал троу, барабая в дверь. — Гномы вы или звери какие? Дайте хоть сумку мою! Там перо и пергамент.

— Обойдешься, — хрипло оборвали его снаружи. — Не положено.

— Ах так? — возмутился раздосадованный бард. — Ну, ты сам напросился.

Следующие три часа слух стражи услаждало как можно более фальшивое эльфийское пение на разных языках. Певучие звуки лусидского, сменялись шепелявыми напевами на гаэдском и похабными частушками на грубоватом цвергском. Когда Адинук уставал петь, он начинал читать жуткие стихи, которые однажды услышал в Бездне.

Сторожащие его гномы крепились недолго. Через какое-то время они просто залепили уши свечным воском, перестав слышать вообще что-либо. Трогать пленника им было не велено, а пост покидать не положено. Каждые пять минут кто-то из надзирателей откупоривал ухо, убеждался, что эльф не сдастся, и затыкал обратно.

Когда из-за поворота послышался топот бычьих копыт, они его не услышали. В отличие от них, Адинук слышал приближение друга издали, но на всякий случай петь не прекратил. Когда предсмертные стоны за дверью стихли, эльф несмело попросил его

освободить и успел вовремя отскочить в сторону.

Сокрушающий удар легко вырвал прочные дубовые доски вместе с петлями из стены. Рогатая голова в открывшемся проеме мотнулась из стороны в сторону, и бык помчался дальше по коридору к спешащим ему навстречу смертникам с неспособными остановить смертоносный галоп копьями.

Эльф осторожно выглянул наружу. Живых поблизости не осталось, поэтому он выскользнул в коридор. Кладовая нашлась неподалеку, а ключ от нее у затоптанного начальника караула. Среди других вещей секира Каввеля, диадема Могары, пара ножей и кольчуга — все подписано и пронумеровано.

— О, моя прелесть! — руки лихорадочно ощупали холщовую ткань.

Все цело, все в порядке.

— Выходи, радость моя, и всех с собой бери! Для тебя есть важное дело. Что-что? Да, еды хватит. Друзей только нельзя трогать. Ты же помнишь, кто наши друзья? Нет, орка не будет, так что действуй смело. И очень тебя прошу, будь осторожнее. Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Великий инквизитор давно смирился с униженным положением заключенного. Гордыни в нем изначально не было, а к суровым условиям он привык еще в братстве. Мягкая постель и вкусная еда хороши только для неженков, а не людей его ремесла, стоящих на страже благополучия Лумеи.

Ересь постоянно поднимала голову. Стоило срубить одну, на ее место тут же приходила другая, а то и две, так что работы всегда хватало. Ересь — опасная штука. Она оскверняет умы верующих, заставляя сомневаться в могуществе богов, сотворивших смертных. Сомнение влечет за собой неверие. И, если вера способна творить чудеса, то неверие приносит бедствия. Слишком много предсказаний существует на этот счет. Вот Орден и занимается искоренением неверия, чтобы отсрочить конец света.

И все же некоторые методы братьев-рыцарей смущали даже Хуана де Десу и слишком часто не вписывались в его представления о чести и справедливости.

— Мы должны нести свет Вседержителя другим народам, а не смерть и разрушение, — всегда осаживал он особо разбушевавшихся, и эти увещевания до поры работали.

Формально боевая часть ордена ему не подчинялась. Ей командовал Великий магистр Лев, который призывал братьев прислушиваться к словам инквизиции.

Даже де Деса не знал настоящего имени Льва. Такое прозвище честно заслужено на полях сражений. Не было на всей Лумее воина искуснее, чем Великий магистр. Хуан восхищался его отвагой и мудростью, всегда стараясь ровняться на своего кумира. Но чем дольше Великий инквизитор служил ордену, тем больше у него становилось вопросов. Почему рыцари Храма так сильны и непобедимы? Почему даже инквизиторов не пускают в некоторые части обители? Почему Лев за тридцать лет совсем не постарел?

Де Деса никогда не позволял себе задавать их, но червячок сомнения нашел укромное место в его сердце. А ведь инквизитор лучше всех знал, что сомнение всегда выступает предвестником ереси.

Все изменила война со Свидетелями Аспикса. Бедные заблудшие души искренне верили в ложного бога, и никакие усилия не могли отвернуть их от заблуждения. И тогда капитул ордена постановил уничтожить еретиков всех до единого. Даже детей.

Великий инквизитор единственный голосовал против. Но и после этого он не оставил

орден, пока ему не привели на допрос совершенно очаровательное дитя.

Девочка лет тринадцати, худая, в простеньком платье. Ее невинное лицо до сих пор стоит перед глазами. Беззаботная улыбка, чистые голубые глаза и белокурые кудряшки. Если бы не обет безбрачия, он бы мечтал именно о такой дочурке.

— Скажи мне и будешь свободна!

— Нет, Аспикс спасет меня.

— Глупое дитя! Ты не понимаешь, что с тобой сейчас будет, если ты не заговоришь?

— Аспикс спасет всех нас, и даже тебя, злой дядька.

— Приступайте.

Хуан трижды прерывал обычную процедуру в надежде, что она все же образумится. Девчушка до последнего отказывалась говорить, где находится убежище единоверцев, и верила, что ложный бог спасет ее. Хрупкое тело не вынесло пыток.

После этого допроса в де Десе что-то сломалось, и он обрушил на Льва град упреков и неудобных вопросов при первой же встрече.

— Ты утомился, брат, — сказал магистр со своей обычной белозубой улыбкой вместо ответа. — Тебе пора отдохнуть.

Де Десу просто вышвырнули за ворота Храма. Лишь оказавшись снаружи без возможности вернуться назад, он понял, чего именно лишился. Голос! Как снова услышать чарующий голос Льва? Хотя бы разок! Любой ценой!

Встретив Каввеля, инквизитор решил, что его примут обратно, если он приведет минотавра на суд. События сразу пошли не по плану, а затем тауросу и вовсе начал проявлять признаки божественности. Это серьезно пошатнуло убеждения инквизитора. Вдруг еретики были правы, и все это на самом деле разрешено богами?

Хуан много думал. Взаперти все равно других развлечений не было. Размышлял он и сейчас, пока его покой не нарушили звуки борьбы.

— Р-р-р! Бум! Дзынь! — раздавалось за дверью камеры.

Бычий рев, сопровождаемый грохотом сминаемых тяжелыми копытами доспехов. Вслед за этим середина двери разлетелась в щепки, обдав храмовника тучей деревянных брызг.

— Отлично, долг жизни окончательно выплачен, — заявил рогатый, заглянув в пролом, и поскакал дальше, громко стуча копытами.

Какой-то еще шум донесся до ушей храмовника. Будто сотни маленьких иголок легонько стучали по каменному полу.

Де Деса осторожно выглянул наружу. От увиденного волосы встали дыбом по всему телу: коридор почернел от бесчисленного множества гигантских пауков. Адские твари размером с кошку, а некоторые и крупнее, заполнили все пространство. Некоторые набрасывались на тела гномов, срывали мохнатыми лапами с них доспехи и впивались своими жвалами в плоть, жадно чавкая вырванными кусками. Другие же ползли в сторону человека.

Невозмутимый инквизитор, повидавший за жизнь такое, от чего иные сходят с ума, завопил от ужаса. Он еле протиснулся в узкое отверстие и побежал без оглядки вслед за быком. Лучше бы тот оставил дверь на месте.

— Стой, дурила! — крикнул выглянувший из-за поворота Адинук. — Никто тебя не тронет!

Де Деса не услышал. Он в страхе бежал, одержимый только желанием спастись.

Эльф пожал плечами и потрепал по жуткой черной голове Милену, семенящую рядом с

ним.

— Хорошая моя, я, конечно, рад, что пауки-отступники могут размножаться без самцов, — пробормотал бард, — но ты не могла бы как-то ограничить эту свою тягу все время откладывать яйца?

Арахнида в ответ возмущенно защелкала жвалами.

— Понимаю, что это сложно, но я как-то не рассчитывал на такую ораву. Гномов может на всех не хватить.

«У страха нет рассудительности, только опрометчивость».

— *Гарб, жрец Бирканитры*

Сандро с трепетом ожидал возвращения гоблина. Для встречи он облачился в лучшую мантию цвета ночного неба и на всякий случай быстро пролистал несколько книг по некромантии. Вряд ли темные заклинания помогут, но чтение успокаивало. Если колдун переставал отвлекаться, то дрожь в руках только усиливалась с каждой минутой ожидания.

За десятки лет правления городом мертвых Сандро почти приучил себя к отказу от страстей, приближая час, когда можно будет заключить свою душу в филиakterию и стать бессмертной разумной нежитью — личем. А потом явился этот пронырливый призрак Антонио вместе со своим новым дружкой шаманом и все испортил.

Ритуал, который они вместе затеяли, завершился неправильно, и Сандро вместо призрачной формы получил новое молодое тело, а с ним и полный набор чувств и эмоций. Страх, неуверенность, гнев и даже жалость — все сплелось в единый неразрушимый узел. Избавиться от этой адской смеси он не мог, как ни старался. Некромант по-прежнему не терзался какими-то глупыми моральными принципами, но само наличие таких сильных чувств порой вносило сумятицу в его, казалось бы, безупречные планы.

Вместе с телом он получил и новые невероятные способности, которые здоровогодились при побеге от его бывших слуг. Сандро хохотнул, вспоминая, как превратился в сгусток черного тумана, и пальцы преследователей прошли сквозь него. А он просто упорхнул бесплотной тенью.

И все же хапуги его поймали своей темной магией, и плен у них проблем только добавил. Поначалу Сандро даже обрадовался, что угодил в логово тех, кто почитает искусство некромантии едва ли не больше, чем он сам, и собирался прилежно учиться у своих пленителей. Горькое разочарование пришло быстро. Воспоминания захлестнули его, словно бурные воды горной реки.

— Потрясающе! — воскликнул новоиспеченный генерал, глядя на действительно хитроумное переплетение линий. — Это гениально! Вы так умело управляетесь с потоками Тэ.

— Еще бы, — хохотнул один телохранителей, приставленный следить за Сандро, — это сам Быр-Хапуг нас научил.

— Но мне кажется, что вот в этом месте можно внести некоторые исправления в плетение и...

— Не смей! — оборвал его на полуслове появившийся словно из ниоткуда Сконм. — Повелитель не потерпит вмешательство в свое искусство.

Человек почувствовал угрозу и умолк. Пока он восхищался хапугами, они относились к нему терпимо. Стоило лишь заикнуться, что он что-то знает лучше них, ему затыкали рот. Так происходило не единожды, и Сандро понял, что хапуги не желают учиться. Они не понимают всей красоты переплетений Тэ, не устраивают экспериментов. Они только слепо копируют то, что им однажды показал Быр-Хапуг. И все ради бесконечной и глупой мести эльфам.

Они думали, что человек не понимает их разговоров. Сандро все понимал — одной из новых способностей стала возможность говорить на любом языке. Хапуги просто поднимали

мертвецов для своих целей, потому что у них это хорошо получалось, знали несколько запретных темных заклинаний и считали себя лучше всех остальных на свете.

— Бог даровал нам силу, — хвастались эти уродливые создания и не упускали случая продемонстрировать пленникам свое превосходство.

Действительно, ни один колдун, будь то гном или человек, не мог с ними сравниться. Только Сандро это удалось. Как и все гоблины, хапуги уважали силу и презирали слабость. Поэтому они приняли человека к себе, хоть и настороженно. Доказав свою силу, колдун смог избежать участи рядового солдата. Как он быстро убедился, пленные колдуны других рас во время вылазок хапугов долго на поле боя не жили.

С простыми рабами во владениях Сконма обращались и еще хуже. Даже по меркам некроманта.

— Эй, мясо! — каркающий голос достиг ушей замершего от ужаса раба.

Гном задрожал всем телом и остановился на полушаге.

— Да, господин?

— Ты посмотрел на меня.

Несчастный раб натужно сглотнул, и с опаской потрогал металлическое кольцо на шее, старательно таращась в пол.

— Вовсе нет, господин. Я бы не осмелился...

— Ты. Посмел. Поднять. На меня. Свои поганые глаза!

Вопли бедного гнома разнеслись по коридорам. Другие рабы спешили мимо, как бы не замечая извивающегося на холодных плитах пола смертника. Ошейник на нем раскалился добела, и с тихим шипением плавил кожу и мясо, распространяя по замку тошнотворный запах горелой плоти. Сандро в этот момент облачком парил под потолком и наблюдал. Мешать он не собирался, но выводы сделал. Хапуги наглые, заносчивые и беспричинно жестокие.

А когда гном перестал биться в агонии, хапуг вырезал из его шеи запекшийся кусок мяса и сожрал, громко чавкая. Если бы Сандро в этот момент находился в человеческом облике, его бы вырвало.

К женщинам — в основном эльфийкам, хотя встречались и человеческие — применялись наказания иного рода.

Постепенно разочарование сменилось раздражением, а затем и гневом. Чем больше человек узнавал хапугов, тем больше он их ненавидел. Человек не сбежал, хотя мог сделать это тысячи раз. Став генералом, он дал себе слово стереть с лица Лумеи это мерзкое племя каннибалов. Сандро всячески изображал покорного слугу, втираясь в доверие к Сконму и душа в зародыше бессильную пока ярость, чтобы не выдать себя раньше времени. Подозрительный правитель не сразу ослабил контроль, но в итоге дал своему новому предводителю своего войска больше свободы. Достаточно, чтобы организовать заговор.

Ему не составило труда подбить рабов на подготовку к восстанию.

И тут вмешался Он. Неведомое существо, что вселилось в человека возле того злосчастного кургана, где его пленили хапуги, не только дало новые способности, но время от времени полностью перехватывало управление телом. Сандро сразу попытался изгнать из себя постороннего, но тот лишь хохотал в ответ на все попытки.

Со временем колдун научился прислушиваться к потоку чужих мыслей и нарек их источник Постояльцем или Гостем.

— Чего ты хочешь? — некромант много раз задавал этот вопрос.

В ответ всякий раз слышалось лишь пренебрежительное хмыканье. Постоялец не утруждал себя разговорами с одеждой, которой считал тело смертного. Большую часть времени Он проводил в спячке, лишь изредка отодвигая Сандро в сторону. В такие моменты человек мог только беспомощно наблюдать, что творится от его имени.

Сперва Постоялец разведал обстановку по всей Лумее. Затем втерся в доверие к гномам и дворфам, уговорив их объединиться в Торговую Конфедерацию с людьми и минотаврами. Сандро даже восхитило умение этого создания убеждать самых твердолобых упрямец. Обман, лесть и подкуп легко пускались в ход и хитроумно сочетались при необходимости. Гость умел найти нужные слова для всех без исключения.

Когда появился гоблин, Постоялец привел свой план в действие. И это был единственный раз, когда он обратился к Сандро.

— Помешаешь мне — так будет всю жизнь.

Когда Сандро смог наконец вдохнуть, то закричал. До этого он думал, что никакая боль на свете не способна его сломить, но Гостю это удалось.

Вот уже два дня, как Конфедерации не существует. Гномы с ее помощью получили доступ в города и замки других народов, а затем, пользуясь своей многочисленностью, разом ударили по всем направлениям. Не ждущих предательства минотавров по большей части перебили, а кое-где взяли в осаду. Люди дали достойный отпор, но внезапность все же позволила коротышкам получить большое преимущество и занять множество человеческих крепостей. Дворфов всегда было немного, и бородачи просто не смогут помешать. Как и эльфы, не желающие покидать границы своих королевств. Никто не встанет на защиту Храма. Просто некому.

Сандро хотелось плакать от отчаяния, когда Постоялец рассказал Сконму про восстание рабов. Гость думал, что сорвал планы человека и воплотил свои. Пуджар должен был вернуться и подавить восстание, а потом остаться в своем убежище зализывать раны и считать убитых.

Только Постоялец ошибся, считая Сандро ни на что не способным. Некромант решил действовать по обстоятельствам. Гость не знает его воспоминаний, и это дает хоть и маленький, но шанс на успех. Пускай восстание захлебнется, но ведь Сандро тоже может выбалтывать чужие секреты. Есть кому. А хапугов можно добить позже.

Гоблина уговорить оказалось несложно. Осталось только дожидаться его возвращения. До очередного появления Постояльца еще несколько часов: после каждого визита ему требуется время на отдых. Так что время пока есть.

— Где же ты, мой спаситель? — сказал некромант вслух.

Сигил для обряда уже давно начертан, а дрожь унять так и не удалось. Проклятая чувствительность! И страх, что та боль повторится не дает успокоиться. Только бы успеть!

В дверь осторожно постучали. Как же не вовремя! Гномам сейчас не стоит грубить, особенно в свете последних событий. Мелкий народец стал исключительно обидчивым, в чем немалая заслуга льстивых речей Постояльца. Можно сколько угодно морочить им голову магией, выдавая себя за их соплеменника и жреца Румпеля, но одно неосторожное слово может расстроить всю игру. Неважно, что это игра Гостя. Было бы глупо не воспользоваться ситуацией. Придется сдержаться и говорить исключительно вежливо.

— Я немного занят, брат мой, — ласково сказал человек.

Стук повторился настойчивей.

— Ваше преподобие, откройте! У нас беда приключилась! — взволнованный голос

аколита не оставлял сомнений в важности дела.

Сандро поколебался. В любую секунду мог вернуться гоблин, но и гном вряд ли сам уйдет. Колдун сквозь зубы со свистом втянул воздух, наколдовал личину жреца-цверга и открыл дверь.

Перепуганный гном держал в руках копье. Острие указывало в сторону лестницы в подземелья.

— Пленники сбежали! — выпалил аколит. — И там нашествие каких-то жутких тварей.

Сандро изумленно вскинул бровь. Гость лично проверял надежность камер, да и гномы славились качеством работы. Казематы даже обиты блокирующим магию материалом. Ни один смертный сбежать самостоятельно бы не сумел, кроме, разве что, самого Сандро. Значит...

— Проклятье! — зарычал Сандро, отбросив осторожность.

Гоблин все-таки догадался, где искать друзей.

Человек превратился в облачко черного тумана и понесся к подземельям мимо еще больше перепуганного аколита.

Гарб все лучше овладевал возможностями посоха. Он словно не учился заново, а вспоминал давно забытое. Вспомнил он вдруг и про мантию Бирканитры. Зачарованная одежда теперь, когда он снова прибавил в росте, пришлась впору, вдохнув в жреца почти безграничную волшебную силу.

В таком виде он показался Тыре. Девчушка только испуганно пискнула, когда прямо перед ее кроватью возник огромный величественный гоблин в синей мантии с золотыми закорючками, лишь отдаленно похожий на потрепанного жизнью шамана, которого она знала.

— Идем со мной, — сказал Гарб, и девушка безропотно, не отрывая от него восхищенного взгляда, протянула руку.

Гарб перенес Тырю в подготовленное убежище и обеспечил всем необходимым.

— Побудь пока здесь. Я заберу тебя, как только смогу. Тут ты будешь в безопасности.

— Не уходи! Останься со мной! — девчушка не хотела его отпускать, и пришлось потратить добрых пятнадцать минут только на уговоры.

Затем шаман вернулся в логово хапугов. Бои все еще шли, и Аггрх с Рати по его совету забаррикадировалась в одной из замковых комнат. Как оказалось, за полчаса отсутствия гоблина, парочка времени зря не теряла.

Жрец без задней мысли приказал посоху доставить его к орку с хапугой и появился прямо посреди комнаты во всем своем великолепии. По всей видимости, бурная сцена выяснения отношений неожиданно перешла в горизонтальную плоскость. Разбитая ваза, разбросанная повсюду одежда и валяющееся прямо на полу оружие только подчеркивали происходящее на кровати. Основную и потайную двери, правда, подперли на совесть. Слова о спешке застряли в горле. Гарб стыдливо отвел глаза и в ту же секунду испарился.

— Что это было? — настороженно приподнялся Аггрх, как будто затылком уловив движение.

Рати зарычала и с неожиданной для нее силой притянула орка обратно.

— Не останавливайся, болван, а то укушу!

Воин пожал плечами и вернулся к продолжению рода. Когда страсть утихла, орк быстро оделся и принялся убирать следы ссоры. Рати блаженно потянулась и последовала его

примеру, предварительно звонко хлопнув отвернувшегося воина по задку. Хапугу переполняли эмоции. От избытка чувств она больше льнула к Аггрху, чем убиралась, то и дело хихикала и норовила прижаться к нему бедром. Зеленокожего это изрядно отвлекало от уборки, но он только недовольно ворчал, чем еще больше раззадоривал возлюбленную.

Гарб тактично постучал в дверь только, когда все улики благополучно устранили. Ждать пришлось еще минут пятнадцать, но он все еще смущался сам и не собирался вгонять в краску компаньонов.

Рати все равно пришла в замешательство при виде гоблина и начала старательно прятать от него глаза. Аггрх же напротив подмигнул другу, получив в ответ благожелательную улыбку.

— Вы готовы? — спросил Гарб, пытаясь сохранять серьезное выражение лица.

Орк кивнул за обоих.

— Какой план? — спросил он.

— Брать вас с собой к Сандро я не буду, — ответил шаман. — Еще не хватало, чтобы вас тоже кто-нибудь взял в заложники. Отправитесь к Храму Творения подальше от некроманта и его приспешников. Насколько мне известно, он еще не посылал туда войска, так что будете в относительной безопасности. Пока я разбираюсь с ним, постарайтесь разведать там обстановку. Не высовывайтесь, только наблюдайте. Если что, позовите меня, как раньше. Я сразу приду.

— Ты сам-то справишься?

Гоблин улыбнулся и легонько щелкнул пальцем по посоху.

— Пока он со мной, ничего плохого не случится.

Аггрх нахмурился, потому что никогда не верил в неуязвимость.

— Уверен? — спросил он, глядя на посох со скепсисом. — В конце концов его же как-то разломали.

— Это сделали аватары эльфийских божеств, — ответил Гарб. — Уверен, их поблизости не будет.

— Туда пешего ходу недели две, даже если не прятаться, — наконец нашла в себе силы заговорить хапуга. — Какой смысл идти?

Гоблин улыбнулся и начертал Гобмобомом на полу коридора круг. Невидимая линия вспыхнула зеленым и превратилась в портал.

— Теперь я и так умею, и он настроен только для вас, — скромно сказал шаман и указал посохом на Рати. — Не шевелись.

Девушка замерла, не зная, чего ожидать. Чар мягко коснулся ее лба.

— Что? — не выдержала Рати.

— Посмотришь в зеркало, — посоветовал шаман, убирая посох.

Хапуга бросилась к туалетному столику, который, похоже, являлся непременным атрибутом жилых помещений на женской половине замка.

— Девочка будет, — шепнул Гарб онемевшему от такой новости орку. — Красивая, как мать, с нежно-оливковой кожей, и упрямая, как отец. Береги обеих.

Аггрх все еще хватал ртом воздух, глядя на гоблина. Он был готов к тому, что Гарб снимет эльфийское проклятие с Рати, поэтому перемене в ее внешности только обрадовался. А вот известие, что он снова станет отцом, едва не выбило пол у воина из-под ног. У него даже не возникло сомнений, что гоблин мог ошибиться.

Рати между тем придирчиво ощупывала перед зеркалом лицо. Проклятие и раньше

накладывало не слишком заметный отпечаток на ее внешность, так что и меняться оказалось почти нечему. Длинные острые когти уменьшились и зубы перестали быть чересчур острыми. В остальном она осталась той же Рати с веснушками, косичками и курносом носиком, только чуть выше ростом. Хотя... что-то неуловимо-отталкивающее все же исчезло. Хапуга не смогла бы сказать точно, что именно, но оно всегда вызывало приступ гадливости при взгляде в зеркало. Теперь его не было. Осталось чувство удовлетворения от увиденного.

Девушка бросилась наружу к Гарбу, желая повиснуть у него на шее и расцеловать на радостях, но гоблин помахал на прощание свободной рукой и все с той же немного печальной улыбкой растворился в воздухе. Ее же на полпути перехватили мощные волосатые зеленые лапищи, подняли в воздух и крепко прижали к груди.

— Ты чего? — недоумевающе спросила она, но орк только смотрел на будущую жену с неммым обожанием, и она обняла его в ответ.

На всякий случай Гарб еще раз повелел посоху перенести его к плененным друзьям. К его удивлению, чар немедленно среагировал, заставив гоблина насторожиться и на всякий случай наколдовать щит.

Шаман возник посреди сырого мрачного подземного коридора, скудно освещенного багровым светом факелов. И сразу больно стукнулся головой о каменный свод. Пришлось пригнуться, потирая ушибленное место и вспоминая недавно утраченную привычку горбиться.

Высоты прохода едва хватало, чтобы в нее помещался длинный посох. В некоторых местах каменные выступы, покрытые отвратительной на вид слизью, нависали слишком низко даже для него. Об один из таких Гарб и ударился, дополнительно получив сверху еще и несколько ледяных капель воды на макушку.

— Высота гномья, — хмыкнул жрец. — Следовало ожидать.

Может быть, Сандро и не сам все это затеял, но маленький народец однозначно вступил с ним в союз. Логично, что друзья оказались где-то в гномьих казематах. Бедные обманутые коротышки! Они даже не догадываются, во что их втянули. Шаман испытывал уважение к академикам в Льонасе, перенося это отношение и на остальных цвергов. Даже пережитое на окироше не изменило этого, и теперь гоблин собирался щадить гномов, если такая возможность представится.

Гарб огляделся, ожидая увидеть кого-то из компаньонов. В уходящих далеко проходах ни души. Шаман недовольно поморщился, соображая, в какую сторону пойти. Он даже прикинул, не стоит ли отправить духов в Шеоле на разведку, как вдруг до его чутких ушей донесся шорох.

— Выходи! — приказ прозвучал так властно, что Гарб и сам удивился.

Видимо, повелевать уже вошло в привычку.

Раздались торопливые шаги. Сутулая человеческая фигура выскочила из полумрака каменных сводов и замерла, разглядев гигантский силуэт гоблина.

— Хуан? — шаман едва узнал дрожащего человека. — Где остальные?

— Там-там! — седовласый мужчина в холщовом балахоне начал выглядеть жалким и перепуганным, как только утратил обычное хладнокровие.

Он указывал пальцем в сторону, откуда пришел.

Гарб улыбнулся: гобхаты чаще всего трусят почти так же, только бегают быстрее. Но

что могло напугать вечно невозмутимого инквизитора до такой степени?

Шаман осторожно отодвинул человека за спину и медленно пошел в сторону опасности, готовый отразить любое нападение. Черная копошащаяся масса, быстро надвигающаяся на него, заставила вздрогнуть. Лишь спустя секунду гоблин осознал, что колдует. А еще через мгновение коридор осветил большой синий огненный шар, с нарастающим ревом понесшийся в сторону неведомой угрозы.

Волшебные палочки бывают разного размера и могущества. Обычный одноручный жезл нужен для вызова простых заклинаний, полезных в быту. Двуручный посох может выручить в бою. Башня мага — тоже своего рода палочка, внутри которой можно жить и творить. В башне, возведенной на месте силы, опытный маг становится непобедимым.

Пособие для начинающих колдунов

Сандро облаком мрака несся по темным коридорам гномьей тюрьмы, грязно ругаясь на всех известных языках. Колдун не собирался сдаваться, пока оставался хоть малейший шанс на спасение, но надежда таяла с каждой минутой. Только что он нашел развороченный загон для быка и разломанные в щепки двери двух камер. Обглоданные до костей тела тюремщиков еще пригодятся, но некромант невольно проникся уважением к силе, способной сотворить подобное без помощи магии.

Следов магического воздействия не нашлось. Посохом гоблин бы тоже действовал не так. Что же это тогда такое?

Впереди маячило нечто черное. Не такое бесконечно черное, как его облако, и оно шевелилось. С той же стороны шел поток невероятно мощной магии — колдун почувствовал его всем телом и усмехнулся, предвкушая порчу чужих планов.

Гость, будь он неладен, оказался тем еще предусмотрительным хитрецом. Он неспроста выбрал именно эту крепость, ведь ее главная башня высилась над источниками сразу двух энергий — жизни и смерти. Как раз то, что нужно для темных искусств. Местные гномы — весьма посредственные волшебники, предпочитающие совмещать магию с механикой, даже не догадываются, где живут. Замкнуть потоки Дэ и Тэ на себе оказалось проще, чем поднять одного мертвеца. Не пришлось даже ни с кем сражаться. Так что теперь нет на Лумее такого заклинания, которое бы Сандро не погасил, находясь рядом с источниками.

Каменные своды озарили синие всполохи. Некромант не стал дожидаться, пока чужая магия наберет силу, и просто бросился вперед. Он как раз прямо над источником могущества, так что даже щит не понадобится.

Адинук с Миленой устали преследовать хаотично мечущегося из стороны в сторону быка и просто начали бродить по нескончаемым коридорам подземелья в поисках выхода. Где-то перед ними бежал де Деса и время от времени вопил так, что его было слышно за милю. За ним по пятам, шустро перебирая коготками по полу, шел выводок арахниды. Паучки быстро сгрызали неосторожных цвергов, рискнувших выглянуть из бокового прохода на шум или просто не успевших захлопнуть дверь, и двигались дальше. Их влек вперед голод.

— Стоп, — насторожился эльф.

Предчувствие беды не обмануло остроухого барда. Прямо из темноты, пожирая паучьи тела, вылетело пламя.

— Ой, папочки! — закричал Адинук, узнав разновидность огня, который они вдвоем с Гарбом исследовали в Бездне.

От этого пламени не спасало ничего. Оно прожигало даже волшебные щиты, которые ставил гоблин.

Когда жар уже почти слизнул брови с лица барда, и трою мысленно попрощался с Миленой, в глазах потемнело. Эльф моргнул, но темнота не исчезла.

— Наверное, это конец, — с грустью подумал Адинук.

В бок знакомым движением боднулась паучья голова. Арахнида всегда так делала, ища ласки или просто проверяя, не расстроен ли хозяин. Эльф нашарил ладонью шершавую поверхность и машинально почесал. Либо они вместе умерли, либо...

Мрак сгустился в ухмыляющегося человека, возвращая коридору нормальный вид. Адинук не поверил своим глазам.

— Бурбалка? — недоверчиво произнес он и добавил радостнее. — Ты живой, что ли, чертяка?

— Еще раз назовешь меня этим гнусным прозвищем, разорву на кожаные тряпочки, — огрызнулся колдун чужим незнакомым голосом, не оборачиваясь.

Милена возмущенно подняла клешни, чтобы наказать обидчика, но бард предупредил удар.

— Разве так благодарят спасителя? — спросил он. — Сплети ему лучше что-нибудь из своего шелка, что ли.

Арахнида пощелкала жвалами.

— Смотри на это со светлой стороны, — эльф нежно погладил питомицу по голове. — Зато теперь их не нужно кормить.

Сандро тем временем успел упорхнуть вперед все тем же сгустком тьмы. Ему не терпелось преподать урок наглецу, посмевавшему вторгнуться во владения, которые он считал уже почти своими. Некромант ветром пронесся над некогда живыми кучками пепла и уперся в нацеленный на него посох.

— Какое счастье, что я успел вовремя! — воскликнул Сандро, тут же сгущаясь в человека. — Еще немного, и ты бы поджарил своих друзей!

Прекрасное лицо шамана на миг перекосилось от презрения. Лжец! Гарб вдруг понял, что его эмоции становятся какими-то не такими. Словно, более чистыми и сильными. Будто божественное в нем усиливает все, к чему прикасается. Гарб не испытывал и сотой доли таких чувств раньше. Сейчас же сила эмоции захлестывала и едва не прорвалась наружу действием. Вдохнуть, выдохнуть, посчитать камешки на полу... успокоиться.

— Ты говорил, что не знаешь, где они, — гоблин прищурил желтые глаза и чуть наклонил голову вбок.

— Я не знал, клянусь! — ударил себя кулаком в грудь колдун.

— Врет, — раздался позади голос приближающегося Адинука.

— Но я же тебя спас от огня, эльф! — искренне возмутился некрмант, не сводя глаз с посоха.

— А вот это правда, — подтвердил бард. — Милена уже вяжет шарф благодарности, чтобы смахнуть им вуаль взаимного недоверия.

Сандро наконец сподобился обернуться и увидел перед собой не только ухмыляющегося остроухого, но и огромную паучью тушу, занимающую добрую половину коридора чуть поодаль. Колдун как-то умудрился не заметить ее раньше и теперь испуганно вздрогнул.

— Итак, ты мне соврал, — шаман убрал посох и обвиняюще вытянул длинный указательный палец в сторону некрманта. — Друзей я нашел и сейчас заберу отсюда. Попробуешь мне помешать, и познаешь мой гнев.

Колдун переменялся в лице. Его план рухнул, а когда вернется Гость, то наверняка сдержит обещание насчет боли.

— Но я же правда спас твоих друзей, — растерянно повторил человек.

— Спасибо, — с иронией откликнулся гоблин, — а сказал бы сразу, где они, я бы и правда согласился помочь. Прочь с дороги!

— Подожди! — голос де Десы больше не дрожал.

Инквизитор бросал опасливые взгляды на паучиху, но его немного успокаивало, с какой легкостью рядом с ней держится эльф.

— Нужно помочь этой заблудшей душе. Я вижу в нем чужеродное присутствие.

— Что предлагаешь? — хмыкнул шаман, не горящий желанием участвовать в еще одном сомнительном ритуале вместе с Сандро.

Гоблин прекрасно помнил, чем закончился предыдущий.

— Я попробую провести обряд экзорцизма и изгнать из него демона.

— Это не демон, — возразил шаман.

— Неважно, — уверенно ответил инквизитор, и колдун посмотрел на него полными надежды и слез голубыми глазами. — Не все демоны приходят из Бездны. Их хватает и на Лумее, хоть они и называют себя иначе. Думаешь, во времена исхода ни один из проклятого рода не попал сюда? Смею заверить, что это не так. Их потомки до сих пор живут среди нас. Впрочем, тут я вижу работу Умбры. Итак, согласен ли ты, колдун, отречься от мрака и более не прикасаться к теням и их порождениям?

Сандро охотно закивал. Он сейчас был готов отказаться от чего и кого угодно, кроме жизни, здоровья, свободы, памяти, знаний и волшебных сил.

— Тогда стой и не двигайся. Будет больно.

«Ерунда по сравнению с той болью», — подумал некромант и покорно склонил голову.

Храмовник подошел к нему. Жилистая рука торжественно протянулась ко лбу колдуна. Слова молитвы Вседержителю сорвались с губ, и ладонь озарилась зеленоватым свечением.

Гарб занял место рядом с Адинуком и арахнидой, которая усердно занималась ткачеством, ловко орудуя своими огромными клешнями. Гоблин уже видел похожий обряд изгнания в исполнении Михеля и не нашел повода для волнения. Эльфу же просто стало интересно, что происходит.

Свечение нарастало. Вскоре Сандро застонал сквозь зубы, не желая показаться слабым. Затем части его тела как будто попыталась проявить самостоятельность: ноги и руки некроманта превратились в клубы мрака. Колдун издал глубокий протяжный стон, затем неестественно выгнулся, и его глаза зажглись фиолетовым, а конечности вернулись к человеческой форме.

— Премного благодарен за помощь! Мне этот паразит очень мешал! — воскликнул некромант нехарактерным для него глубоким басом, пробирающим до костей, оттолкнул руку де Десы и повернулся к Гарбу. — Ну, здравствуй, гоблин.

Хуан отскочил, будто его ошпарили и застыл, пялясь на свою руку, будто она оказалась змеей.

Нехорошее предчувствие кольнуло шамана прямо в сердце.

— Кто ты?

— Неужели не узнаешь? — раскатисто хохотнул человек. — Конечно, в прошлый раз у меня были рога и копыта, но глаза-то не поменялись.

— Минору? Это не можешь быть ты! — закричал гоблин, едва не впад в ярость, и ударил посохом. — Ты умер! Я сам видел!

Гарб продолжал остервенело бить, но удары магией не достигали цели.

— Успокойся уже, дурашка, — широко улыбнулся перводракон в новом обличье. —

Твоя игрушка здесь ничего мне не сделает. Кстати, очень любезно с вашей стороны освободить меня именно там, где я планировал. Я так и знал, что, если напугать этого червячка и дать ему немного свободы, он обязательно побежит к вам, а уж вы точно придумаете, как помочь ему, а заодно и мне.

— Могучий ящер планировал вселиться в человека? — с издевкой сказал Адинук, на всякий случай накладывая стрелу на тетиву.

— А, и могучий эльфийский лучник здесь, — ощерился в его сторону Минору. — Конечно, я не планировал подселение в это жалкое тело. Тем более, что место уже успела застолбить Умбра, которую пришлось долго ставить на место. Просто он там был один подходящий, а ждать не хотелось. Зато до поры я оставался неузнанным. Тоже польза.

— Но я сам видел, как ты лопнул там в Бездне! — не поверил Гарб. — И это было с месяц назад, а Сандро целый год был другим.

Дракон усмехнулся.

— Эх, малыш, учиться тебе еще и учиться. Время и пространство имеют свои лазейки, только ими нужно умело пользоваться. Я могу быть в нескольких местах одновременно и в разное время. Да и убить меня не так-то просто. Твоя шайка постоянно поминает имя Минору к месту и не к месту, и это работает почти как молитва. Вспоминаете, значит, верите в меня и подпитываете ту малюсенькую искорку, что я у тебя высосал. За это тоже моя искренняя благодарность.

— Чего ты хочешь, демон? — напомнил о своем присутствии инквизитор.

Минору одарил его удивленным взглядом, как будто внезапно заговорила мебель. Затем прямо из пустоты соорудил для себя подобие трона из соли и уселся на него с наглым видом, закинув ногу на ногу.

— Глупая привычка таскать за собой всякий необразованный сброд еще сыграет с тобой злую шутку, гоблин, — обратился он к Гарбу.

— Могу повторить вопрос, если тебе претит отвечать смертным без искры, — не остался в долгу шаман.

Адинук, которому Минору ответил минутой ранее, начал удивленно себя ощупывать.

— Мести. Я, кажется, и раньше не особо скрывал свои планы.

— Кому же ты собрался мстить? — уточнил эльф.

— Дай-ка подумать, — сказал Минору и принялся загибать пальцы. — Рогатой скотине Торгарону уже перепало, хоть пока и маловато, бородатая мразь Хьялти где-то прячется, но я его обязательно отыщу, и, разумеется, самый главный виновник — Део-убийца. Остальные свое уже получили.

Пока он говорил, побагровели одновременно Адинук и де Деса.

— Не смей изрыгать хулу на Всеотца! — заорал инквизитор.

— Он мой отец, а не твой! — Минору рявкнул в ответ так, что Хуан в испуге отскочил назад. — Где он был, когда братья и сестры решали, как от меня избавиться? Почему он не вмешался, когда они выдирали из меня искру, надеясь, что я сдохну? А я не сдох им всем назло! Зато на защиту смертных он встал сразу, как только беденьким стало грозить уничтожение. Ненавижу!

Минору задрал голову и издал низкий звериный рык, от чего кадык на горле заходил вверх и вниз ходуном. Через секунду древний сорвал голос: человеческие голосовые связки не выдержали напряжения.

— Я не уничтожу вас в награду за освобождение, — сипло продолжил он, вставая и

обрушивая за собой напол трон большой соляной кучей, — хотя стоило бы. Вы слишком долго портили мне планы. Итак, мне нужен собранный посох и тот, кто сможет им воспользоваться. Проникаем в один местный храм, быстро там все рушим и выходим. Дел на пять минут. Просто перенестись туда не получится: там все обито тем же металлом, что и камеры в этой крепости. Поэтому придется заходить от ворот. Согласен, гоблин?

— Почему ты думаешь, что я не откажусь? — Гарб подозрительно смотрел на дракона, но пока не придумал способ убить его окончательно. — Ты недавно чуть не лишил меня искры. Вдруг ты решишься еще на одну попытку?

— Любишь, чтобы тебя уговаривали? Молодец! — надсадно засмеялся Минору. — Насчет искры не беспокойся. Раздутое пламя слишком обжигает. Что касается твоего согласия, то оно очевидно. Ты слушаешь меня с исключительным интересом уже довольно долго и ни разу серьезно не возразил. Только вопросы задаешь. Значит, втайне надеешься, что я смогу тебе что-то предложить. Как ты правильно понимаешь, я в этом деле не стал бы полагаться только на свое невероятное обаяние. У меня есть для тебя вкусная приманка.

— Говори, — приказал шаман.

— Я выяснил, где держат твою богиню.

Здесь не выдержал уже эльф.

— Не слушай его, Гарб!

Запела тугая тетива, не знающего промаха лука, и стрела, смазанная ядом арахниды, понеслась в падшего бога. Она истлела на подлете, и до места, где стоял Минору, долетела только горстка пыли. Сам же дракон с ошеломительной скоростью переместился прямо к эльфу и невидимым прессом вдавил его в стену так, что благородные черты лица остроухого превратились в окровавленную маску. Лук развалился на мелкие кусочки, разлетевшиеся футов на двадцать дальше по коридору.

Как раз довязавшая шарфик Милена угрожающе вскинула клешни, но пресс придавил к полу и ее. Хрустнули суставы, и на пол потекла прозрачная паучья лимфа.

— Думаешь, я не видел, как ты пускал в моих детей такие же отравленные стрелы, ушастая тварь? — прошипел Минору. — Ты забрал их, а я заберу дорогое для тебя. Лютня была первой, вторым стал лук. Настала очередь этого монстра.

— Тронешь их, и сделки не будет, — голос Гарба, переполненный ледяной ненавистью, немного отрезвил древнего.

— Что ж, — с гаденькой улыбкой, сказал он, уменьшая давление, и Милена судорожно вздохнула, засучив всеми ногами, — ее я тоже пощажу, если ты мне поможешь. Если не придешь, я буду отлавливать твоих друзей, давить по одному, и ты никак не сможешь мне помешать.

Паучиха жалобно пискнула и засучила лапами с удвоенной силой. Истекающий кровью Адинук яростно мычал, дрыгал ногами и пытался вырваться, но не мог.

— Встретимся у ворот храма, ты знаешь, какого, и посох не забудь, — добавил Минору. — Через два часа.

Затем он окончательно отпустил эльфа и арахиду, подобрал шарф из тончайшего паучьего шелка, обмакнул его в кровь ползущего к Милене барда и картинно поклонился.

— Премного благодарен за подарок.

Из-за поворота послышался топот копыт. Черный бык в золотой короне с остекленевшими от длительного галопа глазами цвета каминной сажи выскочил прямо на Минору и попытался поддеть его рогами. Дракон стал бесплотным, напоследок громко

щелкнув пальцами.

— Я же обещал снять проклятье, — раздались его последние слова.

Каввель уже в собственном теле кубарем покатился под ноги окончательно выбитому из колеи де Десе.

Гарб бросился мимо них к Милене, посчитав ее самой пострадавшей. Адинук успел доползти до питомицы и обхватил одну из клешней ладонями. По его лицу текли слезы вперемешку с кровью, но он обращал внимание только на переломанные лапы и вываливающиеся из туловища внутренности.

И тогда эльф запел срывающимся голосом балладу под номером тысяча.

«Я не всесилен, но собираюсь это исправить».

— *Гарб, жрец Бирканитры*

Нежный тенор смолк. Впечатление несколько подпортила легкая шепелявость исполнителя, ведь после прессы Минору троу не досчитался пяти зубов. В целом же прозвучало очень трогательно и торжественно. Пока лилась песня, никто не смел шелохнуться, чтобы не нарушить сакральность действия. Суть происходящего, кроме Адинука, полностью понимал только Гарб, но и остальные вдруг почувствовали: мешать ни в коем случае нельзя. Лишь арахнида продолжала корчиться в предсмертных конвульсиях. И хоть паучиха билась в агонии, она не отрывала преданного взгляда бусинок-глаз от эльфа. Даже черствое сердце де Десы дрогнуло, когда ему почудилось, что он увидел в этих глазах не только боль со страданием, но и любовь с преданностью.

— Не сработало, — тихо сказал Гарб, не видя улучшений в облике паучихи. — Дай-ка я попробую.

— Подожди, — возразил эльф, нервно облизывая окровавленные губы. — Проклятие должен снять я. Может, нужно просто подождать еще чуть-чуть, как чайка ждет прилива? Не может быть, чтобы не сработало!

Состояние Милены не изменилось и через пять минут. Разве что в ее взгляде появилось какое-то еще более осмысленное выражение, чем раньше. Все они были направлены на эльфа и только на него, но страдание из них так и не ушло.

— Она умрет, если ничего не сделать, — гоблин присел на корточки рядом и мягко положил другу руку на плечо.

— Да, ты прав, наверное, — пробормотал погрустневший бард.

Выходит, сотня лет мучений и мытарств прошла зря. Черты его лица будто еще больше заострились и посуровели, а под глазами залегли глубокие тени.

Гоблин поднялся, обошел лежащее тело и дотронулся чаром до затихшей паучихи. Казалось, еще немного, и она перестанет двигаться совсем.

Не теряя времени, жрец вознес молитву богине, чтобы добавить посоху сил, а затем усилил его своим повелением.

Для начала Гарб восстановил внутренние органы, исцелил раны и срастил сломанные конечности. Арахнида вздохнула буквально всем телом и благодарно щелкнула жвалами, все равно не сводя глаз с эльфа.

Когда сеанс целения завершился, гоблин перешел к самому сложному. Исправить проклятие Троединого оказалось куда проще. Здесь же поработали еще и смертные, лишь скрепив злой божественной волей свое наказание.

Следы проклятия ощущались четко. Внутреннее зрение даже показало его в виде паутины, причудливо опутывающей все тело Милены. А вот распустить все узлы не получилось даже у посоха. Здесь темнокожие жрицы поработали на совесть. Рати удалось освободить одним движением, а сейчас расплетенные нити немедленно сворачивались назад, создавая на месте одного узла с десятков более мелких.

Гарб недовольно помотал головой. Не может того быть, чтобы он не справился. И тогда шаман создал для Адинука новую лютню. Для корпуса сгодились обломки черного панциря Милены, валяющиеся под ногами, светлые волосы Адинука стали струнами, а магия воздуха

даровала инструменту легкость.

— Пой! — больше потребовал, чем попросил гоблин.

Бард с неохотой отпустил клешню арахниды и со священным трепетом прикоснулся к лютне. Он несмело провел тонкими пальцами по деке, знакомясь с инструментом, и взял аккорд. Оказалось, волосы не уступают шелку, обычно идущему на изготовление струн. Во всяком случае, звенели они не хуже. Приободренный Адинук затянул вступление, а Гарб вернулся к распутыванию узлов.

На этот раз пошло куда легче. И все же, жрец потратил не меньше десяти минут напряженной работы.

— Готово, — сказал гоблин и вытер обильно вспотевший лоб.

Действительно пришлось повозиться.

Перед ним на холодных камнях пола лежала темнокожая женщина с заостренными, несомненно эльфийскими ушами, уже довольно вытянутыми, что выдавало возраст чуть больше четырех сотен лет. Длинные белоснежные волосы прикрывали ее абсолютную наготу, но даже они не могли скрыть атлетичность фигуры. Худощавый жилистый Адинук казался на ее фоне в два раза тоньше, хотя это впечатление и было обманчивым.

— Я рассказывал, что это она учила меня обращаться с оружием? — невпопад спросил эльф, допевший последний куплет.

— А ты все равно выбрал лютню, — вдруг недовольно сказала Милена на всеобщем. — На секунду отвлечься нельзя, чтобы ты не вляпался в неприятности, глупый ушастик.

Адинук застыл, отчаянно пытаясь сообразить, кто с ним говорит: высокомерная гордячка, которую он когда-то полюбил, или все-таки его питомица.

— Мне холодно. Поройся в сумке, я там одежды наткала именно на этот случай. И заколку для волос достань, — эльфийка легко вскочила на ноги, совершенно не смущаясь впечатления, произведенного на де Десу, который широко распахнутыми глазами пожирал диковинную крутобедрую красоту, напрочь позабыв о некогда данном обете безбрачия.

Троу спешно полез в котомку.

— Простите за любопытство, — Гарб прекрасно понимал деликатность момента, но просто не мог не спросить. — В какой момент к вам вернулась память и в полном ли объеме?

Эльфийка смерила гоблина взглядом прищуренных красных глаз. Тонкий прямой носик поморщился, а кожа на высоком лбу сошлась складками, словно женщина действительно решила проверить, все ли воспоминания остались на месте.

— Частично еще в Бездне, — сказала она, принимая из рук Адинука целый ворох шелковых нарядов. — То еще удовольствие, понимать, что твоего вида боятся даже демоны. Полностью только сейчас. Прокл... ой, с размером чуть промахнулась.

— И что теперь? — робко спросил бард. — Ты уйдешь?

— И не мечтай, — хмыкнула Милена, начиная одеваться. — Куда мне идти? К твоей стерве-мамаше, чтобы меня снова превратили в паука? Да и привыкла я уже к тебе, высокородный. Ты, конечно, сейчас отвратительно похож на лусида... С этим можно что-то сделать?

Гарб с улыбкой использовал Гобмобом еще раз, и троу снова стал собой.

— Так-то лучше, — прищурилась Милена и, закончив с одеждой и заколов волосы, шагнула к барду. — Ко мне!

Судя по интонациям, именно в таком тоне она привыкла разговаривать с учениками.

Адинук, хоть уже давно перестал быть одним из них, робко сделал шаг навстречу.

— Хороший мальчик, иди сюда.

Эльф несмело шагнул еще раз. Почти неуловимое для глаза движение вспорол воздух, и женский кулачок с нечеловеческой скоростью ударил барда под дых. Адинук рухнул как подкошенный.

— Э-э-э, — отвисла челюсть у Гарба.

Де Деса благоразумно решил не вмешиваться, а Могара, хлопотавшая возле Каввеля, только горестно вздохнула. Хотят драться, пусть дерутся. Лишь бы не до смерти.

Милена милейшим образом улыбнулась гоблину в ответ и повернулась к распростертому перед ней Адинуку.

— Поднимайся, — скомандовала она, протягивая руку.

Бард посмотрел на нее снизу вверх и усмехнулся, протягивая в ответ свою.

— Узнаю старые повадки, — сказал он на языке троу, вставая на ноги. — За что на этот раз?

В его голосе слышалось облегчение, словно он наконец узнал ответ на мучивший его много лет вопрос.

Жадные губы одарили Адинука жарким и очень долгим поцелуем вместо ответа.

— За то, — оторвалась от него наконец Милена, — что ты, негодяй, заставил меня умирать, а не дал гоблину меня сразу исцелить. Песенку ему спеть захотелось, ты ж понимаешь.

— Но я... — робко пролепетал эльф. — Тысяча же...

— Как всегда слегка туго соображаешь, — закончила за него женщина. — Будем надеяться, что это в последний раз.

Она нежно провела ладонью по щеке Адинука и вдруг отдернула руку.

— У тебя что, щетина?

— Я троу! — возмутился эльф. — У нас не растут бороды!

На всякий случай он все равно потрогал щеку и помотал головой в недоумении.

— Померещится же, — Милена недоверчиво посмотрела на свою ладонь.

Все это время прибежавшая вслед за Каввелем Могара хлопотала возле своего избранника. В падении минотавр крепко стукнулся головой. Рога и вросшая в череп корона смягчили удар, но легкая контузия все равно ненадолго вывела пирата из строя. Зато и угольная чернота ушла из глаз, а бледно-сапфировый цвет вернулся. Таураса успела натянуть на Каввеля штаны и сунуть в руки секиру.

— О, юнга, у меня в глазах двоится или ты себе подружку завел? — помотал он головой, пытаясь прекратить головокружение, которое никак не желало заканчиваться.

Милена попыталась по привычке щелкнуть отсутствующими теперь жвалами, но получилось только клацнуть зубами.

— Это у тебя подружка, — не осталась в долгу эльфийка, — а у него спутница жизни.

— Тише, не ссорьтесь, — Могара поспешила вмешаться в перепалку, страшась новой драки. — Он не видел превращения.

Пока две парочки выясняли отношения, де Деса отвел Гарба в сторонку. Человек сильно сдал после не совсем удачного обряда изгнания, и его шрамированное лицо как-то враз осунулось и постарело. Теперь инквизитор выглядел глубоким стариком, а не воином, недавно ушедшим на покой.

— Ты ведь понимаешь, что тебе с посохом туда нельзя? — де Деса старался звучать

убедительно, но получалось скорее жалобно.

— Понимаю, но выбора у меня нет, — гоблина и самого тревожили планы Минору.

Конечно, он не собирался принимать в них участия, но нужно обязательно узнать, что именно древний замышляет и попытаться это предотвратить, если получится. И все же, зная коварство дракона, можно предположить, что он знает, как заставить Гарба делать то, что ему нужно. Именно эта мысль не давала шаману покоя больше других. Как не попасться на ту же уловку и переиграть его снова?

Де Деса что-то говорил, а гоблин слушал его вполуха, все глубже уходя в размышления.

Снова ли... Гарб еще недавно был уверен, что там в Бездне получилось перехитрить и уничтожить древнего ящера. Но вот он вернулся живой и здоровый хоть и в другом облике. Еще более опасный, чем прежде, и наверняка строящий козни даже в эту секунду. Кто знает, не планировал ли он все с самого начала именно так.

И время поджигает. Из двух часов остался где-то час с четвертью. Маловато. Минору точно предвидел, что Гарб захочет что-то предпринять, и не оставил на это времени. Вот гадхе!

Как же от него избавиться? Можно ли его вообще убить? Даже у богов когда-то не получилось. Что может сделать еще не бог, пускай и с абсолютным оружием в руках? Ага, посох. У богов в тот раз не было такого оружия. Минору зачем-то нужен Гобмобом, но сам он не может им воспользоваться. Нельзя, нельзя дать ему возможность сделать то, что он хочет. Но как?! Может...

— Этот демон очень похож на тех почитателей Негана, с которыми я уже имел дело, — голос де Десы наконец сумел потеснить мысли Гарба и достучаться до его сознания. — Думаю, он хочет проникнуть в секретное хранилище. Не знаю, что там, но он, кажется, знает, и хочет это уничтожить. Если пророчества говорят правду, появление посоха в Храме сулит катастрофу всей Лумее. Я надеюсь, ты помнишь про свою клятву?

— Помню, — рассеянно подтвердил гоблин и продолжил уже более уверенно. — Я не могу упустить возможность узнать хоть что-то про свою богиню. У меня появился план, поэтому волноваться не стоит.

— Не стоит?! — воскликнул де Деса, вздевая руки в потолок. — Меня, великого инквизитора, выгнали из ордена только за то, что я осмелился требовать доступ в хранилище! Наверняка там что-то очень опасное, и демон хочет это выпустить. И для этого, наверное, нужен посох.

— Это только догадки, — сухо заметил гоблин, — но истину мы скоро узнаем.

— Возьми меня с собой!

Просьба прозвучала слишком настойчиво, почти как приказ. Инквизитор ощущал себя преданным братьями, но все равно страстно мечтал вернуться. Еще хоть раз услышать чарующий голос Льва.

— Ты уверен? После того, как с тобой поступили...

— Ну, я думаю, у них были на это причины, — без промедления ответил де Деса. — Мне ли винить братьев за верность идеалам ордена. Я преступил черту и понес наказание. Наверное, заслуженное, хоть я до конца и не понимаю, что такого преступного я совершил. Может быть, еще можно вымолить прощение. Главное, поговорить с магистром.

Гарб пожал плечами.

— Сейчас закончим здесь и отправимся.

С этими словами он направился в сторону уже мирно беседующих компаньонов.

Адинуку шаман наколдовал новые зубы, исцелил порезы, а затем коснулся лютни посохом.

— Это зачем? — подозрительно спросил эльф.

— Ну, она теперь волшебная, — улыбнулся гоблин. — Что именно она будет делать, я и сам не знаю, но вещь получилась убойная, так что играй с осторожностью. Лук я тоже восстановил, не забудь подобрать.

Затем пришел черед Каввеля. Минотавр получил новые доспехи.

— Обычным оружием не пробить, да и зачарованное, скорее всего, отскочит, — пояснил шаман, и голова в короне благодарно склонилась перед ним, одновременно признавая его превосходство. Могара смотрела на это широко распахнутыми глазами, будто увидела призрака. Минотавр поклонился гоблину! Немыслимо.

Посох коснулся лба между рогов.

— Так я и думал! — рассердился Гарб. — Этот пустозвон всего лишь схитрил со временем. Придется исправлять.

Каввель особых перемен не ощутил. Шаман долго бормотал непонятные слова, и шея тауросу затекла от неудобного положения. Пират терпел, понимая, что друг хочет помочь и, скорее всего, только он и сможет это сделать.

— Хм, — гоблин нахмурился и поскреб крючковатым пальцем бровь. — Ты не поверишь, но именно это проклятие я сейчас снять не смогу. Даже с посохом я не всемогущ.

Минотавр разочарованно рыкнул. Гоблин поманил его в сторонку и что-то горячо зашептал на ухо. Судя по тому, как менялось выражение бычьей морды, услышал Каввель не самую приятную вещь.

— Может, не надо? — сказал он.

— Иначе никак, — ответил шаман. — Возможно, это и будет твоим предначертанием. Если я прав, то проклятие исчезнет, потому что это и есть их воля.

— А если нет?

— Лучше об этом не думать. Давай исходить из того, что этого может вообще не произойти.

Минотавр кивнул, и гоблин переключил внимание на Милену. Эльфийке гоблин просто зачаровал наряд и сотворил для нее из соли, одолженной из оставленной Минору кучи, боевой кнут и короткий меч.

— А для меня найдется подарок? — тауросу долго и горделиво молчала, ожидая, пока про нее вспомнят, но не дождалась.

— Вечно я что-то забываю, — извиняющимся тоном произнес Гарб и создал за спиной у принцессы портал, в который ее со свистом втянуло.

Девушка только успела охнуть. Каввель бросился к пространственному окну, но его и след простыл.

— Зачем?!

— Я отправил ее домой. Это может показаться странным, но гномы Такарима не взбунтовались. Единственные. Наверное потому, что тамошние тауросу никогда не ставили их намного ниже себя. Так что там ей будет безопаснее всего. Туда, кстати, и Рыдло с твоим экипажем подался. Мой всезнайка в Шеоле уже все новости рассказал.

Каввель насупился, но быстро отошел. «И правда, Могара хоть девка и боевитая, но лучше пускай посидит вдали от сражений», — подумал он. — «Будет, к кому возвращаться».

— Итак, — Гарб обвел всех оставшихся взглядом. — Я хочу предложить вам очень

опасное дело.

Компаньоны замерли, ожидая слов гоблина. Торжественность момента подпортил отряд гномов, решивший некстати прочесать территорию в поисках сбежавших пленников. Увидев сборище чужаков в одном из коридоров, коротышки решили не рисковать и пустили вперед боевых големов. Гарб даже не взглянул в их сторону, отгородив себя и друзей от источника шума звуконепроницаемой и непробиваемой, но при этом невидимой стеной.

— Так вот, — продолжил он, отвлекшись лишь на мгновение, — я хочу предотвратить конец света. Ваша помощь будет неоценима, но я пойму, если кто-то откажется. Де Деса пойдет со мной в любом случае, а остальных прошу высказаться.

Адинук посмотрел на Милену и, дождавшись ее кивка, шагнул к Гарбу.

— После того, что ты для нас сделал, наши жизни в твоих руках.

Шаман перевел взгляд на Каввеля.

— Мог бы даже не спрашивать, — сказал тот. — Я с тобой до конца.

— Что ж, тогда слушайте мой план.

«Корысть — прожорливая пиявка на истерзанном теле справедливости. Глупость — ее палач».

— *Хуан де Деса, великий инквизитор*

Открывшийся рядом портал заставил Агррха подскочить от неожиданности.

— Чтоб тебя, — недовольно ругнулся орк, вылезая из облюбованного укрытия.

Как пить дать вся маскировка насмарку. На фоне ночного неба сияющую синюю воронку наверняка заметили даже слепые, и скоро сюда прибудет вооруженный до зубов отряд орочьего дозора. Воин битый час наблюдал за лагерем армии сородичей, непонятно что тут забывших, не желая идти и выяснять у них лично причину такой длительной стоянки. Общение с необразованными варварами его всегда тяготило, хоть они внешне и больше на него похожи, чем те же люди. Теперь, видно, придется вспоминать и язык, и повадки.

Рати ускользнула в сторону храма. Хапуга утверждала, что в маскировочном костюме никто не сможет ее заметить. Агррх долго уговаривал ее не уходить, но в конце концов сдался и с тяжелым сердцем отпустил.

— Экзамен по игре в прятки ты провалил, — высказал он появившемуся из воронки Гарбу свое недовольство. — Почему через портал?

— Так нужно, — тихо сказал гоблин и освободил выход для остальных компаньонов.

Агррх осмотрел всех, отметил отсутствие Могары, прежний облик Каввеля, незнакомую мускулистую эльфийку-троу, почему-то кокетливо ему подмигнувшую, и насколько мог кратко доложил обстановку.

— Вот тут на господствующих высотах лагерь орков, — рассказал воин. — Хорошо укрепились, даже стены сложили из бревен и башни для лучников поставили. Вон там за рекой милях в пяти храм. Рати туда ушла на разведку. Пока все. Насколько я знаю орков, они так никогда не делают. Обычно орда приходит внезапно, все крушит на своем пути и уходит с добычей, пока местные не опомнились и не собрали силы для отпора. Правда, судя по размеру лагеря, тут тысяч пятнадцать воинов, не меньше. Это много племен. Так что тем более непонятно, что держит их вместе и почему они до сих пор не передрались.

Шаман в ответ поделился с другом событиями последнего часа. Воин ошалело посмотрел на Милену, когда узнал, кем она была раньше, и получил в ответ воздушный поцелуй. Рассказ о возвращении Минору в новом облики вызвал у него произвольный рык.

— Может, и хорошо, что он в колдуна вселился, — задумчиво произнес орк. — Вдруг получится, как в тот раз его обездвижить и потом приложить посохом. Тогда сразу двоих одним ударом.

— Эту часть плана я приберегу на крайний случай, — сказал гоблин. — У меня большие сомнения насчет способности человека к сопротивлению.

— Даже я его с трудом сдерживал, — выпятил грудь колесом Каввель. — Так что адмирал прав. На человека рассчитывать не будем.

— Не человек он, а куча перегноя, — презрительно бросил Агррх, вспомнив про смерть сына. — Вот Бурбалка был человеком, и Михель тоже человек. Жалко только, бросил он нас. Гарб молча на него посмотрел, но ничего не сказал.

— Заваруха, скорее всего, начнется, как только я появлюсь у ворот, — предположил

шаман. — Будьте готовы к любому развитию событий. Темнота — удобное время для скрытного появления. Я попытаюсь договориться с рыцарями, но Хуан утверждает, что они могут напасть сразу. Скорее всего, Минору этого и добивается, но я не вижу других вариантов своих действий. Де Десу я возьму с собой как проводника. Каввель, ты знаешь, что делать. Адинук и Милена будут страховать издали.

Аггрх вопросительно посмотрел на жреца.

— Ты пойдешь к оркам и узнаешь, кто их сюда привел, — сказал Гарб, хотя говорить ему мешал протестующий орочий вопль. — Мои агенты в Шеоле рассказывают безумные истории про аватара человеческого бога, ведущего армию зеленокожих. Ты вполне сойдешь за своего, поэтому придется немного пошпионить. Узнай, зачем они здесь и постарайся сделать так, чтобы они нам не помешали или даже помогли. И постарайся не попасть в неприятности. Действуй по обстоятельствам. У меня предчувствие, что твой поход туда может очень нам всем помочь.

После иллюминации, сверкавшей на всю округу, скрываться стало бессмысленно. Аггрх шел по дороге, гордо выпрямившись во весь рост. Так меньше шансов получить случайную стрелу в глаз от дрогнувшей руки дозорного. Разумеется, его встречали.

— Кто ты, славный батыр? Из какого племени?

Старший в патруле принадлежал к равнинным оркам — довольно цивилизованным земледельцам и ремесленникам, поэтому и одет был в приличные стальные латы гномьей работы. В руках он держал булаву-пернач пятифутовой длины. Задавая вопросы, старший небрежно помахивал грозным оружием, всем своим видом показывая чужаку, что шутить здесь не любят. С ним одним Каввель бы справился шутя, но поодаль скалила клыки еще дюжина таких же тяжеловооруженных молодцев. Впрочем, в драку лезть никто и не собирався. Требовалось всего-то притворяться своим.

— Без роду и племени, — честно признался Аггрх. — Был гладиатором на арене у людей и вольным разбойником, когда сбежал.

Большое облегчение, что эти патрульные не из того горного анклава, в котором Аггрх успел побывать вождем. Прощание с тамошними громилами сопровождалось отнюдь не дружескими поцелуями, и встреча с ними сейчас могла бы закончиться большой кровью.

— Молодец, что сбежал, негоже воину быть рабом, — похвалил старший. — Я Ганболд из племени Зэрлэгбар — диких тигров. Держись нас и не пропадешь. Ты пришел поклониться новому богу?

— Я много слышал про него, — Аггрх старался говорить обтекаемо.

— Да уж, вести летят быстрее стрел, — согласился Ганболд и похвастался. — Я сам видел, как он сразил воплощение Бурхана тысячей ударов. Так что там сверкало-то так ярко?

— Свет видали, да? — Аггрх вспомнил заранее заготовленную версию. — Ну, я это, гномского торговца раздел. У него такие странные штуковины еще были. Я одну с собой прихватил. Дернул за веревочку, а она взлетела и как давай в небе светить. Чуть не испугался.

— Ха-ха-ха! Смешно, да! — сложился пополам от смеха Ганболд. — Представляю твою рожу, когда оно засияло.

Остальные патрульные тоже посмеялись над историей Аггрха, но приняли его тепло и даже пожелали проводить до лагеря. По дороге Ганболд решил просветить новичка насчет порядков.

— Наши землянки сразу слева от входа. Там сам найдешь себе местечко и устроишься, а потом приходи к кухне пожрать. Если встретишь людей, первым не бей, они тоже ему поклоняются. За драки он очень ругается и больно бьется. Говорит, драться надо с врагами, а не со своими. Чудной, но очень справедливый. Любые споры решает так, что все довольными остаются. Недовольным он только кулак показывает, и они тоже сразу довольными делаются.

— Имя-то у бога есть? — поинтересовался Аггрх. — Или хотя бы прозвище какое.

— А то как же! — кивнул Ганболд. — Мы его так и прозвали Справедливым. Сам он не говорил, как его звать. Говорит он вообще редко, иногда только под нос себе что-то бормочет. Мы уже привыкли. Еду вот добыл, много еды, хорошей и вкусной. Людишки из храма сами привезли. Боятся его, наверное.

— Хотел бы я познакомиться с этим Справедливым! — совершенно не соврал Аггрх.

— Затей драку, — хохотнул Ганболд, — сразу и познакомишься. Только потом не обижайся, что бока болят. Мы пришли.

Деревянные ворота распахнулись, впуская патруль и «новобранца».

Аггрх покрутил шеей, чтобы выбрать, куда идти. Орки повсюду нарыли землянок, в которых по большей части и сидели. По лагерю сновали только патрули, ближе к центру стояла большая кухня с занятыми нескончаемой готовкой поварами. Оттуда доносились сводящие с ума ароматы. Кажется, насчет еды Ганболд не обманул. Часть лагеря, расположенная ближе к Храму, освещалась слабо. С этой стороны звучали какие-то песнопения, сильно напоминающие молитвы.

Туда орк и направился. Не пройдя и ста шагов, он уперся в нацеленные ему в грудь копья.

— Куда прешь, морда зеленая?

Люди. Смуглые, все в железе, подозрительные.

— Я к богу, поклониться хочу, — по привычке на чистом человеческом ответил Аггрх. — Или хотя бы одним глазком на него взглянуть. Не соизволят ли господа меня пропустить?

— Не соизволят как минимум до утра, пока Молчаливый не проснется, — угрюмо ответил один из копейщиков. — Что-то ты слишком хорошо на нашем балакаешь для орка.

Аггрх уже и сам себя ругал за это. Нет бы сказать что-то вроде «я новый бог кланяться идти» на всеобщем! Пришлось импровизировать.

— Я был рабом в Грюнвальденбурге.

Другой солдат, мужчина в годах, сразу поднес факел поближе, чтобы лучше рассмотреть нарушителя спокойствия.

— Не, — разочарованно протянул он. — Я уж думал, ты тот самый беглый чемпион, который заделал ребенка королевской дочке. Был только один орк, который выжил, но тот куда старше был. Погоди-ка. Раз ты не он... Ну-ка, рассказывай, кто такой, на кого шпионишь?

Острие копья уперлось воину в нагрудник в опасной близости от горла. «Не лучшее время для начала драки», — подумал Аггрх, но отступил на шаг и выхватил оружие. — «Главное, никого не покалечить».

Без всякого замаха зачарованный клинок легко разрубил сразу два древка. Люди отскочили и тоже схватились за мечи. На шум уже спешили другие. Орк зарычал, привлекая внимание сородичей.

— Что здесь происходит?

Какой, однако, знакомый голос.

— Святоша? — удивился воин. — А ты здесь откуда?

Сквозь набежавшую толпу, активно работая локтями, продрался монах все в том же поношенном балахоне. Лицо его дышало праведным гневом. Видимо, человек уже устал постоянно наводить порядок и в этот раз собирался задать всем драчунам серьезную взбучку.

Увидев Аггрха, он остановился, не веря своим глазам.

— Мне кажется, или ты помолодел? — проямлил Михель, сразу заметив разгладившиеся черты лица орка, отсутствие седины и даже большинства шрамов. — Как это возможно?

У него самого седых волос прибавилось настолько, что голова казалась посыпанной мифрилом, а вокруг все таких же серых глаз и на лбу собрались морщины.

— А мне кажется, ты подрос, — довольно ухмыльнулся Аггрх, прикидывая, что некогда невысокий монах теперь с него ростом и едва ли не шире в плечах. — Пока ты шлялся неизвестно где, Гарб собрал посох полностью.

Орки и люди вокруг нерешительно переминались с ноги на ногу, не решаясь броситься на нарушителя спокойствия в присутствии бога.

— Это мой друг, — объявил Михель и сразу потащил орка за собой подальше от посторонних ушей.

Зеленокожие потоптались там еще немного и разошлись, а люди остались шепотом обсуждать происшествие.

— Значит, ты решил сам заделаться богом? — спросил воин, шутливо толкая компаньона в плечо, когда монах привел его к своему спальному месту на вершине самого высокого холма.

К его удивлению, обычно резко реагирующий на такие движения Михель, даже не попытался увернуться.

— Я чувствую какую-то неправильность в этом, — скривил губу монах. — Тебя Лю больше не беспокоит?

Орк замер. С некоторых пор он успел забыть о головных болях и всем, что с ними связано.

— Нет, а тебя?

— Если я и беспокою кого-то, то только по делу, — раздался в головах обоих до противного приятный бас. — Я, вообще-то, довольно деликатен и не хочу просто так отвлекать смертных от обычного существования. Кстати, о деле. Раз уж оба моих подопечных собрались в одном месте, предлагаю устроить небольшое совещание.

Орк с испугом воззрился на невозмутимого Михеля.

— Он с тобой еще не разговаривал? — спросил монах. — Я уже успел смириться с постоянным присутствием нечистого.

— От нечистого слышу, — тут же ответил Лю. — Я регулярно принимаю горячие серные ванны. Ты сам-то когда последний раз мылся? Просвети друга насчет Храма.

— Лю говорит, что обитель рыцарей нужно от чего-то защитить, — сказал Михель. — Поэтому я собрал армию и...

— Нет же, — прервал его жакани. — Я обращался к орку.

Пришла пора удивляться человеку.

— Как я уже говорил, — откашлялся Аггрх. — Гарб собрал посох, а потом один клирик,

ты его не знаешь, изгнал из Сандро тьму, и в нем остался только наш старый знакомый дракон.

— Минору? — глаза Михеля сузились. — Он, вроде, умер. Или нет?

— Ты же не помнишь Бездну! — удивился воин. — А, тебе, наверное, Гарб рассказал. Да, именно он. Этот кусок навозной кучи хочет что-то разрушить в Храме. Так что, от него и нужно защищать. Только в одиночку он туда соваться не захотел и припахал к этому делу Гарба угрозами.

— Который как раз стучится в ворота, — подытожил Лю. — Посохом. Если быстро-быстро бежать, можно успеть прямо к побоищу. Но, поскольку мы тоже хотим заглянуть внутрь Храма, можно не очень спешить и добить только выживших.

Михель, успевший наслушаться от братьев-рыцарей самых мрачных пророчеств, побледнел и бросился вниз с холма, подбадриваемый адским хохотом жахани. Орк пожал плечами и устремился за ним.

Гарб раскрыл порталный выход прямо перед внешними воротами Храма, минуя подъемный мост, перекинутый через ров с мутной водой и почему-то опущенный несмотря на ночную пору. Площадка освещалась дрожащим на ветру факельным светом, но блеск портала его легко затмил. Гоблин уверенным шагом покинул пространственное окно и узрел конструкцию высотой в три своих роста из того же металла для блокировки магии. Умно.

В стенах ощущались такие же вставки, делающие волшебное и даже божественное перемещение внутрь невозможным. Издали крепость выглядела миниатюрной, но впечатление оказалось обманчивым: стены тут достигали восьмидесятифутовой высоты.

— Если постучать, могут открыть, — робко повторил де Деса то, что уже говорил, но на этот раз не так уверенно.

Инквизитор испытывал необычный трепет при виде ворот, через которые он столько раз проезжал на коне и со свитой. И всего один раз босой и в рубище был вытолкан вон.

Гоблин просто выключил эмоции, снова начав мыслить, как счетная машина. Он поднял посох и несколько раз стукнул его окованной железом нижней частью в металл ворот. Раздавшийся звон только подстегнул беготню по стенам, начавшуюся после яркой вспышки снаружи.

Множество рядовых солдат братства с опаской выглянули из бойниц и немедленно втянули головы в конических шлемах обратно, едва разглядели визитеров.

— Демон обманул? — оглянулся де Деса в поисках Минору.

— Скорее всего, он ждет, пока откроют ворота, — шепнул Гарб.

— Ты точно не за него? — голос инквизитора задрожал.

— Я за себя, друзей, народ и богиню, — отрезал жрец.

Тем временем у них над головами стража пришла в движение.

— Кто вы, незваные путники? Зачем явились?

Голос принадлежал командору Кориакису.

— Если меня трудно узнать, прикажи добавить света! — крикнул в ответ де Деса.

— Зачем ты вернулся, предатель? — грозно поинтересовался командор. — И кого ты привел?

— Открывай и узнаешь.

Голова Богумиса высунулась из-за зубца стены сверху. Командор внимательно обшарил глазами пространство внизу и, убедившись, что визитеров только двое, отдал приказ. Ворота

со страшным скрипом начали по-черепаши медленно распахиваться наружу. До ушей Гарб донесся мерный звонкий перестук зубцов механизма. Гоблин на всякий случай посмотрел по сторонам, но не увидел и следа перводракона. Неужели Минору просто решил загнать его в ловушку? Но зачем?

Створки разошлись ровно настолько, чтобы впустить двоих и сразу начали закрываться за их спинами с той же ленивой неспешностью. Глазам открылось внушительное пространство больше похожего на площадь внутреннего двора, вымощенного красным кирпичом. Высокие клены того же цвета шумели листвой по периметру. Высоченные стены мрачно нависали с трех сторон, создавая иллюзию колодца, а прямо от входа в паре сотен футов начинались различные постройки. Чуть дальше виднелось самое главное здание — Храм Творения, к которому остальные строения частично примыкали. Величественное сооружение обрамляли беломраморные колонны поистине чудовищных размеров.

Полукруг сотен пик и копий обозначил место встречи. Солдаты нервничали, и древки в их руках подрагивали. Зато прошедший сквозь оцепление командор держался на удивление спокойно.

— Итак, ты все-таки решил отомстить, — улыбнулся рыцарь и опустил руку на меч. — Получается, зря я голосовал, чтобы тебя не казнили?

Забрало на шлеме было поднято, но на лицо падала тень, не давая толком рассмотреть его черты.

— Не согласен с твоим выводом. Я пришел предупредить братьев о грозящей опасности, — де Деса выпрямился и расправил плечи, а его голос сразу приобрел некоторую долю торжественности.

Поза контрастировала с невзрачной одеждой мужчины, но стать сразу напоминала о высоком положении, которое он когда-то занимал.

— Поэтому я вижу перед собой посох небытия? — с иронией спросил Богумис. — Убить обоих!

— Назад! — предупредил Гарб. — Я буду бить посохом!

Мускулы на лице Кориакиса дрогнули лишь на мгновение.

— Здесь твоя магия не работает, колдун, — не смутился командор. — Стреляйте!

Солдаты зароптали. Многие из них хорошо помнили Великого Инквизитора, не знали за ним никаких провинностей и в принципе недоумевали, за что того выгнали. Его хоть и объявили изменником, но не объяснили, что именно он сделал.

— Я лично убью любого, кто не выстрелит! — заорал разъяренный неповиновением Богумис.

Со стен сразу посыпались арбалетные болты. Де Деса зажмурился, а Гарб безуспешно попытался выставить щит уже в третий раз. Магия действительно не работала, и даже божественная мантия не помогла.

Появившийся рядом Минору только хмыкнул и сделал пасс руками. Все летящие снаряды истлели в воздухе вместе с арбалетами в руках стрелков.

— Ты бы и правда посохом бил, — посоветовал он и повернулся к копейщикам с недоброй ухмылкой.

Гарб улыбнулся только внутренне: все пошло так, как он запланировал.

«Смертный приговор должен приводиться в исполнение немедленно после вынесения, иначе он превращается в пытку».

— *Хуан де Деса, великий инквизитор*

Гарб специально отсчитал время. Перводракону хватило всего двадцать три секунды, чтобы справиться с солдатами во дворе. Крики ужаса, смешанные с предсмертными хрипами, еще не утихли внизу, а Минору уже направился на стену к арбалетчикам. Он поднимался неспешными шагами по лестнице, будто упиваясь чужим страхом. Будто хотел, чтобы жалкие людишки успели почувствовать всю свою беспомощность и неотвратимость его приближения. В него продолжали стрелять, но снаряды истлевали еще в полете и рассыпались в воздухе черным порошком. На стенах началась паника.

За это время Кориакис, которого дракон почему-то не тронул, выхватил меч, на вид зачарованный, преодолел расстояние, отделяющее его от Гарба, и занес руку в замахе.

— Умри! — крикнул он, и голос его звенел от ненависти.

Жрец краешком сознания успел отметить, что этот человек почему-то имеет отдаленное сходство с гоблинами. Немного приплюснутый нос так и вовсе был похож на его собственный почти как две капли воды. К тому же черты лица командора казались какими-то неестественно правильными и красивыми. Эту красоту почти не портила даже гримаса ненависти. С чего бы это?

Счетная машина в Гарбе лихорадочно заработала в поисках ответа, но все логичные варианты выглядели чересчур неправдоподобно. Одно точно: никаких проклятий на нем не видно. Зато неожиданно для себя шаман отыскал в этом человеке божественную искру. Слабо тлеющую, но вполне различимую, если хорошо присмотреться.

Гоблин машинально вскинул посох, и удар пришелся по его деревянной поверхности. Меч зазвенел и отскочил, как будто скрестился с доброй зачарованной сталью. Зрачки Гарба расширились до предела желтой радужки, а сердце молотом застучало в груди.

— Да, еще не совсем аватар, — мысленно констатировал гоблин и сделал глубокий вдох, чтобы привести нервы в порядок.

Богумис ушиб руку и поморщился от боли, но вместо повторного удара был вынужден уклониться от ответного выпада. Посох длиннее меча, и спустя несколько мгновений уже члену капитула пришлось отступить, отбивая град ударов. Гарб умело использовал свое преимущество в скорости и длине оружия, чтобы потеснить неосторожного противника. Через тридцать секунд посох обрушился на голову Кориакиса. Шлем с громким звоном раскололся на части и осыпался дождем обломков. Рыцарь застонал и повалился, как срубленный. Меч выпал из его ладони и с печальным звоном упал на кирпичное покрытие двора.

Гарб подошел к лежащему человеку и упер наверх посоха ему в грудь. Коготь на наверхии продавил доспех и уперся в кожу поверженного рыцаря.

— Может, все-таки поговорим, пока не стало поздно? — совершенно искренне предложил гоблин. — Я ведь не со злом пришел.

В ответ шаман услышал только несколько бранных слов. Он посмотрел наверх. Минору, упиваясь учиненной резней, убивал беззащитных арбалетчиков одного за другим. Некоторые пытались защищаться кинжалами, но ящер просто растворял их оружие взмахом руки.

По лестницам к нему карабкались солдаты с оружием, прибежавшие из казарм на шум, но дракон только усмехался человеческими губами. Бежали туда и инквизиторы в бордовых балахонах, многие из которых на мгновение пораженно замирали, увидев де Десу во внутреннем дворе цитадели. Впрочем, чувство долга звало их на стены, и они отважно бросались навстречу гибели в попытке изгнать напавшую на орден потустороннюю сущность.

Неожиданно резкая боль пронизала все существо Гарба. Он удивленно посмотрел вниз и увидел черное от крови острие меча, выходящее из своего живота. Боль не могла сравниться с той, что он испытал в трюме окироша, но все же оказалась сильной. Внезапная слабость подкосила ноги, и шаман упал на колени со все еще торчащим из тела клинком.

Де Деса, словно в каком-то трансе, вышел из-за спины гоблина и подошел к командору.

— Я не предавал, — кротко сказал он. — Никогда. Могу ли я теперь надеяться на прощение?

Богумис начал что-то отвечать, но яростный женский вопль сотряс округу и заглушил его слова. Хуан обернулся, чтобы получить прямо в открывшееся горло отравленное лезвие ножа Рати. Обливаясь кровью, храмовник упал, а хапуга, позабыв про маскировку, бросилась к Гарбу. Прямо ей на голову с громким гневным криком спикировала большая белая птица и попыталась вцепиться когтями в глаза. Рати изловчилась и полоснула ножом и ее. Попугай упал чуть в стороне от мертвого хозяина, посмотрел на него напоследок укоризненно стекленеющими глазами и навсегда затих, поджав лапы к брюху.

Гоблин почти ничего не видел от боли. Аватара нелегко убить, но он так и не стал полноценным воплощением бога. Жизненные силы начали потихоньку вытекать из тела гоблина вместе с черной кровью. Сознание, однако, упорно продолжало цепляться за реальность. В прежние времена он бы давно валялся в обмороке, но теперь его словно что-то подпитывало изнутри, не давая провалиться в небытие. И все же он умирал и ничего не мог с этим поделать.

— Как ты, мой хороший? — склонилась над ним Рати.

— Слишком привык... верить всем, с кем путешествую, — прошептал обескровленными губами шаман, делая вынужденные паузы, чтобы не застонать. — Я забыл, что он не друг... только компаньон.

— Молчи! Побереги силы, милый мой! — девушка полезла в карманы одеяния Гарба в поисках каких-нибудь целебных снадобий.

Ничего, как назло, не находилось. В старом кафтане всегда было множество склянок с зельями, но сейчас гоблин облачился с наряд, сшитый для него эльфийским портным. Его карманы оказались пусты.

Гарб уже не мог стоять на коленях и завалился набок, все еще цепляясь за посох.

— Проклятье! — зарычала Рати.

Слезы бессилия потекли по веснушчатому лицу хапуги. Гарб умирал у нее на глазах, а она тоже забыла взять с собой самое важное и нужное.

— Посох! Используй посох!

Гоблин лежал и глупо улыбался.

— Не могу, — прошептал он побелевшими губами.

В любом другом месте его бы спас волшебный щит, но здесь магия не работала, а хотя бы о кольчуге он не подумал. Не бывает идеальных планов, и этот тоже оказался с изъяном.

Минору будто что-то почуял и, прекратив свой кровавый путь, материализовался рядом

с лежащим гоблином.

— Гр-р-р! — издал он звук, похожий на рычание. — Поройся в его в сумке, женщина! Если он не совсем идиот, там должен быть запас целебных вод моего мира. Они помогут.

Рати послушно полезла в котомку, но без волшебных слов та не желала отдавать содержимое. Гарб с трудом протянул руку к ней, требуя сумку. Как только его крючковатые пальцы дотянулись до холщовой ткани, внутренности хранилища засияли слабым голубым светом, и в подставленную ладонь Рати выпала склянка с прозрачной жидкостью.

— Лей на рану! — приказал Минору, попутно уничтожая десяток стрел, выпущенных в них выжившими солдатами.

Где-то в отдалении зычный мужской голос требовал срочно разбудить всех братьев.

Рати впилась в пробку зубами, рванула и выплеснула на разрезанные мечом внутренности живительную влагу. Одновременно с этим дракон рванул меч на себя. Гарб забился в предсмертной агонии, но буквально через пару секунд ожил и совершенно осмысленным и недоуменным взглядом осмотрел своих спасителей. Рана затянулась в мгновение ока.

— А ты думал, божок! — хохотнул Минору. — Иногда все не то, чем кажется.

С этими словами он подошел к приходящему в себя командору. Дракон обхватил ладонью горло рыцаря и легко приподнял его над землей.

— Хм, — сказал ящер, рассматривая жертву. — Кажется, ты мне подходишь.

В расширившихся глазах командора застыл ужас, когда из его рта вырвался зеленый огонек. Минору ловко поймал искорку ртом и с довольным урчанием проглотил. Ненужному больше телу от просто свернул шею одним движением.

— Так, гоблин, — сказал он, повеселевшим голосом. — Хватит валяться! Мне надо тебе кое-что показать. Ты просто спишишь от счастья!

Гарб поднялся вовремя, чтобы увидеть бегущих со всех сторон закованных в доспехи рыцарей. Братья заняли место простых солдат и стали строиться в боевой порядок. Их руки сжимали зачарованные мечи и копья, а зачарованные латы и щиты не оставляли надежды любому противнику. Нечеловечески сильные, защищенные от магии смертоносные воины никогда не знали поражений. Многочисленные армии часто просто пускались в бегство, едва завидев их приближение.

— Еда! — восторженно заорал Минору, заставив людей сбавить темп, а потом повернулся к Гарбу с вопросом. — Не желаешь поучаствовать?

Гоблин брезгливо сморщил губы и покачал головой. Дракон нарочито обиженно фыркнул и взмахнул руками. Все убитые им ранее солдаты восстали в виде зомби и сразу начали хватать бегущих рыцарей за ноги. В гущу бегущих также полетел скомканный шелковый шарф, багровый от запекшейся крови. В полете он вытянулся в длинный живой канат и стал обматываться вокруг тех латников, до которых не доставали руки мертвецов. Как ни силились рыцари, но порвать паучий шелк у них не получалось.

Во многом из-за внезапности большая часть из пяти сотен братьев немедленно оказалось распластанной на красном кирпиче. Тяжелые доспехи не позволили рыцарям подняться. Мертвецы наваливались на них сверху толпой и, повинувшись воле Минору, не убивали, а только крепко держали. Доблестные воины не оставляли попыток вырваться, но их сил для этого не хватало.

Тем, кому повезло не упасть, пришлось отбиваться от нападающих мертвецов, но таких оказалось не больше пятидесяти против орды нежити. Зомби не ведают страха, поэтому

лагники вступили в ожесточенное сражение с неясным исходом. В их глазах застыла обреченная решимость отстоять обитель во что бы то ни стало.

Минору, продолжая ухмыляться, устремился к механизму ворот и начал открывать их. По ту сторону стены маленькими фиолетовыми вспышками зажглись огоньки порталов. Сначала десятки, затем сотни.

Рати встревоженно прижалась к Гарбу. Девушка дрожала, не зная, чего ждать дальше. Она могла бы скрыться, но бросать гоблина не собиралась. Жрец с трудом поднялся на ноги, тяжело опираясь на посох. Его все еще слегка мутило. Шаман посмотрел назад и нахмурился, оценивая новую угрозу.

— Чего-то такого я и ожидал, — пробормотал он.

Когда ворота распахнулись достаточно широко, в проем хлынули фигуры в темных накидках, но расу все равно можно было разобрать. Люди, гномы, эльфы — светлые и темные, прямоходящие ящеры, полурослики и даже парочка дворфов. Не нашлось среди них места только для минотавров, орков и гоблинов.

Все темные фигуры молча пробежали мимо Гарба с Рати к встречающему их Минору.

— Час близок, — коротко поприветствовал он своих сторонников, все так же в полнейшем безмолвии выстроившихся за его спиной.

— Сражайся честно, трус! — вскричал один из рыцарей, с остервенением нанося удары окованной мифрилом палицей направо и налево, расшвыривая зомби.

Он сумел расчистить себе дорогу и бросился к дракону. За ним в прорыв устремилось еще двенадцать братьев, которых не смогли задержать мертвецы.

— С зачарованным оружием на безоружных и беззащитных, — презрительно скривился Минору. — С искрой против простых смертных. Уж вы-то знаете толк в честных боях.

С этими словами он как будто отмахнулся от бегущих к нему людей, и их просто не стало вместе с доспехами и оружием. Лишь едва различимые взглядом зеленые искорки повисли в воздухе. Дракон медленно подошел к ним и аккуратно втянул в себя ртом каждую.

Уже с пятой он раздался в плечах и подрос. К тринадцатой Минору достиг роста Гарба, обернулся и подмигнул.

Гоблин безучастно взирал на происходящее.

— Ты ничего не собираешься делать? — толкнула его в бок Рати. — Давай хотя бы свалим, пока не поздно.

— Поздно, — огорошил ее шаман. — Мне не дадут уйти, да я и не собирался. Аггрх уже ведет сюда орков. Иди к нему, а то здесь скоро станет жарко. Скажи, чтобы не торопился и подтянул стенобитные орудия, камнеметы, баллисты — что-то мощное и дальнобойное. Могут пригодиться, особенно если ворота закроют. Пусть ждет моего сигнала.

Хапуга посмотрела на божественный лик жреца и что-то такое в нем увидела, что не посмела послушаться.

Ухода Рати никто не заметил. Хотя, на нее особо и не смотрели: все были поглощены другим. Минору продолжал пожирать искры, вызывая их из обреченных человеческих тел. Ужас на лицах рыцарей не могли скрыть ни слезы, ни гримасы ненависти, ни мрачная покорность судьбе.

Это чудовищное пиршество продлилось недолго: Минору хоть и упивался моментом, но почему-то торопился. Вскоре последняя из почти пятисот искорок исчезла в его ненасытном чреве. К этому моменту от человека в нем ничего не осталось. Огромная чешуйчатая туша сыто рыгнула продолговатой зубастой пастью, выдохнув заодно клуб едкого белого порошка.

Облако ровным густым слоем соли осело на валяющихся повсюду телах ненужных более мертвецов.

Дракон повернулся к Гарбу на полусогнутых передних конечностях и выгнул спину, потягиваясь. Гоблин невольно залюбовался. Матовая белоснежная чешуя на вытянутом поджаром туловище отливала кроваво-красным в свете факелов. Четыре длинных мощных лапы, унизанные бритвенно-острыми когтями-полумесяцами, бугрились узлами мышц. Жесткий гребень из крупных v-образных чешуек протянулся от головы на длинной шее до кончика еще более длинного хвоста. Массивный шипастый костяной нарост на нем внушал трепет одним своим видом. Драконы в Бездне были впечатляющим зрелищем, но этот затмевал своим видом всю уничтоженную стаю сразу.

— Пойдем, гоблин, — прошипел Минору, глядя на шамана своими пронзительными фиолетовыми глазами и периодически высовывая из пасти длинный раздвоенный язык.

Гарб поежился, как от дуновения холодного ветра Окуто, хотя этой теплой летней ночью стоял полный штиль. Дракон заговорил на незнакомом языке, но жрец Бирканитры прекрасно понял все его слова и безропотно пошел вслед уходящему в сторону основного входа в храм ящери, цепляясь за посох, как за последнюю надежду. Только все равно шел с высоко поднятой головой, не желая более горбиться, и широко расправил плечи.

Пришедшие на зов Минору чернокнижники остались во дворе, будто знали, что их не ждут там, куда ушел их предводитель.

Дракон передвигался, легко переставляя лапы, и только его когти издавали отчетливый скрежет, немного цепляясь за кирпич двора, а затем и мрамор полов внутри Храма.

— Куда ты меня ведешь? — спросил гоблин.

— Это место, в котором все началось, — ответил огромный ящер. — Храмом его сделали смертные. Раньше это был дом. Жилище богов. Обратил внимание, как высоки здесь потолки и широки проходы? Ходить здесь всегда приятно. Нас было немного. Я, Люцифер, Бурхан, Иблис, Торгарон и еще несколько десятков братьев и сестер, которых ты вряд ли знаешь. Славные были деньки. Мы проводили время в пирах и увеселениях и почти не ссорились. И родители нас любили, а мы их.

— Но ведь...

— Согласен, сейчас звучит нелепо, но это правда. Мы здесь жили когда-то. Я жил. Теперь почти никто и не знает, чем было это место, но я все помню. Здесь отец встретил мать, и они вместе дали начало новому миру в этом самом месте, здесь же воздвигли первое жилище. Даже молодые боги уже не знали, что именно они здесь обнаружили. Потом время и люди беспощадно уничтожили украшения, возвели стены и перестроили часть зданий. Впрочем, это все в далеком прошлом. Я веду тебя в подземелья, где нас ждет настоящее.

Гарб насторожился.

— Ты собираешься избавиться от меня?

— Я? — расхохотался Минору. — Зачем? Если бы я так хотел твоей кончины, я бы просто дал тебе умереть. Нет у меня такого желания. Наоборот, ты мне нужен живым и здоровым.

— Тогда зачем все это?

— Увидишь.

«Каждое сомнение делит разум на две части. Чем больше сомнений, тем слабее становится воля, и тем слабее ты сам».

— Гарб

Пока они шли по длинному темному туннелю — дракон, неспешно переставляя лапы, а Гарб широко шагая, чтобы поспевать за исполинским провожатым — гоблин пытался разумом нащупать ту самую ловушку, в которую его вели. Что такого скрыто в глубинах этого древнего Храма, что понадобилось пять сотен полубогов для его охраны?

Если верить рассказам де Десы о пророчествах, то там нечто, способное уничтожить мир, если воспользоваться посохом рядом с ним. Если не верить, то рыцари специально распространяли слухи о конце света, чтобы никто не даже смел интересоваться их секретом. В первом случае клятва, данная предателю-инквизитору, должна это предотвратить. Со вторым пока ясности нет. Неужели это связано с искрой в каждом из братьев? Перводракон, похоже, знает ответ, но не спешит делиться знанием.

— У тебя, наверное, есть вопросы, малыш? — добродушно поинтересовался Минору, как будто подслушав мысли гоблина. — Спрашивай. Идти нам еще довольно далеко, а переместиться здесь нельзя.

— Это ты натравил на меня эльфийского мясника? — сразу же спросил Гарб, решив узнать как можно больше, пока есть возможность. — Корабль с ним появился как-то уж слишком кстати.

— Я, — почти извиняющимся тоном ответил Минору. — Нужно было разбудить кое-какие из твоих способностей и заодно заставить тебя ненавидеть кого-то. Я решил, что эльфы подходят для этой цели больше всего. Однако ты меня поразил, когда не стал никого из них убивать. А ведь мог!

Гоблин ни на секунду не обманулся тоном собеседника, но упускать возможность узнать больше было бы глупо.

— Зачем ты рассказал Сконму про мятеж?

— Очевидно же, — фыркнул Минору, — чтобы он растратил все силы на его подавление и не вздумал мне здесь помешать. Сконм, наверное, единственный, у кого достало бы на это могущества. Раз уж его убили, тем лучше. Одно время я планировал использовать хапугов для нападения на Храм, но потом передумал. К тому моменту они стали слишком сильны, чтобы оставить это без внимания. Пришлось натравить на них эльфов, но и это не помогло. Пока меня не было, хапуги снова расплодились. Сандро со своим глупым восстанием подвернулся весьма кстати.

Исчерпывающе. Раз Минору так откровенничает, значит, не боится, что раскрытие его замыслов может помешать его планам. Интересно, найдется ли вопрос, на который он не захочет отвечать.

— Ты говорил с гномами, эльфами и хапугами от имени их богов?

— Не стану отрицать, — хохотнул дракон. — Раз уж Неган смог избавить нас от нескольких самодовольных болванов, то почему бы и нет. Народцы смертных оказалось так легко стравить друг с другом, что даже обидно.

— Ты и меня так одурачил?

— Да, посох нужно было снова собрать. Это могло сделать только создание Бирканитры

или Быр-Хапуга, пройдя через определенный набор испытаний. Как ты понимаешь, хапуги для этой цели не особо подходили, а среди гоблинов достойного пришлось поискать. Тебя, конечно, вела моя воля, а не Бирканитры. Но какая разница? Главное, что цель достигнута.

Гарб помолчал, обдумывая услышанное. Значит, Минору с самого начала распланировал его скитания, потерю друга, пытки в грязном вонючем трюме, смерть Тыри, предательство де Десы... Ярость начала вскипать в нем, но гоблин подавил ее усилием воли, внутренне подивившись, насколько это стало теперь легко. Наверное, и эта способность — часть плана Минору. Гарб вздохнул. Осталось выяснить, для чего все это было нужно.

— Почему я?

— Потому что два не равно трем, — благодушно ответил Минору. — В природе встречается не так много гоблинов с божественной искрой. Ни у меня, ни у тебя особого выбора не было. Я искал именно тебя многие сотни лет.

— Зачем тебе искры? — продолжил гоблин. — Чтобы снова стать богом?

Дракон прищурил овальные глаза и как будто усмехнулся.

— Никому не дано стать богом снова, — сказал он и, помолчав, добавил. — Мне точно не дано: родственнички постарались. Поэтому пока приходится брать силу взаймы. Скоро этот долг нужно будет возвращать, и я хочу многое успеть до того.

— Ты и у Негана брал силу? — закинул удочку шаман. — Иначе как объяснить, что твоя магия работает даже там, где мои заклинания бессильны. И перемещаешься ты необычно даже для бога. Убить тебя тоже непросто даже посохом, и еще эти игры со временем.

— Ты не в меру догадлив, — рыкнул ящер. — Жаль, что применять свой дар все еще толком не научился.

— Ты хочешь, чтобы я уничтожил мир, потому что сам не можешь? — решил на догадку шаман.

Дракон остановился и засмеялся страшным рычащим смехом.

— Негану хотелось бы думать, что именно это я и замыслил ему на радость. К счастью, он не может меня сейчас слышать.

Затем он снова пошел вперед, царапая мрамор серповидными когтями.

— Ты, наверное, наслушался пророчеств о конце света, мальчик, — серьезно сказал ящер, не оборачиваясь, и гоблин обреченно поспешил за ним. — Нет, моя цель не в этом. Идет большая игра, в которой ты со своим чаром лишь орудие. А вот чье — выясним, когда дойдем.

— Но зачем ты это делаешь?

— Кроме мести? Потому что могу и люблю устраивать хаос. Вместо ответа я задам тебе вопрос. Всемогущ ли Део?

Гарб задумался над ответом.

— Не знаешь, — фыркнул Минору. — А я знаю. Он всемогущ. У других богов есть ограничения, для них действуют запреты, у них есть предел возможностей. А Отец может все, но при этом почти не пользуется своей силой. Это раздражает меня больше всего. Он всегда может вмешаться, но делает это очень неохотно.

— Может ли всемогущий бог создать камень, который не сможет поднять? — хитро прищурившись, спросил Гарб, вспомнив один давний философский спор с учителем в Шеоле. — Ведь если он не может создать его, то он не всемогущ. А если может создать, но не сможет поднять, то тоже не всемогущ.

Дракон рассмеялся.

— Твоя логика ущербна, малыш, но я не виню тебя. Ведь ты смертный и несовершенен. Конечно, он может создать такой камень, но как только он к нему прикоснется, то сможет его поднять. Либо камень вдруг станет легче, либо Он в этот момент станет сильнее.

— Э, — растерялся гоблин. — Так что же, он может бесконечно наращивать силу? Но где он для этого возьмет энергию? А если вдруг и у него наступит такой предел, когда он не сможет стать сильнее?

— Что ж, значит, он перестанет быть всемогущим, — важно ответил Минору. — Значит, он так пожелал. Или вот, может быть еще так. Он создаст и камень, и свою копию, которая не сможет этот камень поднять. А сам сможет. Он хитрый и найдет способ. Даже я не всегда могу понять его замыслы и возможности. Важно понимать, что всемогущество не означает всезнание и всепонимание. И уж, конечно, оно не делает кого-то идеальным, иначе откуда бы взялись ошибкам. Мы, кажется, пришли. Время взрослеть, юноша.

Гарб окинул мутным взглядом уходящие ввысь двери, перед которыми даже дракон казался крошечным. Минору просто толкнул их передней лапой, и створки мягко и быстро разошлись в стороны. Ящер подтолкнул гоблина вперед, и шаман почти влетел в большой зал с высоченными сводами. В первое мгновение он был занят тем, чтобы устоять на ногах, а уж затем смог поднять голову. Пришло узнавание.

— Это место...

— Вспоминаешь или уже в этой ипостаси где-то видел?

— Когда Бирканитра впервые явилась мне, она была прикована именно здесь.

Жрец осмотрелся. В том первом видении была пещера. Здесь же залитое теплым светом пространство уходило словно в бесконечность. Сочная изумрудная растительность пушистым ковром устилала пол. В зарослях деловито сновали мелкие грызуны. Звери крупнее держались в отдалении и занимались своими делами. Кто охотой, а кто просто лениво щипал травку. Посреди этой идиллии гобин нашарил глазами два столба, заставившие его утробно заворчать.

Между ними в цепях висело измученное тысячами заточения тело богини. Бирканитры!

Нарастающий гнев еле удалось сдержать.

— Ну же! — подбодрил его дракон. — Иди к ней, поговори, что ли. Я за тобой.

Гоблин, не веря счастью, сделал несколько несмелых шагов, а затем перешел на бег. Когда он был уже на полпути, из-за колонны вышел человек богатырского сложения в рыцарских доспехах и со щитом. В руке он держал меч, направленный острием на Бирканитру.

— Еще шаг, и я убью ее.

Шаман резко остановился, не смея продолжать движение.

— Хм, — почесал он подбородок. — Аватар после смерти попадает обратно в свое царство и постепенно восстанавливает силы. Я позабочусь, чтобы притока сил у нее было достаточно для этого. Убивай.

Человек, немного поколебавшись, опустил оружие.

— Значит, все кончено, — сказал он.

Сквозь опущенное забрало его лица не было видно, но бархатистый голос отличался какой-то мягкостью, даже душевностью. Он обволакивал и убаюкивал, заставляя терять бдительность, опускать руки, расслаблять их и наконец выронить посох. Голос все приближался, и Гарб встрепенулся вовремя, чтобы перехватить оружие и отбить мощный

рубящий удар. Аж руки заныли. Рыцарь раздосадовано обронил короткое бранное слово и сразу ушел в глухую оборону.

В отличие от командора, этот не бросался опрометчиво вперед. Он держал гоблина на расстоянии, отбивая выпады Гарба щитом, и пытался подловить противника на противоходе. Сам он бил редко, осторожно кружа и выискивая слабое место в защите соперника. Чувствовался большой опыт поединков.

— Это, наверное, какая-то прихоть, — предположил наблюдающий за боем Минору, присевший чуть поодаль прямо на пол и обернувший туловище хвостом.

Гарб не стал отвлекаться на комментарии дракона, но тот не унимался.

— Я говорю, ты мог бы воспользоваться посохом не только как дубиной, но почему-то предпочитаешь рукопашную. Впрочем, это меня тоже устраивает.

Через пять минут схватки ящер снова заговорил.

— Так вы долго махаться будете. Чтобы как-то ускорить процесс, я тебе расскажу, что они делали все эти тысячи лет с моей двоюродной внучкой. Так вот, эльфы ее только притащили сюда, заковали и немного помучили. Лет двести. А потом, как водится у ушастых, отвлеклись и забыли про пленницу напрочь. Зато один человеческий жрец, с которым ты сейчас зачем-то устроил спортивное состязание, случайно набрел на этот дом и превратил его в храм вместе с парой помощников. Заодно он нашел истощенное тело в цепях. Скованный такими цепями аватар, знаешь ли, не может просто так умереть, поэтому девочка была жива, хоть и сильно страдала от голода. Она до сих пор жива, хотя и немного повредилась рассудком после того, что с ней все это время вытворял магистр самозванного ордена и его прихлебатели.

Гарб только стиснул зубы, зарычал и стал яростнее наносить удары. Дракон оценил произведенный эффект и решил его закрепить.

— Ее откормили, а потом... Поначалу они только удовлетворяли свои низменные прихоти. В первую очередь похоть и желание причинять боль. Беззащитность бедняжки их только заводила, знаешь ли. Затем она внезапно зачала дитя. И тут магистр смекнул, что таким образом можно создать целую непобедимую армию из преданных лично ему полубогов. Осталась маленькая деталь. Сам-то он все еще оставался смертным, а умирать ему почему-то не хотелось. Наверное, боялся воздаяния после смерти. Чтобы исправить этот недостаток, он брал у пленницы кровь и вливал себе. Удивительно, но так даже простой смертный смог прожить шесть с лишним тысяч лет. Куда там остроухим с их долголетием. Ну, и ты, конечно же, последний год старательно добивал ее своими глупыми играми с посохом. Теперь смотри, во что она превратилась.

На протяжении всего рассказа удары сыпались все яростнее, но последняя часть вдохнула в гоблина неутолимую жажду крови. Человек что-то почувствовал и дрогнул под натиском шамана. От особо мощного удара раскололся зачарованный щит. Затем сломался меч. Гарб зарычал и вложил всю силу и бешенство в последнее движение.

— Умри, тварь!

Минору словами смог добиться того, чего не достигли даже пытки. Тело в смятых доспехах отлетело так далеко, что рассмотреть последствия удара уже не получилось. Там рыцарь пару раз дернулся и затих, испустив дух. Дракон довольно зарычал и замер в предвкушении.

Гарб ошарашенно посмотрел на посох, перевел взгляд на Бирканитру, и его глаза зажглись желтым. Тело начало стремительно увеличиваться в размерах, становясь под стать

дракону исполинским.

Выросший гоблин потянулся и нахмурил густые коричневые брови, когда его недоуменный взгляд упал на посох, сохранивший размеры. Гобмобом теперь смотрелся тростинкой в могучей руке.

— Долго же я спал, — сказал наконец пробудившийся Быр-Хапуг.

— Слишком долго, внучек, — подтвердил Минору. — Я устал ждать.

— Минору! — оскалил клыки аватар бога гоблинов. — Так и знал, что это твоих грязных лап дело. Ты научил эльфов, как сломать посох?

— Конечно. Жаль, что он тебя тогда спас. Было бы одной строчкой в списке меньше. А я ведь по-хорошему просил вас обоих не соваться в войну со мной, — фыркнул дракон в ответ. — Ты ждал, что я прощу вашу коалицию? Девка свое получила, а ты все еще нет.

— Я выпотрошу твою поганую тушу! — взревел Быр-Хапуг.

Ящер отпрянул и зашипел в притворном ужасе.

— Ой, как страшно! Ты ничего не забыл, вселяясь в тело смертного с сильной волей и собственным мнением? В плоть от моей смертной плоти? Я семнадцать лет старательно его воспитывал, обучал, подбрасывал ему испытания, тщательно подбирал друзей, чтобы они служили ему якорем, и врагов для ярости, возвращал в нем ненависть и гнев, несколько раз ставил на грань жизни и смерти и в последний момент спасал. Даже собственную кончину инсценировал. Все, чтобы он стал тем, кто он сейчас: ловушкой для тебя. Сначала план был другим, но он внес свои коррективы, и они мне нравятся. Так месть будет даже более сладкой. Сейчас он сам тебя уничтожит.

Гоблин презрительно посмотрел на дракона.

— Он сейчас никто. Я растворил его.

— Да ну?! — зашелся в хохочущем рыке Минору. — Смышленный мальчик недавно научил меня одному трюку. Гарбибаквастрэшмусорчак, малыш, отзовись, пожалуйста!

Быр-Хапуг дернулся к противнику, но замер, не пробежав и шага, как будто что-то изнутри не давало ему двигаться.

Было легко и на удивление приятно. Ощущение безмятежности обволокло все его существо и завернуло в себя, как в теплое одеяло промозглой осенней ночью. Это состояние поглощало и растворяло, словно погружая в небытие и даруя умиротворение. Никакие звуки, запахи или другие ощущения не нарушали этого чувства покоя. Бесконечного и всеобъемлющего.

«Тебя нет», — настойчиво внушало оно, и Гарб уже почти согласился.

И все же где-то в глубине маленькой искоркой мелькнула тревожная мысль.

— Если меня нет, то кто тогда здесь?

— Спи, здесь никого нет, — пришел успокаивающий ответ. — Никто не помешает.

— По этому поводу мне надо посоветоваться с другими, — забеспокоился гоблин. — Созываю экстренное совещание.

Умиротворяющая темнота с огромным удивлением уставилась на него немигающим взглядом бесконечной бездонности. Шаман уже погрузился в себя и не обратил на нее никакого внимания.

На зов явились все воображаемые ипостаси. На правах главной личности сам Гарб взошел на трибуну, мысленно надев на себя судейский парик с малиновой мантией, и сурово обратился к остальным.

— Мои верные я! Мы с вами прожили недолгую, полную тревог и волнений жизнь, а сейчас нам предлагают покой. Лично меня это состояние очень привлекает, но хотелось бы выслушать мнение остальных.

— Услышьте мой голос, если разум вам отказывает! — заверещал маленький голый малыш-гоблин, олицетворяющий страх. — Разве никто не чувствует опасность? Этот покой — обман. Нас хотят убить! И бежать некуда, значит, надо драться!

— В кои-то веки соглашусь с мелким, — взял слово шаман в ритуальной маске, отвечающий за мудрость. — Покой хорош, когда есть уверенность, что все дела завершены должным образом. Если же он наступает неожиданно, это больше походит на смертельную ловушку. Дел, как мне помнится, еще предостаточно.

— Мы еще столько всего не знаем, — подал голос алхимик-любопытство, обвешанный сушеными травами с головы до пят. — Было бы жалко прямо сейчас упокоиться и все это оставить непознанным. Мы еще даже не открыли все возможности посоха.

— А я считаю, нужно покориться судьбе, — угрюмо заметил жрец в белых одеждах. — Разве не к этому мы стремились весь последний год? Мы превращаемся в бога, но этот бог не мы. К чему бороться и откладывать неизбежное?

Гарб-председатель поджал губы и покачал головой.

— Вот от тебя такого не ожидал, — сказал он. — Не ты ли всегда старался делать нас верным другом? Без нас друзья в опасности!

Жрец пристыжено понурил голову, но на его изможденном лице с кучей шрамов все равно читалась упрямая решимость.

— А я считаю, нам обязательно нужно бороться, — заявил высоченный гоблин-гордыня в синей колдовской мантии. — Речь не только о нашем выживании, но и о всем нашем народе. Минору и силы за ним стоящие играли нами много тысяч лет. Неужели мы не хотим отомстить? Я очень уязвлен, что не все со мной согласны. И вообще, мы стали гораздо сильнее, чем были раньше. Неужели мы хотя бы не попытаемся взять верх?

— Но ведь наш бог... — робко открыл рот жрец.

— Наш? — хором шикнули на него остальные. — С каких это пор? Мы поклоняемся только Бирканитре.

— Действительно, чего это я, — на мгновение смутился священник и тут же встрепенулся. — Значит, все за борьбу, кроме председателя?

— Не ищи во мне крайнего, — прищурился судья. — Я сказал, что меня прельщает покой, но я вовсе не хочу его прямо сейчас. Больше никаких сомнений.

Остальные личности вскинули кверху сжатые кулаки и прокричали боевой клич.

Глаза парящего в бесконечной приятной темноте гоблина открылись и зажглись желтым огнем, сулящим врагам одни неприятности. В этот момент он услышал свое полное имя и потянулся к голосу, удесятерившему его силы.

Рядом с ним немедленно возникла ослепительно сияющая золотым фигура другого гоблина.

— Как ты смеешь сопротивляться мне, смертный? — грозно спросила она.

— Смею, — криво усмехнулся Гарб. — А вот как ты посмел захватить мое тело без разрешения?

— Я бог и такова моя воля! — возразил Быр-Хапуг. — Мне не нужно спрашивать разрешения у смертного. Тебе и так оказана великая честь. О твоей жертве стали бы слагать легенды, и я готовил тебе почетное место по правую руку за своим столом. Но если ты

сейчас воспротивишься, я уничтожу тебя без остатка и отдам жажани твою душу.

— Ух ты, — ошестинился шаман. — Какое заманчивое предложение! А мне почему-то кажется, что силы у тебя после спячки не те, и ты боишься, что я случайно займу твое место. Ведь так?

Сияющий бог зарычал, вскидывая исполинские руки. Гарб несколько раз видел этот жест в исполнении смертных хапуг, и рефлекторно выставил магический щит. Здесь магия работала. Два ядовитых костяных шипа вгрызлись в паутину волшебства и разорвали ее. Гоблин взмахнул руками, стряхивая остатки заклинания. Потерявшие скорость снаряды развернулись и бесконечно быстро понеслись обратно.

Ни увернуться, ни что-то предпринять в ответ Быр-Хапуг не успел. Шипы беспрепятственно впились в тело бога, кромсая его естество. Сияние померкло, уступив место тусклому мерцанию. Зато сам Гарб засверкал куда ярче, чем раньше. Он только сейчас понял, каким слепящим стал его собственный свет. Впрочем, этот блеск совершенно не мешал рассматривать поверженное божество.

— Ты победил, моорх, — прохрипел Быр-Хапуг. — Это временно. Посох не даст мне исчезнуть. Я подожду, пока ты умрешь, и снова стану собой. Там снаружи перед тобой стоит Минору, так что это произойдет очень быстро. И тогда я отомщу и ему, и тебе.

— Это вряд ли, — улыбнулся Гарб.

— Я вернусь! — упрямо повторил угасающий бог. — И ты пожалеешь.

Шаман в ответ просто призвал посох, удобно легший прямо в подставленную руку.

— Знаешь, — сказал жрец, — у меня не было много времени на эксперименты, но одну любопытную вещь я обнаружил. Гобмобом и правда неплохо защищает хозяина, как верный пес. Вот только его хозяин не ты. Он мне сам об этом сказал. Сестра доверила тебе самое дорогое свое сокровище — созидающий посох, сотворенный из ее любви ко всему на свете. Она не оставляла надежды, что ты образумишься и оставишь тягу к разрушению, когда поймешь, насколько созидать приятнее. Вот только все, к чему ты прикасался даже им, становилось отравленным и умирало. Ты проклял эльфов там, где она бы простила. Ты даже свой народ довел до звериной злобы. А ее касание исцеляет, но оно так и не смогло вылечить тебя. Поэтому придется избавиться от тебя этот мир.

— Ха, — зашелся каркающим смехом Быр-Хапуг, — теперь ты тоже убийца, и я не вижу между нами большой разницы. Так что нечего читать мне нотации, как сестричка. Ты сам видел, до чего ее довело всепрощение, а я хотел для моих детей другого будущего.

Гарб ненадолго задумался, проведя внутри себя очередное совещание и пришел к согласию.

— Конечно, я отнял чужую жизнь. Сделанного не вернуть, но убийцей я себя не считаю. Это странно, но мне кажется, она бы поняла и простила даже это в качестве исключения. Уж очень велика вина того смертного. А твое видение будущего мне не нравится, потому что на этом пути я вижу только смерть и разрушения. Хватит разговоров. Пора заканчивать.

— Ну уж нет! — из последних сил вскричал бог и злобно ухмыльнулся, оскалив огромные кривые клыки. — Ты не победишь так просто. Я сольюсь с тобой, чтобы ты познал мою ярость, как свою собственную.

С этими словами сияние теперь уже мертвого бога угасло. От начинающего рассыпаться силуэта отделился маленький красно-черный шарик и направился к Гарбу. Шаман выставил щит, но «дар» легко миновал все преграды и вошел в гоблина, заполняя собой его разум.

«Грань между справедливым возмездием и несправедливой местью так тонка, что многие не видят разницы».

— *Михель ди Лёве*

Минору терпеливо наблюдал. Внутри сына шла нешуточная борьба, но дракон почти не сомневался в успехе. Слишком много сил отдано, слишком многим пожертвовано. Он просто не имеет права проиграть.

Наконец гoblin вышел из ступора, и древний ящер внимательно посмотрел на него. Черты лица исказились болью, обидой, разочарованием и гневом — не лучший вариант, но что уж получилось, то и будет.

— Я рад, что ты смог за себя постоять, сын мой, — мягко сказал Минору, не меняя позы.

В таком виде с хвостом вокруг тела он напоминал огромного белого кота только с чешуей, гребнем и вытянутой зубастой пастью.

— Ты! Ты! Да ты!.. — задохнулся Гарб от избытка чувств.

Ему хотелось одновременно и рыдать, и смеяться. Броситься с кулаками или даже посохом на виновника всех своих злоключений и в то же время обнять отца. Отца, которого у него никогда не было, и который всегда незримо присутствовал рядом. По-настоящему родное существо, расчетливо им пользовавшееся все семнадцать лет.

Ненависть, не столько своя, сколько хапужья, потихоньку начала захлестывать, перевешивая остальные эмоции и разъедая изнутри разум.

— Умерь свой гнев, — склонил голову Минору. — Он обоснован, но для него еще не пришло время. Сначала выслушай меня.

Смертный шаман, обретший божественное могущество, глубоко вдохнул, задержал дыхание и выдохнул. Уроки Михеля и счетная машина внутри дали возможность приглушить даже отравленный подарок Быр-Хапуга. Главное не смотреть на колонны с цепями, где все еще прикована Бирканитра.

— Говори, только быстро.

— Спасибо, сын мой, — сказал дракон. — Как ты понимаешь, я все затеял ради мести, но для последнего этапа нужно твое согласие.

— Я не буду уничтожать мир, — Гарб посмотрел на отца исподлобья.

— Наоборот, — пасть ящера оскалилась в подобии улыбки. — Его нужно спасти, и это будет моей местью Део. Теперь ты достаточно силен, чтобы использовать посох для той цели, для которой он всегда был предназначен. Я расскажу. Ты спросил, зачем я это делаю. Потому что я всего лишь хотел быть любимым сыном, а Он отринул всех, изгнал нас из своего дома и заперся в нем. Когда меня лишили искры, я стал смертным и вдруг остро осознал, как несовершенен созданный отцом мир, как неправы перед волей богов все остальные, и как неправы боги перед своим родителем. Я поклялся это изменить. Но что я мог сделать, лишенный могущества? На крик отчаяния ко мне явился Неган, и мы заключили сделку. Я получил даже больше сил, чем у меня было раньше, а взамен обещал найти способ для уничтожения Део.

Дракон на минуту зажмурился, словно погружаясь в воспоминания.

— Неган думает, что если разрушить все созданное Део, то и Создатель исчезнет. Это

глупость, ведь он существовал и до сотворения Лумеи. Поэтому я придумал кое-что другое.

— Посох? — с некоторым удивлением спросил Гарб.

— Он всего лишь средство, — ответил Минору. — Важен тот, кто сможет его применить. Это я подсказал Бирканитре, как создать твою игрушку. Но девочка вложила в него слишком много сил. Да она никогда и не была достаточно сильной, чтобы сделать нужное. Я убедил ее отдать посох брату, но он возомнил о себе невесть что и сразу полез всем доказывать, что сильнее него никого нет. Раньше я совершил такую же ошибку, и был наказан. Я понял, что он не подходит для моих целей. Пришлось от него на время избавиться, чтобы подыскать достойного. Я долго искал, очень долго, но никто не соответствовал моим ожиданиям.

— И тогда ты решил создать достойного сам?

— Выбора не было, — хохотнул дракон. — Неган начал терять терпение и стал угрожать, что отберет у меня силы, чего бы ему это ни стоило.

Гарб нахмурился и устало потер глаза.

— Зачем же ты тогда пытался вырвать из меня искру в Бездне?

— Я знал, что ты непременно спросишь, — рыкнул Минору. — Если ты не обратил внимание, мне для такого достаточно махнуть рукой, так что это было не всерьез. Я только чуть-чуть отпил. Так пламя лучше разгорелось, хоть его и пришлось раздувать не совсем приятными методами. К тому же я заметил, что ты стал слишком самоуверенным. Позволь я тебе развиваться в том же духе, и Быр-Хапуг легко победил бы тебя в своей стихии. А так я вовремя внес нужные исправления. Дальше оставалось только разбудить дух Быр-Хапуга, чтобы ты смог его поглотить. Был определенный риск, что ты не справишься, но в итоге я могу гордиться и тобой, и своей работой.

— И что дальше? — спросил Гарб.

— Ты достиг порога, за которым стоит божественность. Я не могу вновь стать богом, но ты сможешь и станешь первым богом, который создан не волей Део, и равным ему по силе. Там снаружи все приспешники Негана на Лумее. Они вольют в тебя силы через посох, чтобы ты смог перекроить мир по своему желанию. Тебе же не нравится, как наш мир устроен? А, когда Део все-таки проснется и вмешается, ты уничтожишь его и станешь править сам.

Гоблин хмурился все сильнее и сильнее. Ему не нравились крамольные замыслы Минору, хотя и поражала грандиозность его замысла.

— А ты? — спросил шаман.

— Ах, да, — вздохнул ящер, выдыхая кучки соли из ноздрей. — Почти все происходившее с тобой с момента рождения, устроил я, и я прошу за это прощения. Цепочка случайностей, которая таковой никогда не являлась. Даже пророчество о моем падении создал я. Знаешь, ведь труднее всего было даже не отправить вас всех в Бездну, а играть так убедительно, чтобы ты не догадался. И все ради этого момента. Чтобы перешагнуть порог, тебе придется поглотить меня и всю силу, что я собрал. Просто ударь посохом и пожелай этого. Я прожил достаточно и готов к этой жертве. Действуй, сынок.

Лик Гарба искажился. Это невысказано, так нельзя! Должен быть другой способ. К этим мыслям примешивались и другие. Гоблину действительно не слишком нравилась Лумейя и царящие в ней порядки. Стараниями отца Гарб познал достаточно боли и страдания, чтобы понять все несовершенство мироздания. Он побывал в других мирах и видел там то же самое. И все же, как ни заманчива перспектива переделать все по своему вкусу, он не мог на такое решиться. Бросить вызов самому Создателю?

Видя отражение внутренней борьбы на лице сына, белоснежный дракон, шурша чешуей, опустился на брюхо и униженно лизнул раздвоенным языком сапог Гарба.

— Пожалуйста!

Гоблина передернуло. Чужеродные гнев, самодовольство и жажда мести поднялись в нем и выплеснулись наружу. Рука сама обрушила посох на раболепно подставленный череп дракона. Гарб издал торжествующий крик: он достаточно изучил свои изъяны, чтобы догадывался, что именно так и должно случиться. Он знал, что в такой ситуации не сможет сдержаться, и хорошо подготовился.

Раздался хруст. Посох пошел трещинами и рассыпался на мелкие кусочки. Минору издал какой-то булькающий звук и упал плашмя, нелепо раскинув лапы в стороны.

— Что ты сделал, дурак? — прошипел он.

— Я? — хитро усмехнулся Гарб. — С самого начала решил не верить тебе, интриган несчастный. Разрушитель внутри меня с радостью поверил и ударил, а ты ведь того и добивался. Предполагаю, что удар настоящего чара должен был передать все мои силы тебе, а заодно и способность управлять им. А я тут обещал кое-кому, что его сила не попадет в не предназначенные для этого лапы. Уничтожать было жалко. Поэтому посох я сюда принес ненастоящий. Копия получилась сильной, но до оригинала ей, конечно, далеко. Из-за этого и рассыпалась, но, полагаю, свою работу она выполнила. Я специально настраивал этот чар для твоего уничтожения!

Дракон попытался подняться, но его тело неестественно выгнулось и начало разваливаться. Ящер завизжал, царапая когтями мраморный пол и оставляя в нем глубокие борозды. Сползающая клочьями со скелета плоть падала и обращалась в соль. Рассыпался и сам скелет, а на его месте остался недоумевающий шуплый молодой человек с черными как смоль волосами, тонкими усиками и чистыми голубыми глазами. Миловидный юноша встал и машинально отряхнул шерстяные брюки и белую рубашку от соли. Взгляд его был насторожен и полон боли, как будто парня только что сняли с дыбы, и он теперь ждал последнего похода к плахе.

Постепенно глаза стали чуть более осмысленными. Человек поднял голову вверх, посмотрел на Гарба и ойкнул.

— Не может быть, — прошептал гоблин, подозревая очередную уловку Минору.

— Э, а че типа происходит? — наконец выдал юноша. — Ты че такой огромный? Опять иллюзией балуешься? И где все? У меня есть пара ласковых для Михеля. Меня по его милости чуть не сгрызли там. Я, конечно, сам поддался, но он мог и не бить, ваще-то.

— Бурбалка? Бурбалка! — радостно закричал шаман, протягивая свои огромные ручищи к человеку.

— Эй, отвали! Ты меня раздавишь! — рассмеялся казавшийся навсегда потерянным компаньон. — И лучше зови меня Антонио. Не хочу больше ничего общего иметь с Умброй и всем, что о ней напоминает.

Гоблин руки убрал, согласившись, что может случайно сломать смертного.

— Как получилось, что ты вырвался из мира теней? — спросил он.

— А тень его знает, — пожал плечами Антонио, поморщившись. — Вы когда Сандро туда отправили, Умбре уже надоело меня пытаться, и она сразу занялась им. Наверное, решила, что он ей больше подойдет как проводник. Откуда ж ей знать, что у него с порталами всегда беда была, а он перепугался и слова сказать не мог. А потом меня оттуда вырвало и куда-то потащило. Очнулся я уже тут перед тобой.

— Хм, — задумчиво почесал подбородок Гарб. — После обряда вы стали, как близнецы, что, вероятно, обусловлено синхронизацией энергетических потоков. Когда я ударил Минору, Сандро должен был вернуться в свое тело, но, видимо, оказался слишком занят. И его место занял ты как схожий до смешения двойник. Не понимаю, как его забросило в Умбру, но я рад, что случилось именно так.

— погоди, — произнес человек, боязливо оглядываясь. — Минору все еще жив?

— Есть вероятность, что уже нет, — честно ответил Гарб, — но убить его и правда не так легко, как хотелось бы. Поэтому он может и появиться через некоторое время.

В этот момент в стороне от них раздался протяжный стон.

— Богиня! — опомнился жрец и, ругая себя последними словами, опрометью бросился к столбам.

Вблизи она выглядела еще страшнее, чем рисовало воображение издали.

В цепях висела дряхлая сморщенная старуха, не имеющая ничего общего с той красотой, что Минору явил Гарбу в видении год назад. Она подняла голову, и гоблин с ужасом понял, что несчастная богиня любви слепа.

— Опять ты пришел, — слабым дрожащим голосом сказала она. — Чего тебе еще нужно от меня, чудовище? Ты уже забрал все, что я могла дать. Убей меня, умоляю. Если у тебя осталась хоть капля сострадания, избавь меня от мук. Я могу сама, но ты же знаешь, что так исчезнет вся любовь. Тебе она не нужна, но она еще нужна миру.

— Это я, Гарб, — робко сказал жрец.

— Братишка? — повела дряблыми ушами богиня. — Ты все-таки не бросил меня, маленький мой. А я тут совсем одичала. Как там мои детки без меня, не знаешь? Я иногда слышу их голоса, но все реже и реже. Я столько звала на помощь, но никто так и не услышал. Только Одноглазый ответил, но и он не пришел. Тебя они тоже держали взаперти? Они говорили, что уничтожили тебя, но я не верила.

Гоблин опустил на колени. По его щекам обильно текла обжигающая влага, а слова застревали в горле. Он запел, вознося хвалу той, что дала жизнь его народу. Богиня замолчала и тоже заплакала незрячими глазами. Каждая из ее слезинок превращалась в маленький блестящий камушек, с легким звоном падавший вниз.

— Я узнаю этот голос, — наконец сказала она. — Его я слышала чаще других последнее время. Ты один пел мне, мой мальчик. Благодарю тебя за этот подарок. Тебе пригодились мои ответные дары?

— Да, Праматерь! — ответил Гарб. — Как мне освободить тебя, посохом?

— Я больше не хочу жить, дитя мое, — ответила Бирканитра и снова заплакала. — Во мне осталось слишком мало любви. Я не смогу больше любить всех, как прежде, а значит, незачем и жить. Убей меня и иди с миром. Это моя последняя воля.

— Но Праматерь, — возразил жрец. — Наш народ совсем захирел без тебя. Ты ведь после смерти аватара вернешься?

Бирканитра яростно помотала головой, и цепи зловеще зазвенели в такт движениям богини.

— Тогда как нам жить дальше? — растерянно спросил гоблин.

— Просто живите и старайтесь любить, — беззубо улыбнулась богиня. — Я чувствую в тебе искру. Значит, ты можешь впитать мою силу и повести братьев и сестер за собой. Передай им все, что осталась от моей любви. Поглоти меня, чтобы тебе было легче. Может быть, у тебя даже получится преумножить то небольшое, что еще есть. И тогда я буду жить в

тебе.

Человек стоял там, где гоблин его оставил и смотрел, как его друг медленно поднялся и подошел к своей богине. Жрец нежно поцеловал морщинистый лоб, вызвав на лице Бирканитры благодарную улыбку. Затем, он резким движением свернул аватару шею.

Маленькая зеленая искорка выпорхнула из мертвого рта и влетела в грудь гоблина. Жрец уселся на пол, смотря перед собой невидящими глазами, обхватил колени руками и дико завыл. С каждой секундой его лицо становилось все суровее, искажаясь от разгорающегося лесным пожаром гнева.

— Гарб, — несмело позвал его Антонио.

Гоблин посмотрел на него, и что-то юноше в его взгляде не понравилось.

— Ты тоже человек, — медленно вставая, сказал шаман, цедя слова сквозь зубы.

— Что значит тоже? — насторожился парень.

— Люди больше не должны жить на Лумее, — жрец сделал шаг по направлению к Антонио.

Тот в испуге попытался открыть портал, но ничего не вышло. Тогда человек бросился бежать.

— Что-то происходит, — проворчал Михель, глядя на высокие неприступные стены и странные всполохи за ними, разноцветными огнями играющие по ночному небу. — Такое ощущение, что там развели огромный погребальный костер и сжигают тела. Хорошо, если это не жертвоприношение для темного ритуала.

— Гарб сказал ждать сигнала, — веско возразил Аггрх, крепче прижимая к себе Рати.

Девушка тоже волновалась. И ей очень не нравилось присутствие незнакомого человека рядом. От него по коже бесконечным маршем шли мурашки — недобрая примета.

За их спинами выстроилось пестрое воинство. Тяжелых баллист у орков не нашлось, но шесть легких камнеметов откуда-то притащили. Михель даже не стал выяснять, где их взяли. Нашелся и таран, сделанный из ствола какого-то эльфийского священного дерева. Как раз достаточной толщины и прочности, чтобы ломать любые ворота. Даже такие исполинские, как в этой крепости. Их как раз закрыли перед приходом орочьего войска, а вот подъемный мост поднять почему-то не потрудились.

— Интересно, его сигнал сможет затмить все это великолепие? — поинтересовался монах. — Как мы вообще должны узнать, что это сигнал?

— С каких пор ты стал таким занудой? — усмехнулся орк.

— Если там действительно Минору, я очень хочу надрать его чешуйчатый зад, а ждать мне надоело. Лю, что ты скажешь?

— Вам дадена свобода воли, вот сами и решайте, — сказал жажани. — Мне плохо знакомы ваши способы ведения войны, поэтому воздержусь от советов. А насчет ритуала ты прав. Там приносят жертвы, и много. Вон и петь уже начали.

Действительно, внутри крепости запел стройный хор. Заунывность и гнусавость голосов не оставляли сомнений: обряд самый зловещий.

Минут через десять из-за ворот донесся леденящий кровь вой, а следом чудовищный удар сотряс их, оставив торчащую наружу выпуклость на металлической поверхности.

— Мне кажется, это и есть знак, — задумчиво произнес Аггрх, отстраняясь от Рати и извлекая из ножен один из мечей. — Голос его.

Михель властно махнул рукой орочьим и человеческому командирам. Те в свою очередь

бросились раздавать приказы подначальным.

Самые крупные и сильные зеленокожие покатили таран к никем не охраняемым воротам. Заряжающие начали загружать в камнеметы снаряды. Лучники положили стрелы на тетивы, а копейщики построились в несколько шеренг и выступили вперед, напряженно ожидая возможной вылазки из крепости.

Один из орочьих отрядов притащил осадные лестницы, но их немалая длина не доставала даже до середины высоченных стен.

Михель и Аггрх напряженно всматривались в темноту, нарушаемую лишь отраженным от облаков светом. Шум борьбы, всполохи темных заклинаний и крики — все обрушилось какофонией звуков на готовую к штурму армию.

В дело вступил таран. Тяжелый, окованный сталью огромный ствол многовекового дерева висел на цепях, каждое звено которых по размеру превосходило голову самого большого орка. Зеленокожие слаженно отвели его назад и так же дружно толкнули вперед. Вряд ли бы у них что-то получилось, будь эти ворота творением божеств, но их установили люди.

После первого столкновения раздался страшный грохот, сопровождаемый треском. Видимо, врата все-таки не были цельнометаллическими. Третий удар сорвал одну из створок, а вторая опасно накренилась, но не упала. Армия отметила успех радостными криками и бросилась на штурм, в надежде на богатую поживу.

Бегущие беспорядочной толпой орки сперва замедлили бег, а затем и вовсе остановились, видя творящееся внутри.

Посреди большой площади чернокнижники сложили гигантский костер, в котором горели сотни человеческих тел. Множество фигур в темных балахонах металось вокруг в поисках спасения. Бежали они от пятнадцатифутового гоблина, который где-то во дворе вырвал с корнем дерево и теперь размахивал им как дубиной, с каждым взмахом отправляя в последний полет какого-нибудь бедолагу. Чернокнижники сами влили в Гарба невероятные силы жертвоприношением, а теперь осознали ошибку. Эта мощь предназначалась Минору — верному проводнику воли Негана, а получил ее тот, кому надлежало быть мертвым.

Некоторые из колдунов пытались остановить великана заклинаниями, но черная магия не причиняла ему никакого вреда.

Из распахнутых врат выбежал всклокоченный человеческий юноша и, увидев сжимающееся кольцо орков, остановился и коротко выругался. Затем он отчаянно щелкнул пальцами и нырнул в раскрывшийся рядом с ним портал с удивленно-обрадованным выражением лица. Все это произошло в одно мгновение, и зеленокожие ничего не успели предпринять. К тому же чернокнижники тоже бросились в пролом наружу.

— Ты Минору видишь? — спросил Аггрх.

— Я вижу только огромного бешеного Гарба, — ответил Михель, решительно направляясь к воротам. — Его надо остановить, пока он совсем не разошелся.

— Куда уж больше-то, — хмыкнул орк. — А ты уверен, что сможешь что-то сделать? Он вон как вымахал.

— Кулаками вряд ли, но я попробую иначе.

Аггрх пока решил остаться с Рати и наблюдать.

Чернокнижники при виде орков сперва принялись швыряться магией, расчищая себе дорогу, но, когда в них полетели стрелы и копья в ответ, передумали. Вместо этого они выставили щиты и начали открывать порталы. Зеленокожие не рискнули приближаться к

колдунам и продолжили осыпать их стрелами издали.

Гарб к этому времени тоже заметил выход и с ревом бросился к нему, расшвыривая стволом дерева всех, кому не повезло попасться у него на пути.

Орки при виде такого противника попятнулись и разошлись в стороны, уступая дорогу своему богу. Они потирали ладони, предвкушая новую великую схватку.

Человек и гоблин встретились в проеме. Длиннолапый сорвал мешающую проходу створку и с ревом отшвырнул ее в сторону. Грудь шамана высоко вздымалась, а синяя мантия, выросшая вместе с ним, оставалась незапятнанной, потому что жадно впитывала любые брызги крови, попадающие на нее. Гарб посмотрел на монаха, и в его глазах появился намек на узнавание.

— Остановись, прошу тебя! — крикнул Михель, замирая в десятке шагов от друга.

Лю отчаянно завопил.

— Убей его немедленно!

Михель скрестил руки на груди.

— Гарб, я уже дважды предавал: и Вседержителя, и Бурбалку. Я не стану делать этого в третий раз. Пускай лучше ты меня убьешь. Может, тогда к тебе вернется разум.

— Ой, дурак! Он уже не твой друг, а злобная тварь с его мордочкой! — тщетно попытался переубедить его жахани. — Он уничтожит мир! Аггрх, сделай хоть ты что-нибудь!

Михель остался непоколебим. Монах бесстрастно взирал, как над его головой медленно поднимается окровавленная дубина. Свистящий воздух обдал лицо, прежде чем ствол дерева обрушился всем своим огромным весом на хрупкую человеческую фигуру.

Орк сорвался с места еще после слов Лю. Смятая окровавленная масса, когда-то бывшая человеком, пролетела футов триста по большой дуге и лежала теперь между Аггрхом и воротами без признаков жизни. Из рта Михеля вылетела зеленая искорка и понеслась в сторону гоблина.

— Святоша! Дружище! Встань, пожалуйста! — закричал воин, падая перед искалеченным телом на колени и тряся его за плечи. — Живи, родной! Я не отдам тебя этому рогатому ублюдку! Проклятье, и живая вода закончилась!

— Я, между прочим, все слышу, — обиделся Лю, но в его голосе звучали грустные нотки. — Он уже не встанет. Не хочешь занять его место? Гоблина надо остановить любой ценой, пока он не добрался до посоха. Он предал, но я не могу достучаться до его головы. Значит, он перестал быть смертным. Если он додумается переместиться к посоху, нам всем крышка. А он еще и с каждой смертью становится сильнее! Действуй, пока есть надежда!

Аггрх поднял голову и посмотрел мутным взглядом, как человеческие копейщики храбро выступили вперед сомкнутым строем. Они пригнули головы и, выставив копыя вперед, бросились прямо через мост к убийце своего бога. Гарб встретил их тем же измочаленным деревом с такой силой, что даже задние ряды попадали на землю или в воду рва. Поднялся такой грохот, треск копий и хруст костей, такие крики и вопли раненых и умирающих, что их было страшно слышать. Почти весь мост оказался усеян павшими. Конные рыцари и лучники предпочли сразу отступить, даже не вступая в бой, за ними в беспорядке устремились и орки.

Аггрх застонал и обхватил голову руками.

— Как же тебя остановить?

Прямо ему навстречу бежали камнеметчики, в панике побросав свои орудия на поле

боя. Орк припомнил фразу, оброненную когда-то Рыдло на борту окироша: «Пара снарядов в морду из корабельной баллисты останоят кого угодно, хоть морского черта, хоть аватара».

— Назад, трусы! — заревел воин на орочьем, — Заряжай!

Батыры остановились. Их было больше трех десятков, а он один и посмел их оскорбить. Пока взбесившийся гоблин не перешел через мост, обидчика можно успеть наказать.

— Я узнал тебя, безродный! — оскалился один из них. — Это ты, который хорошо говорит на человеческом. Небось и людишек любишь не только жареных?

Остальные заржали, перехватывая боевые молоты и топоры поудобнее.

— Я разорву вас голыми руками, если вы сейчас же не начнете стрелять! — зарычал Аггрх, вкладывая меч в ножны.

С этими словами он рванул нагрудник от середины в стороны. Многослойная вываренная кожа с громким хрустом лопнула и разошлась, обнажая серебристую поверхность мифрильной кольчуги. Тот самый нагрудник, в котором он старательно зашивал оставленную драконьим когтем прореху обычными нитками. Стоящие перед ним зеленокожие об этом, разумеется, не знали. В темноте доспех нахала производил впечатление цельного. Когда Аггрх разорвал панцирь руками на две части, для убедительности выпучив глаза и оскалив клыки, это возымело ошеломляющее действие. На такое способны только боги, а с таким ростом этот крепыш вполне мог быть аватаром.

После бесславной кончины Справедливого, почему бы не поклониться новому богу, решили орки, и побежали выполнять приказ.

«Хочешь насмешить меня, расскажи мне о своих планах».

— *Гарб*

Новый бог гоблинов, вобравший в себя силу двух старых, остановился на середине моста. Люди вокруг закончились, а воевать с орками он не собирался, и ярость потихоньку начала улетучиваться. К тому же последняя впитанная искра ее очень сильно заглушила.

Гарб посмотрел на дубину у себя в руках, затем на залитый кровью мост, безжизненные тела вокруг и пришел в ужас. Искры, полученные от Бирканитры и Михеля, настойчиво шептали, что он поступил плохо и нужно все исправить.

— *Нужен посох, — прошептал гоблин.*

В этот момент ему в плечо прилетел увесистый камень. Простого смертного он бы просто убил, но Гарб только зарычал от боли. Он повернулся, чтобы посмотреть, кто осмелился бросить ему вызов. В висок ударился еще один камень, более крупный. Потекла черная кровь, и ярость вернулась с утроенной силой.

Орки почувствовали неладное и бросились бежать. Вовремя, потому что гоблин одним гигантским прыжком перемахнул отделяющее его от камней расстояние и принялся крушить боевые машины.

— *Советом поможешь? — спросил Агрх у Лю.*

— *Умри с честью или беги с позором, — посоветовал жакани. — Кажется, других вариантов не осталось, но я бы рекомендовал не сдаваться до последнего.*

В этот момент аватару в правую руку впилась стрела с белым оперением.

— *А, нет, я ошибся, — обрадовался Лю. — Это, кажется, твой эльфийский приятель работает. Если у него все еще отравленные стрелы, это немного ослабит вашего божка. Тогда к нему можно будет подобраться.*

Глаза аватара вспыхнули желтым, и гоблин с рычанием воздвиг между собой и стрелком земляной вал на высоту своего роста.

— *А может, и нет, — философски заметил жакани. — Попробуй зайти с тыла, что ли.*

— *Советчик фигов, — подумал орк. — Мы были в твоей полной власти у тебя дома. Что ж ты еще тогда его не обезвредил?*

— *Знаешь что, умник, — возмущился Лю, — случись что с носителем, нестабильный посох мог разнести у нас все в пух и прах, да и он сам мог выкинуть что-нибудь эдакое. Ты же видел, какие у него с головой проблемы. Я как только понял, что он за фрукт, сразу вас и спровадил. Но я тогда и представить не мог, во что это выльется. А удержи я вас у себя без веских оснований, хозяин бы меня между рогов за такое не почесал.*

Воин обреченно вздохнул, достал из ножен зачарованные мечи и посмотрел на их зеркальную поверхность. На него смотрел молодой и немного грустный орк, без всяких шуток на лице и шее.

— *Что-то мне не хочется его убивать, даже если у меня бы и получилось, — сказал Агрх. — Он дал мне слишком многое.*

— *Ну, тогда иди и повтори глупость Святоши, — в голову прилетел образ высунутого языка. — Кстати, это я вовремя вспомнил. Надо забрать его душу, пока никто другой не покусился. Я скоро вернусь. За твоей.*

Необыкновенная легкость в теле настораживала. Все вокруг было каким-то неестественно размытым, словно на глазах висела вуаль.

Михель попытался их протереть и обнаружил, что его руки бесплотны, как и голова.

— Я все-таки умер, — сказал он, с недоверием прислушиваясь к собственному шелестящему голосу.

— Какой вкусный отвергнутый! — раздалось где-то сзади.

Монах резко обернулся и увидел надвигающегося на него демона. Огромное, не меньше двенадцати футов ростом существо словно состояло из одних костей. Обычным, поднятым некромантом скелетом без мышц и кожи, оно не выглядело. Просто костяные наросты торчали отовсюду. Длинные свисающие ниже пояса руки заканчивались грязными желтыми когтями. На голове красовались привычные для большинства демонов рога. Где-то в глубине черных провалов глазниц тускло поблескивали рыжеватые огоньки пламени.

— Катись обратно в Бездну, пока я тебе рога не обломал, — честно предупредил Михель.

— Очень вкусный, — облизнулся демон костяным языком и начал приближаться, грузно опираясь на руки.

Яркая красная вспышка прорезала пространство, и множество незамеченных до этого Михелем мелких духов в страхе брызнуло в стороны. Между ним и демоном появился некто в монашеском балахоне. Один взгляд на него сразу заставлял проникнуться к незнакомцу абсолютным доверием, и только маленькие рожки на лбу немного смазывали впечатление. Большой Лю предпочитал показываться смертным в приятном для них облике.

— Выбирай, кто тебе навялет, пуут, — широко улыбнулся жахани нерешительно застывшему демону. — Только не забывай, что от него будет больно, но быстро, а от меня лететь будешь дальше и дольше.

— Мерзкий мар, — зашипел в ответ костлявый, — я сожру тебя!

— Прекрасный выбор, — лучезарно улыбнулся Лю и прищурил глаза. — Передавай привет Иблису.

Этого движения хватило, чтобы демона придавило к земле. Жахани широко раскрыл глаза, и пуута потащило куда-то далеко. Через секунду он уже был вне пределов видимости, хотя его ругательства на родном языке еще можно было слышать какое-то время.

— Ну что, смертный, — повернулся Лю к Михелю. — Час пробил. Ты не выполнил условия сделки, а значит, я имею полное право забрать тебя с собой. Я мог бы утащить тебя силой, но не вижу смысла. Если пойдешь добровольно и согласишься служить нам, обещаю, что ты не пожалеешь. Правда, мир сейчас на грани уничтожения по твоей милости, так что, возможно, и служить-то долго не придется.

— А если я откажусь? — спросил человек.

— Не рекомендую, — улыбнулся Лю. — Ты ведь понимаешь, что в этом случае я тебя просто из принципа утащу с собой и использую, скажем, в качестве очень яркого вечного светильника? От любого другого ты отобьешься, но со мной у тебя контракт, и ты мне ничего сделать не сможешь. Думай, но только быстро. У меня там еще срочные дела остались.

Михель поджал губы. Гарба он не остановил, жизнь отдал зря и даже с Хиенной так и не встретился. Хиенна... Он не помнил любви, хотя рыжие волосы и белоснежная кожа прекрасной суккубы легко всплывали в памяти.

— Я ведь больше не смогу ее увидеть? — спросил он.

— Разве что на поле боя, — ответил жажани, — если мы вдруг каким-то образом сможем дотянуться до ее мира. Ее слой на особом счету теперь. Мы там потеряли целую армию, так что рано или поздно мы туда вернемся. Там и увидитесь. Для этого у тебя будет в запасе вечность, так что это желание рано или поздно сбудется. Тебе с ней все равно ничего не светило. Она в твоём мире — враг, а ты в ее — добыча.

Груз, лежавший на человеке столько времени тяжким бременем, давил с каждым днем все сильнее. Когда-то монах должен был сломаться. Но, как только он открыл призрачный рот, чтобы дать согласие, пространство встрепенулось еще от одной вспышки.

Неимоверно прекрасное рыжеволосое создание выпорхнуло в Шеол, сразу же недовольно поджало пухлые алые губки и поморщило точеный прямой носик. Ей не понравился запах жажани.

Дева взмахнула белыми с рыжиной крыльями, обдав даже бесплотного теперь Михеля ароматом блаженства и заодно избавляясь от неуютного амбрэ. На этот раз поморщился Лю.

— Ты не могла подождать еще пару секунд? — недовольно спросил он. — Я уже почти уговорил твоего любовника на мировую, а теперь придется начинать сначала.

— Извини, — очаровательно улыбнулась Хиенна. — Михель, мы уходим. Я не могу долго здесь находиться.

— У нас с ним контракт, — предупредил жажани. — Если он попытается нарушить мои права, то просто исчезнет, а его Дэ все равно останется у меня.

— У тебя нет на него прав, потому что ваш контракт утратил силу, — погрозила ему пальчиком дева.

— Как это? — жажани немного растерялся, но постарался не подать виду.

Ангелоподобная тивада не стала бы врать или делать подобные заявления без оснований, поэтому у Лю возник повод для беспокойства.

— Ваш договор был устным и заключен под давлением, — снова улыбнулась тивада. — К тому же он не предполагал право собственности на душу в случае невыполнения условий. Но это не главное, потому что есть более важное обстоятельство. Тот, кого он якобы предал, жив-здоров и больше не является пленником Умбры, поэтому первый договор тоже более не может быть применен. И, конечно же, мои права имеют приоритет, так как я получила их раньше. Все по закону. Ты же не станешь нарушать законы, мар?

Даже в призрачном воздухе Шеола стало видно, как побледнел Лю. Он топнул ногой и бесследно исчез, больше не желая тратить силы впустую.

— Пойдем? — протянула Хиенна руку Михелю.

Дух несмело протянул к ней свою.

— Ты готова связаться с предателем вроде меня? — спросил он. — Ты больше не суккуба, а я даже не помню тебя и нашу любовь.

— Не говори ерунды, — мягко сказала тивада, нежно касаясь протянутой ладони. — Даже если ты где-то и поступил неправильно, то своей жертвой искупил все. Гоблину очень не хватало частички твоей рассудительности. А ты заслужил награду. Меня.

Как только их руки соприкоснулись, память вернулась. Михель чуть не задохнулся от радости и снова почувствовал себя живым.

— Я помню, — прошептал он, бросаясь любимой на шею и покрывая ее лицо поцелуями, и призрачность совсем этому не помешала.

Он вспомнил даже то, что забыл еще в обители.

— Ты, это всегда была ты! — выдохнул Михель. — Ты столкнула меня с пути зла и

отправила в Орден.

Тивада кивнула.

— Ты долго не желал исправляться, а мне так не хотелось, чтобы ты достался марам. Орден оказался единственным выходом, чтобы ты не стал применять свои способности другим на погибель.

— Почему же ты не рассказала мне все в Бездне?

— Настоятель не просто так заставил тебя забыть мою роль в твоём обучении. Я боялась, что если ты узнаешь правду, то отвергнешь меня или еще хуже: вернешься на старый путь. Идем, если ты не хочешь навсегда остаться призраком, — поманила Хиенна.

— Но как же... там мои друзья, — сомнение и тревога отравляли счастье.

— Ты свою роль сыграл и больше ничем не сможешь им помочь, — успокоила его любимая. — Теперь все в руках гоблина.

Михель колебался только мгновение и шагнул вслед за девушкой. Он отправлялся туда, где никакие темные силы не имеют власти, а если и посмеют туда проникнуть, у него всегда найдется пара крепких мозолистых аргументов для встречи.

Огромный гоблин продолжал крушить. Камнеметы быстро превратились в щепки, и Гарб начал искать, на что бы еще выплеснуть не желавшую заканчиваться ненависть. Он остановился, обшаривая взглядом окрестности. Где-то недалеко сидит тот, кто попал в него стрелой.

— Гарб! Остановись, прошу тебя!

Гоблин оскалился при виде еще одного орка. От этого веяло опасностью, но дубина и его сокрушит. Дерево поднялось в замахе, но зеленокожий, словно танцуя, ушел от удара.

— Ты и меня убьешь после всего, что мы пережили вместе? — спросил орк.

Слова с трудом, но достигали затуманенного яростью разума. Воин выглядел знакомо.

— Агррх, — прорычал аватар. — Уходи, пока я еще могу сдерживаться. Нужно время.

Стрела впиалась на этот раз в левую руку. Орк схватился за голову и еле успел увернуться от очередного замаха, заодно погрозив мечом в сторону стрелка. Гоблин еще несколько раз безрезультатно махнул своим оружием. Затем он разверз под назойливым орком землю, и Агррх полетел в неглубокую яму, с ужасом понимая, что это конец.

— Да здравствует Сераспикс! — боевой клич секты почитателей Каввеля подоспел неожиданно вовремя.

Гарб оставил орка и повернулся к новой опасности.

Ему навстречу шел Каввель, поигрывая посохом. Настоящим. За спиной минотавра шли остатки культа свидетелей Аспикса. Позади толпы маячил Антонио, осторожно выглядывая из-за спин.

— Прости, друг, но ты сам говорил, что мне придется тебя образумить этой штукой, если ты будешь не в себе, — извинился минотавр. — Тут вдруг Бурбалка появился, и я решил не ждать там, а прийти сюда, раз уж он может порталы открывать.

Гоблин заревел и бросился на святотатца, посягнувшего на его сокровище.

Посох несколько раз скрестился со стволом. Дерево каждый раз меняло породу, превращаясь то в ясень, то в дуб, то в березу. Каввель, подбадриваемый криками сторонников, кружил вокруг противника. Гоблин был заметно выше и тяжелее, а его оружие длиннее, зато на стороне тауросу выступала скорость.

Пират трижды пытался дотянуться до головы аватара, но всякий раз терпел неудачу. В

очередной раз Каввелю показалось, что он нашел брешь в защите Гарба. Тауросу радостно взревел и поскользнулся на полоске льда, которую гоблин тайком наколдовал, улучив момент. Каввель грохнулся на землю. Толпа ахнула и зажмурилась.

— Гарб, прекрати!

Дубина взметнулась для удара, но зависла в дюйме от каштановых волос девушки в маскировочном наряде.

— Ты обещал, что не бросишь, а сам...

Губы побелели и дрожали от обиды, а колени подгибались от страха, но она все равно отважилась подойти так близко.

— Рати, беги! — раздался отчаянный вопль Аггрха.

Девушка не шелохнулась.

— Ты уже не тот странный парень, в которого я втюрилась, как дура, а бог, но в тебе должно было остаться что-то от него, — вновь заговорила хапуга. — Ты же хороший, добрый! Что с тобой стряслось?

Окровавленный ствол дерева полетел в сторону, а гоблин сел и обхватил голову руками. Затем вскочил и снова сел, давая себе одну пощечину за другой.

— Я знаю, ты меня не любишь, но есть же та, которая тебе была дороже меня. Подумай о ней, о своих друзьях. Мы все хотим, чтобы ты вернулся к нам.

Бог посмотрел на нее своими желтыми глазами и заплакал. Слезинки полетели на землю драгоценными камнями.

— Что я наделал? — спросил он и сам себе ответил. — Я перенес преступления немногих на всю расу. Так нельзя! Другие народы поступали так же по отношению к нам всю историю.

Осознание наконец пришло к нему в полной мере, и оно обжигало своей жестокостью.

Минотавр в короне спешно поднялся и остановился в нерешительности.

— Так тебя бить или уже не надо?

— Я еще не решил, — со вздохом сказал Гарб, вырывая из руки стрелу, — но посох пока отдай Аггрху. Я прошу всех отойти. Оставайтесь только Аггрх и Рати.

Каввель помог орку выбраться из ямы, отдал ему посох и увел за собой толпу в сторону крепости. Он решил, что это место идеально подойдет культу для нового дома. Немного уборки, и они смогут вполне сносно тут жить. Бурбалка по длинной дуге обогнул Гарба и побрел вслед за минотавром в надежде узнать последние новости.

Аггрх неуверенно обнял хапугу. Он слышал ее слова, и они ранили глубже, чем хотелось бы: ему она в любви не признавалась. Девушка сперва нервно повела плечом, стараясь не смотреть на орка, но затем на миг прикрыла веки и закуталась в объятия громилы, как заворачиваются в теплое и уютное одело. Посох в его руке как будто тоже обнимал и согревал одновременно.

— Наших богов больше нет, — сказал Гарб. — Остался только я.

Рати скорчила недовольную рожицу, мол, хорош заливать, но лик гоблина был убийственно серьезен.

— Верховных богов теперь, кажется, не осталось у большинства народов Лумей, и это плохая новость, — продолжил Гарб.

— Значит, я все-таки попаду к Лю, — с горечью прошептал орк.

— Первое, что я сделаю, когда ты вернешь мне посох, это изгоню его из твоей головы и жизни, — ворчливо сказал гоблин. — Ты попадешь в мое царство, потому что мой жрец не

должен попасть в другое место. Вот только миры старых богов для меня закрыты, а нового тоже пока нет.

— А ты не можешь создать себе новый посохом? — спросила Рати.

Бог посмотрел на нее округлившимися глазами. Такая мысль ему в голову не приходила, но выглядела вполне осуществимо.

— И тогда я стану равным Део, — задумчиво сказал он. — Если Минору не соврал, то он и хотел, чтобы я бросил вызов Творцу. Однако никто не властен над Его законами. До сих пор я не делал ничего такого, что могло бы их нарушить, но если попытаться, он пробудится, и тогда...

Повисла гнетущая тишина.

— Ты уже нарушил один из первых его запретов своим шущтештгованием, — из кустов неподалеку вышел темнокожий бард и направился к Гарбу.

Вот только голос принадлежал не ему. Немного сиплый, шепелявый и куда более низкий, чем у Адинука, бас подсказывал, что троу живет в своем теле не один.

— Бороды не хватает, — усмехнулся гоблин.

— Рашкушил ты меня, но я уже и не пряталша.

— Я надеюсь, ты потом его отпустишь, Хьялти, — сказал Гарб. — Я дружен с этим эльфом.

— Разумеетша, — кивнул бог дворфов. — Он хорошо меня машкировал вше эти годы и был лутшим верующим. Так вот, поздравляю с возвышением. Ты, наверное, знаешь, што Део запретил богам появлятьша в швом мире, но вше легко обходили запрет.

Гоблин по привычке почесал затылок, хотя потребности в этом больше никакой не ощущал.

— Аватары?

— Именно, — кивнул троу. — Или вот как я. Могу наутшить, ешли захотшешь. А вот ты не аватар, а бог во плоти, и ты здесь. Ешли он до сих пор тебя никак не оштановил, значит, вшо идет не только по нашему плану, но и по его воле. Хотя, шкорее, он как вшегда прошто дрыхнет и нитшего не видит.

— Вашему плану? — переспросил шаман.

— Разумеетша, — подтвердил Хьялти. — Мы ш Торгароном и Му-Кирином давно поняли, што кто-то ведет охоту на богов. Когда штало пропадать наши враги, мы радовалишь, а потом штало штрашно. А когда пропали мои братья, пришлошь прятатша.

— Это как-то связано с проклятием Каввеля? — уточнил гоблин.

Агрх настороженно смотрел на Адинука, с трудом веря, что все это время путешествовал бок о бок не с одним, а как минимум двумя богами. Рати просто прижималась к нему, заставляя отвлекаться. Она не понимала ни слова, потому что бессмертные говорили на своем языке. Орк же почему-то без труда вникал в беседу и старался запомнить каждую мелочь.

— Торгарон придумал, — кивнул Хьялти. — Шлишком много шмертных разотшаровалишь в богах. Говорили, што раз боги не говорят ш ними, знатшит, можно и не молитша. А тут еще оштроухие натшали в швоих академиях утшить, что нельзя полагатьша на богов, а нужно шамим покорять шилы природы. Деревяшки поганые. Дурной пример-то заразителен, и неверие штало рашползатша к гномам, а потом и к оштальным. А мы ш такими даже поговорить не можем. Вот рогатый и шказал, што надо попытатша шоздать нового бога как раз для них. Пушкой он бы ш ними говорил. Так хотели выпить два кубка

спразу: и разотшарованных бы пришпироили, и Део бы пробудили, шгобы он нашел тех, кто на наш охотитша. Мы знали, шго Минору шго-то ш тобой затевает и подброшили тебе Каввеля, шгобы ты за ним пришматривал, а он за тобой.

— Значит, культ Аспикса — ваше изобретение? — догадался Гарб.

— Шоздатель же отнял у наш возможношь иметь детей, — покачал головой дворф в теле троу. — Прошго родить бога шами мы бы не шмогли, а шмертный пророк проблему бы не решил. Пришлошь импровизировать. Пуштили шлух, что Ашпикш — новый бог, который принимает вшех отверженных, потому что шам штрадает от штарых богов. Шмертные шразу к нему и потянулишь. В нужное время прошел бы обряд, и ш нужным колитшеством верующих, Каввель бы штал богом. Кто же мог предвидеть, шго вы шумеете убежать ш Лумеи, потеряете время и ишпортите нам план?

Гарб задумался, и его высокий божественный лоб прорезали морщины.

— С этим понятно. А зачем понадобилась Могара?

— Ох, — махнул рукой дворф. — Это запашной план Му-Кирина и его неумная похоть. Он шказал, шго наказывать проклятием нужно за шго-то, а для этого нужно шнащала шоздать ушловия. Ну, и шоздал дотшку-крашавитшу, на которую не мог не покушитша Каввель. Главное было швешти их вмеште.

— Запасной план, конечно же, состоял в том, чтобы и Каввель и Могара родили божественное дитя? — неожиданно вклинился в разговор Аггрх. — Вдруг бы у двух полубогов получилось то, что не дано полноценным.

Гарб с улыбкой кивнул, подтверждая догадку. Хьялти же икнул от изумления.

— Кто тебе это поведал, шмертный? — набычился он, не веря в догадливость орка. — Может, ты еще знаешь, шго они двоюродные? Ты еще шкажи, шго знаешь, откуда у минотавра моя шекира? Я шам подарил!

— А они двоюродные? — в свою очередь удивились Аггрх с Гарбом.

— Каввель полутшаетша ее двоюродный дедушка по отшовшккой линии, — сказал Хьялти. — Торгарон ее папе приходитша дедом, ведь он из старших богов. Он и Каввеля вашего затшал литшно, но шпрошил разрешения у матери и предшказал ее шину большое будущее. У него талант к предшказаниям.

Аггрх прикрыл ладонью глаза.

— Так вот как это, оказывается, называется, — с сарказмом сказал он. — Представляю, как это выглядело. Привет, я твой бог. Пришел сделать тебе ребенка. Можно я уже это сделал? Интересно, а у нее вообще была возможность отказаться?

Известие о гибели двух богов, которым он только-только начал было поклоняться, несколько выбила орка из колеи. Друга же он пока не воспринимал как небожителя, поэтому такой беспечный рассказ о произволе, творимом чужими богами, возмутил его до глубины души. Подлили масла в огонь и паладинские замашки, которые он начал в себе развивать. Аггрх теперь твердо усвоил, что женщин обижать нельзя, а дворф говорит об этом так, будто боги с матерями своих детей всего лишь за ручку подержались. Орк представил себе добродушную мордашу матери Каввеля и плохо скрываемую грусть в ее коровьих глазах. Это еще больше распалило зеленокожего.

— Богам не нужно разрешение, шмертный, — прошамкал дворф. — Заруби себе на ношу. Торгарон и так оказал тшешть.

Хьялти насупился, орк обнял Рати одной рукой и крепче сжал посох другой. Гарб понял, что зеленокожий сильно рискует нарваться, и попытался разрядить обстановку.

— Давайте вернемся к сути, — дипломатично напомнил он о предмете разговора. — Ты ведь не просто поболтать вышел, Хьялти.

— Ах да, — сказал дворф. — У наш не полутшилошь с Каввелем, зато ешь ты. От Минору избавилишь, так што теперь дело за малым. Нужно разбудить Део. Ешь мышли, как это шделать?

— Ешь, — задумчиво сказал Гарб и, поймав обиженный взгляд дворфа, исправился. — Есть. Я только думаю, надо ли.

— Ешли знаешь как — дейштвуй, — сказал Златобородый. — Ты наш план ишпортил, тебе и рашхлебывать. Только шгарайша не шлишком прогневить Его, а то каждый раз, как он вмешивалша в наши дела, кого-то шильно проклинали. И вот еще што. Ешли не шправишша, мы тебя из-под земли доштанем.

Агрх и Гарб метнули на Хьялти одинаково нахмуренные взгляды, и тот вдруг заторопился.

— Вшо, мне пора, а то эльф оконтшательно тронетша. Надеюшь, еще увидимша.

Однажды Вседержитель решил прогуляться по Лумее в образе простого нищего и начал просить помощи и ночлега у смертных. Никто не хотел приютить его, и только один пьянчужка сжалился над убогим. И спросил Део у доброго лумейца, чего бы ему хотелось больше всего на свете, а тот пожелал, чтобы все на свете стали пьяными от вина, счастливыми и здоровыми. Решил Хозяин Света сначала исполнить первое желание смертного и сам опьянел. Когда Вседержитель проснулся утром с сильной головной болью, то проклял пьянчужку, вино и всех, кто его пьет. И не стал выполнять остальное. Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться.

Притча

Стояла теплая ласковая пора, именуемая в народе эльфийским летом. Удушающий зной самых жарких месяцев уже миновал, а осенние холода, приходящие с пронизывающими до костей северными ветрами и ливнями еще не дошли до этой местности.

Гоблин с друзьями расположился на холме и размышлял о смысле жизни и предстоящем деле. Позади беспечно шумел листвой и хвоей начинающий желтеть лес, а перед компаньонами простиралась длинная долина с многочисленными курганами.

Земляные насыпи, по большей части с развороченными верхушками, смотрелись с высоты разоренными муравейниками и вызывали у излишне чувствительного Адинука желание петь грустные песни. Нужды в сочинительстве больше не было, но привычка, выработанная за сотню лет, все еще напоминала о себе творческим зудом в пальцах и горле.

Компаньоны переговаривались между собой чуть позади Гарба и старались не мешать ему думать. Все понимали, что от него зависит их будущее, и согласились сопровождать нового бога, когда он позвал их с собой.

В принципе, гоблину не нужна была компания, но присутствие друзей напоминало, что стараться стоит не столько ради себя, сколько ради них. Он боялся утратить ту нить, которая связывала его со смертными, и способность понимать их чувства. Божественность накладывала свой отпечаток, и многое из того, что раньше казалось важным, сейчас отошло на второй план. Гарб совсем не чувствовал усталость, голод и холод, а пару раз ему приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что чувствительность еще не окончательно утрачена. Зато зрение и слух улучшились, и теперь он без труда мог разглядеть удивленные глаза белки, выглядывающей из дупла на противоположной стороне долины, и слышать шорох лапок ее бельчат.

— Ладно, — наконец сказал он, — я пошел.

Решимость Гарб обрел после беседы со своими воображаемыми личностями, к которым добавились Быр-Хапуг, Бирканитра и Михель. С Разрушителем пришлось долго спорить, но в конце концов его удалось урезонить с помощью сестры.

На совете постановили, что если уж злить Део, то нужно либо обзавестись могущественным союзником, либо хотя бы больше узнать о сути происходящего. Гоблин пришел к выводу, что в кургане все-таки сидит не Неган, хотя каким-то образом эта сущность с ним связана. С самим миром хаоса сделки заключать бессмысленно, ведь у него одна цель: уничтожить Лумею и все остальные творения Део. А вот здесь можно попробовать, хоть и боязно. В конце концов, там уже сгинуло много богов. Но именно это и дало гоблину надежду на осуществление его дерзкого замысла. К тому же он начал

догадываться, кого Создатель мог держать там в заточении.

— Ты уверен в том, что делаешь? — спросил Каввель.

— Вообще, не очень, — признался гоблин, — но что-то мне подсказывает, что другого пути нет. Просто спокойно жить ни мне, ни вам не дадут. Так что пожелайте мне удачи.

— Попутного ветра! — сказал за всех минотавр.

— Да, совсем забыл, — Гарб уже сделал было шаг к курганам, но остановился. — Я побывал на Мирасе. Там все в порядке. Твои родители живы и здоровы.

— Спасибо, — чуть склонил голову в короне Каввель.

Гарб медленно пошел вперед. Он мог бы просто переместиться к нужному кургану, но решил пойти, как ходят все лумейцы. Звук шлепающей по земле обуви тоже напоминал, каково это быть смертным. Самого ощущения ходьбы не было. Мышц как будто не стало, и бывший шаман с сожалением отметил, что не столько идет, сколько плывет или парит.

Сейчас он был больше богом, чем любой из аватаров, которым все же приходилось мириться со смертной оболочкой. И все же он отчаянно не хотел отдаляться от друзей. Он слишком долго был один. Если божественность в нем перевесит, он их потеряет и снова останется в одиночестве.

На этот раз гоблин вообще не видел и не чувствовал никаких преград, хотя смертные уверяли, что скелеты по-прежнему охраняют подступы к долине. В задумчивости он переставлял ноги и шаг за шагом приближался к цели.

Возле охраняемого периметра бог остановился. Мгновением спустя перед ним, загораживая проход, возник высокий рогатый силуэт.

— Му-Кирин или Торгарон? — поинтересовался гоблин.

— Второй, — зарычал минотавр и ударил себя кулаком в панцирь. — Здесь должна была быть наша боевая двойка, но твой человеческий приятель как-то сумел уделать моего непутевого внука на дуэли.

Ростом он превосходил Каввеля, но рядом с Гарбом смотрелся карликом. Гоблин заметил, что все-таки на этого тауросу пират походит внешне куда больше, чем на Турона. Такие же бледно-сапфировые глаза навывкате, мохнатые ноги прикрыты поножами, но шерсть определенно того же черного цвета. Как, впрочем, и грива на голове. Разве что руки еще толще и крепче, а в руках не секира, а глефа с длинным древком.

Острые оружия угрожающе уткнулось гоблину в живот.

— Знаю, зачем ты туда идешь. Не ходи. Мы хотим пробудить Отца, а не выпустить наружу чудовище!

— Я слышал, ты прорицатель, — прищурил желтые глаза Гарб. — Ты что-то знаешь? Или ты уже бывал внутри?

— Внутри не был, боязно, — ответил Торгарон, тряхнув гривой. — Пророчества — безделица. Это всего лишь выражение воли богов. События идут своим чередом, а мы, их направляем. Они вьются вокруг нужной точки, пока не созреют, как гнойник на плоти. Тогда они вырываются наружу для нужных смертных. Только это все для них и придумано. Богов пророчества не касаются.

— Даже пророчества о конце времен? — покачал головой Гарб. — Ну-ну. Откуда же ты тогда знаешь, что там, если сам не заходил?

Минотавр шумно вздохнул.

— Там поселилось что-то чужое и страшное, что охотится на богов. Давно наблюдаю. Всех туда манит, даже меня, сулит великую силу. Многие входили, но только двое вышли.

Бирканитра и ты. Та синяя тряпка, что на тебе, родом из этого логова, как и посох. И то, и другое — сущий кошмар для вселенной. Не ходи. Придумай другой способ разбудить Отца.

— Позвать сюда пуутов или, может быть, жажани? — усмехнулся Гарб. — Део сразу пробудится и создаст для меня отдельную Бездну. Или открыть Лумею для всех богов? Уверен, Всеотцу очень понравится эта идея. А уж смертным как понравится, что за этим последует. Какие способы знаешь ты? Уничтожить какой-нибудь мир со всеми обитателями? Создать новый? Я могу сделать все это, но гнев Део немедленно обрушится на меня, а я не желаю бросать ему вызов. Сюда же я уже входил и уверен, что смогу выйти еще раз.

— Этого я и боюсь, — топнул копытом тауросу. — Что еще ты вынесешь из этой пещеры чудес? Или с кем выйдешь?

— Так с этого нужно было начинать! — в светящихся золотом глазах Гарба появилась насмешка. — Зависть — плохое чувство, но я не думал, что она так сильно определяет поведение богов. А к ней в придачу трусость, злоба, жадность, мелочность, мстительность, гордыня и чувство вседозволенности. Чем больше я о вас узнаю, тем противнее становится. Раньше я думал, что боги хотя бы мудрые, но куда там.

Торгарон сузил глаза.

— Глупый выскочка! Думаешь, тебе повезло стать одним из нас, и теперь ты можешь меня безнаказанно оскорблять?

— О чем и речь, — спокойно заметил гоблин, легко отталкивая рукой лезвие глефы от живота. — Никто из вас не умеет признавать свои ошибки и только злится, если на них указать. Учитесь вы даже не пробуете. Зачем смертным мстительные боги, которые не умеют прощать?

Для минотавра это стало последней каплей. Он с ревом замахнулся оружием на Гарба, с грустной улыбкой смотрящего на ярость собеседника.

В последнюю секунду лезвие глефы отскочило от искрящегося лезвия лабриса.

— Не смей! — глаза подоспевшего Каввеля были черны от гнева.

— Это было не обязательно, но все равно спасибо, — поблагодарил друга гоблин, обходя сцепившихся отца и сына. — Он бы не смог мне навредить. У вас двоих наверняка найдется, о чем поговорить, а я пока пойду. Не поубивайте тут друг друга.

Минотавры, издавая рычащие звуки, принялись кружить, утапывая песок для поединка и цедя проклятия сквозь зубы.

Гоблин тем временем уже спускался по лестнице к знакомому склепу. За Каввеля он не переживал. Переживать стоило за Торгарона, потому что пирату пересказали содержание беседы с Хьялти, ничего не утаивая. В свете истории с проклятием негодование пиратского капитана не поддавалось описанию словами.

— Ты все-таки пришел, малыш, не побоялся, — поприветствовал его знакомый поток эмоций, — и так вырос, прямо загляденье. А я научилась совсем не кричать, как ты хотел.

Последняя фраза пришла с чувством радости и гордости.

Саркофаг и жертвенная чаша существенно не изменились. Разве что новой приманки здесь не было. Гоблин решил, что ничего удивительного в этом нет, ведь приманкой на этот раз служит сама обитательница склепа.

— Да, я пришел, — сказал Гарб. — Хочу точно знать, кто ты.

— Неужели еще не догадался? Я создала этот мир.

— Догадывался, но хотел убедиться. Все-таки ведь...

— Все знают, что Део убил Йени? — холодно переспросил поток эмоций. — Я одна из первичных стихий. Меня нельзя убить. Заточить, как оказалось, можно.

Бирканитра внутри Гарба едва не рванулась наружу, чтобы немедленно освободить пленницу. Он и сам едва сдержался.

— Что будет, если я смогу тебя выпустить?

— Я начну менять. Я существую для этого, для постоянных изменений.

— И тогда пробудится Део?

Ответом был смех, звонким колокольчиком прозвеневший в ушах.

— Разве он когда-нибудь спал? Он даже сейчас внимательно слушает наш разговор и следит за тобой.

Гарб похолодел. Одно неверное слово или действие могли вызвать печальный для него конец. Все это время. Стоило ли так беспечно и в открытую планировать нарушение запретов? Просчитать при этом последствия того или иного шага невозможно. Неужели нужно просто действовать, как подсказывает совесть?

Если Мать всего сущего опасна, а в этом нет сомнений, то ее освобождение и станет тем самым концом времен. Да, она, наверное, создаст новый мир или миры, но уничтоженным обитателям пока существующей вселенной от этого легче не будет. С другой стороны, Бирканитра и Михель внутри требовали немедленно исправить такую чудовищную несправедливость.

— Какое отношение ты имеешь к Негану? — вопрос был важным, и Гарб очень боялся ответа.

— Какое отношение семя имеет к дереву?

— Из семени вырастает новое дерево, — ответил гоблин.

— Или дерево дает новые семена, — сообщила со смехом Йени. — Вот тебе и ответ. Я конец и начало. Порождение и родитель. Наверное, тебе это пока сложно понять. Мы не единое целое, но не существуем друг без друга. Он первобытный хаос, а я перемены, которые он несет, которые сами рождают новый хаос. Он постоянно вьется вокруг этой тюрьмы, но не может попасть внутрь. Хочет слиться со мной, но не может приблизиться, потому что Део никогда не позволит.

— Да уж, — почесал подбородок Гарб. — У смертных как-то проще разобраться.

С минуту они оба молчали.

— Ты узнал, что хотел? — пришел вопрос.

— И да, и нет, — ответил бог, получив в ответ новую порцию смеха.

— Тогда решай быстрее, хочешь ли ты освободить меня.

Счетная машина в голове гоблина заработала на полную мощность, но постоянно пыталась выключиться из-за нехватки сведений. Перед глазами время от времени плыла какая-то синяя дымка, и Гарбу приходилось усилием воли, а то и божественным повелением, постоянно прогонять ее и возвращаться к размышлениям и вычислениям.

Все, кто отказался участвовать в ее освобождении, уже сгинули без следа, и только рисунки на алтаре служат им памятником. Вышли отсюда лишь двое и оба с дарами. Оба награждены за то, что отдали свою кровь добровольно или почти добровольно. Йени не Неган, но его порождение и в то же время его мать. А еще есть Део, который просто наблюдает.

Так. Нужно отталкиваться от этого. Если Део не вмешивается, значит, пока все в рамках

его воли. Он сам заточил жену в этом месте и запретил богам появляться на Лумее, чтобы они ее не освободили. Но он же не препятствует ее попыткам освободиться! Значит, не хочет, чтобы это сделали его дети, а она должна сама найти способ.

— Йени, — спросил Гарб. — Посох ведь на самом деле твое творение?

— Конечно. Он нужен для моей свободы.

Ага, значит, это и есть ее способ. Разумеется, Бирканитра не смогла бы самостоятельно сотворить что-то настолько сильное, чтобы менять реальность. А пришла она сюда по наущению Минору, который вступил в сделку с Неганом. И вот круг замкнулся. Посох здесь, нужное количество крови тоже. Если не хватит, так и быть, можно позаимствовать снаружи у Торгарона.

Будь Гарб собой прежним, он бы рискнул просто из любопытства. Сейчас же Разрушитель внутри требовал все тут немедленно разнести, Бирканитра — проявить сострадание, а Михель благоразумие. Это противоречие не могло разрешиться само собой. Требовалось что-то, чтобы склонить чашу весов сомнения в одну из сторон.

— Ты станешь моим супругом, — Йени решила прервать молчание. — Мы сотворим новый мир вместе и не допустим старых ошибок. Все будет правильно на этот раз.

— М-м-м, — поморщился Гарб. — Вынужден отказаться. У меня уже есть избранница.

— Ты меня отвергаешь? Тогда зачем ты здесь?

— Ну, — протянул гоблин. — Это сложно объяснить. Держи пока вот это. Надеюсь, хватит.

С этими словами он извлек из сумки пузырьки с черной кровью Каввеля, Могары, покойного Михеля, Агрха, Рати, Адинука, Милены и Тыри. Один за другим он выливал их содержимое в алтарную чашу, внимательно следя за результатом.

— О-о-о! — не сдержала радости Йени. — Какая интересная смесь. Сильная! Да, этого хватит! Теперь быстро используй посох, пока действие не прошло! Я уже чувствую, как слабеют оковы.

Где-то снаружи начал трещать по швам мир. По крайней мере, земляной потолок вздрогнул и местами осыпался. Незримое присутствие Йени стало почти ощутимым на уровне прикосновения.

Гарб почувствовал, как волосы зашевелились от ужаса: слишком близко к краю пропасти. У Вседержителя наверняка были веские причины не выпускать пленницу, и если даже ее близящееся освобождение не убедит Его снизить до разговора, то тогда только начало разрушения Лумей сможет.

Расчет сработал.

— Зачем?

Даже не голос, а мягкий вибрирующий звук, дарующий невероятное тепло и спокойствие, проник в мельчайшую частичку существа гоблина.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы помирились, — ответил Гарб. — Из-за вашей ссоры страдают все.

Гоблину показалась, что мир вокруг в этот момент печально улыбнулся. Внутри же склепа Йени оглушительно расхохоталась злым и нервным смехом.

— Я могу сделать что угодно, но не вернуть чужие чувства.

— В своих бы сначала разобрался!

Всемасть выражалась чистыми эмоциями без слов, и сейчас они хлестали через край. Накопилось за тысячелетия. Она даже не пыталась обидеть, но каждая ее горькая мысль

упреком была наотмашь прямо по разуму.

— Не слушай ее, малыш, — ласково произнес Вседержитель. — Я знаю, что ты хочешь свое царство. Оно у тебя будет. Только сейчас не снимай оковы, а укрепи. Она не в себе и не понимает, что может навредить. Ее просто нельзя выпускать. Я могу все сделать сам, но тогда она еще больше будет меня ненавидеть.

— Не слушай его! — пришло от Йени. — Он дарует тебе царство, а потом отнимет, когда передумает или ты прогневишь его. Я томлюсь здесь уже миллион лет и дам тебе гораздо больше за свободу!

— Всеотец, — сказал гоблин, — не знаю, будет ли у меня шанс спросить потом, поэтому спрошу сейчас. Что такое душа?

Део ответил не сразу.

— Мои внуки очень хотели детей, но я запретил богам плодить других богов. Тогда они создали смертных. Но в сотворенных куклах не было разума, и я вдохнул его в них. Каждая душа когда-то была частью меня, но стала отдельным существом в смертной оболочке.

— Спасибо, — улыбнулся Гарб. — Теперь мне легче будет принять решение.

Гоблин постарался закрыть разум, чтобы никто случайно не смог подслушать его мысли.

«Итак, Део не стал мне вредить и фактически предлагает взятку. Неужели всемогущий на самом деле не имеет здесь власти или просто пытается договориться по-хорошему? Или это он так понимает суть свободы воли? Минутку... Вот оно что! Део перестал быть всемогущим, когда его дети, а за ними и смертные получили этот дар! Высший дар, который одновременно ограничивает Его! Впрочем, это совсем не важно. Главное, что они сейчас рядом. Хватит ли задуманного для их примирения?»

Гарб больше не колебался. До сих пор было заготовлено два варианта, но теперь он точно знал, что освободить Йени самому нельзя.

Гоблин прикрыл веки, собираясь с силами, и тяжело опустил посох на землю. Только бы получилось!

Собирать правильные молитвы для Гобмобоба пришлось долго, но оно того стоило. Тысячи диких племен гобхатов с радостью приняли нового бога, хотя далеко не сразу взяли в толк его учение. Им месяцами пришлось объяснять, что злоба, ненависть и жестокость — это плохо, а любовь — хорошо. «Я есть любовь», — говорил он им, а они наконец поверили и смогли полюбить. Пришлось поверить и самому, и теперь любви в нем столько, что хватит на всех.

Бирканитра внутри бесконечно радовалась. Гарб открыл разум и выдохнул в окружающее пространство с помощью посоха самое чистое чувство, на которое оказался способен. Для верности он прошептал имя девочки, сумевшей растопить его сердце своей искренностью и преданностью.

Истинная любовь учит прощению, и Они простили, когда маленький гоблин напомнил, что Они всегда любили друг друга, только забыли об этом. И тогда оковы пали сами.

Гобмобом сделался неосязаемым, прощально хрустнул и растворился в воздухе, оставив после себя только невесомую дымку. Посох выполнил свое предназначение. Не так, как задумала его создательница, но так, как всегда хотела первая владелица.

Всегда найдутся недовольные.

Конец времен все же наступил. Прежних времен. Тех, когда боги видели в смертных только игрушки и солдатиков, а жажани и пууты источник силы и орудия мести.

Когда Создатели наконец простили друг друга и воссоединились, пришла пора перемен.

— Эй! Это блюдо несите вон за тот стол! — повелела покровительница домашнего очага.

Крылатые слуги, набранные из тех духов, что раньше обитали в Шеоле, еле слышно шурша перьями, послушно упорхнули в указанном направлении.

— Опять хлопчешь, любовь моя? — Гарб мягко обнял ее за плечи и нежно поцеловал в шею. — Какой повод на этот раз?

Ништа-Верность сладко потянулась, наслаждаясь моментом, а затем смешно наморщила носик, прежде чем ответить.

— Твоя рассеянность меня иногда пугает, Многоликий, — вздохнула она. — Ты же сам пригласил гостей на юбилей.

— Прости, — смутился гоблин. — Так много работы, что я иногда в ней утопаю.

— Ты себя совсем не бережешь, милый, — покачала она головой, аккуратно высвободилась из объятий и убежала контролировать прислугу.

Имя после обретения божественности пришлось сменить. Тыря или Крохотыря плохо подходили к той роли, которую она для себя выбрала. Зато Гарб наотрез отказался что-то менять в этом отношении.

— Мое имя должно напоминать, до чего довело народ гобхатов безбожие, но больше никто не должен зваться подобным образом.

Большая часть имен гоблинов на протяжении тысяч лет была неразрывно связана с грязью, мусором или какими-нибудь пороками. Как будто мало оказалось травли, устроенной другими расами, и они решили сами себя унизить еще больше. Теперь все изменилось.

А вот от прозвища Гарб не отказался. Оно как нельзя лучше отражало всю суть его теперешних занятий. Многоликий стал покровителем сразу нескольких сфер в полном соответствии с теми искрами, которые ему достались от других богов. Пускай наследие Разрушителя немного тяготило, Гарб сумел придать этому опасному домену новую форму, не поощряя более в своих почитателях бессмысленное уничтожение всего и вся.

Гости начали прибывать, и гоблин поспешил им навстречу.

— Приветствую покровителя искусств и его очаровательную спутницу в моих владениях! — игриво сказал он. — Споешь сегодня?

— Как был занудой, так и остался, — Адинук старательно делал вид, что обиделся на такую официальную встречу, но его искрящиеся весельем глаза портили всю игру. — Почему меня всегда просят спеть? Тебе напомнить, что искусства бывают еще и боевыми? Может, я бы хотел драку затеять. Милена не даст соврать.

Сама покровительница войны и ткачества только щелкнула зубами по старой привычке.

— Не слушай его, Гарб, он перед отъездом успел нахлебаться каких-то своих зелий. Все никак не наэкспериментируется.

Затем она наклонилась к мужу и шепнула ему в длинное ухо.

— Не позорь меня, Черно-Белый, или дома ты у меня не так запоешь.

Адинук немедленно поджал длинные уши, втянул шею в плечи и с видом нашкодившего щенка потопал вместе с супругой к столам, где их уже радостно встречала Ништа.

Следом прибыла еще одна чета: бог морей и мореходства с непрременной золотой короной на голове и богиней рыболовства под ручку. Секиру пришлось вернуть хозяину, и минотавр теперь всюду ходил с золотым трезубцем.

— Здорова, старый пройдоха! — Каввель как обычно был шумным и даже в гостях считал себя хозяином, поэтому заговорил первым. — Как успехи? Многих уже научил любить?

— Привет! — помахала ручкой Могара.

— Привет и вам. Многих, но далеко не всех, — вздохнул Гарб. — Работы очень много.

— Ну, мы пошли, за столом сядем борт о борт, — подмигнул тауросу. — Расскажешь. Да, Торгарон все еще дуется за взбучку, поэтому мы без него.

Гоблин с улыбкой проводил взглядом эту парочку и повернулся к следующей.

— О, вы с ребенком!

— Я не ребенок! — надулась вполне взрослая обладательница нежно-оливковой кожи и топнула ногой.

— Азбаги! — с укоризной воскликнула Рати. — Как ты себя ведешь?

— Он первый начал! — не сдалась красотка в довольно откровенной серебристой тунике, расшитой изображениями пятилистных клеверов.

Стоящий чуть позади Аггрх умиленно оскалился и подмигнул Гарбу.

— Богине удачи пока не даровали царство, вот она и нервничает, — сказал он. — Део считает, что она еще слишком капризная, чтобы можно было верить ей чьи-то судьбы.

— Вы все скучные! Пойду лучше к Рэксу! Он ведь где-то там, слуг погоняет вместе с Кураком? — надула губы Азбаги и вприпрыжку побежала к столам.

— Не смей опять доставать брата! — встревоженно закричал Аггрх и бросился вдогонку, пробормотав извинения.

За подобными словами всегда следовала какая-нибудь проказа, а Рэкс до сих пор отличался излишней чувствительностью. Орки его за это еще при жизни прозвали Плаксой. По этой причине он и выбрал царство Гарба, не став жить у отца. Сестра не давала ему покоя ни на секунду.

— Она еще и покровительница шалостей, — улыбнулась Рати. — Мне кажется, она так никогда и не повзрослеет.

— Как ваши домены? — сухо осведомился Гарб, чтобы как-то поддержать разговор.

Рядом с богиней скрытности и воровства он чувствовал себя неловко и всегда старался спрятать это за маской холодного безразличия. Получалось плохо.

Рати воровато огляделась и страстно впиалась ему в губы, пока никто не видит и пока он не успел оттолкнуть. Через мгновение богиня как ни в чем ни бывало уже стояла чуть поодаль.

— У нас все хорошо. Аггрх все так же занимается своим просвещением и с переменным успехом борется с рабством и несправедливостью, я помогаю.

— Я тоже помогаю, — смущенно сказал гоблин. — Ты не боишься сцены ревности?

— От Аггрха или от твоей девчонки? — с нескрываемой тоской в голосе ответила Рати. — Зачем ты вернул мне отобранную надежду? Кто тебя просил? Я смирилась, что ты бог, а я смертная, но тебе нужно было выпросить у Йени всех нас сделать богами. Мало того,

ты еще себе и домен подходящий выбрал! Бог любви, чтоб тебя. Звучит как издевка для покровительницы запретных удовольствий.

Гарб немного опешил от такого напора.

— Слушай, Део вообще хотел всех сделать смертными, объединить в один народ и полностью лишит магии. Он всех людьми хотел сделать, чтобы не отличались друг от друга! Мы с Йени его еле отговорили, хотя он все равно склоняется к этой мысли. Давай ты не будешь усложнять, ладно? Я всех люблю, но... конечно, это не совсем то, на что ты рассчитываешь.

— Я знаю, — сказала Рати, — но я не зря выбрала надежду как часть домена.

С этими словами она удалилась к столам с высоко поднятой головой, нацепив маску радушия специально для Ништы.

Гоблин покачал головой, пожалев, что просто не в состоянии дать то, чего она так страстно желает.

Последняя пара гостей почему-то задерживалась. Возможно потому, что они не боги. Йени сказала, что лучше не менять их природу, ведь они и так бессмертны и счастливы.

Наконец открылся портал и выплюнул наружу черноволосого человека в сером бесформенном, но чистом и опрятном балахоне и даму с белыми крыльями в роскошном, расшитом золотом и изумрудами одеянии. Эти двое рядом смотрелись полными противоположностями, но в то же время казались невероятно одинаковыми. Словно две половинки одного целого.

— Здравствуй, друг, — склонил голову Михель, молитвенно складывая руки.

— Ты еще ниц упади, — фыркнул гоблин и осторожно обнял человека, чтобы случайно не раздавать.

Это была их первая встреча со смерти монаха, и оба ждали ее с настороженностью. Все оказалось не так плохо для обоих. Гарб собирался позже сказать Михелю много слов благодарности, но это можно и отложить.

— Привет! — шевельнула крылом в знак приветствия Хиенна. — Все в сборе?

— Антонио не придет, — сказал Гарб. — Он сказал, что ему смертному будет слишком страшно среди такого количества богов. Хотя мне кажется, он просто все еще любит твою сестру, а ты на нее слишком похожа. Он сразу спросил, будешь ли ты, и сразу отказался приходить, как узнал.

— Что ж, это его выбор, — кивнула тивада. — Мы рискнули пригласить с собой еще одного гостя.

— Мы не уверены, что ты ему обрадуешься, но это серьезный шанс на примирение, — добавил Михель.

— Кто же это? — спросил Гарб.

Вместо ответа за спинами гостей открылся багровый портал, из которого вышел жахани. На сей раз он не рискнул имитировать чью-то внешность и выглядел стереотипным дьяволом: краснокожим, рогатым и с копытами. В целом он явно ощущал неловкость и чуть подрагивал от напряжения.

— Что ж, прошу всех к столу, — гоблин махнул одной из своих четырех рук в направлении пиршественной.

Большой Лю очевидно обрадовался, что его не прогоняют и пошел за всеми, громко топая копытами. На задумчивом лице жахани играла счастливая улыбка.

«Как все-таки хорошо, что я их у себя тогда не прихлопнул», — подумал он.

— Спасибо, — передал ему мысль Гарб, заставив дьявола вздрогнуть. — Не все тебе других пугать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net